Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Факультет гуманитарного знания и коммуникаций

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных статей

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2025

УДК 81’373.2(045)
ББК 81.053.16я43
Р32

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 26.02.2025.

Составители: **Т.П. Слесарева** (отв. ред.), **А.А. Гладкова, Н.В. Гудкова**

Р е ц е н з е н т :
первый проректор государственного учреждения дополнительного образования взрослых «Витебский областной институт развития образования», кандидат филологических наук, доцент *А.Н. Деревяго*

Р32 **Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования :** сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: Т.П. Слесарева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2025. – 340 с.
ISBN 978-985-30-0241-6.

В сборнике научных статей рассматривается широкий спектр вопросов по проблемам региональной ономастики.

Издание адресовано научным сотрудникам, аспирантам, студентам, всем тем, кто интересуется проблемами ономастики.

УДК 81’373.2(045)
ББК 81.053.16я43

ISBN 978-985-30-0241-6

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2025

О.Ю. Авдевнина, Д.А. Эржибова
Саратовская государственная юридическая академия
e-mail: olga.rosauz@gmail.com
e-mail: erzhibova2003@mail.ru

УДК 81’272

ЛИНГВОПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СЛОВЕСНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Ключевые слова: *товарный знак, прагматоним, регистрация наименования, Роспатент, лингвоправовой анализ, лингвистическая экспертиза наименований, коннотация наименования.*

В статье предложен взгляд на наименования товарных знаков сквозь призму правовых предписаний по их созданию и регистрации. Такой анализ предполагает использование как лингвистических, так и правоведческих исследовательских подходов. Правовой аспект данного исследования основан на анализе законодательства, регламентирующего создание, регистрацию и функционирование словесных обозначений товаров, и включает краткий обзор судебной практики по спорам в сфере регистрации товарных знаков. Лингвистический подход реализуется в осмыслении языковых аспектов правовых предписаний и анализе лингвостилистического характера зафиксированных в судебных решениях неудачных наименований товарных знаков.

O.Yu. Avdevnina, D.A. Erjibova
Saratov State Law Academy

LINGUISTIC AND LEGAL ANALYSIS OF TRADEMARK NAMES

Key words: *trademark, pragmatonym, name registration, Rospatent, linguistic and legal analysis, linguistic examination of names, name connotation.*

The article offers a look at trademark names through the prism of legal regulations for their creation and registration. Such an analysis involves the use of both linguistic and legal research approaches. The legal aspect of this study is based on an analysis of the legislation governing the creation, registration and functioning of verbal designations of goods, and includes a brief overview of judicial practice on trademark registration. The linguistic approach is implemented in understanding the linguistic aspects of legal regulations and analyzing the linguistic and stylistic nature jf unsuccessful examples of the creation of trademark names.

Ключевое для данного исследования понятие *товарный знак* является понятием правовым и определяется в законе «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» как «словесное, изобразительное, объемное и другое обозначение или их комбинация, служащие для индивидуализации товаров» [4].

С точки зрения лингвистики словесные обозначения товарных знаков (индивидуальные наименования товара) являются именами собственными. Признаками их отнесенности к ономасиологическим единицам можно считать их функцию индивидуализации и различения марок, сортов, видов одного и того же продукта или изделия, выполняемых работ или оказываемых услуг, традицию их написания в кавычках[1] и с прописной буквы, например: автомобиль «Лада-Приора», колбаса «Докторская», кофе «Коломбо», порошок «Персил» и т.п.

В лингвистике такие лексические единицы получили терминологическое обозначение *прагматонимы* или *прагмонимы*, составляющие, по признанию исследователей, периферию ономастикона русского языка. Как единицы номинации, они изучаются в науке довольно давно и широко, прежде всего, в аспекте их участия в процессе номинации предметов, поиска семантических оснований и закономерностей использования лексических единиц в функции наименования товаров, а также в аспекте выявления системной организации совокупности прагматонимов одного языка (обзор традиции их исследования см. [5; 7; 10; 11]).

В последние десятилетия эти направления дополнились лингвокультурологическими и компаративистскими исследованиями: анализом отражения в системе собственных наименований и, в частности, прагматонимах, национальной языковой картины мира и разноаспектным сравнением прагматонимических систем разных языков.

Лингвоправовой подход, заявленный в нашей работе, обусловлен актуальностью для нашей современности правового регулирования создания и регистрации товарных знаков, так называемой «коммерческой номинации» [5; 7], и во многом соотносится с такой парадигмой их изучения, как лингвомаркетология, – концепцией Н.Д. Голева, рассматривающей язык как «участника товарно-денежных отношений, выступающего как товар» [2, с. 75], что приводит к коммерциализации и следующей за ней юридизации языка в сфере товарооборота: «Свойства языка и его элементов создают им стоимость, позволяют им быть продаваемыми и покупаемыми, становиться собственностью и объектом правового регулирования» [Там же].

Лингвоправовой подход предполагает анализ языковой единицы в направлении не от семантики языка к его прагматике, социальной функции

---

[1] Правилами орфографии допускается написание без кавычек для названий на латинице (автомобиль Lada, кофе Jardin, порошок Losk) и аббревиатурных обозначений (ЗИЛ, ВАЗ, УАЗ): [8]; [9, с. 165–166].

и т.п., а наоборот – от прагматики (коммерческой функции, правовой регламентации) к языковой, семантической характеристике использованных в них языковых единиц, тех их языковых признаков, которые регламентированы законодательством и становятся предметом правового регулирования использования товарного знака. Такой подход востребован в лингвистической экспертизе товарных знаков, поэтому активно рассматривается в научных работах, посвященных теории и практике лингвистической экспертизы, например [1; 6].

Словесные обозначения являются составной частью товарного знака, наряду со знаками изобразительными и т.п. (см. выше), и именно они в первую очередь регламентируются и оцениваются при государственной регистрации товарных знаков. Так, закон «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (статьи 6, 7) [4] накладывает ограничения и даже запреты содержательно-смыслового характера на регистрацию в качестве товарных знаков слов или словесных обозначений, если они:

1) вошли во всеобщее употребление для обозначения товаров определенного вида и не обладают различительной способностью, не выполняют индивидуализирующей функции [Там же] (например: сорт колбасы не может называться «Колбаса», шоколад – «Шоколад» и т.п.[2]);

2) являются «общепринятыми символами и терминами» [Там же] (т.е. кофе не должно называться *эспрессо, американо, латте* и т.п., поскольку это общепринятые термины, обозначающие способы, рецепты приготовления кофе);

3) характеризуют товары, «указывая на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, время, место и способ их производства или сбыта» [Там же] (например, колбаса «Продукт», «Для еды», «Дешевая», «Мясная» и т.п.);

4) представляют собой «форму товаров, которая определяется исключительно или главным образом свойством либо назначением товаров» [Там же] (предположим, что под формой здесь имеются в виду такие характеристики, как *замороженный, молочный продукт, нарезной, охлажденный, сырный продукт, слабосоленый* и т.п., которые не могут использоваться в качестве имени собственного; см. некорректность названий: карп «Замороженный», молоко «Молочный продукт» и т.п.);

5) являются «ложными или способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара или его изготовителя» [Там же] (примеры ниже);

6) противоречат «общественным интересам и принципам гуманности и морали» [Там же] (примеры ниже).

[2] Примеры наши: О.А., Д.Э.

В качестве дополнительных оговариваются и другие запреты и ограничения, касающиеся в том числе, например, использования в обозначении товарных знаков личных имен и фамилий, названий произведений искусства и т.п.

В законе уточняется, что «указанные элементы могут быть включены в товарный знак как неохраняемые элементы, если они не занимают в нем доминирующего положения» [Там же]. Это примечание относится не только к языковой составляющей товарного знака, но и изобразительным элементам (цвету, рисунку, изобразительным символам). В законе сказано, что «указанные элементы могут быть включены в товарный знак как неохраняемые элементы, если они не занимают в нем доминирующего положения» [Там же].

При этом «доминирующее положение» исследователями товарных знаков признается, прежде всего, за вербальной частью товарного знака, которые составляют 80% от всех существующих товарных знаков [3, с. 204]. Поэтому примечание закона о неравноправии элементов товарных знаков можно отнести и к составным частям многословных наименований, и в этом смысле данное правовое предписание носит, безусловно, языковой характер.

Это особенно важно для практики лингвистической экспертизы по вопросам установления сходства (до степени смешения) или тождества разных товарных знаков в практике патентного права. На этом основании в теории лингвистической экспертизы обсуждается вопрос об учете таких лингвистических параметров и феноменов, как паронимия, коммуникативная и ассоциативная характеристика названий, графическое (буквенное) их оформление и т.п. [3], вопрос о необходимости выделения «сильных» в плане выполнения суггестивной функции элементов названия товарного знака [6].

На основании законодательных предписаний по созданию и регистрации товарных знаков можно выделить два основных направления их регламентации: во-первых, регламентация с точки зрения выбора лексических единиц для создания наименования товарного знака; во-вторых, предписания и запреты в сфере функционирования уже созданных наименований в рекламе, товарообороте, регистрации товаров и услуг и т.п.

Оба направления требуют внимания к лингвистической характеристике словесного обозначения: первое – к семантике, стилистической и лингвокультурной маркированности слов; второе – к прагматике названия, его месте в ономастиконе языка, закрепленности в культуре, языковой картине мира и т.п.

Придерживаясь намеченного лингвоправового подхода, мы проанализировали материалы судебной практики по оспариванию решений Роспатента[3] об отказе в регистрации таких товарных знаков, как: алкогольные напитки «В кругу семьи»; кофе ROSSIANO / Russiano / «Россиано» /

[3] Федеральная служба по интеллектуальной собственности (далее Роспатент).

«Руссиано; водка Left / «Левая»; пивные и алкогольные напитки «Рецепт доктора»; организация по оказанию юридических услуг «Милиция»; вино Saint Vincent («Святой Винцент», Святой Викентий); пищевая продукция из конопли HEMPI (конопля, волокна конопли, пенька) и т.д.

Рассмотренные нами судебные споры позволили установить, что наиболее актуальными для присвоения товарного знака законодательными предписаниями являются ограничения на основании несоответствия поданного на регистрацию наименования «общественным интересам и принципам гуманности и морали» [4].

Так, на этом основании суд согласился с решением Роспатента об отказе в регистрации названия «В кругу семьи» в качестве товарного знака алкогольной продукции. Как было сказано в решении суда[4], словосочетание *в кругу семьи* означает: быть, находиться в какой-либо среде, в обществе людей, объединенных общими взглядами и интересами (по метафорическому значению слова *круг*), в группе людей, состоящей из родителей, детей, внуков и ближайших родственников, связанных взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью (по значению слова *семья*). Значение этого словосочетания – указывает суд – следует рассматривать в аспекте предназначения тех товаров, для индивидуализации которых оно испрашивается – в данном случае это алкогольные напитки. Смысловое восприятие такого обозначения такого товара противоречит общественным интересам и нормам гуманности и морали. Поэтому суд согласился с отказом в регистрации этого названия.

С точки зрения анализа закономерностей процесса номинации предметов, здесь возникает вопрос о выборе производителем – носителем русского языка – именно этого устойчивого словосочетания для обозначения своей продукции. По-видимому, суггестивная функция, функция воздействия на покупателя, свойственная любым товарным знакам, осознавалась производителем в качестве главной, по сравнению, например, с функцией информативной (информацией о товаре). В мотивации выбора такого названия для алкогольной продукции заложены, возможно, культурологические стереотипы о традиционности совместного распития алкоголя в группе близких людей, якобы, присущие русскому национальному менталитету. Но при этом видно и стремление актуализировать позитивные коннотации самого словосочетания *в кругу семьи*, поскольку само понятие *семья* остается общепризнанной морально-нравственной ценностью.

На этом же основании – по признаку несоответствия названия с позитивной коннотацией и ассоциативно маркированным содержанием предназначению товара – было принято судебное решение, подтверждающее отказ Роспатента в регистрации в качестве названия алкогольной продукции словосочетания «Рецепт доктора».

[4] Здесь и далее приведенные примеры из СПС Консультант Плюс.

Примечательно, что, согласно лингвистической экспертизе, «сильным» семантическим элементом в данном названии выступила сема ʼпользаʼ, выделенная экспертами и в слове *рецепт* (семы ʼлекарствоʼ, ʼлечениеʼ, ʼпомощьʼ, ʼруководство, совет, как действоватьʼ), и в слове *доктор* (семы ʼврачʼ, ʼзнающий человекʼ). Было признано. Что предлагаемый товар вступает в противоречие с ассоциациями, обусловленными этими компонентами значения.

Интересно, что в качестве доводов за регистрацию этого названия алкогольной продукции производитель выдвигал другое толкование значений данных слов: по его мнению, ассоциации с лекарством и лечением заставят потребителей проявлять внимание к употреблению алкоголя и задуматься о количестве выпитого, последствиях передозировки, самой необходимости покупки такого товара, а ассоциация с неприятным вкусом лекарств не будет способствовать тяге к покупке алкогольных напитков. Такое толкование по меньшей мере странно, так как противоречит главной функции товарного знака – рекламе, задаче привлечения внимания потребителей к товару с целью продать товар, что является основой товарооборота. Давать такое название, которое ограничит его продажу, не соответствует законам рынка.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что несоответствие названия нормам морали и общественным интересам чаще всего опосредовано характером товара: в приведенных примерах это вредная и даже опасная для здоровья продукция – алкоголь.

Другое направление несоответствия может быть связано с самим наименованием, если для этого выбираются двусмысленные понятия. Например, название водки LEFT (в переводе «Левая») было признано судом ложным, вводящим в заблуждение, противоречащим общественным интересам, несмотря на то что использовано иноязычное английское слово, не имеющее в английском языке такого отрицательного значения, как в русском языке: *левый* – значит, сомнительного происхождения или качества. Ситуация выбора для обозначения товарного знака иноязычного слова без соотнесения его звучания или перевода со звучанием или значением русскоязычного эквивалента тоже достаточно часто приводит к неудачам в процессе номинации товара.

Таким образом, ограничения, которые накладывает закон на создание и регистрацию словесных обозначений товарных знаков, позволяет обратить внимание, во-первых, на соотношение коннотации наименования, заложенного в нем культурного кода с параметрами денотата, называемого предмета, прежде всего, предназначением товара. Их несоответствие фиксируется по линии столкновения положительных значений и ассоциаций, заложенных в наименовании, с отрицательными ассоциациями, вызываемыми денотатом – именуемым товаром.

Во-вторых, законодательные ограничения высвечивают актуальность для номинации товара всей совокупности функций товарного знака – не только тех, что обусловлены задачами коммерческой сферы: индивидуализирующей, рекламной, информирующей функций и т.п., но и тех, которые порождаются самой словесной природой наименования, его включенностью в лексическую систему, ономастикон, стилистику языка, языковую картину мира и т.п. Эти правовые предписания оказываются важными как для регистрации товарного знака, так и для вхождения наименования в сферу словесной культуры.

Литература

1. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / Баранов Анатолий Николаевич. – М.: Флинта, 2007. – 592 с.

2. Голев, Н.Д., Яковлева, О.Е. Язык как собственность (к основаниям лингвомаркетологической концепции языка) / Голев Николай Данилович, Яковлева Ольга Евгеньевна – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-sobstvennost-k-osnovaniyam-lingvomarketologicheskoy-kontseptsii-yazyka-1/viewer (дата обращения: 05.04.2025).

3. Доронина, С.В. «Сходство до степени смешения»: лингвистический аспект / С.В. Доронина // Юрислингвистика. – 2016. – № 5(16). – С. 200 – 210.

4. Закон РФ от 23.09.1992 №3520-1 (ред. от 11.12.2002, с изм. от 24.12. 2002) «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // КонсультантПлюс, 1992–2014. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_ 39999/1992-2014 (дата обращения: 05.04.2025).

5. Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19 / Крюкова Ирина Васильевна; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 42 с.

6. Новичихина, М.Е. Лингвистическая экспертиза товарного знака: критерии выделения сильных элементов составного обозначения / М.Е. Новичихина // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. – 2022. – Т. 21. – № 4. С. 133 – 141. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-ekspertiza-tovarnogo-znaka-kriterii-vydeleniya-silnyh-elementov-sostavnogo-oboznacheniya/viewer (дата обращения: 05.04.2025).

7. Новичихина, М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Новичихина Марина Евгеньевна; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2004. – 40 с.

8. Письмовник / Грамота. – URL: https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/pismovnik/kak-pravilno-upotreblyat-kavychki-v-sobstvennykh-naimenovaniyakh (дата обращения: 10.04.2025)

9. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 423 с.

10. Файзуллина, И.И. Ономастическое поле прагматонимов современного русского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Файзуллина Ильсюар Ильгизовна; Башкирский гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2009. – 26 с.

11. Яковлева, О.Е. Прагматонимы в системе собственных имен: семантика, функции, национально-культурная специфика / Яковлева Ольга Евгеньевна – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatonimy-v-sisteme-sobstvennyh-imen-semantika-funktsii-natsionalno-kulturnaya-spetsifika/viewer (дата обращения: 05.04.2025).

В.Ю. Бароўка
e-mail: dvkessibar@mail.ru

УДК 821.161.3-2.091: 811.161. 3’373.23

АНТРАПОНІМЫ Ў АПОВЕСЦІ “БУЛЬБА” І. НАВУМЕНКІ: СЕМАНТЫКА-АКСІЯЛАГІЧНЫ ПЛАН

Ключавыя словы: *антрапонім, прэцэдэнтнае імя, аксіясфера, каштоўнасныя арыенціры асобы, персанаж, семантыка, стыль.*

У артыкуле шляхам спалучэння прыёмаў канкрэтна-гістарычнага, фенаменалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў выяўляецца роля антрапонімаў у аповесці І. Навуменкі “Бульба”. Сцвярджаецца, што імёны некаторых персанажаў ускосна характарызуюць час дзеяння, прозвішчы – падкрэсліваюць пэўныя рысы характару і паводзін, дысананс імя і прозвішча галоўнага героя – яго неардынарнасць. Прэцэдэнтныя імёны са сферы літаратуры ўведзены дзеля тыпізацыі абставін, эксплікацыі духоўнага свету персанажаў, акцэнтавання дыялагічнасці літаратурнай класікі.

V.Yu. Barouka

ANTHROPONYMS IN I. NAVUMENKO'S STORY “POTATO”: SEMANTICS-SOCIAL PLAN

Key words: *anthroponym, a precedent name, axiosphere, value orientations, character, semantics, style.*

In the article by combining techniques of specific-historical, phenomenological and descriptive methods, the role of anthroponyms in the story of I. Navumenko "Potato" is revealed. It is claimed that the names of some characters indirectly characterize the time of action, surnames – emphasize certain features of character, the dissonanse of the name and surname of the main character – his extraordinary. Precedentic names from the sphere of literature were introduced for the sake of typing the circumstances, explication of the spiritual world of the characters, emphasis on the non -combat dialogue of literary classics.

Шырокую вядомасць Івану Навуменку прынеслі спачатку апавяданні, а потым трылогія “Сасна пры дарозе”, “Вецер у соснах”, “Сорак трэці”, дзе адлюстроўваліся лёсы маладых людзей, першым сур’ёзным выпрабаваннем для якіх стала Вялікая Айчынная вайна. Візітнай карткай гэтага

пісьменніка да нашага часу застаюцца творы пра юнацтва, апаленае барацьбой з фашызмам. Аповесць “Бульба” (1964) прысвечана сучаснасці. Гэта па-свойму ўнікальны твор, бо яго героі – студэнты першай паловы 1960-х гадоў, галоўным чынам, філолагі. У беларускай літаратуры твораў пра студэнтаў да аповесці І. Навуменкі практычна не было. Сюжэт “Бульбы” ўзяты з жыцця: трэццякурснікаў філфака накіроўваць у падшэфны калгас на ўборку бульбы, а заадно і для праходжання педпрактыкі па пазакласнай рабоце. Знаходжанне на бульбе ў аповесці – адзін з этапаў духоўнага пасталення будучых настаўнікаў.

Антрапанімічная сістэма аповесці складаецца з імёнаў і прозвішчаў персанажаў, а таксама з прэцэдэнтных імёнаў са сферы літаратуры. В.У. Вінаградаў слушна адзначыў, што “пытанне пра падбор імёнаў і прозвішчаў у мастацкай літаратуры <…> вельмі вялікая і складаная тэма стылістыкі мастацкай літаратуры” [1, с. 38], вартая ўвагі даследчыкаў. З пункту гледжання літаратуразнаўства, нярэдка выбар аўтарам імені ці прозвішча героя сэнсава значны. У якасці прыкладу можна спаслацца на творы эпохі Асветніцтва, на еўрапейскую драматургічную спадчыну XVIII – першай паловы XIX стагоддзя. Пісьменнікі XX стагоддзя таксама нярэдка выкарыстоўвалі імёны і прозвішчы, надзеленыя важнымі ў канцэптуальных адносінах канатацыямі.

Імёны паасобных персанажаў у аповесці “Бульба” становяцца своеасаблівым маркёрам гістарычнага часу. Для прыкладу, некаторыя студэнткі-гараджанкі маюць папулярныя на пачатку 1960-х гадоў у асяроддзі гарадской інтэлігенцыі такія імёны, як Клара, Бэла, Мая. Адзін са студэнтаў носіць імя Варлен, відаць, як своеасаблівую даніну павагі яго бацькоў да мінулага, бо такое абрэвіятурнае імя звычайна давалі дзецям у 1920–1930-я гады: *Варлен* – гэта скарочанае ад *Вялікая Кастрычніцкая рэвалюцыя, Ленін*.

Прозвішчы большасці персанажаў у аповесці І. Навуменкі найперш выконваюць намінатыўна-дыферэнцыруючую функцыю. Як правіла, яны стылістычна нейтральная (Бандарэнка, Змачынскі, Варывончык, Зубрыцкая, Валасевіч, Ціхі, Байдакоў, Сяўрук, Сліва, Ткачэнка, Базыльчык, Янкоўскі). Некаторыя прозвішчы (Мудрык, Уцякай, Кіёк, Адзярыха) указваюць на пэўную рысу характару ці паводзінаў персанажа. Так, гультаяваты пяцікурснік Пятро мае прозвішча *Уцякай*. Хлопец не атрымлівае стыпендыі, па вечарах ён любіць заглядваць у пустыя адкрытыя студэнцкія пакоі, ласавацца чужымі харчамі і хуценька ўцякаць. Прозвішча трэццякурсніка Мудрыка асацыюецца з дзеясловам *мудраваць*, што значыць *хітраваць, мудрагеліць, выдумляць, залішне ўскладняць*. Мудрык – прыхільнік так званых цвярозых поглядаў на рэчы, а насамрэч ён вялікі хітрун. Раней за іншых Мудрык даведаўся пра паездку студэнтаў на бульбу і абяцанне дэканата залічыць за гэта студэнтам практыку па пазакласнай рабоце. У інтэрнацкім пакоі Мудрык выказваецца, што ўборка бульбы студэнтамі – выгодная для

калгаснага кіраўніцтва справа, бо яны “дармовая сіла” [2, с. 395], аднак, у інтарэсах справы кожную працу павінны выконваць прафесіяналы, бо вучоны не можа рабіць таго, што робіць рабочы, і наадварот. Словы нібыта правільныя, але імі Мудрык апраўдвае сваё нежаданне працаваць. Калі на лекцыі выкладчык, аналізуючы творчасць Аркадзя Куляшова, сказаў, што шчасце ў пастаянным пошуку, адкрыцці новых шляхоў, то Мудрык збянтэжыў яго заўвагай пра тое, што, пакуль малады чалавек будзе асвойваць, напрыклад, цаліну ці прасторы Сібіры, яго каханая стоміцца чакаць і банальна выйдзе замуж за іншага. Разумныя студэнты не надта высока ацэньвалі Мудрыка з яго “сярмяжнай” праўдай і жаданнем быць навідавоку: “У яго не адбярэш розуму, дасціпнасці, трапнасці назірання. На курсе няма лепшага прамоўцы. Гаворыць Мудрык заўсёды насуперак агульнай думцы. За гэта многія лічаць яго смелым” [2, с. 395]. Галоўнага героя аповесці не пакідала думка, што Мудрык – дэмагог: “Не такі, як звычайныя, тыя, што паддобрываюцца да дэкана, гавораць на сходках бясспрэчныя ісціны, але ўсё ж дэмагог” [2, с. 395]. На бульбе, дзе Мудрык стараўся ўхіліцца ад працы, адпачыць за кошт іншых. Там аднакурснікі пераканаліся, што за яго напускной смеласцю стаяла “шкурная праўда” [2, с. 466] эгацэнтрыста.

Дысгарманічнасць спалучэння імені з прозвішчам уласціва галоўнаму герою аповесці Веньяміну Сыраежку: узвышанае імя *Веньямін* і побытава зніжанае прозвішча *Сыраежка*. Імя *Веньямін* у перакладзе са стараяўрэйскай мовы азначае *сын правай рукі*, *любімы сын*. Герой “Бульбы” не быў любімым сынам маці, рос у няпоўнай сям’і, бо бацьку, былога дырэктара школы, у 1943 годзе фашысты расстралялі за сувязь з партызанамі. Гэта рамантык і летуценнік, тыповы персанаж навуменкаўскай прозы. Яго характарызуе прага дасягнення ідэала і ўсведамленне свайго несупадзення з ім. З перабольшанай доляй іроніі хлопец пра сябе заўважае: “Студэнт у дваццаць шэсць гадоў. Піша няўдалыя вершы, якіх не друкуюць. Поўны няўпэўненасці, рэфлексіі” [2, с. 441]. Рэфлексія ў яго звязана з сур’ёзным стаўленнем да жыцця, а няўпэўненасць народжана адчуваннем сваёй недасканаласці, адсутнасцю ўзаемнасці ў каханні. Некалі маці ў парыве шчырасці назвала сына непрыгожым, гэта наклала адбітак на самаацэнку хлопца ў адносінах з процілеглым полам. У юнацтве Веньямін закахаўся ў Асю, якая была на год старэйшай за яго. Ён перачытаў паэзію Міхаіла Лермантава і Аляксандра Блока, творы якіх любіла дзяўчына. У сваіх мроях Веньямін трапляў у гераічныя становішчы, здзяйсняў шматлікія подзвігі ў гонар сваёй цудоўнай Дамы, Незнаёмкі. Толькі на выпускным вечары, куды яго з-за ветлівасці запрасіла дзяўчына, хлопец зразумеў, што Ася не заўважала яго закаханасці. Потым Веньяміну спадабалася студэнтка медінстытута Вікторыя, пасля некалькіх сустрэч дзяўчына пачала яго пазбягаць. Аднакурснік Вікторыі патлумачыў яе паводзіны банальным прагматызмам: “Ты хто? Непрыкметны настаўнік. Загоняць у вёску, закапаешся са сваімі ўрокамі, сшыткамі,

бацькоўскімі сходамі. А яна хоча прастору, адчуваць жыццё пяццю органамі. Каб святло і ззянне!..” [2, с. 406]. З-за непадзельнага кахання для Веньяміна “пачарнеў свет” [2, с. 427], бо ў сістэме духоўных каштоўнасцей хлопца яно стаяла на першым месцы як магутная, загадкавая і неадольная сіла, што нараджала трагедыі і драмы, найвялікшыя ўзлёты чалавечага духу і геніяльныя адкрыцці. На бульбе сум па Вікторыі знік, бо Веньямін аднойчы выпадкова ўбачыў Галіну, падобную, як яму здалося, да Джаконды, і шкадаваў, што давядзецца вяртацца ў горад на вучобу і быць удалечыні ад дзяўчыны. Аповед пра спробы Веньяміна знайсці ўвасабленне свайго ідэала каханай і спадарожніцы жыцця напоўнены тонкім лірызмам і мяккім гумарам, а імёны дзяўчат, якія станавіліся прадметам захаплення хлопца, сэнсава матываваныя аўтарам. *Ася* ў перакладзе са старажытнагрэчаскай мовы азначае *боская*, лацінскае *Вікторыя – перамога*, старажытнагрэчаскае *Галіна – спакой, цішыня*. Іншымі словамі, Веньяміна захапляе ў жыцці недасягальнае, гарманічнае, ён мае супярэчлівыя памкненні, хоча адначасова буры і цішы.

Сыраежка нагадвае герояў-рамантыкаў савецкай літаратуры канца 1950 – першай паловы 1960-х, але прынцыпова адрозніваецца ад іх спалучэннем у характары непрыкаянасці з мэтанакіраванасцю, рамантычнага і рэалістычнага ва ўспрыманні і ацэнцы жыцця. Веньямін змалку прызвычаўся да кніг. Філалагічная адукацыя наклала адбітак на яго бачанне свету, бо хлопец часта праводзіць аналогіі жыццёвых з’яў з вычытаным у мастацкіх творах, нярэдка палемізуе з класікамі літаратуры. Так, нешчаслівае каханне прымушае яго спрачацца з Шэкспірам: “Ад непадзельнага кахання не паміраюць. І ці натрапіш у наш век на Рамэо і Джульету? Рамэо на пасадзе вясковага настаўніка, з месячнай зарплатай семдзесят рублёў. Ты вялікі дзівак, Шэкспір!” [2, с. 390]. Разам з тым Сыраежка вымушаны прызнаць, што роўных Шэкспіру ў паказе напалу чалавечых пачуццяў няма: “Але чаму ты і сёння вялікі? Цябе можна не чытаць, не ведаць, што ты ёсць. Але хто калі скінуў цябе з высокага твайго п’едэстала?..” [2, с. 390]. Кальдэронаўскае “жыццё ёсць сон” ён расцэньвае як “недарэчнасць і глупства” [2, с. 394], яму бліжэй словы Беранжэ “честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой…”. Студэнта з медінстытута, які капіраваў стылягаў (“апрануты фацэтна – сарочка размалявана ў чырвона-сінія пакручастыя палосы, блакітнага колеру штаны да таго шчыльна аблягаюць ногі, што нагадваюць споднікі. Вузкі, прадаўгаваты твар зарос шчацінай, кучма цёмных валасоў на галаве, як незавершаны стог” [2, с. 405]), ён дасціпна абазваў рабінзонам. На дні нараджэння Бэлы Веньямін у чорным пінжаку выглядаў, па яго словах, як дзядзька ў Вільні з Коласавай “Новай зямлі”, бо хлопцы з медінстытута былі “ўсе ў пярэстых сарочках і ў вузкіх, у абцяжку, штанах” [2, с. 411]. Калі Сыраежка убачыў за святочным сталом аспіранта Красуцкага, то з гумарам прыгадаў панчанкаўскае “Ад студэнтаў дзевак адбіваюць

тлустыя, вучоныя сычы…”. Веньяміну імпанавалі радкі вядомага паэта пра шчасце “Толькі трэба яго не шукаць, не лавіць, шчасце трэба ў суровым змаганні здабыць” [2, с. 428]. Яго вабіла таямнічае, радавала, што ў іх сціплым інтэрнацкім пакоі акно “ў выгадным месцы: пад поўнач з яго відаць зеленаватая зорка Сірыус і ладны кавалак Млечнага Шляху” [2, с. 392]. Дамінантны настрой хлопца меланхалічны, аднак у студэнцкіх кампаніях ён мог быць веселуном, як на дні нараджэння Бэлы, дзе Веньямін адразу звярнуў на сябе ўсеагульную увагу: “сыпаў жартамі, смешнымі выслоўямі, чытаў на памяць Блока і Ясеніна і скончыў тым, што выцягнуў з кішэні томік Бадлера і пачаў нараспеў чытаць сумныя, звонкія радкі” [2, с. 412]. Сыраежка аддае перавагу адзіноцтву, душой адпачывае ў лесе, бо там “усё тое, што хвалявала, засмучала, здаецца дробным і мізэрным” [2, с. 457]. Выбар жыццёвага шляху ў яго абдуманы, ён маральна падрыхтаваны да настаўніцкай працы на вёсцы.

Характаратворчую ролю адыгрываюць у творы імя і прозвішча аспіранта Сашы Красуцкага. Апавядальнік называе яго Сашам, ускосна падкрэсліваючы маральную нясталасць персанажа. Прозвішча *Красуцкі* асацыюецца з беларускім словам *краса* і рускім *красота*. Знешне Саша выглядае вельмі прывабна: “высокага росту, прыгажун, здаравяк, мае спартыўны разрад” [2, с. 412], карыстаецца вялікай цікавасцю з боку жаночага полу. Ён хутка стане выкладчыкам, падрыхтаваў да абароны дысертацыю, прысвечаную асэнсаванню кан’юнктурнай, ім самім сфармуляванай тэмы “Матывы калектывізму ў вуснай народнай творчасці”. Навука для Сашы – шлях да кар’ернага росту, яго прынцып: “Вучоным можаш ты не быць, а кандыдатам быць павінен” [2, с. 450]. Прагматык Красуцкі абураецца родным бацькам: “Няўрымслівы дзівак, які не ўмее жыць і не ведае, з якіх часцін складаецца жыццё. Часы рамантыкі прайшлі, беззваротна канулі ў Лету” [2, с. 450]. Саша іншы: “Бацька разумны, дапытлівы, але не хапае хваткі і ведання людзей. Лезе на ражон, таму на старасці год нават з пасады дырэктара школы знялі. Піша, што адмовіўся сам. Можа і такое быць. Але бясспрэчна і тое, што бацька нічога не разумее. Не ведае, што такая фігура, як прамавугольнік ці квадрат, не можа каціцца па зямлі. Коціцца шар. Зямля таксама шар. Нехта геніяльны выдумаў кола. Ён, Саша, бачыць сябе фігурай, якая нагадвае шар, кола. Дзякуючы колу стаў магчымы велізарны прагрэс на планеце” [2, с. 450]. Прызначэнне дэканатам кіраўніком педпрактыкі Красуцкага крыху збянтэжыла, бо за час вучобы ў інстытуце ён ні разу не быў на бульбе і ў школе ніколі не працаваў, таму ён усяляк падкрэсліваў сваю перавагу перад студэнтамі, некаторыя з якіх адразу зразумелі сутнасць аспіранта: “Птушка недалёкага палёту. Любіць кісленькае і востранькае” [2, с. 440]. Сашу цікавіць толькі ён сам, сваё стаўленне да настаўніцкай працы ён прыпісаў вясковым настаўнікам, калі вымушана наведаў іх урокі: “У школе – нецікава. Усё тут ардынарнае. Настаўнікі, відаць

адразу, цягнуць надакучлівае ярэмца вучэбнай нагрузкі" [2, с. 437]. На бульбе Красуцкі клапаціўся пра бытавы камфорт, фліртаваў з мясцовай крамніцай, наладзіў добрыя адносіны са старшынёй калгаса Адзярыхам. Бацька дзвюх старшакласніц яму прадбачліва нагадаў, што ў "горадзе культура, а ў нас – сала" [2, с. 472], і Саша згадзіўся не заўважыць махінацыі старшыні з уборкай ураджаю. У аповесці І. Навуменкі, як у творах рамантыкаў, знешне прыгожы чалавек з "прыгожым" прозвішчам паводзіць сябе непрыгожа.

Паколькі ў аповесці расказваецца пра студэнтаў-філолагаў, то па-свойму заканамерна згадванне класікаў літаратуры ў размовах і развагах студэнтаў (Петрарка, Шэкспір, Бадлер, Лермантаў, Пушкін, Тургенеў, Леў Талстой, Горкі, Блок, Ясенін, Якуб Колас), вядомых герояў (Лаура Петраркі, Рамэо, Джульета, Гамлет В. Шэкспіра, Дон Кіхот Сервантэса, Рабінзон Дэфо, тургенеўскія дзяўчаты, дзядзька Антось Якуба Коласа), леанардаўскай Джаконды з яе загадкавай усмешкай. Зварот да прэцэдэнтных імёнаў у тэксце твора ўжываецца для тыпізацыі герояў, раскрыцця іх каштоўнасных установак, акцэнтавання актуальнасці класікі і суб'ектыўнасці яе успрымання. Для прыкладу, для студэнта, які прачытаў творы Шэкспіра і Грыбаедава, Гамлет –"моцная асоба, магутны інтэлект, але не ведае, з якога боку праўда… Гора ад розуму" [2, с. 466]. Для Зіны Бандарчык Дон Кіхот – натура вялая і рэфлектыўная, для Веньяміна Сыраежкі ён не дзівак і не рэфлектыўная асоба, а чалавек дзеяння: "Хіба ёсць у сусветнай літаратуры лепшае ўвасабленне вернасці ідэалу, адданасці высокай мары? Дон Кіхот – вялікі рамантык, чалавек, які мерае свае ўчынкі, пачуцці, думкі, самай высокай меркай і ніколі не прымірыцца з нізкім і пошлым у жыцці" [2, с. 428].

Антрапонімы – арганічная частка паэтыкі аповесці "Бульба". Імёны паасобных персанажаў ускосна ўказваюць на час дзеяння, некаторыя прозвішчы – на асаблівасці паводзін ці характару іх носьбіта, дысананс імя і прозвішча галоўнага героя – на супярэчлівасць яго натуры. Прэцэдэнтныя імёны са сферы літаратуры эксплікуюць суб'ектыўна-ініцыятыўнае ўспрыманне маладымі людзьмі класікі, выяўляюць духоўны свет і каштоўнасныя прыярытэты персанажаў.

Літаратура

1. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.

2. Навуменка, І. Выбраныя творы: у 2 т. / І. Навуменка. – Мінск: Маст. літ., 1995. – Т.1: апавяданні, аповесці. – 478 с.

Ю.У. Баушына
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава

УДК 811.161.3’373.2

СТАНАЎЛЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ АНАМАСТЫКІ ЯК САМАСТОЙНАЙ НАВУКОВАЙ ГАЛІНЫ

Ключавыя словы: *анамастыка, анамастычная лексіка, айконімы, тапонімы, тапанімны арэал.*

У артыкуле расказваецца пра станаўленне беларускай анамастыкі, фармулююцца ўяўленні аб тыпалогіі назваў геаграфічных аб’ектаў, асаблівасцях функцыянавання і распаўсюджвання іх на тэрыторыі Беларусі. Падаюцца звесткі аб гістарычным фарміраванні беларускіх айконімаў, высвятляюцца заканамернасці іх узнікнення. Вызначаецца, як фарміравалася большая частка айканіміі Віцебшчыны.

Yu.V. Baushina
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE FORMATION OF BELARUSIAN ONOMASTICS AS AN INDEPENDENT SCIENTIFIC BRANCH

Key words: *onomastics, onomastic vocabulary, oikonyms, toponym, toponym area.*

The article tells about the formation of Belarusian onomastics, formulates ideas about the typology of names of geographical objects, the peculiarities of their functioning and distribution on the territory of Belarus. The information is provided about the historical formation of Belarusian oikonyms, the patterns of their emergence are identified. The article determines how most of the oikonymy of the Vitebsk region was formed.

Анамастыка (ад грэч. onomastike – майстэрства даваць імёны) – раздзел мовазнаўства, які вывучае ўласныя імёны і геаграфічныя назвы. Анамастыка вывучае любыя ўласныя імёны, іх паходжанне, гісторыю, асноўныя заканамернасці развіцця і функцыянавання, а таксама сукупнасць уласных імён – анімію, анамастыкон. Раней замест тэрміна «анамастыка» ўжываўся тэрмін «тапанамастыка». Спецыфіка прадмета анамастыкі ў тым, што яго вывучэнне выходзіць за межы мовазнаўства і патрабуе ўліку гістарычных, геаграфічных, сацыяльна-эканамічных і іншых фактараў.

Цікавасць да гісторыі паходжання імёнаў у чалавека з'явілася даўно, аднак навуковы падыход да іх вывучэння ў свеце ўзнік параўнальна нядаўна – толькі ў другой палове XVIII стагоддзя. Пачатак яму паклаў нямецкі вучоны В. Гумбальт (1767–1835). У Расіі прыхільнікам гэтага кірунку быў А. Х. Вастокаў (1781–1864). Асобныя рускія і беларускія вучоныя ўжо ў сярэдзіне 19 ст. разумелі важнасць уласных імён для вызначэння гістарычных межаў рассялення славян і суседніх з імі народаў (А. Кіркор, А. А. Качубінскі, А. Л. Пагодзін). Больш высокі этап у развіцці ўсходнеславянскай анамастыкі звязаны з імёнамі А. А. Шахматава (1864–1920) і А. І. Сабалеўскага (1857–1929), а таксама нашых землякоў З. Я. Тараноўскага і Ю. Ю. Трусмана. І ўсё ж асноўная частка даследаванняў гэтага перыяду не ўзнялася вышэй за ўзровень прыватных назіранняў і заўваг. Сістэмны, навуковы характар вучэнне пра ўласныя імёны набыло толькі ў апошнія дзесяцігоддзі, калі з’явілася вялікая колькасць спецыяльных выданняў і былі выпрацаваны прынцыпы анамастыкі як самастойнай навуковай дысцыпліны.

Пра беларускія анамастычныя даследаванні можа казаць толькі пачынаючы з XIX стагоддзя, але яны ў асноўным былі звязаны з дзейнасцю фальклярыстаў і этнографаў і абмяжоўваліся прыватнымі назіраннямі. Сістэмны, навуковы характар анамастычныя даследаванні набываюць у другой палове XX стагоддзя, калі ў Інстытуце мовазнаўства акадэмікам Мікалаем Васільевічам Бірылам была створана навуковая школа і пачалося актыўнае планамернае вывучэнне асабовых імёнаў і прозвішчаў людзей (антрапонімаў), назваў населеных пунктаў (айконімаў), назваў невялікіх геаграфічных аб'ектаў (мікратапонімаў). Дзякуючы працам вучоных інстытута беларуская анамастыка ў XX стагоддзі выйшла на еўрапейскі ўзровень развіцця, была паказана нацыянальная адметнасць беларускага анамастыкону. Варта прыгадаць такія працы, як «Беларуская антрапанімія» М. В. Бірылы, «Беларуская айканімія» і «Усходнеславянская айканімія апелятыўнага паходжання» В. П. Лемцюговай, «Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны XIV–XVIII стст.» Г. К. Усціновіч і іншыя.

Вывучаюцца пераважна два класы анамастычнай лексікі – антрапонімы і тапонімы (айконімы, гідронімы, мікратапонімы, урбонімы). Даследчыкі засяроджваюць увагу на сукупнасці тых ці іншых класаў уласных імён у межах пэўных тэрыторый (рэспублікі, вобласці, басейна ракі і інш.), а таксама на асобных тыпах уласных імён, вылучаных на аснове агульнасці словаўтваральнай або семантычнай прыкметы. Так, у працах «Беларуская антрапанімія» М. В. Бірылы, «Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны 14–18 стст.» Г. К. Усціновіч высвятляецца паходжанне старажытных і сучасных беларускіх асабовых імён, імён па бацьку і прозвішчаў, а ў працах «Тапаніміка Беларусі» і «Вуліцы помняць» В. А. Жучкевіча, «Беларуская айканімія» В. П. Лемцюговай даследуецца паходжанне,

станаўленне і развіццё ўласных назваў паселішчаў, вуліц, прыродных і гаспадарчых аб’ектаў [5, с. 93].

Сістэматычнае даследаванне тапанімііі Беларусі пачалося пасля Вялікай Айчыннай вайны. У 1946–1947 гг. пачаў збіраць тапанімічны матэрыял для свайго будучага слоўніка географ-тапаніміст В. А. Жучкевіч.

У сярэдзіне 50-х гг. праблемы анамастыкі як крыніцы вывучэння гісторыі і этнаграфіі беларускага народа цікавяць у гэты час М. Я. Грынблата, у больш пазнейшых працах якога выяўлена каля 290 айконімаў і мікратапонімаў этнонімнага паходжання.

Яшчэ больш актывізавалася даследчая дзейнасць у 60-я гг. У гэты перыяд найбольш плённа працуюць В. А. Жучкевіч, М. М. Корсакава, В. П. Лемцюгова, П. П. Шуба, І. Я. Яшкін. Выходзіць з друку кніга В. А. Жучкевіча «Паходжанне геаграфічных назваў Беларусі», у якой аўтар аналізуе семантыку ўтвараючых асноў беларускіх гідронімаў і айконімаў.

У апошнія дзесяцігоддзі анамастыка дынамічна развіваецца. Можна гаварыць пра яе як пра самастойную навуковую дысцыпліну са сваім аб'ектам і прадметам даследавання, са сваёй метадалагічнай базай. Тым больш што анамастыка заўсёды выходзіла за межы мовазнаўства: яна цесна звязана з гісторыяй, геаграфіяй, этнаграфіяй.

Анамастычная лексіка (назвы населеных пунктаў, водных аб'ектаў, вуліц, імёны, мянушкі, прозвішчы людзей і інш.) складае вялікую частку нацыянальнага лексікону. Уласныя імёны з'яўляюцца неад'емнай часткай гісторыка-культурнай спадчыны любога народа: яны ствараліся на працягу многіх стагоддзяў і перадаваліся з пакалення ў пакаленне, а таму змяшчаюць надзвычай багатую інфармацыю пра матэрыяльную і духоўную культуру народа. Акрамя таго, што ўласныя імёны маюць важнае гісторыка-культурнае значэнне, яны шырока выкарыстоўваюцца ў моўнай практыцы. А калі знікаюць нейкія геаграфічныя найменні, значыць, знікае частка гістарычнай памяці, гістарычнай інфармацыі, культурных каштоўнасцяў беларускага народа. У сувязі з гэтым ахова гістарычных назваў, беражлівыя адносіны да нацыянальнай тапанімііі з'яўляюцца высакароднай сацыяльнай і культурнай задачай, бо тапонімы звязваюць мінулае і сучаснае, сучаснасць і будучыню.

Сёння ідэі, закладзеныя ў тэарэтычных працах заснавальнікаў беларускай анамастычнай навуковай школы, знайшлі працяг у даследаваннях навукоўцаў сярэдняга пакалення і моладзі. Актыўна развіваецца гістарычны кірунак, арыентаваны на вывучэнне тапанімііі, засведчанай у старабеларускіх пісьмовых помніках. Быў створаны рэестр беларускай тапанімііі, засведчанай на землях Вялікага Княства Літоўскага, і яе лінгвагістарычны аналіз. Збор тапанімііі, знойдзенай у старажытных беларускіх пісьмовых крыніцах, і яе лексікаграфічная апрацоўка дазволяць больш глыбока пранікнуць у сутнасць гэтай катэгорыі ўласных імён, вызначыць агульныя заканамернасці фарміравання і функцыянавання ўласных геаграфічных

назваў у старажытны перыяд, прасачыць эвалюцыйныя працэсы і іх храналагічную паслядоўнасць. Тапанімічныя назвы старабеларускіх помнікаў пісьменнасці XV–XVIII стст. могуць стаць пачаткам стварэння гісторыка-лінгвістычнага зводу «Старабеларуская тапанімія», які абагуліць маладаследаваную спадчыну беларускай духоўнай і матэрыяльнай культуры.

Першая канферэнцыя, прысвечаная беларускай анамастыцы, называлася «Праблемы беларускай тапанімікі» і адбылася ў 1967 годзе. У 2010 годзе прайшла навуковая канферэнцыя «Беларуская анамастыка: гісторыя і сучаснасць». На ёй былі ўзнятыя пытанні, якія хвалююць беларускіх даследчыкаў анамастыкі (стандартызацыя ўласных імёнаў, перадача беларускіх імёнаў і назваў графічнымі сродкамі лацінскага алфавіта, унармаванне назваў вуліц, населеных пунктаў, чыгуначных станцый і г.д.).

Даследаванннем уласных назваў населеных пунктаў: гарадоў, вёсак, пасёлкаў, хутароў займаецца адзін з раздзелаў тапанімікі – айканіміка (ад грэчаскага oikos – «жыллё» і onyma – «імя»). «На першым этапе іменавання важную ролю адыгрывалі назвы прыродных аб'ектаў і ў першую чаргу вадаёмаў. З цягам часу тапанімічныя прыярытэты мяняліся, і галоўным арыенцірам сучаснага чалавека былі ўжо не месцы водных перапраў, паляўнічыя ўгоддзі ці месцы збору раслін, а населеныя пункты. Іх назвы паступова станавіліся цэнтрам тапанімічнай сістэмы, сэнсавым ядром тапанімнага поля» [9, с. 58].

Айконімы выступаюць аб'ектам даследавання ў працах беларускіх вучоных-анамастаў (Т. М. Аліферчык, Т. М. Багаедава, Н. А. Багамольнікава, Т. Ю. Васільева, У. М. Генкін, І. Л. Капылоў, Л. В. Леванцэвіч, Г. М. Мезенка, В. В. Шур, Н. Р. Якубук). Калі разглядаць асаблівасці структуры сучаснай айканіміі, то, паводле дадзеных навукоўцаў, на кожнай тэрыторыі пераважаюць разнастайныя словаўтваральныя мадэлі онімаў: «матывацыйныя асновы, словаўтваральныя спосабы, словаўтваральныя тыпы і мадэлі тапонімаў у розных рэгіёнах Беларусі не супадаюць. Кожны спосаб фарміруе ў залежнасці ад тэрыторыі пэўную колькасць структурна-граматычных і семантычных тыпаў. Таму ў апошні час вялікая ўвага стала надавацца рэгіянальнаму матэрыялу, які яшчэ працяглы час будзе прадметам спецыяльных лінгвістычных даследаванняў, у тым ліку і айканімічных» [2, с. 147].

Напрыклад, значная частка айканіміі Віцебшчыны фактычна фарміравалася ва ўмовах памежжа, таму многія назвы населеных пунктаў нясуць на сабе сляды ўзаемадзеяння беларусаў з іншымі народамі, а таксама сляды ўзаемаўплыву дзвюх «унутраных» культур: паўночна-заходняй каталіцкай і паўднёва-ўсходняй праваслаўнай. Лінгвакультуралагічны падыход да паняцця мяжы дазволіў вылучыць тры межавыя лініі: 1) усходнюю і паўднёва-ўсходнюю; 2) паўночна-заходнюю; 3) унутраную. Пры гэтым лінгвакультурная і тапанімічная мяжа не можа быць адлюстравана

ў выглядзе выразнай лініі на карце, а ўяўляе сабой пэўную тэрыторыю, дзе паступова згасаюць прыкметы адной тапанімнай сістэмы і пачынаюць спачатку выяўляцца, а затым актывізавацца прыкметы іншай. Чым бліжэй моўныя і культурныя асаблівасці жыхароў абодвух бакоў памежжа, тым больш блізкімі з'яўляюцца тапонімныя сістэмы, а значыць, паняцце мяжы і памежжа набывае ў значнай меры характар умоўнасці. У сілу гістарычных прычын віцебскі тапанімічны арэал ва ўсходнім кірунку выходзіць за межы адміністрацыйна-тэрытарыяльных межаў, некалькі паглыбляючыся на тэрыторыі суседніх абласцей: Смаленскай і Пскоўскай. Найбольш яркімі асаблівасцямі характарызуецца паўночна-заходняя мяжа, якая аддзяляе Віцебшчыну ад Літвы і Латвіі. На мяжы з Латвіяй, якая прымыкае да Беларусі адной са сваіх гістарычных абласцей – Латгаліяй, знаходзяцца землі, якія адносяцца да Браслаўскага, Мёрскага (нязначны адрэзак) і Верхнядзвінскага раёнаў. На мяжы з Літвой размешчаны Браслаўскі і Пастаўскі раёны. Гістарычная мяжа, якая, калі разглядаць сучасную тэрыторыю Віцебскай вобласці, па сутнасці, з'яўляецца ўнутранай і робіць прыгранічнымі практычна палову раёнаў. Сучасная Віцебшчына, сумяшчаючы ў сабе лініі трох межаў, уяўляе ўнікальны рэгіён для лінгвакультуралагічнага даследавання [4, с. 39–42].

Літаратура

1. Белорусская ономастика. Топонимия: учеб. пособие / А.М. Мезенко [и др.]; под общ. ред. А.М. Мезенко – Минск: Элайда, 2012. – 260 с.

2. Белорусское Поозерье: язык и духовная культура / А.М. Мезенко [и др.]; под ред. А.М. Мезенко, А.В. Русецкого. – Минск: Беларус. навука, 2001. – 214 с.

3. Генкин, В.М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья: учеб.-метод. пособие / В.М. Генкин. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2009. – 115 с.

4. Генкін, У.М. Сучасная айканімія Віцебшчыны: лічбы і назіранні / У.М. Генкін // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння: зб. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: Д.В. Дзятко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 39–42.

5. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии [Текст] / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 448 с.

6. Мезенко, А.М. Антропонимное пространство Витебщины / А.М. Мезенко, Т.В. Скребнева. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2013. – 148 с.

7. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ва уласных імёнах: мінулае і сучаснасць / Г.М. Мезенка, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – Віцебск: Выд-ва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2006. – 238 с.

8. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У.М. Генкін, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцюгова; пад рэд. В.П. Лемцюговай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.

9. Рогалев, А.Ф. Топонимия Беларуси. Названия населённых пунктов. Микротопонимы [Текст] / А.Ф. Рогалев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гомель: Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, 2020.

10. Рылюк, Г.Я. Истоки географических названий Беларуси с основами общей топонимики [Текст] / Г.Я. Рылюк. – Минск: Веды, 1999.

М.С. Бояркина
ОГБПОУ «Смоленский педагогический колледж»
e-mail: krupsk.marlena@yandex.ru
Научный руководитель: Н.С. Соловьёва, преподаватель

УДК 821.161.1 091

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СБОРНИКЕ НОВЕЛЛ С.Д. ДОВЛАТОВА «КОМПРОМИСС»

Ключевые слова: *Довлатов, ономастика, компромисс, советская литература, антропонимы, топонимы, имена собственные*

Статья посвящена анализу ономастического пространства сборника рассказов «Компромисс» Сергея Довлатова. В работе рассматривается функциональная роль имен собственных в создании комического эффекта, характеристике персонажей и отражении идеологических и социокультурных реалий советской эпохи.

M.S. Boiarkina
Smolensk Pedagogical College

THE PROPER NAMES IN THE STORYBOOK “THE COMPROMISE” BY S.D. DOVLATOV

Key words: *Dovlatov, onomastics, compromise, Soviet literature, anthroponyms, toponyms, proper names*

The article is devoted to the analysis of the onomastic space of the collection of short stories “Compromise” by Sergey Dovlatov. The paper examines the functional role of proper names in creating a comic effect, characterization of characters, and reflection of the ideological and sociocultural realities of the Soviet eepoch.

Имена собственные как неотъемлемая часть русского языка играют ключевую роль в коммуникации. Они не только способствуют эффективному взаимодействию между людьми, но и позволяют индивидуализировать предметы и явления, выделяя их из общей массы. Эта функция имен собственных подчеркивает их важность в процессе установления контакта и обмена информацией. Изучением этой категории слов занимается ономастика, которую, согласно определению А.В. Суперанской, следует понимать в двух аспектах: как комплексную науку, всесторонне исследующую имена собственные, и как совокупность самих имен собственных [6].

Ономастика как наука, изучающая имена собственные, играет важную роль в литературоведении. По мнению О.С. Ахмановой, антропонимы и топонимы, будучи именами собственными, занимают важное место в социокультурном пространстве языка и в формировании языковой картины мира. Их уникальность заключается в том, что они обозначают конкретные объекты [1]. Проза Сергея Довлатова занимает особое место в русской литературе второй половины XX века. Обладая острым чувством юмора и наблюдательностью, Довлатов мастерски воссоздает атмосферу советской повседневности, обнажая ее абсурдность и противоречия. Сборник рассказов «Компромисс» [3], основанный на личном опыте работы автора в эстонской газете «Советская Эстония», является ярким примером его сатирического таланта. Однако, несмотря на кажущуюся простоту повествования, произведения Довлатова отличаются многослойностью и глубиной, которые раскрываются при детальном анализе. Одним из интересных и перспективных направлений исследования довлатовской прозы является изучение ономастики – науки об именах собственных. Мы предполагаем, что имена собственные в сборнике рассказов Сергея Довлатова «Компромисс» выполняют не только номинативную функцию, но и активно используются как средство художественной выразительности, позволяющее автору создавать сатирический образ советской действительности, раскрывать характеры персонажей и выражать ироничное отношение к происходящему.

Целью данной статьи является выявление и анализ ономастических единиц в сборнике «Компромисс», а также определение их роли в создании сатирического образа советской эпохи и в характеристике персонажей.

«Компромисс» – сборник рассказов, основанных на реальном опыте работы автора в газете «Советская Эстония». Каждая история предваряется газетной заметкой, представляющей собой итоговый результат журналистской деятельности, в то время как сам рассказ раскрывает процесс ее создания.

В исследуемом тексте выявлено 232 ономастические единицы, общее количество словоупотреблений которых составило 1472. С целью дальнейшего анализа онимы были классифицированы в соответствии с типологией, предложенной Н.В. Подольской [5]. В результате применения данной классификации были выделены следующие группы: 1) антропонимы; 2) топонимы; 3) гемеронимы; 4) библионимы; 5) порейонимы; 6) экклезионимы. Каждая группа была подвергнута детальному рассмотрению и анализу, с последующей дифференциацией на подгруппы.

Наиболее многочисленной группой в составе исследуемого ономастикона являются антропонимы. Антропоним представляет собой имя собственное (либо совокупность имен с учетом всех вариаций), официально закрепленное за индивидуумом и служащее для его идентификации [2]. Данная группа представлена 167 уникальными единицами и характеризуется внутренней дифференциацией на ряд подгрупп.

Анализ ономастического пространства сборника выявил, что наиболее многочисленной подгруппой антропонимов являются фамилии, представленные 70 единицами и 776 словоупотреблениями.

Использование фамилий в сборнике «Компромисс» Сергея Довлатова приобретает особое смысловое наполнение. С одной стороны, это стремление к документальности и фиксации конкретных лиц и событий, что для Довлатова, работавшего журналистом, было профессиональной необходимостью. Фамилии придают тексту видимость документальности, даже если оказываются в совершенно неофициальном контексте, что создает комический эффект (– **Пейпс** – это корова? – Пейпс – это доярка.).

«*Есть там начальник вспомогательного цеха – **Мироненко**. Как-то раз вышел из столовой, закурил у третьего причала. То, се. Бросил сигарету. Харкнул, извини за выражение. И начисто выплюнул челюсть. Вставную, естественно. А там у него золота колов на восемьсот с довеском. Он бежит к водолазам: «Мужики, выручайте!» Те с ходу врубились: «После работы найдем». – «В долгу не останусь». – «С тебя по бутылке на рыло». – «Об чем разговор...» (ссылка)*

В данном контексте использование фамилии *Мироненко* выполняет функцию создания эффекта бытового гротеска, подчеркивающего абсурдность советских социальных отношений и материальных ценностей. Фамилия, конкретизируя персонажа – начальника вспомогательного цеха, – позволяет Довлатову привязать комическую ситуацию к определенной социальной среде и подчеркнуть диссонанс между официальной идеологией и реалиями советской жизни. Гротескный эпизод с потерей челюсти, усыпанной золотыми коронками, и последующим торгом с водолазами за «бутылку на рыло», становится особенно выразительным благодаря привязке к конкретному лицу, *Мироненко*, что позволяет автору сатирически высмеять материальную заинтересованность, коррупцию, характерные для советской действительности.

В контексте разворачивающихся в Советской Эстонии событий «Компромисса», присутствие иноязычных фамилий (например, *Пейпс, Буш, Лийвак*) отражает этническое и культурное разнообразие республики, обусловленное её историческим и географическим положением. Использование как иноязычных, так и русских фамилий в повествовании создает картину многонационального общества, что соответствовало не только советской идеологии интернационализма, но и реальному положению вещей в самой маленькой Советской республике – Эстонии.

Вторую позицию по частоте употребления занимает подгруппа имен, представленная 71 единицей, зафиксированной в 472 случаях. Функциональное назначение имен и фамилий в исследуемом тексте обнаруживает определенное сходство. Имена используются в качестве идентификаторов персонажей, при этом их форма может варьироваться, отражая близость персонажа

к автору, особенности его поведения и эмоциональные характеристики. Характерным приемом является модификация имен посредством суффиксации, позволяющая автору выразить экспрессивную оценку персонажа.

«А я сижу и жду, когда толстожопый редактор меня облагодетельствует. И возникает эта кривоногая Зойка с подносом. И всем хочется только одного – лягнуть ногой этот блядский поднос. И тут я понял – наступила ответственная минута. Сейчас решится – кто я. Рыцарь, как считает Галка, или дерьмо, как утверждают все остальные? Тогда я встал и пошел...».

В данном контексте, суффиксы создают эффект фамильярности и снижения официального тона. В условиях советской эпохи, с ее повышенным вниманием к формальной иерархии и субординации, подобное фамильярное обращение к людям из ближайшего окружения (в данном случае, к работнице и коллеге) представляет собой элемент диссидентского поведения, подчеркивающего дистанцированность автора от официального дискурса. Пейоративные суффиксы вполне гармоничны с негативными характеристиками, используемыми для описания персонажей *(«кривоногая Зойка», «блядский поднос»).* Они отражают пренебрежительное отношение героя-рассказчика к окружающей действительности. Этот прием подчеркивает абсурдность советской повседневности, где внешне дружелюбные отношения сочетаются с циничным отношением к людям и вещам.

Третьей по частоте встречаемости является подгруппа отчеств (17 единиц и 48 словоупотреблений). В рассматриваемом произведении отчества выполняют двойственную функцию: они используются как для создания официального тона (в случаях использования их с именем и фамилией), так и для обозначения близких, дружеских отношений (когда отчество заменяет имя не слишком молодого персонажа). Примером официального употребления отчества служит фрагмент: *«Помню, в редакции отмечалось шестидесятилетие заведующей машинописным бюро – Лорейды* ***Филипповны*** *Кожич».* В данном случае, обращение по имени и отчеству демонстрирует соблюдение формальной дистанции и уважительное отношение к вышестоящему сотруднику. В то же время, использование имени и отчества может сигнализировать об отсутствии близости или недостаточном знакомстве с персонажем. Например, в реплике: *«Белла* ***Константиновна*** *– ваша хозяйка, – ласково проговорил Лийвак, – тут и отдохнете...»*, обращение по имени и отчеству подчеркивает официальный характер взаимодействия и дистанцию между говорящим и адресатом. В контексте повествования называние персонажа по отчеству может указывать на степень близости между ним и рассказчиком. Например, в предложении *«мой знакомый* ***Геныч*** *вернулся из Москвы подавленный и тихий – Олжаса Сулейменова увидел в ЦУМе»*, отсутствие имени и использование сокращенной формы отчества *(Геныч)* может свидетельствовать о более близких, дружеских отношениях, особенно по контрасту с названным в этом же предложении

по имени и фамилии Олжасом Сулейменовым. Анализ частотности использования различных форм именования позволяет сделать выводы об отношении автора к персонажам. Так, в тексте имя и отчество начальника Довлатова упоминается 7 раз, в то время как фамилия – 30 раз. Данное соотношение может указывать на амбивалентное отношение автора к начальнику, сочетающее элементы формального уважения и ироничного, несерьезного отношения к нему.

В рамках следующей подгруппы, прозвища, было выявлено 4 ономастических единицы на 6 словоупотреблений. Функция применения прозвищ напрямую детерминируется контекстом. Так, в одном из примеров прозвище *«Дукель»* присваивается персонажу на основе его фамилии: *«**Дукель** (то есть Дукальский)».*

Анализ антропонимов в тексте обнаруживает целенаправленное использование имен собственных для создания многогранного образа советской действительности. Обилие фамилий формирует иллюзию реалистичности, а варьирование форм именования (имя, отчество, прозвища) выражает авторское отношение к персонажам – от уважения до иронии. Использование антропонимов – не просто прямое, внестилистилевое именование персонажей, а средство отражения социальной иерархии, отношений между персонажами и создания сатирического эффекта.

Второй по частотности в исследуемом тексте является группа топонимов (согласно Ожегову, топонимы – это собственное название отдельного географического места (населенного пункта, реки, угодья и др.)., [4]), подразделяющаяся на ряд подгрупп. Общее количество топонимических единиц составляет 35, с частотой употребления 131 раз. Самой частотной в этой группе является подгруппа ойконимов (14 единиц и 77 словоупотреблений). Использование названий городов в тексте часто сопряжено с целью предоставить дополнительную информацию о месте действия или о персонажах. В частности, автор, повествуя о своей жизни в советском Таллинне, использует топонимы для создания необходимого контекста и более глубокого погружения читателя в атмосферу произведения. Например, упоминание о том, что *«Чмутов уехал в **Ленинград**. Целыми днями сидел на радио. Ждал своего часа...»* позволяет читателю получить дополнительную информацию о судьбе персонажа и его стремлениях. Подгруппа хоронимов включает 16 единиц, зафиксированных в 49 случаях употребления. Употребление названий стран в тексте обусловлено тематикой произведения, повествующего о жизни в Советском Союзе. Начало произведения, в котором перечисляются страны-участницы конференции, демонстрирует комичность ситуации, возникающей из-за идеологических требований. Перечисление стран в алфавитном порядке вызывает недовольство у начальника Туронка, требующего соблюдения идеологической последовательности *(«Демократические страны – вперед! Затем – нейтральные государства. И, наконец, – участники блока»*), это подчеркивает значимость идео-

логических установок даже в, казалось бы, нейтральных ситуациях для советских граждан, работающих в органах управления или СМИ.

Самой малочисленной является группа урбонимов, включающая в себя агоронимы. Примером использования агоронима в тексте может служить фраза: *«Ждите его на **Ратушной площади**. Он передаст вам ключ...».* В данном контексте, употребление агоронима связано с конкретным обозначением места, в котором разворачивается действие, создавая у читателя более четкое представление о пространственной локализации событий.

Следующей по частоте упоминания группой в исследуемом тексте являются гемеронимы (9 единиц и 9 случаев употребления). Согласно определению, представленному в «Словаре русской ономастической терминологии» Подольской, гемероним представляет собой название средства массовой информации, например, газеты и журналы. Крюкова расширяет данное понятие, полагая, что печатные издания являются лишь одним из видов СМИ, и определяет гемеронимы как имена средств массовой информации в целом.

Учитывая автобиографический характер произведения и его фокус на работе журналиста, закономерным представляется наличие гемеронимов, обозначающих как названия газет, в которых работал рассказчик *(«**Советская Эстония**». Ноябрь. 1973 г»)*, так и названия рубрик, представленных на страницах издания *(«– Что за рубрика у вас? – **«Человек и профессия»**. Нас интересуют люди редких профессий. А также неожиданные аспекты...»)*. Использование гемеронимов способствует созданию реалистичной рабочей атмосферы, раскрывая специфику журналистской деятельности и демонстрируя те аспекты реальности, которые обычно остаются за кадром, но именно они становятся предметом анализа в каждом «компромиссе», предваряемом выдержкой из газеты.

Менее распространенной в анализируемом тексте является подгруппа зоонимов, представленная 4 единицами и 4 случаями их употребления. Несмотря на отсутствие явных тенденций в выборе данных именований *(«И будут мелькать удивительные лошадиные клички: **Ганнибал, Веселая Песенка, Рок-н-ролл**»)*, можно предположить, что присвоение животным имен выдающихся деятелей или музыкальных жанров не является случайным, а обусловлено определенным сходством в характере или поведении.

В тексте немногочисленны названия книг, баров, праздников, автомобиля и корабля, что обусловлено контекстом повествования, создающим фон и расширяющим смысловое пространство. Ономастическое пространство выполняет важную художественную функцию, создавая многогранный портрет советской действительности. Имена собственные обеспечивают реалистичность, характеризуют персонажей, формируют эмоциональную атмосферу и создают многослойный текст, позволяющий глубже понять авторский замысел.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 605 с.
2. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. – М.: 2001. – 223 с.
3. Довлатов, С.Д. Компромисс / С.Д. Довлатов. – сбор. соч. в 4 т. СПб: Азбука, 2016. Т. 1. С. 255–458.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 1997, 1999, 2001, 2003. – 943 с.
5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
6. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – Москва: Издательство «Наука», 1973. – 366 с.

Н.Б. Бугакова
Воронежский государственный технический университет
e-mail: ya_witch@mail.ru

УДК 801.3=82(045/046):26

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ РОДСТВА В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Ключевые слова: *А. Платонов, модель ономастического творчества, некоторые термины родства, «Чевенгур».*

Статья посвящена изучению функционирования терминов родства в художественном пространстве произведений Андрея Платонова. Внимание сосредоточено на особенностях использования этих терминов в качестве элементов ономастической системы автора, раскрывающих глубинные смыслы и взаимосвязи персонажей. Исследуется, как через термины родства А. Платонов создает уникальные образы, отражает социальные и культурные реалии своего времени, передает философско-этические концепции. В работе анализируется ключевое произведение писателя – роман «Чевенгур». Исследование позволяет выявить специфику применения родственных обозначений в рамках творческого метода писателя.

N.B. Bugakova
Voronezh State Technical University

ABOUT SOME TERMS OF KINSHIP IN A. PLATONOV'S NOVEL "CHEVENGUR"

Key words: *A. Platonov, model of onomastic creativity, some kinship terms, "Chevengur".*

The article is devoted to the study of the functioning of kinship terms in the artistic space of Andrei Platonov's works. Attention is focused on the peculiarities of using these terms as elements of the author's onomastic system, revealing the deep meanings and interrelationships of the characters. The article explores how A. Platonov creates unique images through the terms of kinship, reflects the social and cultural realities of his time, and conveys philosophical and ethical concepts. The paper analyzes the key work of the writer – the novel "Chevengur". The study allows us to identify the specifics of the use of related designations within the framework of the creative method of the writer.

А. Платонов, один из выдающихся русских писателей XX века, известен уникальным стилем и философской глубиной произведений. Исследователи творчества писателя отмечали, что оригинальность его произведений «ярче всего проявляется в языковом исполнении, в знаменитом платоновском стиле, которому невозможно найти аналог в русской литературе» [4, с. 13]. Эта гипотеза основывалась на мнении о том, что «в духе общей тенденции платоновские вещи наполнены разноязыким говором революционной эпохи, революционной фразой и политическими лозунгами, новыми штампами, диалектными словами, нередко придающими речи персонажей комический эффект» [4, с. 13]. Создание такого языка способствует, по нашему мнению, выражению авторской позиции, а следственно, отражению картины мира писателя. Однако отметим, что самым важным писатель считал порождение смысла, на что обращает внимание В.В. Буйлов: «платоновский языковой дискурс характеризуется наличием многих косвенных смыслов» [1, с. 566].

В художественных произведениях писателя часто затрагиваются темы одиночества, поиска смысла жизни и борьбы человека с окружающей действительностью. В этой связи одной из характерных черт модели ономастического творчества А. Платонова является активное использование терминов родства, которые выходят за рамки простого обозначения семейных связей и становятся важными символическими элементами (об этом см. подробнее [2]).

Предлагаемое исследование выполнено в традициях Воронежской ономастической школы и посвящено выявлению функций терминов родства в модели ономастического творчества А. Платонова. Объектом исследования являются термины родства, используемые вместо имени собственного, в романе А. Платонова «Чевенгур» в их взаимодействии с другими разноуровневыми единицами текста. Отметим, что анализ апеллятивно-онимного единства способствует более глубокому проникновению в художественный замысел автора.

Рассматриваемый роман – одно из наиболее значимых произведений А. Платонова. В нем автор исследует тему утопического общества, где люди

пытаются построить новый мир на основе равенства и братства. Однако эта попытка оказывается неудачной, поскольку идеалы сталкиваются с реальностью человеческих слабостей и противоречий. Одним из способов выражения этой идеи становится использование терминов родства. Персонажи романа часто используют термины родства, замещая ими обращение по имени: «Паровоз никакой пылинки не любит: машина, брат, это барышня» [6, с. 9] – сообщает один из героев романа, употребляя лексему *брат* по отношению к человеку, не находящемуся в кровном родстве с героем. Также вместо обращения по имени может быть использована диминутивная форма рассматриваемой лексемы: «Бобыль замирал от удивления: – Могучее дело. Куда ж тут, братцы, до всего дознаться!» [6, с. 4]. Употребление лексемы *братцы* демонстрирует удивление и некоторое смирение персонажа перед сложностью мира, а также подчеркивает простоту и непосредственность героя, его народность. Отметим, что в русской культуре обращение *братцы* имеет глубокие корни и ассоциируется с традициями взаимопомощи, коллективизма и уважения к старшим или более опытным людям.

Отметим, что диминутив *братцы* не используется писателем в качестве обозначения родственных связей. Так, Прохор Абрамович, сообщая маленькому Саше Дванову о рождении еще двоих детей в семье, говорит: «Два братца тебе родилось» [6, с. 13]. Известно, что Саша в семье приемный, поэтому родившиеся дети, не будучи ему кровными родственниками, именуются братцами. Для обозначения кровного родства писатель вводит лексему *брат,* употреблённую в форме множественного числа: «Я вам сколько раз наказывала раньше приходить! –закричала Варя на братьев. – У, идолы кромешные! Сейчас же снимайте одежду – негде ее брать!» [6, с. 49].

Напротив, термин родства *сестра* используется для демонстрации как кровного, так и духовного родства: сестра – Варька, являющаяся кровной сестрой своим братьям, приучающая их «к твердой справедливости» [6, с. 49]; сестра – Фекла Степановна, которая «защитила Дванова тем, то приучила его к своей простоте женщины, точно она была сестрой скончавшейся матери Дванова, которой он не помнил и не мог любить» [6, с. 64]; сестрой называет Дванов свою возлюбленную Соню Мандрову. Полагаем, этот термин символизирует общую судьбу, которую разделяют герои. Такое употребление рассматриваемых терминов показывает, что истинное единство людей заключается не в биологической связи, а в духовной близости и взаимопонимании.

Термин родства *сестра* используется писателем не только по отношению к людям. Так, автор называет сестрой земли луну: «под луною молча спал человек; свет солнца, озарявший издали ночную сестру земли, имел в себе мутное, горячее и живое вещество, но до луны этот свет доходил уже процеженным сквозь мертвую долготу пространства» [6, с. 188]. В данном случае при помощи термина родства *сестра* автор вводит в текст романа мифопоэтическую оппозицию земля/небо (об этом см. подробнее [1; 5]).

Примечательно употребление писателем термина *братство*: один из героев романа, вспоминая, чего он «только не пил», говорит, что ничего из выпитого «души не радует», кроме водки, которая «санитарно готовилась, стерва! Прозрачна, чисто воздух Божий – ни соринки, ни запаха, как женская слеза. … Хватишь сотку – сразу тебе кажется и равенство, и братство» [6, с. 59]. В речи персонажа получает переосмысление популярный лозунг «Свобода, равенство и братство» (*Liberté, égalité, fraternité),* бывший символом Французской революции конца XVIII века и отражавший основные идеалы революционеров, стремившихся к упразднению монархии и установлению республиканского строя. Позднее этот лозунг стал популярен во многих странах и движениях, стремящихся к социальным изменениям и справедливости, в том числе и в СССР. Таким образом, использование термина родства *братство* в рассматриваемом примере обозначает, очевидно, не кровную связь между людьми, а духовное единение, единомыслие, стремление к общей цели. Кроме того, употребление этого термина направлено на воссоздание исторического хронотопа, так как погружает читателя в создаваемый писателем мир образов, в описываемую им реальность.

Термины родства *мама* и *папа* вводятся в текст произведения в формах *мать* и *отец*: «За гробом отца мальчик шел без горя и пристойно» [6, с. 8]; «Кто получил себе мать или дочь, тот редко выходил из жилища и старался трудиться под одной крышей с родственницей, заготовляя неизвестные вещи» [6, с. 225]. Отметим, что употребление этих терминов в рассматриваемых примерах позволяет предполагать, что герои не испытывают глубоких родственных чувств; мальчик Саша Дванов хоронит отца, а не папу, и за гробом идет «без горя». Жители Чевенгура могут «получить» мать или дочь; очевидно, кровное родство необязательно для чевенгурцев. Подтверждение этой гипотезе находим в тексте: вводя термины родства *отец* и *сын*, автор сообщает: «сын и отец были связаны нисколько не чувством, а имуществом» [6, с. 189].

Употребление терминов родства *бабушка* и *дедушка* осуществляется по отношению к незнакомым людям. Персонажи обращаются к этим лексемам, заменяя ими антропонимы: «Живой еще, дедушка? – сказал сторожу Захар Павлович» [6, с. 8]; «Старушка подошла к приказчику и протянула ему карточку, зашитую на прорехах суровыми нитками. – Не надо, бабушка, так отпустим, – заявил приказчик» [6, с. 97]. Такие обращения обусловлены традициями русского языка и культуры: зачастую термины родства *бабушка* и *дедушка* используются не только для обозначения кровных родственников, но и в качестве уважительного обращения к пожилым женщинам и мужчинам. В рассматриваемых примерах герои создают атмосферу заботы о персонажах, по отношению к которым употребляются термины родства. Кроме того, предположим, что употребление терминов родства *бабушка* и *дедушка* по отношению к незнакомым людям иллюстрирует тезис о том, что в Чевенгуре всё общее; эта концепция была центральной в марксистско-ленинской

идеологии, лежащей в основе Советского Союза. Отметим, что автор вводит в текст дериваты рассматриваемых терминов родства, например, притяжательное прилагательное *бабушкин:* «всадник въехал в церковь с удивлением возвращенного детства, словно он очутился на родине в бабушкином чулане» [6, с. 119]. Очевидно, что воспоминания о бабушкином чулане связаны с воспоминаниями о детстве, а образ бабушки ассоциируется с заботой, любовью и поддержкой. Символично сравнение церкви и чулана: они представляют собой противоположные пространства – общественное и священное и личное и интимное, и такое их сочетание в тексте создает ощущение пересечения разных миров, сложного переплетения символов.

В качестве замены антропонимов используются термины родства *дядя* и *тетя*, однако отметим принципиальное, на наш взгляд, отличие. *Дядя* вводится писателем в текст произведения либо в диминутивной форме («Ты, дядюшка, напрасно тона не оглашай» [6, с. 7]), либо в стяженной («Дядь, дай копейку, – сказал он» [6, с. 23]), в то время как *тетя* используется только в пейоративной форме («А чего тетки плачут?» [6, с. 6]; «тетка Марья ходила порожняя» [6, с. 12]).

Отметим также одного из центральных персонажей романа – Захара Павловича, который называет всех жителей Чевенгура своими «детьми», не являясь, очевидно, их биологическим отцом. Термин *дети*, используемый героем, отражает его заботу и ответственность за сообщество. Захар Павлович стремится создать условия, в которых каждый человек будет чувствовать себя частью большой семьи, но его усилия оказываются тщетными из-за внутренней разобщенности и эгоизма людей.

Анализ семантики терминов родства в романе позволяет говорить о духовной близости героев: термины родства символизируют не только биологические связи, но и эмоциональную и духовную привязанность персонажей, общность их целей и переживаний. Кроме того, использование терминов родства связано с идеей построения справедливого общества, основанного на принципах равенства и взаимопомощи; в некоторых случаях термины родства призваны продемонстрировать разрушение традиционных семейных структур. Это отражает изменения, происходящие в обществе после революции, когда старые ценности уступают место новым.

Завершая анализ, отметим: исследование терминов родства в творчестве А. Платонова позволяет сделать вывод о том, что они играют важную роль в передаче философских и социальных идей автора. Через символы семейных связей автор выражает свои размышления о природе человека, обществе и духовности. Термины родства, являясь ключевыми для понимания текста, становятся средством выражения стремления к единству и гармонии, которое остается недостижимым в реальной жизни. Кроме того, термины родства, заменяя имя собственное, способствуют воссозданию исторического хронотопа, отражая социальный контекст эпохи, в которую жил и творил писатель.

Литература

1. Бугакова, Н.Б. Лексическая объективация бинарной оппозиции «земля – небо» в художественной модели мира А. Платонова / Н.Б. Бугакова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 3(46). – С. 32–37.

2. Бугакова, Н.Б. Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита» / Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина, Е.О. Кузьминых // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2024. – Т. 43. – № 2. – С. 199–205.

3. Буйлов, В.В. Писательский метод Андрея Платонова: отдельные ключевые характеристики и лингвостилистические средства / В.В. Буйлов // Неофилология. – 2021. – Т. 7. – № 28. – С. 565–577.

4. Матвеева, И.И. Комизм языка персонажей Андрея Платонова / И.И. Матвеева // Русская речь. – 2001. – №4. – С. 12–17.

5. Скуридина, С.А., Земля как мифопоэтическая константа: Ф.М. Достоевский, А. Платонов, И. Шмелев / С.А. Скуридина, Н.Б. Бугакова, Е.О. Кузьминых // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2022. – Т. 26. – № 3. – С. 21–34.

Источники

6. Андрей Платонов. Собрание сочинений в 5-ти томах. – Т. 2. – М.: «Информпечать», 1998. – 236 с.

С.Ф. Бут-Гусаім
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: svfbg@tut.by

УДК 808.26 – 541.2

АНАМАСТЫЧНАЯ ПРАСТОРА ЗБОРНІКА МІКАЛАЯ ПАШКЕВІЧА “У РОДНЫМ СЛОВЕ АДГУКАЕЦЦА ДУША”

Ключевые слова: *оним, поэтоним, антропоним, антропонимическая коннотация, личное имя, прозвище, топоним.*

В статье рассмотрены национально-культурные особенности поэтонимов сборника Николая Пашкевича «В родном слове отзывается душа». Описаны формы личных собственных имен – репрезентантов коннотаций эмоциональности, экспрессивности, оценочности и национально-культурной специфики. Рассмотрены образно-изобразительные особенности прозвищ – выразителей информации о присущих белорусскому этносу этических и эстетических нормах. Описана прагматическая значимость топонимов, которые концентрируют набор аккумулированной исторической, этнографической, географической и коннотативной информации и поэтому участвуют в формировании хронотопа произведения.

S.F. But-Gusaim
Brest State University named after A.S. Pushkin

THE ONOMASTIC SPACE OF NIKOLAI PASHKEVICH'S COLLECTION "THE SOUL SPEAKS IN THE NATIVE WORD"

Key words: *onym, poetonym, anthroponym, anthroponymic connotation, personal name, nickname, toponym.*

The article examines the national and cultural peculiarities of the poets of Nikolai Pashkevich's collection "the soul speaks in the native word". The forms of personal proper names, which express the connotations of emotionality, expressivity, evaluativeness, and national and cultural specificity, are described. The article considers the figurative and pictorial features of surnames that express information about the ethical and aesthetic norms inherent in the Belarusian ethnic group. The article describes the pragmatic significance of toponyms, which concentrate a set of accumulated historical, ethnographic, geographical and connotative information and therefore participate in the formation of the chronotope of the work.

Зборнік педагога, пісьменніка, навукоўца Мікалая Пашкевіча "У родным слове адгукаецца душа" ўключае апавяданні, эсэ, мініяцюры, у якіх – шчымлівы і шчыры ўспамін пра малую радзіму пісьменніка – вёску Рубель, што на Століншчыне. Аўтар піша: "Гэта кніга пра гаворку жыхароў вёскі Рубель Столінскага раёна, пра тое, як слова дапамагае адчуць повязь са сваімі продкамі, убачыць непаўторнае хараство родных мясцінаў. Кніга адрасуецца ўсім, хто душою адгукаецца на роднае слова, каб пачуць голас сваіх продкаў, каб падаць голас сваім нашчадкам" [1, с. 3]. Вялікае значэнне для раскрыцця сацыяльна-культурнага і гістарычнага зместу творчай спадчыны пісьменніка мае даследаванне анамастыкону яго твораў. Імя – адзін з прадуктаў нацыянальнай і рэгіянальнай культуры. У імёнах фіксуюцца нацыянальныя ідэалы прыгажосці (ці адхіленні ад іх), вераванні, сацыяльная іерархія грамадства і многае іншае. Даследаванне імёнаў навукова-папулярнага тэксту мае вялікае значэнне для раскрыцця гістарычнага і сацыяльна-культурнага зместу нацыянальнага іменаслову.

Мэта прадстаўленага артыкула – выяўленне нацыянальна-культурнай спецыфікі анамастыкону навукова-папулярных твораў Мікалая Пашкевіча. Надзённасць прадстаўленай працы абумоўлена тым, што даследаванне анамастычнай прасторы навукова-папулярных твораў брэсцкага пісьменніка ажыццяўлялася з пазіцый такога накірунку сучаснага мовазнаўства, як лінгвапрагматыка. У кантэксце навукова-папулярнага твора значэнне оніма пашыраецца за кошт увядзення цэлага шэрагу экстралінгвістычных кампанентаў (сацыяльных, ідэалагічных, маральна-этычных, псіхалагічных).

Акрамя таго, адным са складнікаў семантыкі оніма з'яўляецца яго канататыўная афарбаванасць. Актуальнасць тэмы абумоўлена и тым, што анамастыкон навукова-папулярнай літаратуры Мікалая Пашкевіча пакуль не з'яўляўся прадметам комплекснага лінгвапрагматычнага і онамапаэтычнага апісання.

Героі твораў пісьменніка – простыя вяскоўцы – з'яўляюцца носьбітамі традыцыйных хрысціянскіх каляндарных імёнаў, што прыйшлі ў беларускі іменаслоў з грэчаскай (***Агаф'я (Гапа), Дзмітрый (Міцё), Еўдакія (Оўдзя), Мінай (Мінё*)**, ***Паліна (Поля), Трахім (Трохім), Яўгенія (Ёўга*)**, лацінскай (***Клім, Матруна, Разалія (Рузя), Усціння (Юста), Ціт***), старажытнаяўрэйскай (***Ева, Гаўрыло, Назар, Сара***) моў. Сярод традыцыйных онімаў вылучаюцца прапрыяльныя лексемы славянскага паходжання: ***Браніслава (Броня)*** і ***Вацлаў (Вацік).*** Мікалай Пашкевіч называе такія імёны рэдкаўжывальнымі. Аўтар адзначае: "*Сёння частку рэдкаўжывальных імёнаў можна ўзнавіць толькі на падставе сямейных мянушак. Статус мянушкі набыло рэдкаўжывальнае асабовае імя* ***Каленік (Каліна)****. Зараз нямногія рубельцы ведаюць, што мянушка* ***Хіма*** *паходзіць ад жаночага імя* ***Яўхімія****"* [1, с. 155]. Брэсцкі пісьменік фіксуе сямейна-родавыя мянушкі аднавяскоўцаў, асновай якіх сталі ўжывальныя ў папярэдніх пакаленнях рубельцаў асабовыя імёны: ***Базыль (Васіль), Дзем'ян (Дзям'ян), Карп, Кірэй (Кір, Кір'ян), Купрыян, Вэр'ян (Авяр'ян)***.

На старонках твораў пісьменніка знаходзім шматлікія дыялектныя формы онімаў, якія перадаюць мясцовы каларыт: ***Зоня, Зыня, Зонька; Ладзё, Ладзік; Пэлё, Пэлік; Сцелё, Сцелько***. Мікалай Пашкевіч умела рэалізуе ацэначна-характарыстычную ролю асабовых імёнаў, якія ў беларускай культуры ўжываюцца ў розных фармальных разнавіднасцях: поўнай (афіцыйнай, пашпартнай), гіпакарыстычнай і мноства эмацыйна афарбаваных формаў. Так, выкарыстанне складанай канструкцыі – спалучэння асабовага імені з іменем па бацьку (такія формы звароту, паводле меркавання даследчыкаў этыкету, прыйшлі ў беларускую мову з рускай) – сведчанне пашаны да чалавека, напр.: "*Нямала было і тых, хто назаўсёды звязаў свой прафесійны шлях з Рубельскай школай.* ***Віктар Макаравіч Кез, Вера Андрэеўна Красуцкая-Кез*** *(заслужаная настаўніца БССР),* ***Васіль Мікітавіч Антоненка, Іван Васільевіч і Ніна Пятроўна Максімовічы***" [1, с. 30]. Паказчыкам прыязнасці і ветлівасці, спаконвечнага родавага адчування блізкасці землякоў з'яўляюцца ўжывальныя ў вясковым асяроддзі формы звароту "дзядзька", "цётка", "дзед", "баба" + імя: «*Задаволены тым, што змог уважыць просьбу бездапаможнай жанчыны, Іван іранічна-паблажліва адказваў:* "*Дзякуй вам,* ***цётка Ганна****, што дапусцілі да работы"*» [1, с. 42].

Дзякуючы гнуткасці, пластычнасці, здольнасці перадаваць тонкія нюансы чалавечых адносін, асабовае імя адыгрывае ў замалёўках вясковага жыцця важную ролю, з'ўляючыся носьбітам сацыяльна і асобасна

значнай інфармацыі аб герою (паважаны чалавек у соцыуме ці не, малады ці сталага ўзросту), перадаючы багатую гаму эмоцый, пачуццяў, ацэнак: “***Верэ**, ты чуеш, **Верочка**, я цебэ прошу: накажыно там мойму **Грышы**, хай пэрэвээ мэнэ*” [1, с. 19]; “*А ты памятаеш, **Мішку**? – ажывіўся мой даўні знаёмы. – Ён і так гаварун, а калі вып’е, то і ўвогуле, як кажуць, рот не закрываецца*” [1, с. 43]; “*Мая дзіцячая памяць зафіксавала тую трагедыю вяскоўцаў найперш таму, што загінула наша суседка **Лексочка**, яе дачка **Каця** і немаўля*” [1, с. 43]; “*Нязменным кантралёрам, які запускаў у залу гледачоў, быў **дзядзька Косця**, ці, як усе яго звалі, проста **Косця***” [1, с. 26]; “*Дзякуй табе, **Іваначка**, за работу”* [1, с. 42].

Праз актуалізацыю прагматычнай значнасці шматлікіх формаў асабовых імёнаў Мікалай Пашкевіч стварыў яркія замалёўкі жыцця аднавяскоўцаў, перадаў традыцыі іменавання, выразіў тонкія адценні ацэнак, эмоцый, пачуццяў, зафіксаваныя ў моўнай свядомасці беларусаў, адлюстраваў уласцівыя роднай гаворцы моўныя асаблівасці.

Мянушка – адзін з самых старажытных і цікавых складнікаў антрапанімічнай лексікі. У асяроддзі вяскоўцаў вылучаюцца ***калектыўна-тэрытарыяльныя мянушкі*** – празванні жыхароў пэўнага населенага пункта. Ва ўспамінах Мікалая Пашкевіча прыводзіцца найменне-характарыстыка аднавяскоўцаў пісьменніка і акрэсліваецца яго матывацыя: «*Згадваючы сваю вандроўку па Століншчыне, Уладзімір Караткевіч піша: “Рэдкія там вёскі, але, як кажуць, меткія. У вёсцы Рубель 1800 двароў – «Гэто ж наш **Кітай**» (мясцовы жарт)”. Сапраўды, падчас майго дзяцінства і юнацтва нярэдка нас, рубельцаў, жыхары суседніх вёсак называлі **кітайцамі***» [1, с. 11].

Значную частку неафіцыйных празванняў вяскоўцаў займаюць ***сямейна-родавыя (генесіянімічныя)*** мянушкі. У іх ліку пісьменнік вылучае ***патронімы***, базай утварэння якіх становяцца імёны продкаў па мужчынскай лініі: “*Мянушка **Пэтрыніные** ўтворана ад імя **Пэтро**, **Косцючковые** – ад **Костусь**, **Саўчыные** – ад **Сава**. Такіх мянушак у рубельскай гаворцы параўнальна нямнога. Звычайна імі абазначаны род, які належыць да былой шляхты*” [1, с. 186]. Словаўтваральнай базай ***матранімічных мянушак*** вяскоўцаў з’яўляюцца імёны продкаў па жаночай лініі, да якіх далучаюцца суфіксы *-к-, -очк-, -ечк-*: ***Верочка, Манька, Мар’ечка, Марынка, Паўлінка*** [1, с. 186]. М. Пашкевіч адзначае, што статус мянушкі атрымліваюць рэдкаўжывальныя імёны ***Ёўга, Прося, Тэкля, Рузя, Хіма, Юстына*** [1, с. 186].

Ацэначна-характарыстычную функцыю выконваюць ***індывідуальныя мянушкі***, у якіх адлюстраваны ўяўленні вяскоўцаў аб нормах паводзінаў, ладзе жыцця, прыгажосці і інш. У першую тэматычную групу выдзелены мянушкі-замалёўкі знешнасці сялян: ***Гурбочка, Кучко, Куцы, Лысы, Мэляўка, Покорпаны, Трубач, Стройны, Сыты, Цыган, Шнур, Бэзрукі, Глухі, Зубэль, Кліщун, Кульпач, Носар, Почка, Сіпак, Слепцоў, Бусько,***

Ворончук, Вуташка, Драч, Пугач, Курка, Соловэй, Соўка, Вэчка, Кот, Кошка, Моркач, Осенчак, Воўк, Заец, Козлік, Лось [1, с. 185–186]. На ўнутраныя якасці індывідаў, іх сацыяльны статус паказваюць наступныя мянушкі: ***Корпаец, Мазунец (ліслівец), Рэўкач, Срой (пра неўраўнаважанага чалавека), Сонда (санлівец), Стойковэц, Шпаркі, Воспан, Король***. Аўтарскі кантэкст раскрывае матывацыю гаваркіх антрапонімаў: "*Мянушка* ***Воспан*** *успрымаецца як напамін пра былую рубельскую шляхту. Вядома, што словы* ***васпан*** *і* ***васпані*** *служылі формай ветлівага звароту ў шляхецкім асяроддзі. Ці выкарыстоўвалася раней вяскоўцамі слова* ***васпан*** *як зваротак да асобы, цяпер цяжка сказаць. У гаворцы яно як акрамя мянушкі больш ніяк не выяўляецца"* [1, с. 187]. Характарыстыкай маўлення вясковай жанчыны з'яўляецца мянушка ***Майнэрыха***, аснова ўтварэння якой – часта ўжывальнае дыялектнае слова: «*У рубельскай гаворцы ўжываецца слова* ***майна*** *са значэннем 'трава, якая расце на вадаёмах'. "Пойду нарву* ***майны*** *свінням" ці "Поўны кошэль* ***майны*** *прынэсла", – гаварыла вясковая жанчына. Пачутае некалькі разоў суседзямі рэдкаўжывальнае слова з вуснаў рублянкі прадвызначыла яе мянушку –* ***Майнэрыха***» [1, с. 188]. Ужыты ў творах М. Пашкевіча мянушкі-празванні паводле месца жыхарства вяскоўца. Так, у сялянскім асяроддзі прынята называць замужніх жанчын паводле вёскі, дзе яны жылі да замуства: "***Дуброўчанка*** *(ад назвы вёскі* ***Дуброва), Вэлемічанка*** *(ад –* ***Вялемічы), Ольпенка*** *(ад –* ***Альпень), Хотомлянка*** *(ад* ***– Хотамель***)" [1, с. 185].

З'яўляючыся найбольш старажытным разрадам антрапанімічнай лексікі, мянушкі працягваюць сваё жыццё ў асяроддзі сучасных вяскоўцаў, даючы ім магчымасць ярка абмаляваць найбольш кідкія рысы знешнасці чалавека, апісаць і ацаніць яго характар і маўленне, акрэсліць сваяцкія адносіны паміж людзьмі. А каштоўнасць сямейна-родавых (генесіянімічных) і калектыўна-тэрытарыяльных мянушак у тым, што яны захоўваюць інфармацыю аб гісторыі продкаў сям'і і жыхароў пэўнага населенага пункта.

Прозвішчы ў кантэксце ўспамінаў Мікалая Пашкеівча рэпрэзентуюць канатацыю сацыяльнасці. Так, у склад шляхецкіх прозвішчаў, як правіла, уключаюцца суфіксы -ск-, -іч-. Мікалай Пашкевіч успамінае прадстаўнікоў шляхецкіх родаў, што жылі ў роднай вёсцы – ***Пашкевічаў, Апановічаў, Вабішчэвічаў, Жалянгоўскіх, Кажаноўскіх, Ліпскіх, Ляшкевічаў, Разановічаў.*** Пісьменнік разважае: «*Аўтарытэт шляхецкага роду напрацоўваўся з пакалення ў пакаленне і, як мне здаецца, у нейкай ступені прадвызначаў паводзіны кожнага, каму было наканавана нарадзіцца ў сям'і шляхціча. Ва ўсякім выпадку, у дзяцінстве мне не даводзілася чуць, каб нехта, напрыклад, з майго роду вызначаўся амаральнасцю, парушаў вякамі ўсталяваныя традыцыі, да непрыстойнасці прынізіў годнасць іншага чалавека, выйшаў за межы закона. Безумоўна, гэта не азначала, што ўсе бытавыя канфлікты вырашаліся на мажорна-добразычлівай ноце. Характар – справа складаная, супярэчлівая, нярэдка ўнікальная, якая не заўсёды прадвызначаецца*

сацыяльным статусам чалавека. У Рублі кажуць: "Натуру чоловекане не пэрэмэніш – якім вон родівса, такім і ўмрэ"» [2, с. 23–24].

У кантэксце твораў Мікалая Пашкевіча актуалізуецца этымалагічная семантыка ***мікратапонімаў***, якія захоўваюць каштоўную інфармацыю пра характар гаспадарання рубельцаў ("*Назвай* ***Волыня*** *рубельцы абазначылі луг, дзе раней пасвілі* ***валоў*** *– непаваротлівых, але цягавітых жывёлаў: імі даводзілася араць зямлю, выконваць іншыя сельскагаспадарчыя работы"* [1, с. 167]); пра вяскоўцаў – уладароў зямлі ("*Ёсць у лексіцы вёскі Рубель назва ўрочышчаў, утвораныя ад асабовых імёнаў:* ***Іваночковэ, Косцючковэ****. Гэтыя мікратапонімы захоўваюць памяць пра гаспадароў, якія некалі мелі і па-сялянску дбацна апрацоўвалі ўласную зямлю*" [1, с. 167]); пра сацыяльную структуру вясковай грамады ("*У цэнтральнай частцы вёскі жыла* ***шляхта****; за царквою, бліжэй да Хатомеля, –* ***мужыкі****, што і адлюстравалася ў мікратапонімах сяла:* ***Шляхта*** *і* ***Мужыкі***" [1, с. 24–25]).

Анамастыкон навукова-папулярных твораў Мікалая Пашкевіча мае агульнабеларускі нацыянальны характар. Шырока прадстаўлены ў ім рэгіянальны кампанент. Ядром сістэмы асабовых імёнаў, адлюстраванай у творах, з'яўляецца хрысціянскі іменаслоў, асвоены нацыянальнай мовай і мясцовай гаворкай. Інфармацыйная нагрузка мянушак і тапонімаў перадае асаблівасці ўспрымання і ацэнкі вяскоўцамі знешнасці, маральных якасцей, паводзінаў асобы, а таксама адлюстроўвае сацыяльную структуру соцыуму, асаблівасці гаспадарчага жыцця рубельцаў.

Літаратура

1. Пашкевіч, М.І. У родным слове адгукаецца душа / М.І. Пашкевіч. – Брэст: Альтернатива, 2012. – 196 с.

Л.М. Вардомацкий
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: Lvardomackij@gmail.com

УДК 811.161.1'373.231:658.87:94(476.5-25)"16"

ИМЕНОВАНИЯ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТОРГОВЫХ ЛАВОК ВИТЕБСКА XVII В. (НА МАТЕРИАЛЕ «ИНВЕНТАРЯ Г. ВИТЕБСКА» 1641 ГОДА)

Ключевые слова: *история языка, антропонимика, именования, структура именований, владельцы торговых объектов, социологический контекст.*

В статье впервые осуществляется попытка исследования структурных особенностей именований одной из социальны групп жителей Витебска – владельцев торговых лавок. Материалом для исследования

послужили данные, полученные в результате переписи жителей города, которая была проведена в Витебске в 1641 году в связи с возвращением городу Магдебурского права. Исследование подтвердило гипотезу о том, что представленное в «Инвентаре Витебска» 1641 года разделение владельцев торговых лавок на три группы соотносится в основе своей с тремя различающимися в структурно-семантическом плане группами их именований. Это, с одной стороны, очевидно свидетельствует о выраженной социальной неоднородности внутри самой группы витебских торговцев, с другой, – указывает на то, что основным источником пополнения этой социальной группы населения, в первую очередь, являлось крестьянство.

L.M. Vardomackij
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

NAMES OF THE OWNERS OF TRADING SHOPS IN VITEBSK IN THE 17th CENTURY (BASED ON THE "INVENTORY OF THE CITY OF VITEBSK" OF 1641)

Key words: *history of language, anthroponymy, naming, structure of naming, owners of commercial facilities, sociological context.*

The article is the first attempt to study the structural features of the names of one of the social groups of Vitebsk residents – owners of trading shops. The material for the study was the data obtained as a result of the census of city residents, which was conducted in Vitebsk in 1641 in connection with the return of the Magdeburg Law to the city. The study confirmed the hypothesis that the division of owners of trading shops into three groups presented in the "Vitebsk Inventory" of 1641 is basically related to three different structurally and semantically groups of their names. On the one hand, this obviously indicates a pronounced social heterogeneity within the group of Vitebsk traders, on the other hand, it indicates that the main source of replenishment of this social group of the population, first of all, was the peasantry.

Изучение истории формирования антропонимной системы Беларуси представляет собою довольно сложную задачу. При обращении к этой проблеме исследователь на самом деле оказывается в почти полной зависимости от лингвистических особенностей памятников письменности, из которых извлекается антропонимический материал. А эти особенности, в свою очередь, определяются традициями письма, которых при оформлении какого-либо текста придерживался его автор, стилистическими характеристиками документа, диалектными особенностями территории, на которой был создан документ, наконец, просто опытом и грамотностью писцов. По этой причине даже в одном тексте по отношению к разным людям мы можем встретить: *Юрій* и *Іюрій*, *Тимофей* и *Цымохъ*, *Афонасъ* и *Апанас* и т.д.

Настоящая работа – это одна из первых попыток осуществить системное исследование структурных особенностей именований одной из групп жителей Витебска в социальном контексте – владельцев торговых лавок. Материалом для исследования послужили данные, полученные в результате переписи жителей города, которая была проведена в Витебске в 1641 году в связи с возвращением городу Магдебурского права. Результаты переписи представлены в «Инвентаре города Витебска» за 1641 год.

Отметим, что название этого документа в разных источниках представлено разными вариантами. Так, в одном случае (в современной языковой версии) читаем: «Инвентарь целого города Его Королевской Милости Витебска с принадлежащими ему некоторыми доходами Ярошем Маскевичем Дворянином Его Королевской Милости при даровании права Магдебургского списанный в году 1641 7 дня». Далее пояснение: «Составленный на старобелорусском языке и изложенный на латинице, хранится в рукописном отделе библиотеки Академии наук Литвы и до настоящего времени целиком нигде не опубликован» [2].

Может быть, автор этого пояснения имеет ввиду отсутствие публикации оригинального текста этого документа!? Потому что на самом деле документ был издан А. Сапуновым в 1883 году в 1-м томе «Витебской старины» под № 155 и названием «Инвентарь всего е. к. в. города Витебска съ принадлежащими ему нѣкоторыми доходными статьями, списанный дворяниномъ Ярошемъ Мацкевичемъ, 1641 года, Ноября 2 дня, при дарованіи Магдебургскаго права» [2, с. 353]. Причем А. Сапунов дополнительно указывает: «Перевод с польского».

Кстати, обратим внимание на указанную здесь дату – 1641 год. Между тем, в «Витебской энциклопедии», в разделе «Краткая история», указана другая дата с пояснением: «1644, 25 ноября – польским королём и князем ВКЛ Владиславом IV… Витебску возвращено Магдебургское право и герб» [3].

Оставим историкам дискуссию о действительной дате возвращения Витебску Магдебурского права и о языке оригинала документа и обратимся к предмету нашего исследования – именованиям владельцев торговых объектов Витебска, представленным в Инвентаре» 1641 года и опубликованным в редакции А. Сапунова.

Магдебурское право – это право на самоуправление. Но городское самоуправление требует создания управляющих и юридических органов, для сдержания которых городу нужно формировать бюджет. А, как известно, доходная часть любого бюджета складывается прежде всего из налогов. Поэтому в городе начинают поощряться и активно развиваться такие виды деятельности, которые являются налогоемкими, быстро окупаемы и приносят устойчивый доход городской казне. А это, естественно, торговля и таможня. Именно с целью необходимости учета доходов и налогоплательщиков и подготовлен Ярошем Маскевичем анализируемый

«Инвентарь г. Витебска с принадлежащими ему некоторыми доходными статьями». А виды платежей, как указано в «Инвентаре», были самые разнообразные: «Мѣровые, локтевые, полавочные, мелочно-торговые (сборы), перевозъ на рѣкѣ Двинѣ, струговые, лодочные (сборы) и другія доходныя статьи, которыми пользовался городъ Витебекъ на основаніи правъ и привилегій, принадлежать ему и нынѣ» [5, с. 353].

Возвращение Витебску Магдебурского права породило новые социально-экономические условия, которые активно содействовали развитию не только собственно торговли, что само по себе не ново, но и формированию и пополнению нового сословия людей, занимающихся этим видом деятельности, которая постепенно становится их профессией.

Согласно «Инвентарю» Яроша Мацкевича, в 1641 году в Витебске было около 80-ти различных торговых лавок и «прилавков». Из них – 37 лавок, которые переписчик выделяет в отдельную группу, предваряя ее таким подзаголовком: «Во-первых, рыночныя лавки». Далее перечисляются «горшечныхъ лавокъ восемь и тѣхъ, въ которыхъ продается соль, – шесть». «Лавки мясныя» – 17 лавок. Владельцы всех этих лавок указаны поименно. Однако были в городе еще и пирожные лавки: «*Здѣсь же торгъ (рынокъ), гдѣ хлѣбъ и пироги продаютъ… всѣ эти пекаря и пекарки, что на разныхъ мѣстахъ торгуютъ*». Имена владельцев этих «торговых точек» не указаны, хоть и указан размер налога для них. Вероятно, это были не стационарные торговые точки, а такие, «что на разныхъ мѣстахъ торгуютъ».

С учетом этих указаний можно предположить, что в 1641 году в Витебске было около 100 человек – владельцев торговых лавок и других торговых мест. Структурный, словообразовательный и семантический анализ их имен и прозвищ может быть интересен с точки зрения возможных выводов и обобщений относительно их социального статуса и положения как среди других слоев жителей города Витебска рассматриваемого времени, так и внутри самой социальной группы. На это обстоятельство указывает, например, В.А. Никонов: «Фамилия социальна. Она возникла в определенных социальных слоях, обслуживая интересы данного слоя» [4, с. 181]. Интересно, что и в нашем случае именования владельцев различных групп торговых лавок заметно различаются, что может свидетельствовать о различении переписчиком их социального статуса, который, вероятно, зависел от местоположения и предназначения торговых лавок, а также от того, когда и откуда пришел человек, пополнивший социальную группу владельцев торговых лавок.

В тексте «Инвентаря» владельцы торговых лавок, как уже было сказано, разделены на три группы.

В отдельную – первую – группу, переписчиком выделены собственно рыночные лавки, размещенные на рыночной площади, то есть в экономическом центре города. Именования их владельцев (а их 36) представлены в основном тремя подгруппами двухкомпонентных структур.

Первая подгруппа, это выраженное сочетание имени и фамилии: *Данила Высоцкий, Никита Алешин, Матвей Игнатов, Яков Родионов, Федор Манушев, Федор Дуников, Богдан Капичин*. В одном случае именование представлено трехкомпонентной структурой – *Захар Павлов Чарновский*. И в одном случае именование представлено только фамилией – *Сухоруков.* Эти последние примеры как раз и подтверждают, что второй элемент именования в перечисленных случаях уже не прозвище, а фамилия. (Ср.: в тексте два именования: «*Лавка Сухорукова*» и «*прилавок Гуторов»,* где отчетливо прослеживается словообразовательная связь: лавка *Сухорукова – чья? от Сухоруков;* но прилавок *Гуторов – чей?* от *Гутор*).

Вторая подгруппа – двухкомпонентные именования, в которых второй элемент по происхождению отчество. В этих случаях идентифицировать второй элемент как фамилию на *–ович* (широко известные формы фамилий в настоящее время) по отношению к данному тексту еще не представляется возможным. Однако такие двухкомпонентные именования, которые назовем почтительными, свидетельствуют об особом социальном статусе этих людей и почтительном отношении к ним переписчика: *Богдан Харитонович, Стефан Павлович, Стефан Петрович, Василь Бонич, Григорий Бонич, Богдан Микулич, Андрей Микулич, Артем Симонович, Артем Федорович, Степан Петрович, Леон Богданович, Григорий Карпович.*

Одной лавкой в этом ряду владела женщина – вдова *Василевичева* (то есть жена *Васи́левича*).

Третью подгруппу именований владельцев лавок на рыночной площади Витебска составляют двухкомпонентные именования, вторая часть которых восходит к прозвищам. Однако сочетания этих «прозвищ» с собственными именами, употребляемыми в полной форме, практическое отсутствие форм уничижительного характера (за единичным исключением – Мишка) позволяет предположить уважительное отношение переписчика и к этой группе владельцев лавок, для которых, вероятно, прозвища в среде горожан уже приобретают значение фамилий: *Алексей Кнер, Иван Кабиба, Захар Лосушка, Василий Коробан, Никита Заяц, Николай Олейник, Федор Бирюк, Тимофей Опухлик, Авсей Мороз, Федор Сухорук, Лаврен Волк, Мишка Глушак, Матвей Лытка, Роман Козел.*

Вторая группа именований – именования владельцев мясных лавок. Их по инвентарю в городе 17, и они не отличаются таким формально-стилистическим единством, как это наблюдаем в первой группе. Здесь видим и двухкомпонентные именования и однокомпонентные. В двухкомпонентных первый компонент – собственно имя – представлено в нейтрально-официальной форме, а второй компонент, сохраняя этимологически прозвищный характер, одновременно уже демонстрирует этап формирования устойчивых фамилий такого типа: *Иван Чарны, Никита Москаль, Юрий Зюка, Тимофей Зюка, Федор Клыга, Федор Галуза*. (Сравним совре-

менные широко известные белорусские фамилии такого типа: *Абабурка, Булыка, Галуза, Заика, Клышка, Шкраба* и мн. др.).

Выраженными прозвищами здесь являются однокомпонентные именования: *Шклей, Гутор, Локцъвок* (*лавки 2 Шклеевы, прилавок Гуторов, лавка Локцъвока на углу*).

В этой же группе находим и два двухкомпонентных именования с именем и отчеством, не типичных для данной группы – *Степан Петрович* и *Григорий Карпович.* Однако эта особенность имеет простое объяснение: у этих людей мясная лавка – вторая. Первая – на рыночной площади.

Нетипичным для группы владельцев мясных лавок является именование *Агроновский.* (Имя не указано, владеет двумя мясными лавками). Как известно, фамилии этого типа (на *–цк-ий / -ск-ий*) типичны для белорусского и польского языков. Однако такие фамилии изначально были у польской аристократии и образовывались, как правило, от названия имений. Такое происхождение первоначально придавало фамилиям социальную престижность, указывало на то, что их носители – владельцы крупных одноименных поместий. Однако со временем значительная часть фамилий на *-ский/-цкий* распространилась также в низших социальных слоях, в том числе, в крестьянской среде, потеряв первоначальную топонимическую основу, чему и наш случай является примером [1].

Третья группа – владельцы горшечных лавок (их в городе 8) и соляных (их 6). Именования владельцев этих лавок, объединенных переписчиком в одну группу, существенно отличаются от первых двух. Часть представителей этой группы торговцев представлена однокомпонентными именованиями. Как правило, это или собственно имя – *Никон, Дмитр, Карп (лавка Никона, лавка Дракулы, лавка Дмитра),* или имя-прозвище – *Печонка, Дракула, Пест, Забка (лавка Печонки, лавка Дракулы, лавка Песта, лавка Забкина).*

Двухкомпонентные именования представителей этой группы торговцев также представлены именованиями прозвищного характера с уничижительной в некоторых случаях формой первого компонента – имени, хоть некоторые из них были, вероятно, достаточно зажиточными людьми и владели двумя лавками*: Отрошек Скраба, Ходзка Скраба, Иван Копица* (от *копи́ца* – ‘небольшая копна’), *Осип Шишка, Ждан Гончар (лавка Отрошка Скрабы, лавка Ходзки Скрабы, лавка Ивана Копицы, лавка Ждана Гончара, прилавок Осипа Шишки).*

Как видим, представленное в инвентаре Витебска 1641 года разделение владельцев торговых лавок на три группы, с очевидностью соотносятся в основе своей с тремя различающимися в структурно-семантическом плане группами их именований. Это, с одной стороны, очевидно свидетельствует о выраженной социальной неоднородности внутри самой группы витебских торговцев, с другой, – указывает на пути и источники пополнения этой социальной группы населения Витебска. Высокий социальный

статус купечества формируется лишь к концу XVIII века, что проявляется в последовательном переходе на использование в их отношении трехкомпонентных именований. По наблюдениям С.Г. Шейдаевой, более половины всех купеческих фамилий, проанализированных ею, «были образованы от личных и профессиональных прозвищ. Это связано с тем, что купцами становились, прежде всего, выходцы из крестьян-ремесленников, в массе своей бесфамильных, но имевших помимо личного имени еще и прозвище» [6, с. 400]. Выходцы из крестьян и ремесленников в основном и пополняли ряды витебских лавочников. Некоторые из них (представители второй и третьей групп) торговали первоначально продуктами и предметами собственного производства, в том числе мясом. Отсюда и формы их именований, соотносимые с формами именований крестьян.

Литература

1. Белорусские фамилии. – URL: https: / /www.wikiwand.com/ru/articles/Белорусские фамилии (дата обращения: 02.04.2025).

2. Витебская энциклопедия. Магдебурское право. – URL: http://evitebsk.com/wiki/ (дата обращения: 25.03.2025).

3. Витебская энциклопедия. – URL: http://evitebsk.com/wiki/Заглавная страница (дата обращения: 26.03.2025).

4. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – Москва: Наука. 1974 г. – 278 с.

5. Сапунов, А. Витебская старина. Т. 1 / А. Сапунов. – Витебск, 1883. – 669 с. – URL: https://www.prlib.ru/item/1091194 (дата обращения: 25.03.2025).

6. Шейдаева, С.Г. Русские купеческие фамилии XVII – XIX вв. / С.Г. Шейдаева // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. – Т. 28, вып. 3. – 2018.

М.В. Василькова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: MOV.Vitebsk@rambler.ru

УДК 81´25:004.9

СПОСОБЫ И ПРИЁМЫ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВОГО НАПОЛНЕНИЯ МОБИЛЬНОГО ПРИЛОЖЕНИЯ «ВАСИЛЬКОВЫЙ КРАЙ – LIFE»

Ключевые слова: *мобильное приложение, способ перевода, прием перевода, безэквивалентная лексика, историко-культурное наследие.*

В данной статье проведен сопоставительный анализ русскоязычных и англоязычных прецедентных имен с точки зрения переводческих трансформаций на основе текстов мобильного приложения «Васильковый край – Life». Данное приложение было создано в 2021 году и реализуется в настоящее время с целью повышения туристической привлекательности

Витебщины. Идея проекта «Васильковый край» заключается в продвижении туристических возможностей витебского региона путем использования мобильного приложения, которое объединяет в себе навигацию по городам и районным центрам области, включая маршруты, виртуальные туры, аудиогиды по различным популярным, эксклюзивным, оригинальным местам и достопримечательностям.

M.V. Vasilkova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

WAYS AND TECHNIQUES OF TRANSLATING THE LANGUAGE CONTENT OF THE MOBILE APPLICATION "VASILKOVY REGION – LIFE"

Key words: *mobile application, ways of translating, techniques of translating, non-equivalent vocabulary, historical and cultural heritage.*

This article provides a comparative analysis of Russian–language and English-language components from the point of view of translation transformations based on the texts of the mobile application "Vasilkovy region – Life". This application was created in 2021 and is currently being implemented in order to increase the tourist attractiveness of Vitebsk region. The idea of this project is to promote the tourist opportunities of the Vitebsk region by creating a mobile application that combines navigation through cities and regional centers of the region, including routes, virtual tours, audio guides to various popular, exclusive, original places and attractions.

Пилотный проект «Васильковый край» был создан с целью эффективного использования уникальных ресурсов витебского региона для повышения туристической привлекательности Витебской области на внутреннем и внешнем рынках. В рамках проекта были проведены работы на территории 12 административно-территориальных единиц Витебской области, включая г. Витебск и другие районы (Браславский, Верхнедвинский, Глубокский, Докшицкий, Лепельский, Миорский, Оршанский, Полоцкий, Поставский, Россонский и Ушачский районы).

Туристическим брендом проекта является QR-код «Васильковый гид», благодаря которому туристы могут получить основные сведения об историко-культурных объектах, посетив их. Более 280 таких кодов было установлено на различных достопримечательностях за время работы проекта.

Для удобства туристов было подготовлено около 200 уникальных маршрутов, туров выходного дня и квест-программ. Информацию о них можно получить в туристических информационных центрах, которые расположены в городах и районах василькового края. Для обеспечения

комфортных условий путешествий было установлено более 200 указателей направления к интересным местам, информационных туристических карт, щитов и других средств навигации.

Актуальность данного проекта заключается в том, что он позволяет создать условия по популяризации северного региона для различных категорий туристов, используя экологический, природный, культурно-познавательный, военно-исторический, производственный и другой потенциал административно-территориальных единиц области с привлечением объектов, находящихся на этих территориях (туристической инфраструктуры, производства, общественного питания, торговли и др.).

Стоит отметить, что для каждого района проект «Васильковый край» разработал уникальный подход с учетом экологии, истории, культуры, уникальных мест и традиций местного колорита.

В рамках проекта было создано мобильное приложение «Васильковый край – Life», предоставляющее информацию о туристических объектах региона на онлайн-карте районов Витебской области и г. Витебска. Также было проведено брендирование территорий мемориального комплекса «Прорыв», Ушачского музея народной славы им. Героя Советского Союза В. Е. Лобанка, усадьбы-музея В. Быкова в д. Бычки, усадебного дома Гребницких в д. Ореховно и костела святой Вероники в д. Селище с использованием QR-кодов для доступа к информации об исторических объектах.

За своё время существования проект выполнил все поставленные задачи:

1. Формирование и продвижение устойчивого имиджа Витебской области на рынке туристических услуг.

2. Разработка конкурентоспособного туристического продукта, достойно представляющего Республику Беларусь на международном рынке.

3. Создание мобильного приложения «Васильковый край – Life» с нанесением ключевых туристических объектов на онлайн-карту районов и г. Витебска, входящих в пилотный проект «Васильковый край». Брендирование территорий: нанесение изображения василька (цифрового контента – QR-код «Васильковый гид») на ключевые туристические объекты.

4. Продвижение, расширение информационного пространства туристического проекта «Васильковый край» путем размещения информации о нем в глобальной компьютерной сети Интернет (сайты, социальные сети, другое), презентации на международных туристических выставках, разработки и тиражирования презентационных материалов (буклеты, брошюры и т.д.), изготовление сувенирной продукции.

5. Разработка культурно-познавательных, краеведческих, экологических, производственных и др. туристических маршрутов, туров выходного дня с учетом специфики региона, продолжительности пребывания туристов и возможностей их передвижения.

6. Привлечение субъектов туриндустрии (хозяев агроэкоусадеб, ремесленников, экскурсоводов, музеев, средств размещения и других субъектов хозяйствования) к реализации своих услуг, товаров в рамках проекта «Васильковый край».

Витебская область обладает огромным потенциалом для развития различных видов туризма, которые занимают заметное место на рынке туристических услуг, как на отечественном, так и на международном уровнях. Зачастую при посещении Витебска возникает ощущение удивительного сочетания домашнего уюта и атмосферы Центральной Европы. Эта духовная разносторонность обусловлена долгой и разнообразной историей города, который принадлежал Великому Княжеству Литовскому и Речи Посполитой, а затем был включен в состав Российской Империи и впоследствии стал частью независимой Беларуси.

Наличие широкого спектра достопримечательностей и исторических мест даёт возможность для максимального вовлечения туризма в популяризацию и использование историко-культурного наследия Витебской области.

Увеличение межъязыковых и межкультурных контактов в индустрии туризма увеличило важность перевода языковых ресурсов, которые придают ценность туристическим объектам для людей из других культур. Основные концепты национально-культурной сферы туризма выражены через реалии, которые играют важную роль в формировании национального образа. В переводе лексики с национально-культурным содержанием часто используются такие приемы перевода, как транскрипция, транслитерация и калькирование.

Проиллюстрируем данные приемы перевода на конкретных предложениях, взятых из мобильного приложения «Васильковый край – Life»:

Николай Смык – Nikolai Smyk; Рынковая площадь – Rynkovaya Square; Иосиф Фонтана – Joseph Fontana; Витебск – Vitebsk; Беларусь – Belarus; Алексей II – Alexy II; Марк Шагал – Marc Chagall; романтизм – Romanticism; Сергей Сотников – Sergei Sotnikov; Лазарь Гинзбург – Lazar Ginzburg; Духовской круглик – Dukhovskoy Kruglik; Лялька – Lyalka; Славянский базар – Slavyansky Bazar.

Напомним, что транскрипция и транслитерация используются для перевода слов с использованием букв алфавита языка перевода. Транскрипция отображает звуковую форму иноязычных слов, в то время как транслитерация передает их графическую форму.

Ещё одним приёмом, которым мы воспользовались, переводя туристические тексты, является калькирование. Суть данного приёма заключается в том, что лексическая единица переводится буквально, сохраняя семантику, но не национальный колорит. Калька может быть широко использована, но при этом сохранять «чуждость» для культуры, на язык которой она переводится. Примеры из туристических текстов:

В самом Варваринском костеле установлен орган. – An organ was installed in the Varvarinsky Church.

Летний амфитеатр – главная сценическая площадка Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске». – The Summer Amphitheatre is the main stage of the International Arts Festival «Slavyansky Bazar in Vitebsk».

Скульптура находится рядом с Белорусским театром «Лялька» на улице Пушкина. – The sculpture is located next to the Belarusian theatre «Lyalka» in Pushkin Street.

Каменный Успенский храм был построен в 1743–1785 гг. монахами базилианского ордена. – The stone Church of the Assumption was built in 1743–1785 by monks of the Basilian order.

Церковь входила в ансамбль Ратушной (Рынковой) площади. – The church was part of the ensemble of the Town Hall (Rynkovaya) Square.

У собора возвышается крест Святой Евфросинии Полоцкой, небесной покровительницы Беларуси. – There is a cross of Saint Euphrosyne of Polotsk, the heavenly patroness of Belarus near the cathedral.

Дом стоит на улице Покровская и построен отцом художника в начале 1900-х годов. – There is a house that was built by the artist's father in the early 1900s in Pokrovskaya Street.

Костел Святой Варвары был перестроен в 1884 году по проекту городского архитектора Виктора Юноши-Пиотровского в стиле неоготики. – The Church of Saint Barbara was rebuilt in 1884 according to the project of the city architect Viktor Yunosha-Piotrovsky in the Neo-Gothic style.

Также при переводе туристических текстов мы неоднократно использовали различные грамматические замены. Рассмотрим следующие примеры:

Средства на строительство выделил витебский купец Николай Смык. The funds for the construction were allocated by Vitebsk merchant Nikolai Smyk.

Как можно заметить, в исходном предложении подлежащее «витебский купец Николай Смык» выполняет действие «выделил средства на строительство». В переведённом предложении «средства на строительство» становятся объектом – подлежащим, а действие переходит в пассивную форму: «были выделены».

Грамматическая замена произошла при переходе от активного залога к пассивному, что является распространенной практикой в английском языке. По такому же принципу были переведены следующие предложения:

Строители отреставрировали Благовещенскую церковь спустя два года – The Annunciation Church was restored by the builders two years later.

После революции губернатор закрыл костёл. – After the revolution the church was closed by the governor.

Множество туристов и местных посещали памятник князю Ольгерду, оставаясь под глубоким впечатлением. – The monument to the Great Duke Algirdas was visited by many of tourists and local people, leaving a deep impression.

В 1940-х военные взорвали мост и его пришлось строить заново. – In the 1940s the bridge was blown up by the military and it had to be rebuilt.

Летом 1998 года рабочие снесли заводскую коробку, в этом же году началось восстановление храма, завершенное в 2011 году. – The factory box was demolished by the workers in the summer of 1998, then began the restoration of the temple, completed in 2011.

Волонтеры восстановили мост в 1967 году. –This bridge was recovered in 1967 by some volunteers.

Скульптор Александр Гвоздиков сотворил памятник в 2011 году, однако его открытие в г.Витебске было на год позже. – This monument was created by sculptor Alexander Gvozdikov in 2011, but its opening in Vitebsk was a year later.

При переводе текстов из мобильного положения нами было использовано опущение. Данный вид лексико-семантической трансформации может использоваться для упрощения и сокращения информации с целью более лаконичного и понятного представления для аудитории. Это может быть особенно полезно при создании кратких описаний достопримечательностей, местных традиций или исторических фактов, чтобы сделать информацию более доступной для туристов, не перегружая их излишними деталями. Приведём примеры опущения:

Бронзовая статуя высотой 1,8 метра изображает сказочного джинна, держащего в ладонях человека с верблюдом. – The tall bronze statue depicts a fabulous genie holding a man with a camel in his palms.

Воскресенская церковь была построена в 1772 году в традициях «виленского» барокко по проекту архитектора Иосифа Фонтана. – The Resurrection Church was built in 1772 in the traditions of the Vilna Baroque by the architect Joseph Fontana.

Прежде на этом месте располагался каменный, меньший по размерам храм, существовавший с конца XVIII века. – Previously, there was a smaller stone church on this site, which had existed since the end of the XVIII century.

Также стоит отметить, что из-за специфики содержания туристических текстов, мы не использовали генерализацию и конкретизацию, как виды переводческих трансформаций. Это связано с тем, что туристические тексты часто содержат уникальные описания и детали, которые могут требовать более точного и конкретного перевода для передачи аутентичного опыта и информации туристам.

В некоторых случаях мы использовали описательный метод перевода. Этот подход применялся, когда в оригинале встречалась реалия, которая

могла быть неизвестна неосведомленному человеку. Ниже приведены примеры использования описательного перевода:

Дворец губернатора в Витебске считается памятником архитектуры в стиле ампир. – The Governor's Palace in Vitebsk is considered an architectural monument in the style of imitation of ancient buildings.

В него входят 14 курганов, один из которых достигает 70 метров в длину и считается самым длинным в Витебском районе. – It includes 14 mounds of earth and stones, one of which reaches 70 meters in length and is considered the longest in the Vitebsk region.

Однако, известно, что княгиня Ольга умерла в 969 году, поэтому в 974 году город основать не могла. – However, it is known that Great Princess Olga died in 969, so she could not found the city in 974.

В 947 году княгиня Ольга могла побывать в Витебске, устанавливая погосты. – Great Princess Olga could visit Vitebsk, establishing tribute collection centres in 947

В частности, воевода назначался только с одобрения местной витебской знати. – In particular, the military-leader was appointed only with the approval of the local Vitebsk nobility.

Исследование способов представления характеристик туристического дискурса на основе текстов из мобильного приложения «Васильковый край – Life» показало, что данный тип текста характеризуется многослойностью и содержит словесные отсылки к реалиям, аллюзиям и ценностям культуры оригинала, отражая при этом исторические события и менталитет членов лингвокультурного сообщества. При переводе возникает определенное недопонимание, которое может быть исправлено с помощью разъяснений, вставок и изменений, внесенных переводчиком. В оригинальном тексте могут встречаться мировоззренческие установки, вызывающие у получателя ассоциации, не предусмотренные переводчиком. Для успешного перевода переводчик должен обладать свободным владением культурой и языком исходного и целевого текстов. Эта задача усложняется тем, что туристический дискурс включает в себя элементы других дискурсов, что доказывает его интертекстуальность. Анализ стратегий перевода туристического текста позволил выявить успешные методы трансформации, такие как транскрипция, калькирование, обобщение, а также описательный перевод и грамматическую замену.

Необходимо отметить, что понимание национальной культуры включает не только знание лексики, но и учет социокультурных изменений, которые прежде всего отражаются в лексике языка. Таким образом мы можем отметить важность анализа лексики с национально-культурным содержанием, особенно в туристических текстах, для правильного выбора переводческих решений.

Е.О. Винокуров
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: vin228egret@gmail.com

УДК 37.016:811.161.1'373.2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный, ономастика, урбаноним, монументоним.*

В статье раскрывается роль ономастического материала в обучении иностранных студентов русскому языку. Предлагаются задания на овладение урбанонимами и монументонимами Витебска, усвоение которых будет способствовать успешному познанию страны изучаемого языка, установлению диалога культур, повышению мотивации и интереса в изучении русского языка как иностранного.

E.O. Vinokurov
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE USE OF ONOMASTIC MATERIAL IN THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Key words: *intercultural communication, Russian as a foreign language, onomastics, urbanonym, monumentonym*.

The article reveals the role of onomastic material in teaching Russian to foreign students. Some tasks are offered to master urbanonyms and monumentonyms of Vitebsk, the assimilation of which will contribute to successful knowledge of the country of the studied language, the establishment of a dialogue of cultures, increasing motivation and interest in studying Russian as a foreign language.

Современная лингводидактика большое внимание уделяет вопросам межкультурной коммуникации. В процессе установления диалога культур особую важность приобретает уровень социокультурной компетенции коммуникантов, поскольку она позволяет беспрепятственно решать коммуникативные задачи [1]. Знание реалий культуры страны изучаемого языка становится неотъемлемым компонентом обучения и русскому языку как иностранному.

В контексте высшего образования в Республике Беларусь социокультурная компетенция также играет большую роль. Увеличение количества иностранных студентов требует особого внимания к проблеме овладения русским языком не только как языком обучения, но и языком общения и познания иной культуры. Целесообразным становится построение системы «смысловых ориентиров» иностранцев в белорусском языковом сообществе для эффективного осуществления межкультурной коммуникации.

Ономастика, изучающая имена собственные, представляет собой важный аспект языка и культуры. В контексте обучения русскому языку как иностранному, ономастический материал может стать эффективным инструментом для развития языковых навыков, понимания культурных особенностей и углубления знаний о Беларуси и ее регионах.

Традиционно, термин ономастика имеет два значения:

1) раздел языкознания, изучающий собственные имена, историю их возникновения и трансформации в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием из других языков;

2) совокупность имен собственных [3].

«Ономастическая номинация – это есть называние, именование, присвоение имени, процесс наименования» [3, с. 10]. Ономастические номинации зачастую представляют собой набор реалий, отражающих территориальные и культурные особенности народа [3].

Географические названия (топонимы) несут в себе богатейшую культурную информацию. Например, названия городов, рек и регионов могут рассказать о географических особенностях страны, ее истории, этнографии. Знакомство с такими названиями может помочь иностранным студентам лучше понять, как природные условия и исторические события влияли на развитие различных территорий страны.

Особый лингводидактический интерес представляют мемориальные урбанонимы, что подчеркивает в своих исследованиях профессор А.М. Мезенко: «Урбанонимная система складывается на протяжении длительного периода времени и представляет собой онимное единство, в котором отражены языки культуры, время, социальные и исторические условия развития общества. Изучение урбанонимикона того или иного народа связано с извлечением культурной и исторической информации, которая включает в себя информацию об этнической истории, о социальной жизни, о материальной и духовной культуре народа» [2, с. 198]. Не вызывает сомнения, что мемориальные названия внутригородских объектов являются своеобразными памятниками белорусской культуры и истории и содержат страноведческую информацию, необходимую для изучения языка одновременно с изучением культуры.

Примерами мемориальных урбанонимов могут послужить отдельные названия памятников Витебской области и города Витебска в частности:

– памятник Александру Невскому – установлен в честь князя, который считается защитником Руси;

– памятник Ф. Скорине – посвящен белорусскому первопечатнику и просветителю, который сыграл важную роль в истории становления белорусского языка и культуры;

– памятник В. И. Ленину – классический памятник советской эпохи, который можно найти во многих городах бывшего СССР;

– памятник «Древо жизни» – современный памятник, символизирующий связь поколений и важность жизни.

После знакомства с этими памятниками у иностранных студентов появится понимание об историческом развитии Беларуси и личностях, которые внесли весомый вклад в этот процесс.

С лингводидактической точки зрения ономастический материал может быть использован для развития различных языковых навыков и речевых умений, а именно:

1) лексических – изучение имен собственных обогащает словарный запас студентов, делая возможной коммуникацию по различным темам и проблемам;

2) грамматических – имена собственные помогают учащимся осваивать грамматические правила, такие как склонение и согласование;

3) умений чтения и аудирования – использование текстов, содержащих ономастические элементы, способствует речевому развитию иностранных студентов.

Следует отметить, что монументонимы играют важную роль при обучении русскому языку как иностранному, поскольку они напрямую отражают исторические реалии и помогают иностранным студентам понять уникальность национально-исторического развития страны изучаемого языка, а также овладеть особенностями культуры и быта. Изучение монументонимов способствует формированию представления о национальном характере, менталитете и ценностях современных носителей языка.

Монументоним – это имя собственное, которое используется для обозначения памятников, мемориальных сооружений или других объектов, увековечивающих память о человеке, событии или явлении. Термин происходит от латинского слова *monumentum*, означающего «памятник», и суффикса «-он» или «-о́ним», обозначающего название или имя. Монументонимы служат для идентификации и обозначения конкретных памятных объектов в географических или культурных контекстах [4].

Для решения лингводидактических задач приведем различные формы аудиторной и внеаудиторной работы с иностранными студентами с привлечением ономастического материала.

Например, для совершенствования навыков говорения на русском языке можно предложить иностранным студентам подготовить рассказ на тему «Названия по пути в университет» на основе урбанонимов, встречающихся на повседневном маршруте от общежития (места проживания) в вуз. Задание сопровождается следующими методическими рекомендациями:

1) нарисовать схему маршрута, отметив на ней важные топообъекты (список заранее предъявляется преподавателем);

2) пользуясь поисковыми системами, найти информацию о названиях улиц, площадей и находящихся в этих местах учреждений, памятников и других городских объектов;

3) составить по 3 предложения о том, какие сведения о Витебске предоставляет каждая из найденных городских номинаций;

4) подготовить сообщение и/или презентацию с фотографиями топообъектов, расположенных на маршруте в университет.

В процессе подведения итогов занятия рекомендуется задать иностранным студентам обобщающие вопросы: Какие новые факты о Витебске вы узнали благодаря составлению маршрута в университет? Какие сведения вызвали у вас наибольший интерес и о чем бы вы хотели узнать более подробно? Возникли ли у вас ассоциативные связи между урбанонимами Витебска и своего родного города?

Еще одним заданием может послужить упражнение «Географические названия». Цель упражнения – изучение географических названий и их значений.

Упражнение выполняется следующим образом: попросите студентов найти информацию о каких-либо населенных пунктах Витебской области и рассказать о них. После прослушивания рассказов можно задать студентам вопросы, связанные с населенными пунктами, с которыми они познакомились. Вопросы могут быть следующими: Какой населенный пункт вы выбрали? Какое значение имеет название этого населенного пункта? Какие известные достопримечательности находятся в этом населенном пункте?

Для эффективного использования ономастического материала в обучении можно применять различные методы и подходы, а также ряд нестандартных педагогических технологий, например, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ**)**, которые включают в себя:

1. Использование компьютеров, интерактивных досок, онлайн-курсов и образовательных платформ для создания гибкой образовательной среды.

2. Виртуальные классы и дистанционное обучение, которые позволяют учиться в любое время и в любом месте.

Использование этих технологий помогает иностранным студентам более успешно интегрироваться в языковую среду изучаемого языка, а виртуальные классы позволяют начать знакомство с другой культурой еще до переезда.

Таким образом, обучение иностранных студентов русскому языку диктует методическую необходимость изучения студентами русских урбанонимов и монументонимов, представляющих собой специфический и достаточно трудный для восприятия и усвоения языковой пласт. Овладение ономастическими знаниями является важным этапом подготовки студентов к успешному общению как в учебно-профессиональной, так и в социально-коммуникативной сферах, что не только способствует развитию

языковых навыков, но и углубляет понимание культуры и истории Беларуси. Внедрение ономастики в учебный процесс делает обучение более интересным и эффективным, позволяя студентам погружаться в богатый мир культуры изучаемого языка.

Литература

1. Горегляд, Е. Н. Региональный компонент в практике преподавания русского языка иностранным студентам (ономастический аспект) / Е. Н. Горегляд // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей : к юбилею доктора филологических наук, профессора А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – С. 48–53.

2. Мезенко, А. М. Мемориальные урбанонимы как трансляторы исторической памяти народа / А. М. Мезенко // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 74-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 18 февраля 2022 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – С. 198–199.

3. Мезенко, А. М. Теория имени собственного : учебное пособие / А. М. Мезенко, В. М. Генкин, А. Н. Деревяго ; под общ. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 202 с.

4. Разумов Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии / Р. В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 2. – С. 14–19.

Ж.К. Гапонова
Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского
e-mail: jangap1@mail.ru

УДК 81'373.23

ДВУОСНОВНЫЕ И СОСТАВНЫЕ ПРОЗВИЩА Г. ЯРОСЛАВЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ XVII ВЕКА)

Ключевые слова: *региональный антропонимикон XVII века, двуосновные прозвища, мотивировочный признак, классификация лексики.*

В статье рассматриваются ярославские двуосновные и составные антропонимы, зафиксированные в памятниках деловой письменности XVII века. Благодаря установлению мотивировочных признаков, положенных в основу именований, становится понятной система взглядов и представлений человека того времени. Сопоставление материалов ярославского антропонимикона с данными исследований других регионов позволяет сделать вывод как о достаточно стабильном наборе признаков, положенных в основу прозвищ и патронимов, образованных на их основе, так и о региональном аспекте, проявляющемся во внутренней форме ярославских прозваний.

Zh.K. Gaponova
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

TWO-STEM AND COMPOUND NICKNAMES OF THE YAROSLAVL (BASED ON CADASTRES OF THE XVII CENTURY)

Key words: *regional anthroponymicon of the XVII century, Two-Stem Anthroponyms, nicknames, motivational feature, lexical classification.*

The article deals with Yaroslavl Two-Stem and compound anthroponyms recorded in the monuments of business writing of the XVII century. Thanks to the establishment of motivational features, which are the basis of the names, the system of views and perceptions of the man of that time becomes understandable. The comparison of the materials of the Yaroslavl anthroponymy with the data of studies of other regions allows us to conclude both about a rather stable set of features underlying nicknames and patronyms formed on their basis, and about the regional aspect manifested in the internal form of Yaroslavl nicknames.

Несмотря на большое количество работ, посвященных формированию российского антропонимикона, некоторые аспекты региональных антропонимических систем, в частности на территории Ярославского края, длительное время не изучались. Классификация лексем по разным семантическим признакам, положенным в основу антропонимических единиц, позволяет выявить наиболее значимые фрагменты языковой картины мира говорящих рассматриваемого периода, соотнести факты номинации человека с этнокультурными установками ярославцев. Неравномерность изучения русского антропонимикона побуждает нас обратиться к ярославским двуосновным антропонимам, не рассматривавшимся в качестве самостоятельного объекта исследования, однако представленным в работах ономатологов других регионов (И. А. Кюршунова, С. Б. Веселовский, И. М. Ганжина, О. А. Черепанова и др.).

Материалы для данного исследования извлекались методом сплошной выборки из Перечневой о38писи города Ярославля 1630 года, опубликованной в «Ярославских губернских ведомостях» в 1861 [38], списка с выписи из писцовой книги, содержащей описания дворов Пажецкой волости, а также Спасской и Богоявленской слобод, Дмитровской сотни и расположенных вокруг них земель города Ярославля 135, 136, 137 гг. [41], а также писцовых, дозорных, межевых и переписных книг XVII в., представляющих результаты переписи ярославского городского населения 7129 (1621), 7154 (1646), 7177 (1668), 7178 (1669) и 7180 (1671), 7194 (1685) опубликованных в 1913 г. Ярославской ученой архивной комиссией [30; 31; 32; 33; 34; 35].

Обращение к корпусу ярославских двуосновных прозвищ или патронимов и фамильных прозваний, образованных от прозвищ, обусловлено и мнением ономатологов о недостаточной степени изученности таких антропонимических единиц: «составные прозвища (в отличие от композитов) являются на сегодняшний день практически не описанным антропонимическим материалом. Вероятно, это связано с их единичной представленностью в документах донационального периода» [8, 66]; «Будучи творческими новациями диалектных групп населения, они представляют значительный интерес для исследователей» [2, 109].

В отличие от двуосновных личных календарных имен, внутренняя форма которых была связана, как правило, с благопожеланиями новорожденному, в основу прозвищ могли быть положены указания на внешний вид человека, поведенческие особенности, черты характера, причем, что отмечается исследователями, взрослого: «…двуосновных прозвищ (большей частью соматизмов), характеризующих обычно взрослого человека, для которого основным условием являлось отношение к труду, что свойственно всем экспрессивным отапеллятивным и составным ономастическим номинациям исследуемого времени. Обе группы двуосновных именований <личные имена-композиты и двуосновные прозвища – Ж. Г.> – своеобразный культурный код, расшифровка которого позволяет взглянуть на информативность антропонимических единиц как фрагментов, представляющих периферийную, региональную картину мира Руси XV–XVII веков» [8, 67]. Так, Е. Н. Полякова выделяет именования, данные в каких-то особых обстоятельствах, среди которых «немало сложных прозвищ из словосочетаний («*Чердынец Меркушка прозвище Малая Земля*»)» [15, 215].

Следует отметить, что отличие прозвищ от некалендарных имен, как правило, связано с присутствием в семантике первых коннотативного признака, чаще оценочного, показывающего отношение к именуемому представителей социума, причем прозвание достаточно часто закреплялось за человеком и служило впоследствии основанием для возникновения патронима. Следовательно, установление внутренней формы наименования имеет не только лингвистическое, но и культурологическое значение. Именно поэтому, говоря об оценочном компоненте, положенном в основу именования, В. Л. Васильев демонстрирует сомнение «в наличии у восстанавливаемого антропонима статуса внутрисемейного имени», склоняясь квалифицировать такую антропонимическую единицу как прозвище, «прозвание», второе имя, присвоенное человеку социумом. При этом лингвист указывает на изолированность таких именований, считая, что они «не находят отражений за пределами региона» [2, 109]. С В. Л. Васильевым можно согласиться лишь отчасти: сопоставление материалов ярославского антропонимикона с данными других исследователей показывает некоторую повторяемость не только признаков, положенных в основу прозвищ, но и самих прозваний, что позволяет сделать выводы о некоторой стабильности

признаков в языковом сознании русского человека, получающих номинативное оформление в антропонимическую единицу, а также о региональных особенностях имянаречения.

По мнению В. Л. Васильева, «экспрессивно окрашенный компонент обычно находится во второй части антропонимического сложения. Все это, между прочим, означает, что постпозитивный компонент сложного антропонима обладает большей функционально-семантической нагрузкой, нежели препозитивный. Композитный антропоним, имеющий очевидную экспрессивность (оценочность), хронологически плохо привязан к древнеславянскому времени, поскольку создание двуосновных имен-экспрессивов продолжает оставаться живым процессом по сей день (ср. относительно новые номинации людей типа *дуболом*, *саморуб*, *самострел*, *короед* и др.)» [2, 109–110].

В статье мы вынуждены лишь частично представить богатый антропонимический материал, найденный в ярославских источниках, однако даже небольшой по объему список двуосновных прозваний и составных прозвищ позволит составить впечатление об особенностях ярославского антропонимикона. Рассмотрим именования, мотивационный компонент которых связан с различными сферами жизнедеятельности человека XVII века.

Основу прозваний достаточно часто составляли соматизмы, указывающие на различные увечья человека: соматизм осложнен описательными компонентами и строится по модели – «компонент (*бело-, долго-, красно-, криво-, остро-, сухо-, сыро-, толсто-, тонко-, черно-, широ(ко)-* и т. д.) + соматизм» [8, 63], ср.: *во дв. Илья* ***Сухорукой*** *бою копе* [32, 342] = *во дв. Илейка* ***Сухорукой*** *бою копье* [33, 463]; *во дворе охотникъ Сидорка* ***Палоумов*** [43, 13]; *дв. посацково человѣка Гришки* ***Палаумова*** *пустъ* [39, 181].

Среди именований, в основе которых лежит указание на особенности внешности, можно выделить такие примеры: *гостя Василя Шорина приказщикъ Петрунка Ивановъ сынъ прозвище* ***Чернобровка*** [39, 107] = *во дв. вдова Татяна Петрова жена* ***Чернобровкина*** *у нетъ сынъ Александръ 9 лѣт бою пищал* [32, 267] = *во дв. вдова Петровская жена* ***Чернобровки****, у ней сынъ Алешка 10 лѣт бою пищал* [33, 405]; *дв. посадково человѣка Богдана Овсѣвева сына* ***Белоглаза****; во дв. вдова Ирина Яковлевская жена* ***белоглаза*** *у нетъ детей Иван Дмитрей 12 лѣт бою копе* [32, 300] = *во дворенке вдова Оринка Ивановская жена* ***Белоглазова*** *у нетъ 2 сына Ивашко да Митка 12 лѣт бою копе* [32, 449]; *дв. бывал посадцкого человѣка Ивана* ***Белобородова*** [31, 113]; *...купчей тещи ево по продаже вдовы Уляны Леонтьевской жены* ***Полубородина*** *150-г году* [30, 612]; *во дворе Павел Кондратев сынъ* ***Кривошея*** *рыбной ловец* [31, 365] = *во дв. Пашка Кривошея бою пищал* [35, 577]. Как видим из примеров, большинство именований имеют прозрачную внутреннюю форму благодаря корневым морфемам, известным литературному языку. Возникновение прозвищ или

патронимов на основе прозваний демонстрирует стремление человека обозначить словом наиболее существенный признак субъекта номинации, в частности цвет глаз, бороды или волос, наличие бороды или ее особенности, отличие тех или иных частей лица и тела.

В некоторых антропонимах основой прозвища становятся диалектизмы, как правило, сочетающиеся с корнем, известным литературному языку, например: *Иван* ***Белогузов****, крестьянин, 1545, Ярославль* [5, 35]; *Иванъ* ***Бѣлогузъ*** [42] = *Ивашко* ***Бѣлогузъ*** [43] = *во дв. вдова Оксиница Ивановская жена* ***Белогузова*** *– у нее Васка обнищали* [31, 226]. Попытка выяснить мотивировочный признак показывает пример множественной мотивации: 1) др.-рус. *гузня* – «задняя часть тела, ягодицы»; ср. *белогузый* – «с белой задней частью туловища» [СРЯ 4: 155; 27: 235; ВФ: 14] = «чел. с белым задом». > Отч. Белогускин, Белогузов [ПКВ: 24; ПКВМ: 186], Вологда (1629), Вологод. уезд (1701) [11, 21]; 2) голубь [9, 123]. В «Ономастиконе» С. Б. Веселовского отмечено, что лица, носившие такое прозвище и фамилию, жили преимущественно в Новгороде [5, 83], фамилия отмечена в других регионах более позднего времени. В справочнике «Весь Петербург» (1910) фамилия *Голубев* встречается 150 раз, что подтверждает жизнеспособность версии о значении элемента *гуз* – ‘голубь’. Б. О. Унбегаун отмечает, что в течение веков голубеводство было очень распространено в России. От названий различных пород голубей образовалось большое количество прозвищ, а затем и фамилий. Предполагается, что они присваивались владельцам голубей той или иной породы (Белобоков, Черноголовкин, Краснобрыжев, **Серогузов**, Синелобов, Турманов и др.) [26, 149]. По той же словообразовательной модели могло быть образовано и прозвище *Белогуз*, данное человеку, занимавшемуся разведением голубей с белым надхвостием (крестцом).

Среди нечасто встречающихся в других регионах антропонимов можно выделить патроним *Шумоволосов*: *Елизарка* ***Шумоволосова*** *<в овощном ряду>* [40]; *дв. Савка* ***Шумалосова*** <вероятно, ошибка возникла при записи патронима на слух, ср.: *Сидорка Палоумов* [44, 13]; *дв. посацково человѣка Гришки Палаумова пустъ* [31, 181] – *Ж. Г.*> [31, 217], ср. в других регионах: *во дворе Микитка Кузьмин сын* ***Шумоволосов****, у нево сын Алешка, сшел в салдаты. Во дворе Гришка Кузьмин сын* ***Шумоволосов*** *з детьми…* [39, 58].

Шумоволос, вероятно, то же, что *шимоволос* – ‘человек с распущенными волосами’ (Подп.) [21, 869]. Шумоволосом также могли называть лешего и водяного, представлявшихся с длинными спутанными волосами [14, 123]. «Шумоволос, шумоволосый леший – ‘нечистый дух; леший с длинными спутанными волосами’. Длинные, часто спутанные волосы, обилие шерсти, косматость отличают многих нечистых – от лешего и водяного до черта – и характеризуют их как наделенных сверхъестественными, колдовскими способностями. Длинные, густые волосы подобных существ как

бы хранят и эманируют магические силы, влияния» [4, 208]. Безусловно, культурно-практический опыт русских людей сравнивать человека с различными мифическими существами приводил к появлению номинаций, возникающих на основе метафорического переноса: Л 5079. Человек с неприбранными, растрёпанными волосами: жиматый, шумоволос… [17].

Обращение к Ярославскому материалу в некоторых случаев позволяет существенно дополнить представление о ряде именований, широко распространенных по всей территории России. Так, например, фиксируемый практически одновременно с данными по Устюгу и Вологде патроним Костоусов (*Ивашка* ***Костоусова*** [40] = *дворъ был посадцково человѣка Ѳедка Подшубника да Ивашко* ***Костоусова*** [31, 114] / *дв. вдовы Ѳедорки Ивановские жены* ***Костоусовы*** *– у нея сынъ Ѳедка* [31, 114] = *во дв. Ѳедка* ***Костоусов*** *у нег 2 сына Алешка 17 лѣт, Сенка 2 годов бою бердыш* [33, 394]) исследователи возводят к антропониму *Костоус*, типологический статус которого не может быть определен однозначно – прозвище или некалендарное имя. Подобное прозвище могло определять особенности внешности и даваться человеку «с жёсткими, костяными усами» [11, 122–123] или шире – «с жесткими волосами» [10, 186]. Однако большинство исследователей склоняется к мнению о связи антропонима *Костоус* с «отмечаемым в фольклоре словом *костоусище* ‘колотье в костях’, ср. в вят. заговоре «*Прочище-урочище, костоломище-костоусище, озевище-ломотище*» [21, 51–52; 16, 190]. Участие в магических ритуалах дает основания поставить вопрос о возможности этого слова выступать в качестве некалендарного имени-оберега. Распространенность антропонимической единицы по преимуществу в ареале северного наречия позволяет увидеть и еще один возможный мотив именования – от глагола *костоуситься* ‘хмуриться, быть насупленным’ (КОСТОУСИТЬСЯ. Хмуриться, быть насупленным. Арх: Котл. *Чего костоусишься, не радуешься?* (Котл, Наледино). [19, 90]). Прозвище *Костоус* мог в таком случае получить угрюмый человек.

Указание на особенности поведения, характера актуализируется в патрониме ***Вертиколбаков***: *дв. посадцково человѣка Гришки Тимоѳѣева сына* ***Вертиколбакова*** [31, 170]. Несмотря на то, что слово *колба* в русских говорах является полисемантом, что дает повод снова говорить о неоднозначной трактовке внутренней формы антропонима, мы склонны считать, что значение ‘голова’ [23, 14, 111] могло стать основой именования – *вертиголовый*, определяющего невнимательного человека. Если принять во внимание значение слова *колба* – ‘особый сорт пшеницы’, то появляется вероятность связывать прозвище с определенным занятием человека, ср.: *колба*. 1. Особый сорт пшеницы, полба. 27, 64 (48), 73. Колоба, 48, 64. 2. Сорт ячменя [какой?]. У *колбы усики расположены с двух сторон.* 22. 36 [28, 5, 49].

В ярославских деловых документах встречаются примеры двуосновных антропонимов, указывающих на род занятий, что отражает общерусские

тенденции в имянаречении: *мѣсто Келейное пустое Ловецкое Ѳедора* ***Туроносова*** [31, 116]; *в том дворѣ живет Харитонъ Меркульев сынъ* ***Туроносов*** *торговой человѣкъ ловецкой крестьянинъ* [31, 146–147]; *Ярославец Лука* ***Туроносов*** [29]; *во дв. Пантелѣйко Иевлев* ***Дуботолкъ*** *у него 2 сына Ивашко 20 лѣт з годом Логинко 6 лѣт бою копье* [33, 473–474]; *во дв. Самъсонко Акинѳиевъ сынъ* ***Дуботолок*** *у нево сынъ Савка 16 лѣт бою бердыш* [32, 358]; *дв. посацкой вдовы Настасьи Ортемъевы дочери Неждановские жены* ***Глиновозова*** *– у ней 2 сына Спиридонъ да Мартьян обнищали* [31, 145].

Антропоним *Туроносов*, по мнению З. И. Власовой, является прозвищем скомороха, который носил маску *тура* [18, 349]: в Ярославской губернии были распространены представители династии, и упоминание об этих торговых людях есть в таможенных книгах других регионов.

Одно из значений слова *дубатолка* – ‘необтесанное и невыделанное дубовое корыто’ [1, 192] – позволяет объяснить прозвище умением человека работать с деревом, делать из него определенную утварь.

Среди ярославских антропонимических единиц встречаются прозвища, производные от глаголов, обозначающих действия и явления отрицательного свойства, например, порицающие пьянство: *посадцкой вдовы Ульки Кондратьевской жены* ***Одерибрюховы*** *да сына еѣ Исачка Власьева = Исачка* ***Одерибрюхова*** (в сапожном ветошном ряду) [40] = *дв. посацког человѣка Исачка Власева сына* ***Одерибрюхова*** [31, 116] (ср. к и.-е. корню ‘драть’ может быть отнесено прус. *dgasťus* ‘брюхо, пузо’, которое сравнимо по знач. с русским *драть брюхо* ‘нажираться’, надраться ‘напиться’); *во дв. вдова Татяница Анисимовская жена* ***Водожерова*** *у неѣ сынъ Ивашко 8 лѣт бою копье [32, 318] = во дв. вдова Татяница Анисимовская жена* ***Водожерова*** *у ней сынъ Ивашко 9 лѣт бою копе* [33, 416]; *во дв. Тишка Ѳедотов сынъ* ***Водожеров*** *бою пищал* [32, 318].

Как уже отмечалось, достаточно частотным в процессе обретения человеком прозвища является механизм оформления в антропонимическую единицу факта порицания, неодобрения, когда представителями социума отмечается любое отклонение от принятой в обществе нормы поведения, представления о красоте, внешнем виде человека и т. п. В меньшей степени встречаются в антропонимиконе прозвища, актуализирующие проявление человеком таланта или каких-либо других достоинств, например: дв. посацково человѣка Ѳедора Савинова сына **Краснопѣва** / *дв. вдова Овдотица Ѳедоровская жена* ***Краснопѣвова*** *у неѣ сынъ Ивашко 11 лѣт [32, 319] / во дв. вдова Овдотьица Ѳедоровская жена* ***Краснопѣва****, у ней сынъ Ивашко 12 лѣт бою копе* [32, 417]; *во дв. Ермилко* ***Краснопѣвов*** *бою копе* [32, 417]. Последний упоминается в указателе имен, «по своему происхождению относящихся к сфере народной праздничной культуры», составленном З. И. Власовой [18]. В основе представленного антропонима – словосочетание, указывающие на умение человека красиво петь. Другим

примером актуализации положительной оценки в прозвище является: *Баженко Омельяновъ сынъ* ***Сорокоумовъ*** [43]. Фамилия от прозвища Сорокоум, данного мудрому, опытному человеку.

В документах деловой письменности Ярославля XVII века встречаются и составные (двусловные) прозвища, которые, как правило, наиболее интересны, поскольку демонстрируют местный колорит и особую выразительность внутренней формы: «в мотивационном плане экспрессивные двуосновные прозвища близки составным именам» [8, 65]; «к числу типологизированных антропонимов, близких к уникальным, можно отнести редкие в деловой письменности XVI–XVII вв. двусловные некалендарные личные имена [22, 217–218].

Приведем некоторые примеры составных прозвищ, зафиксированных в памятниках деловой письменности Ярославля в сопоставлении с данными других регионов: *Ѳедки* ***болшой бороды*** *<в юхотном ряду>* [40]; *дв. Митюшки большой бороды [Книга переписная. 1646. с. 218]; И въ прошлыхъ же, государь, во 116 году, какъ пришелъ къ Угличу съ рускими людьми Третьякъ* ***Большая борода*** [45, 373]; *дв. посацково человѣка Никитки Тровѳимова сына* ***Тяжелые короби*** *у – нево дѣтей Ѳедоско да Олешка* [31, 181]; *дв. посадцково человѣка Куземки Ермолина сына* ***Кривые горницы*** *– у нег детей сынъ Макарко 15 лѣт другой сынъ Сенка 10 лѣт, Мартемянко да Маркелко по 4 года* [31, 170] (ср.: *дв. Тимоха Спиридонов сын Кривая Горница да дети его Гриша да Мартынко да зять его Ерасимка Яковлев сын да зять же его Онтропко Клеметьев сын* (в Пустозерской волости) [41]; запорожские фамильные прозвища всегда выделялись некоторой экстравагантностью – например, в Нарымском остроге отбывал службу Пётр Жадная Брага, в Берёзове – казак **Кривая Горница**, потомки которого – **Кривогорницыны** – служили в Енисейске, Красноярске и Якутске, а якутские казаки, в свою очередь, при крещении подарили эту запорожскую фамилию западнокамчатским аборигенам камчадалам Кривогорницыным… [3, 145]). По-видимому, такое прозвище могли получить те, кто живёт в покосившейся избушке.

Современному человеку с точки зрения лексической сочетаемости может показаться интересным прозвище ***Высокие щи***: *во дв. Осипъ Ѳилипевъ* ***Высокие щи*** *(с) сыном Тимоѳѣемъ бою 2 копья* [32, 278] = *во дв. Оска Ѳилипов* ***Высоких штей****, бою копе* [33, 392]; *у нег живет сынъ ег Тимошка, бою копье ж; во дв. Василей Осипов* ***Высокие щи*** *у него 3 сына Иван 16 лѣтъ Дмитрей 12 лѣт Осипъ 5 лѣт бою пищал, а ныне живет таможенной избы подячей Борис Орлов* [32, 280]; *во дв. Иван Осипов овчинник* ***Высокие шти*** *с сыном Иваном бою пищал* [32, 294–295] */ Оска* ***Высокие шти*** *живет у Ивашка* ***Высоких штей*** *бою копе* [35, 553] (ср. в других регионам: 1) публикацию А. В. Зубатенко сопровождает комментарий: «Эта фамилия упоминается в 1573/74 г., «против таможенные избы» в Муроме находился «полок пуст Ивашки **Высоких Штей**» [37, 306]; 2) В Российском

государственном архиве древних актов (РГАДА) хранится «Дело по челобитью поляка Глеба Яковлева об отдаче ему жены его из крепости от «посацкого» человека Ивана, **прозванием Высокие Шти** и о дозволении им жить в Кадашевой слободе» – историческая местность в московском районе Якиманка (1670 г. № 38 05.09.1670 05.09.1670); 3) «…*сентября в 2 день продал Васька* ***Высокие Шти*** *скотину Оське Созонову, взяв 3 р. Пошлины взято с Васьки алтын, да рогового взято с Оськи 2 алт.*» [36]; 4) «*во дворѣ Микифорка Петровъ сын* ***Высокіе Щи***» [38, 8].

По мнению Е. Н. Поляковой «термин *прозвище* в деловом языке XVI–XVII вв. был нейтральным и употреблялся для характеристики некалендарных имен и индивидуальных прозвищ. Его синоним **прозвание** характеризовал только **индивидуальные прозвища** («Кунгурец Андрей Савин прозванием Широкая Лыжа») [16, 215]. При возникновении сложностей выявить мотивировочный признак, положенный в основу прозвища, исследователи могут указывать на уникальность материала, необходимость новых разысканий: «документы в отношении простого народа редко радуют исследователя записями трех поколений, и поиски таких подтверждений требуют адского труда. В некоторых случаях помогают косвенные доказательства. Например, одно и то же особо колоритное прозвище у различных лиц. Никем не отмечено неоднократное в документах именование **Высокие Шти**: в Муроме 1574 г., в Ярославле 1671 г., в Симбирске 1678 г., не исключено, что носители этого именования связаны, хотя это еще требует доказательства; некоторые подтверждения все же есть – “*оска высокие шти живет у ивашка высоких штей*”» [12, 177].

Следует отметить, что данные говоров показывают обилие прилагательных, с которыми могло сочетаться слово *щи*, обозначая, как правило, определенный вид супа или то, что кладется в его основу: «1. то же, что *щанина*. 2. В сочетаниях. *Серые щи, суровые щи, толстые щи, черные…*» [28, 10, 85]; «*щи*, мн. 1. Суп, приготовленный из ячменной, овсяной или перловой крупы. 3. *Долгие щи*. Щи из овсяной крупы» [13, 1339]. Возможно, появление подобного прозвища было обусловлено бытовыми факторами: поварскими способностями человека или в основе именования мог быть и метафорический перенос, ср. отношение к щам русского человека, зафиксированное в пословицах и поговорках: *где щи – тут и нас ищи; где щи да каша, там и место наше; щи – всему обеду голова; если хорошие щи, так другой пищи не ищи; родной отец надоест, а щи – никогда*!

Таким образом, материалы ярославских источников XVII века показывают необходимость дальнейшего изучения ярославской антропонимической системы, а также возможности сопоставительного анализа с антропонимиконом других регионов с целью описания культурно-практического опыта человека в процессе становления имянаречения и демонстрации социокультуных и аксиологических представлений носителей русского языка.

Литература

1. Бурнашев, В.П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного / сост. В. Бурнашев: в 2 т. –Т. 1: А-Н. – СПб.: тип. К. Жернакова, 1843. – 487 с.
2. Васильев, В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли / В.Л. Васильев. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 813 с. – (1150 лет российской государственности).
3. Вахрин, С.И. Камчатка – Россия – Мир. Путешествие по времени II / С.И. Вахрин. – Владивосток: Дальпресс, 2024. – 324 с.
4. Власова, М.Н. Энциклопедия русских суеверий / М.Н. Власова. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 622 с.
5. Веселовский, С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974. – 381 с.
6. Ганжина, И.М. Словарь современных русских фамилий / И.М. Ганжина. – М.: АСТ: Астрель, 2001. – 670 с.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 ч.]. – Ч. 4. – М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1866. – 680 с.
8. Кюршунова, И.А. Двуосновные антропонимы в ономастиконе памятников XV–XVII вв. / И.А. Кюршунова // Научный диалог. – 2017. – № 2. – С. 57–74.
9. Кюршунова, И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. / И.А. Коршунова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 667 с.
10. Мосин, А.Г. Уральские фамилии: материалы для словаря. – Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года) / А.Г. Мосин. – Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 2000. – 496 с.
11. Народный именослов Русского Севера XV–XVII веков: происхождение имен (прозвищ), отчеств, названий деревень: [в 2 т.]. – Т. 1. А – М / сост. А.В. Кузнецов. – Вологда: ВОУНБ, 2020. – 186 с.
12. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
13. Областной словарь вятских говоров [Электронный ресурс]: словарь / отв. ред. З. В. Сметанина. – Изд. 2-е, доп. и испр. – Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2023. – 1351 с.
14. Питина, С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира / С.А. Питина. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2002. – 191 с.
15. Полякова, Е.Н. Этимологический комментарий в русском региональном словаре отпрозвищных фамилий // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 2(24). – С. 214–218.
16. Полякова, Е.Н. Словарь пермских фамилий / Е.Н. Полякова. – Пермь: Книжный мир, 2005. – 462 с.
17. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2-х ч. / отв. ред. И. А. Попов. – Ч. II. Человек. – СПб., 1994.
18. Скоморохи в памятниках письменности / [сост.: З.И. Власова, Е.П. Фрэнсис (Гладких)]. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 675 с.
19. Словарь говоров Русского Севера. – Т. 6: КОП – КЯРНА. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 342 с.
20. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. – СПб.: ИЛИ РАН, 2024–2025. URL: https://xvi-xvii.iling.spb.ru/search?fts=%D0%B6%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8C (дата обращения: 12.04.2025).

21. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. – Вып. 6. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 989 с.

22. Смольников, С.Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики: на материале деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01. – СПб., 2005. – 425 с.

23. Словарь русских народных говоров / Рос. акад. наук. Ин-т лингвистических исследований; [сост.: Ю. Ф. Денисенко и др.]. – 2-е изд. – СПб.: Наука, 2003-.

24. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. – Т. 1. А – К.– СПб.,1893. –1420 стб.

25. Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – СПб: тип. И. Н. Скороходова, 1903. – 857 с.

26. Унбегаун, Б.-О. Русские фамилии / Б.-О. Унбегаун. – Изд-е 2-е. – М.: Прогресс: Универс, 1995. – 448 с.

27. Чайкина, Ю.И. Вологодские фамилии: словарь / Ю.И. Чайкина. – Вологда: Русь, 1995. – 121 с.

28. Ярославский областной словарь: учебное пособие / [сост. М.Н. Бородина и др.]. – Ярославль: ЯГПИ, 1984-.

Источники

29. 1634 (7143) г. сентября 1 – 1635 (7143) г. августа 31 – Таможенная книга г. Сольвычегодска сбора таможенных пошлин с иногородних торговых проезжих людей // Таможенные книги Московского государства XVII века. – Т. 1: Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633–1636 гг. – М.; Ленинград: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. – 888 с.

30. 7194 г. (1685 г.) 10 ноября писцовая книга посадских дворов, дворовых мьст и усадебъ города письма и меры писцов: И.Т. Владычкина и подъячаго А. Гриденкова // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 585–614.

31. Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.) книги переписныя переписи Тимофея Алексьева Собакина и подьячаго Ильи Кирилова // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 77–240.

32. Город Ярославль. 7177 (1668 г.) переписная книга по г. Ярославлю // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 241–372.

33. Город Ярославль. 7178 г. (1669 г.) книги переписные Ярославлю городу // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 373–490.

34. Город Ярославль. 7139. (1621 г.) список с писцовой и межевой книги // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 11–364.

35. Город Ярославль. 7179. (1671 г.) переписная книга по г. Ярославлю // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 491–584.

36. Из истории земли Томской: Сб. документов и материалов: [в 2 вып.]. – Вып. 1: 1604-1917 / [Сост. А.Н. Жеравина и др.]. – Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Том. отд-ние, 1978. – 224 с.

37. Кучкин, В.А. Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Мурома 1566 г. и Муромская сотная 1573/74 г.) // Археографический ежегодник за 1967 год. – М., 1969. – С. 291–315.

38. Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году: переписные книги Приказа Казанского дворца / под ред. П. Мартынова. – Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1902.

39. Переписная книга Дмитрова 1646 г. // Писцовая и переписные книги Дмитрова XVII – начала XVIII веков / сост. А. В. Матисон. – М.: Старая Басманная, 2019. – С. 45–64.

40. Перечневая опись города Ярославля 1630 года // Ярославские губернские ведомости. – 1861. – Ч. Неоф. – № 1–45.

41. Платежная переписная книга Поморской Пустозерской волости книг письма и дозора Василия …. Галина да подъячего Степана Федорова 7082 г (1573–1574) // Архив РИИ РАН. – Ф.115. – Оп.1. – Д.1174 4о. По листам: дияк Степан Лихачев.

42. Правая грамота Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и отца его Государева Великого Государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси на Спасову слободку и на Богоявленской приход и в Кремле городе и в остроге и за острогом и на посаде и на монастырские дворы и в них на жильцов и на служебников и на крестьянские дворы и на огородные места 7135 (1627) г. // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И. А. Вахрамеевым. – Т. 1. – М.: Синодальная типография, 1896. – С. 124–155.

43. Список с выписей ярославских книг письма и меры Ивана Никитича Головина да подьячего Никона Федорова, 135 и 136 и 137 году // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. – Т. 3: Выписки из писцовых и переписных книг. – М.: Синодальная типография, 1896. – С. 1–85.

44. Список с писцовой и межевой книги. 1621 // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913.

45. Списокъ съ челобитной на Ивашка Пашина // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. – Вып. 2. – М., 1892. – С. 373.

Т.П. Слесарева, А.А. Гладкова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: anngrin@mail.ru
e-mail: Slestp@yandex.ru

УДК 908(476.5):81’373.2

МЕМОРИАЛЬНЫЕ АТРИБУТЫ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВИТЕБЩИНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТАВСКОГО И ПОЛОЦКОГО РАЙОНОВ)

Ключевые слова: *мемориальная топонимика, мемориальные атрибуты, Витебщина, Поставский район, Полоцкий район*.

В статье рассмотрены мемориальные атрибуты как средство сохранения памяти о писателях Витебщины на примере Поставского и Полоцкого районов.

T.P. Slesareva, A.A. Gladkova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

MEMORIAL ATTRIBUTES AS A MEANS OF PRESERVING THE LITERARY HERITAGE OF VITEBSK REGION (USING THE EXAMPLE OF POSTAVSKY AND POLOTSK DISTRICTS)

Key words: *memorial toponymy, memorial attributes, Vitebsk region, Postavy district, Polotsk district.*

The article considers memorial attributes as a means of preserving the memory of Vitebsk region writers using the example of Postavsky and Polotsk districts.

Мемориальная топонимика как научная дисциплина, занимающаяся многоплановым изучением мест, связанных с именем выдающегося деятеля культуры или со знаковым историческим событием, выступает одним из способов сохранения нашей памяти об истории и географии.

К мемориальным атрибутам относятся памятники, бюсты, барельефы, скульптуры, а также наименование улиц, школ, библиотек. или природных объектов.

На наш взгляд, восполнение пробела в изучении мемориальных мест, связанных с деятелями в области литературы того или иного района, является актуальным.

Наши наблюдения построены на материале литературной Поставщины и Полотчины.

Небольшой уголок белорусского Поозерья – Поставщина – имеет богатую и сложную историю, живописную природу. Насыщенное историческими событиями прошлое региона нашло свое отражение в его жизненном укладе, архитектурном наследии, известных исторических личностях.

Знаменитым писателем Поставщины был **Владимир Дубовка** (1900–1976), белорусский поэт, прозаик, переводчик, критик. Писатель родился в деревне Огородники Поставского района. Несколько лет В. Дубовка работал в Москве, был членом литературных объединений «Маладняк», «Узвышша». В 1930 году писатель был репрессирован, после реабилитации (1957) жил в Москве, тогда же посетил малую родину. Вёл переписку с учениками Маньковицкой школы. Дубовка – автор поэтических книг «Строма», «Трысцё», «Credo», «Наля», «Палеская рапсодыя», повестей для детей и стихотворных сказок. В книге воспоминаний «Пялёсткі» описал своё детство на Поставщине.

На малой родине помнят земляка: детская районная библиотека носит имя В. Дубовки (с 2000 г.). Мемориальная доска в честь писателя размещена на фасаде библиотеки в 2010 г. (рис. 1). В школьном музее

в деревне Юньки Поставского района создан мини-музей писателя, хранят память про известного белоруса в Мядельской центральной районной библиотеке имени Максима Танка.

В 1990 году в Средней школе № 1 г. Мяделя, которая носит имя В. Дубовки, открыт музей истории школы, который действует как филиал Мядельского музея народной славы. Часть музейной экспозиции – издания и рукописи В. Дубовки, его фотографии и личные вещи. На здании школы установлена мемориальная доска в честь писателя (рис. 2).

В г. Поставы одна из улиц названа в честь В. Дубовки. На въезде в деревню Огородники стоит памятный камень, установленный в 2018 г. (рис. 3).

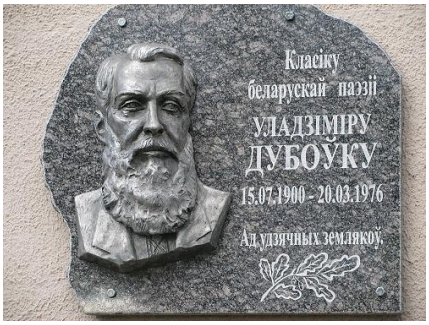

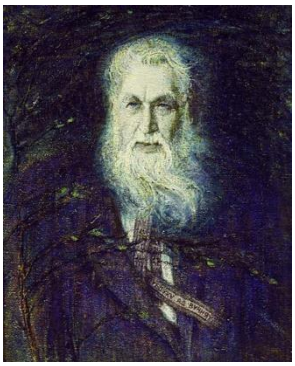
Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Образ В. Дубовки отражён в изобразительном искусстве: его портреты созданы художниками Н. Счастной (рис. 4) и А Циркуновым, скульптор Н. Аникушин создал гипсовый бюст писателя (рис. 5).

Рис. 4

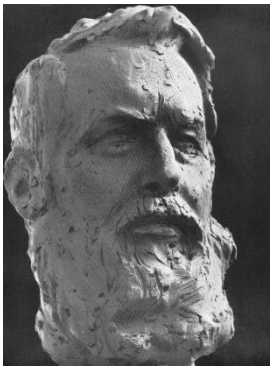

Рис. 5

Рис. 6

К 115-летнему юбилею со дня рождения писателя Поставская детская библиотека имени В. Дубовки совместно с поставской районной организацией Товарищества белорусского языка имени Ф. Скорины подготовила документальный фильм «У песнях я на Беларусь малюся». В 2019 году появился мистический детектив «Чорны чалавек Уладзіміра Дубоўкі», интерес к творчеству писателя не ослабевает.

Поставский край – родина поэта, переводчика, фольклориста **Адама Гуриновича** (1869–1894). Писатель родился в фольварке Ковали на границе Поставского и Мядельского районов. А. Гуринович собирал фольклор Поставщины, в поэзии был последователем Ф. Богушевича. Основная часть его творчества – стихи на белорусском, польском, русском языках.

В честь А. Гуриновича названа улица в г. Вилейка, переулок в Мяделе.

Возле деревни Зольки Вилейского района установлен мемориальный камень в честь писателя (рис. 6), так как Гуринович жил неподалёку в родительском фольварке Кристинопль. Краеведческий музей имени А. Гуриновича открыт в Слободской средней школе имени А. Гуриновича» в деревне Слобода.

Казимир Свояк (наст. Константин Матвеевич Степович) (1890–1926) – белорусский общественный деятель и поэт. В 1920-е гг. служил в деревне Засвирь Мядельского района настоятелем собора. Вёл службу на белорусском языке. К. Свояка посещал белорусский художник Язеп Дроздович, с которым обсуждались вопросы национального искусства, литературы, истории. К. Свояк писал драматические произведения и стихотворные рассказы. Полное издание произведений К. свояка вышло в 2010 году с предисловием И. Богданович.

Память о К. Свояке сохраняется в райцентре Островец Гродненской области, где именем Казимира Свояка названа улица.

Город Полоцк для белорусов имеет особое значение. Это родина святой Евфросиньи Полоцкой, белорусского первопечатника Франциска Скорины, педагога и писателя Симеона Полоцкого. Это самый древний город нашей страны, известный с 862 года.

В XVI столетии огромный вклад в белорусскую и восточнославянскую культуру внес полочанин Франциск Скорина. 6 августа 1517 года в Праге вышла в свет Библия на древнебелорусском языке – «Псалтырь», которую издал Франциск Скорина.

Франциск Скорина – один из величайших сынов Беларуси. Его имя носят учебные заведения и улицы, библиотеки и общественные объединения.

Так, имя Скорины носят университет в Гомеле, центральная библиотека, педагогическое училище, гимназия № 1 в Полоцке, гимназия № 1 в Минске, общественное объединение «Общество белорусского языка» и другие организации и объекты.

В разное время имя Франциска Скорины носили пять улиц Минска, а также улицы (переулки) в Барановичах, Воложине, Гомеле, Житковичах, Глубоком, Клецке, Молодечно, Пинске, Светлогорске, Слониме, Столбцах, Берёзе, Бресте, Полоцке и других населённых пунктах.

Памятники Скорине установлены в Полоцке (рис. 7), Минске (рис. 8), Лиде (рис. 9), Калининграде (рис. 10), Кишинёве и Праге (рис. 11).

рис. 7

рис. 8

рис. 9

рис. 10

рис. 11

Именем Франциска Скорины названа малая планета № 3283, открытая 27 августа 1979 года советским астрономом Николаем Черных.

В честь Скорины названы высшие награды Беларуси: орден и медаль.

1990 год был объявлен ЮНЕСКО годом Франциска Скорины.

В Полоцке родился и неординарный мальчик Самуил Петровский-Ситнианович, ставший самым ярким деятелем белорусской культуры XVII века – Симеоном Полоцким.

Его сравнивают с Леонардо да Винчи, а в истории знают как поэта, переводчика, педагога, политика, библиофила, драматурга, монаха и придворного астролога. В совершенстве владел пятью языками и за 50 лет жизни во многом стал первым.

Одним из знаковых трудов белоруса стал поэтический сборник «Вертоград многоцветный». Он включал несколько тысяч стихотворений и был построен как энциклопедия: названия были расположены в алфавитном порядке, а сами произведения распределены по темам. В сборнике были переводы античной поэзии и богословских трудов, а также собственные произведения Полоцкого.

Еще одним новаторским шагом стала «Псалтырь рифмованная» – переложенный на стихи Ветхий Завет, который до него переводили только прозой.

Полочане чтут память своего знаменитого земляка. В городе в настоящее время существует музей-библиотека Симеона Полоцкого, располо-

женный в здании бывшей Братской школы Полоцкого Богоявленского монастыря, памятника архитектуры XVIII века.

В 2003 году в честь Симеона Полоцкого был установлен памятник

рис. 12

В Минске одна из улиц носит имя Симеона Полоцкого.

В 1995 году была выпущена почтовая марка Белоруссии, посвященная Полоцкому (рис.13)

рис. 13

Способы увековечивания исторической памяти многочисленны. Одни связаны с документами, их архивным хранением, изучением, опубликованием и популяризацией.

Другие предоставляют возможность запечатлеть личность человека в художественном образе (скульптура, портрет, написанный художником, или даже музыкальное произведение, посвященное его памяти), в традиционных памятниках, мемориальных досках, памятных табличках.

Бесспорно одно: увековечение памяти как форма сохранения наследия для потомков – знак высокого уважения, любви к своей культуре, ее духовным ценностям, внимание к значимым событиям, выдающимся деятелям, оставившим след в истории. Исключительно велико познавательное, просветительское значение региональной мемориализации.

Л.А. Годуйко, Ю.А. Танкевич
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
e-mail: god_lusi@mail.ru
e-mail: tankeviculia8@gmail.com

УДК 811.161.1'42

ТЕМАТИЧЕСКИЙ МОТИВ «ЧЕЛОВЕК» В НАЗВАНИЯХ ТЕЛЕПРОГРАММ

Ключевые слова: *гемеронимия, телеоним, номинация, тематический мотив, средства вербализации.*

Статья посвящена одному номинативному типу телеонимов, вербализующих тематический мотив «человек». Установлены три номинативных подтипа имен собственных телепрограмм, характерные для подобных названий языковые средства.

L.A. Goduyko, J.A. Tankevich
Brest State University named after A.S. Pushkin

THEMATIC MOTIF «MAN» IN TV PROGRAM TITLES

Key words: *Hemeronymy, teleonym, nomination, thematic motif, means of verbalization.*

The article is devoted to one nominative type of teleonyms verbalizing the thematic motif «man». Three nominative subtypes of proper names of TV programs and linguistic means characteristic of such names are established.

Среди основных источников получения информации белорусами лидирующие позиции у представителей старшего поколения занимает телевидение, у молодежи – интернет. В целом же на вопрос, какой источник информации выступает основным, респонденты одного из социологических опросов ответили следующим образом: «42,6% выбрали телевидение, 34,6% назвали таким источником интернет, 9% затруднились ответить». И, как отметил директор Института социологии Национальной академии наук Н. Мысливец, «контент, который предлагают наши телевизионные каналы, востребован» [2].

Слагаемых успеха телепрограммы много: и работающая над ней команда, и техническое обеспечение, и тематика, идея, концепция передачи, и лицо последней – ее название. Подобные имена собственные (ИС) в ономастике относят к гемеронимам – периферийному сегменту ономастического поля, объединяющему ИС медиа и отличающемуся многообразием,

мобильностью, оперативной реакцией на процессы в современной коммуникации, в социуме, в различных сферах его жизни.

Объектом нашего исследования стали ИС телепрограмм (далее будем использовать термин «телеонимы»), функционирующие в информационном пространстве Беларуси. В основу названия телеконтента могут быть положены разные тематические мотивы (ТМ); но данное исследование посвящено номинативному типу ИС, репрезентирующих ТМ «человек» (в нашей картотеке таких онимов более 90).

В зависимости от того, как человек связан с именуемой программой, номинативный тип распадается на три **номинативных подтипа** (НП):

1) НП «субъект, герой, главный участник телевизионной программы» (68):*«Разговор у **Президента**»* (интервью с представителями Совета Министров и *Главой* Республики Беларусь об актуальных вопросах государства); *«Клуб **редакторов**»* (дискуссия главных *редакторов* самых авторитетных изданий страны); *«Улицы **героев**»* (проект о названиях *улиц* Могилева); *«**Кампазітары** Беларусі»*; *«Белорусская **SUPER-женщина**»* (героини телепрограммы имеют разный возраст, представляют разные профессии, сферы деятельности; но главный посыл гемеронима, что любая женщина в нашей стране – *super*); *«**Новые люди**»*; др. ИС;

2) НП «зритель, целевая аудитория» (12): *«**МоладзьTV**»* (проект для обучения *студентов* журфака БГУ) – отметим, что телеоним отличается синкретизмом и может быть отнесен одновременно и к предыдущему НП; *«Поговорим о **себе**»*; *«**Народный** ГОСТ»*; др. ИС;

3) НП «номинатор программы, автор, ведущий» (15): *«Есть вопрос с **Вадимом Гиминым**»*; *«Time out с **Татьяной Грицук**»*; др. ИС.

Для вербализации ТМ «человек» номинаторы телепрограмм обращаются к различным **языковым средствам**: 1) к апеллятивам (данный термин в ономастике может пониматься широко, как обозначение слова любой части речи в противоположность ИС); 2) к онимам; 3) к фразеологизмам (ФЕ), иным прецедентным единицам.

1) Из **аппелятивов** в качестве исходных для телеонимов отмечены: а) имена существительные; б) имена прилагательные; в) местоимения.

Среди **нарицательных существительные** востребованы единицы нескольких ЛГР, но наибольшей массовостью (что вполне закономерно) отличаются личные наименования человека, связанного с телепрограммой, по гетерогенным параметрам, в частности по:

а) по возрасту: *ток-шоу «100 вопросов **взрослому**»* (дети задают каверзные вопросы известным людям Беларуси); *«**Дети** рисуют Родину»* (в проекте *юных* белорусов учат рисовать государственные символы, предметы белорусской культуры); др. ИС;

б) по национальности (и поскольку речь идет о программах, созданных в нашей стране, то эта национальность – белорусы), гражданству: *«Рецепт настоящего **белоруса**»* (в качестве гостей выступают известные

белорусы, которые делятся семейными рецептами); *«Новые **белорусы**»* (истории *наших земляков*, которые смогли начать жить заново); др. ИС;

в) по семейным связям, семейному положению: *«Я ищу **маму**»* (телепроект помогает детям, оставшихся без попечения родителей, обрести новую семью; целевая аудитория проекта – *потенциальные усыновители*); *«**Мисс** Беларуси»* (программа освещает одноименный национальный конкурс красоты) – надо отметить многозначность лексемы *мисс*: она не только ограничивает круг участниц конкурса (последние должны быть *не замужем*), но и обозначает звание, к которому так стремятся конкурсантки – *«лучшая среди девушек по красоте»*; др. ИС;

г) по месту жительства / рождения: *«Пинск и **пинчане**»* (передача посвящена актуальным событиям города *Пинска*, Пинского района; в ней принимают участие известные *местные жители*); *«**Вяскоўцы**»*; др. ИС;

д) по должности, профессии, роду деятельности: *«На контроле **Президента**»*; *«**Губернатор** online»* (прямой эфир с *председателем Могилевского облисполкома* по вопросам развития региона); *«**Депутаты** на связи»* (в программе обсуждаются роль и место *народных избранников* в решении вопросов жизнеобеспечения Могилевской области); *«Вопрос большому **боссу**»*; *«Народный **повар**»* (*кулинарное* шоу); *«**Агроблогер** на ТВ»* (проект освещает развитие сельского хозяйства в Гродненском регионе); ***«**В объективе **натуралиста**»*** (научно-популярная программа о природных особенностях и красоте Принеманского края); др. ИС;

е) по внешним / внутренним качествам человека, его восприятию окружающими: *«**Герою** моей семьи из 2025 в 1945»* (проект приурочен к 80-летию освобождения Беларуси); *«**Герои**»* (экстремальное телешоу, в котором участники *испытывают* себя, свою команду *на прочность*); *«Здорово **здоровым** быть»* (в ток-шоу практикующие медики вместе с аудиторией обсуждают вопросы, касающиеся *здоровья*); др. ИС.

Для объективации ТМ «человек» в ИС задействованы и немногочисленные существительные таких ЛГР, как: а) собирательные: *«**Молодежь** в объективе*»; б) конкретные (названия групп, объединений людей): *«**Міністэрства** дзяцінства»* (участники проекта – дети, играющие роли «*министров*»; к примеру, в программе, посвященной белорусскому языку, были министры: языкового разнообразия, развития родного языка, популяризации родного языка); *«**Семья** по-белорусски»* (проект о позитивных *семьях* Гомельщины); *«Эрудит-**пятерка**»* (телевикторина, в которой соревнуются *пять* школьников-интеллектуалов); в) абстрактные субстантивы, отсылающие к оценке, к возрасту, иным характеристикам героя / целевой аудитории: *«**Гордость** первого региона. Константин Сумар»*; др. ИС.

Обращает на себя внимание, что существительные в составе гемеронимов могут называть человека: а) прямо: *«**Суразмоўцы**»* (программа писателя Н.Я. Гальперовича в формате *интервью* с теми, кто имеет вес в культурной и общественной жизни Беларуси; кстати, бел. *суразмоўцы / собеседники* – это не только ведущий и гость программы, но и ее зрители); *«**Беларусы**»*

(интервью о профессиональной деятельности гостя программы – одного из многих *белорусов*, которые вносят неоценимый вклад в культуру, развитие нашей страны, в сохранение ее исторического, национального наследия); б) опосредованно, употребляясь метонимически или метафорически: *«**Суд** решит»* (судебное шоу, которое реализуется совместно со *специалистами* Верховного суда Республики Беларусь и Министерства юстиции); *«Диалог с **властью**»* (интервью с *представителями* местных исполнительных и распорядительных органов); *«Витебские **портреты**»* (спецпроект к 85-летию Витебской области, посвященный *людям*, которые оставили знаковый след в жизни, памяти Витебска); *«**Легенды** эстрады»* (цикл программ об истории эстрадно-сценического жанра в Беларуси; о выдающихся *исполнителях* качественной популярной музыки); др. ИС.

Имена прилагательные в качестве исходных для телеонимов принадлежат к двум ЛГР: а) к качественным, обозначающим участников программы (и целевую аудиторию) по их отличительным свойствам: *«**Самые счастливые**»* (программа о белорусских семьях); *«Молодые-**деловые**»* (телепроект об успешной инициативной молодежи»); *«**Новая** я»*; б) к относительным, образованным от существительных, которые называют человека, совокупности людей: *«**Звездный** путь»* (цель музыкального шоу – помочь обычным белорусам реализовать мечту, стать *звездой*); *«Поэтому **народный**»* (телепроект именно так характеризует *Президента* Беларуси, поскольку его поддержка, поддержка государства стоят за успехом предприятий, экономики страны в целом); *«**Семейная** кухня»*; др. ИС.

В телеонимах исследуемого номинативного типа функционируют **местоимения** следующих ЛГР: а) личные: *«**Я** из деревни»* (проект знакомит зрителей с белорусами, сознательно променявшими город на сельскую местность); *«**Я** знаю!»* (проект собирает *«знаек»* со всей страны); *«Экология и **мы**»*; др. ИС; б) притяжательные: *«**Моя** Пинщина»* (информационно-аналитическая программа о событиях Пинского района); *«Вёсачка **мая**»*; *«**Наше** время»*; *«**ТВой** Островец»*; др. ИС. К слову, подобное обращение к местоимениям «сокращает дистанцию» между создателями / номинаторами телепрограммы, ее участниками и зрителями: последние «вовлекаются» в происходящее, ощущают свою причастность к тому, о чем идет разговор; в) возвратное: *«О **себе** и о стране»* (интервью с выдающимися людьми – актерами, исполнителями, учеными, общественными деятелями); г) определительные: *«Хоккей Для **Всех**»* (гемероним удачно отражает главную цель проекта – поддержку любительского хоккея, обеспечение его *доступности* если не в качестве спортсмена, то хотя бы в качестве зрителя).

2) Среди номинаций телепрограмм заметную группу формируют те, которые восходят к **онимам**, а точнее, – к **антропонимам**. Последние именуют: а) ведущих авторских программ: *«**Дзермант**. Смыслы»* (тележурналистика Алексея *Дзерманта* о политической ситуации в Беларуси и мире); *«**Азаренок**. Напрямую»*; др. ИС; б) героя передачи (антропоним выступает в качестве второй, уточняющей части телеонима): *«Асобы (**Саламея***

Русецкая)», *«Асобы (**Францыск Скарына**)»* и под. (видеорассказы о выдающихся белорусских писателях, художниках, ученых, историках, иных выдающихся бел. *асобах* / рус. *личностях*); *«**Гордость** первого региона. Александр Карпицкий»* (и под. названия из данного проекта); др. ИС.

Антропонимы в телеонимах иллюстрируют разные формулы именования, характерные лингвокультуре Беларуси: а) однословную (что чаще) в виде фамилии: *«**Марков**. Ничего личного»* (ИС автора служит знаком, что он отвечает за качество, объективность произносимого в студии); ***«ЛАВРОВ.** За гранью»* (обзор важных событий на международной арене через призму юмора ведущего); др. ИС. Интересно, что в названиях такого типа (в них, с одной стороны, явно ощущается влияние западных теленоминаций; с другой, актуализируется рост личностного начало в медиасфере Беларуси) фамилия становится своеобразным брендом, создает особое ощущение силы, даже брутальности ведущего, его программы; б) однословную (реже) в виде имени: *«**Надзея** запытае»* (рубрика, в которой жительница Гродно проводит социальные опросы на главной улице города) – полагаем, что обозначение ведущего передачи просто по имени работает на сближение со зрителем, создает ощущение неофициальности, непринужденности коммуникации, доверия; в) двухсловную в виде имени и фамилии: *«Мой город с **Мариной Грицук**»* (ведущая, трэвел-блогер, с мобильным приложением «Мой город» от «Белтелекома» путешествует по Беларуси и помогает ближе узнать ее); *«Все понятно с **Мариной Караман**»* (программа, в которой ведущая подробно разбирает широко обсуждаемые, резонансные темы, волнующие белорусское общество); др. ИС.

3) При создании телеонимов номинаторы удачно апеллируют (и даже играют с ними) к **фразеологизмам**, другим **прецедентным феноменам**, называющим опять же человека: а) *«**Деловые люди**»* (ср. с узуальным ФЕ; телепроект посвящен основным тенденциям *деловой* жизни Гомельщины, секретам ведения бизнеса успешными *предпринимателями*); *«**Наше** дело»* (ср. с узуальным ФЕ *не твое* / *не ваше дело* ‘это тебя / вас не касается; это не тебе / не вам решать’; в ониме актуализируется противоположное значение – ‘*неравнодушие*’ к развитию Могилевского региона и Беларуси в целом); др. ИС; б) *«**Блондинка** в законе»* (оним отсылает к одноименному американскому фильму, главная героиня которого, натуральная *блондинка* в *розовом*, учится в Гарварде на *юриста*; ведущая программы тоже *блондинка*, а в основе каждого выпуска ее программы – реальная история человека, который определенной ситуации перешел черту *закона*) – главный посыл проекта, отмечают его создатели, в том, что важно понимать, как вовремя снять *«розовые очки»* и в каких случаях «включать *блондинку»* точно не стоит [1].

Таким образом, тематический мотив «человек» проявляет продуктивность, актуализирует в названии телепрограммы ее героя, целевую аудиторию, автора, ведущего. Для объективации (прямо или метонимически, метафорически) связи человека с именуемым контентом востребован

целый ряд языковых средств: аппелятивов, онимов, фразеологических и иных прецедентых единиц. В целом проведенное исследование еще раз подчеркивает центральное место человека в картине мира, которую «рисует» телевидение Беларуси.

Литература

1. Блондинка в законе // Телерадиокомания «Гомель». – URL: https:// tvrgomel.by/shows/blondinka%20v%20zakone (дата обращения: 10.04.2025).

2. Мысливец: белорусы считают основным источником информации телевидение // БЕЛТА. – 20 июня 2022. – URL: https://belta.by/society/view/ myslivets-belorusy-schitajut-osnovnym-istochnikom-informatsii-televidenie-510639-2022/ (дата обращения: 13.04.2025).

М.В. Голомидова
Уральский федеральный университет
e-mail: marinagolomidova@urfu.ru

УДК 81`373.21

НЕЙМИНГ СПОРТИВНЫХ СООРУЖЕНИЙ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НОМИНАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ

Ключевые слова: *спортонимы, имена собственные спортивных сооружений, нейминг, мотивировочная семантика, номинативные модели.*

В статье впервые рассматриваются топонимы-спортонимы – имена собственные спортивные сооружений. На значительном языковом материале пролеживается историческая динамика в выборе мотивировочных признаков, составляющих основу номинативных моделей спортонимов. Делаются выводы о базовом семантико-мотивировочном арсенале, который сложился в российском опыте применительно к этой сфере номинации. Отмечаются новые номинативные тенденции, демонстрирующие связь современного спортивного нейминга с процессами глобализации и глокализации.

M.V. Golomidova
Ural Federal University

NAMING OF SPORTS FACILITIES IN RUSSIA: HISTORICAL DYNAMICS OF NOMINATIVE MODELS

Key words: *sports names, proper names of sports facilities, naming, motivational semantics, nominative models.*

The article examines toponyms-sportonyms for the first time – proper names of sports facilities. The historical dynamics in the choice of motivational features that form the basis of nominative models of sportonyms are traced on significant linguistic material. Conclusions are made about the basic semantic-motivational arsenal that has developed in the Russian experience in relation to this area of nomination. New trends are noted that demonstrate the connection of modern sports naming with the processes of globalization and glocalization.

Имена собственные спортивных сооружений представляют собой разновидность топонимов, называющих рукотворные топографические объекты. Несмотря на то, что эти наименования связаны со значимой для культуры социальной сферой, в отечественной ономастике они незаслуженно обойдены вниманием.

Как вид пространственных объектов спортивные и физкультурно-спортивные сооружения выполняют специфические функции: с одной стороны, эти места предназначены и обустроены так, чтобы способствовать совершенствованию физических качеств человека и обеспечивать состязания в силе, быстроте, выносливости, гибкости, ловкости. С другой стороны, это места, куда приглашается публика для сопереживания соревнующимся, для развлечения и получения ярких впечатлений. Массовое эмоциональное вовлечение в агон (состязательное действие) наполняет спортивные события особым культурным смыслом и, соответственно, обусловливает особое восприятие и отношение к пространствам, где они происходят. Такие пространства приобретают функцию объединения людей, становятся своего рода «тиглями», где формируются и передаются определенные представления, идеи, убеждения. Особенности самих объектов обусловливают связь их именных обозначений не только с представлениями о месте в его физических, ландшафтных или технических характеристиках, но и с представления о месте с точки зрения его роли в социальной жизни и в культуре сообщества.

Если мы обратимся к истории топонимов-спортонимов в России, то обнаружим, что сами денотаты – спортивные сооружения – в XIX – начале XX веков были немногочисленны. К началу XX столетия спорт не был массовым явлением и воспринимался преимущественно как западная новинка, перенесенная на российскую почву. И хотя традиции подвижных игр и силовых состязаний издавна существовали в деревенской и в простонародной городской культуре, места, где они устраивались, не получали обозначений в именах собственных.

Ситуация резко меняется в 1920-е годы XX века, когда молодая страна Советов приняла курс на массовое физическое воспитание и развитие трудового капитала, когда была поставлена задача по вовлечению максимально широкого круга граждан в спортивное движение. Безусловно, далеко не все новые спортивные сооружения обзавелись собственными

именами, но наиболее значительные и знаковые получали их в обязательном порядке. Главным архитектурным «героем» спортивного строительства в это время становится стадион. Стадионы представляли собой по-новому организованные публичные пространства, и предназначались для массового досуга и многоплановых занятий, поэтому имена стадионов создаются в смысловом поле их объединяющей роли и мировоззренческой ценности спорта в жизни советского общества. В числе регулярно используемых в это время мотивировочных, семантических номинативных моделей можно отметить:

– наименования, указывающие на связь с агентами спортивной культуры – крупными промышленными предприятиями, хозяйственными и военными ведомствами, образовательными учреждениями, см.: стадионы *«Красный Путиловец», «Красный треугольник», «Кировец»* (по одноименным заводам в Ленинграде), *бассейн Института имени Лесгафта,* (Ленинград) и др.;

– наименования, указывающие на связь со спортивными клубами и объединениями: стадионы «*ЦСКА*» (по Центральному спортивному клубу армии), *«Динамо»* (по спортивному обществу «Динамо») в Москве, Ленинграде, Казани; «*Химик»* (Москва), «*Шахтер»* (Донецк), *«Крылья Советов»* (по спортивному клубу «Крылья Советов», Казань);

– наименования, утверждающие идеи и ценности нового социального миропорядка: Центральный стадион «*Дружба*» (Москва), стадионы «*Труд*» (Балаково, Сормово, Томск), стадион *им. КИМа* (Коммунистического интернационала молодежи), «*Большевик*», стадион *им. Красного Спортинтерна* (Ленинград), стадионы «*Искра»* (Москва; Саратов) и под.

Стадионам отводилась роль формирования нового человека-творца, поэтому слова *центральный* и *всесоюзный* вводятся в советские спортонимы не только в духе идеологии своего времени, но и в русле масштабных художественных концепций, разрабатываемых в авангардной культуре [1, с. 141. Центральные стадионы, как и центральные парки культуры и отдыха, предназначались для зрелищно-массовых мероприятий – парадов, шествий, театрализованных представлений, праздничных действий с участием зрителей. Закономерно, что имена спортсооружений прозрачно коррелировали с философией новых пространств. Обратим внимание на названия *Красный спортивный интернационал* (Ленинград), *Международный Красный стадион* (Москва), *Центральный стадион им. И.В. Сталина* (Москва), стадион *«Сталинец»* (Москва), *Центральный стадион им. В.И. Ленина* (Москва), *стадион имени В.И. Ле*нина (Ленинград), *стадион имени С. М. Кирова* (Ленинград).

Впрочем, нельзя не отметить использование в спортивных топонимах этого времени и других мотивировочных признаков, среди наиболее популярных, например, место расположения объекта: спортивный комплекс *«Измайлово»*, гребной канал *«Крылатское»*, дворец спорта *«Сокольники»* и под.

Если период с 20-х по 50-е годы XX в. называют временем стадионов, больших арен, спортивных парков для разных видов спорта, то следующий за ним этап – с 60-х по 90-е годы – определяют как время спортивно-архитектурного модернизма, когда в качестве дополнения к уже сформировавшейся среде, возникли новые специализированные сооружения: крытые бассейны, ледовые арены, легкоатлетические и футбольные манежи [3, с. 76]. Закономерно, что в это время расширился ряд номенклатурных названий, организующих вместе с проприальными компонентами структуру полного имени спортивного сооружения. Среди прочих заметную популярность приобрел термин *дворец спорта*, применяемый по отношению к масштабному крытому многопрофильному объекту. Слово «дворец» в этом случае транслировало социальную значимость здоровьесбережения и одновременно превращало спортивный объект в некий храм торжества спортивного духа. Индивидуализирующие компоненты «дворцово-спортивных имен» поддерживали общие идейные установки советской культуры, в которой общественная жизнь развивается от хорошего к лучшему, – спортивный комплекс «*Заря*» (Бийск), дворец спорта «*Темп*» (Пенза), дворец спорта «*Прогресс*» (Глазов); дворцы спорта «*Авангард*» (Мытищи, Раменское, Солнечногорск, Электросталь, Дмитров).

Что касается выбора мотивировочных признаков для индивидуализирующих компонентов спортонимов советского времени, то можно констатировать, что основной арсенал семантических моделей к середине XX в. сформировался в достаточно широком объеме. В названиях, помимо традиционных признаков – «связь со спортивной организацией / клубом», «связь с предприятиями-шефами, «указание на месторасположение объекта», – находили воплощение идеи коммеморации значительных событий см.: стадионы и спортивные комплексы: «*Олимпийский*» (Москва), *«Октябрьский*» (Кемерово), «*Юбилейный*» (Санкт-Петербург, Воронеж, Орск, Тверь, Череповец); увековечивание имен выдающихся спортсменов и тренеров: спортивные центры и спортивные комплексы *имени братьев Знаменских* (Москва) *им. А.В. Филипенко* (Ханты-Мансийск), *им. Р.П. Сметаниной* (Сыктывкар), *имени И.Х. Ромазана* (Челябинск), *им. Тульского* (Новосибирск), *им. В.Н. Блинова* (Омск), *им. В.М. Боброва* (Москва), *им. В.К. Сотникова* (Нижний Тагил).

Создавались также романтизированные названия и условно-символически связанные с профилем объектов. Среди подобных – нередко повторяющиеся *«Чайка*» (Москва, Рязань, Кировград), «*Бриз*», *«Волна»,* «*Коралл*» (Ростов-на-Дону), «*Дельфин*» (Псков, Северодвинск, Воскресенск, Дмитров, Красногорск, Видное, Луховицы, Малаховка, Мытищи и др.), «*Амфибия»* (Барнаул), «*Садко*» (Барнаул), «*Кристалл»* (Электросталь, Тобольск), «*Жемчужина*» (Ростов-на-Дону), «*Радуга*» (Тверь).

Условно-символическая номинация охотно эксплуатировала в спортонимах представления о молодости, физической и душевной гармонии –

см. тиражируемые для стадионов, бассейнов, катков, спорткомплексов имена «*Юность»* (Хабаровск, Кемерово, Тверь, Нижний Тагил, Челябинск и др.), *«Молодость»* (Новосибирск, Саратов, Красноуральск), «*Бодрость»* (Тамбов), «*Надежда*» (Благовещенск), «*Дружба*» (Котельники).

Разрабатывалась в спортивных топонимах и злободневная космическая «тема», охватившая названия новых стадионов, дворцов спорта, катков, велотреков, – *«Орбита»* (Самара,) *«Космос*» (Белгород); «Ракета» (Казань), *«Сатурн»* (Пенза) и др.

Номинативные практики 60-х – 80-х годов XX в. демонстрируют своего рода «оттепель» и демократизацию именующих смыслов: мы можем наблюдать отход от жесткого доминирования идеологии и развитие нового курса на эстетизацию, на построение условно-символических и условно-образных названий. Однако одни и те же наименования повторяются разных городах, поэтому именотворчество не столько работает на создание уникальных образов, сколько поддерживает актуальные для общества модные темы и ценностные ориентиры. В этой связи показательны номинативные совпадения между названиями спортсооружений и создаваемыми в это же время неймами кафе, ресторанов, универсальных магазинов.

Постсоветский период привнес в сферу физкультурной и спортивной жизни правила рыночной жизни, конкуренцию, новую систему управления и переформатирование источников финансирования. Международное сотрудничество, общественный интерес и заимствование зарубежных видов спорта, а также социально одобряемый курс на здоровый образ жизни способствовали развитию новых разновидностей спортивных дисциплин и новых направлений физкультурно-оздоровительной деятельности. Не удивительно, что палитра семантических моделей топонимов-спортонимов оказалась чувствительной к социокультурным изменениям. Из нейминга закономерным образом ушла идеология, но также закономерно пришли коммерция и маркетинговые коммуникации [2, с. 8].

Современный нейминг отчасти ориентируется на исторически сложившиеся модели и тем самым поддерживает номинативные традиции, однако стремиться развивать новое, интегрируя его в круг привычных для общества представлений. Именные новации обусловлены, в первую очередь, необходимостью привлекать нового потребителя и говорить с ним на языке созвучных его вкусам слов и образов. Отсюда проистекает тенденция к обновлению мотивировок и лексических мотиваторов. Так, в ряду нарицательных терминов, которые могут встраиваться в идентифицирующие обозначения, появилось новое номенклатурное а*рена* (вместо традиционных *стадион*, *каток*, *спортивный комплекс*) – «*Ледовая арена*» (Орел), «*Уфа Арена*», «*Арена Мытищи*», «*Арена-Омск*» (Омск), *ЦСК-Арена*, *АПИА*-арена, *Спортекс-Арена* (Москва), *«Дацюк-Арена»*, *«УГМК-Арена»* (Екатеринбург), *«Платинум Арена*» (Хабаровск) и под. Внедряются заимствованные элементы, например *холл*: «*Баскет-Холл»*

(Казань), *Теннис Холл* (Красноярск), *Боксинг-Холл* (Москва), «*Спорт-Холл*» (Пермь, Кострома) Нередки случаи применения в неймах не транслитерированных заимствований – гоночная трасса *Moscow Raceway*.

Иной, прямо противоположный тренд, проступает в стремлении отразить в названиях спортивных объектов региональную специфику, в большей степени связать спортонимы с местом и местными культурными реалиями, содействуя таким способом маркетингу территории, ее продвижению в восприятии жителей и внешних аудиторий, – спорткомплексы и дворцы спорта: «*Абакан*», «*Казань*», «*Рязань*» «*Марий-Эл»*, «*Коломна*» и др. Весьма востребованными для мотивации оказываются местные культурные реалии – спорткомплексы и дворцы спорта: «*Янтарный*» (Калининград), «*Эллэй Боотур*» (Якутск), *«Субэдэй*» (республика Тува), «*Алтын Алка*» (Альметьево), «*Ак Буре*», «*Зилант*», «*Тулпар*», «*Ватан*», «*Акчарлак*» (Казань). Таким образом, нейминг весьма последовательно может работать на региональную идентичность.

Обогащается состав лексических мотиваторов. Если в советское время названия копировались на разных территориях, то теперь востребована имиджевая номинация, направленная на создание уникального вербального образа объекта. Разнообразие и гибкость в именотворчестве входят в обычную практику нейминга – физкультурно-оздоровительные комплексы и спортивные дворцы: «*Гуслица*» (Моск. обл.), «*Фокус*» (почти языковая игра с отсылкой к Ford Focus) (Моск.обл.), «*Полярис*» (Владимир), «*Морозово*» (Москва) (стилизация под название поселения), «*Мегаспорт*» (Москва), «*Снежком*» (Красногорск), «*Владлед*» (Владивосток).

Топонимы-спортонимы очень чутко реагируют на изменения социокультурного контекста: мы видим это на динамике моделей советского времени, мы наблюдаем это в развитии неймингoвой палитры, живущей в сегодняшней конкурентной среде. Однако можно говорить о сложившемся за более чем столетие базовом семантико-мотивировочном арсенале в этой сфере номинации – своего ядре, которое обеспечивает ее устойчивость. Оно в настоящее время дополняется, и вокруг него выстраиваются новые номинативные версии, демонстрирующие связь современного спортивного нейминга с процессами глобализации и глокализации.

Литература

1. Акопян, Э.С. Центральный стадион страны как элемент репрезентации власти в истории советской архитектуры 1920–1950-х годов / Э.С. Акопян // Социология власти. – 2018. – № 2(30). – С. 141–166.

2. Гореликов, В.А. Нейминг спортивных арен как дополнительный источник привлечения финансирования / В.А. Гореликов, В.А. Савин // Практический маркетинг. – 2025. – № 1(331). – С. 8–11.

3. Козлов, Д.В. Стадионы Ленинграда. 1920–1950-е гг. История и архитектура / Д.В. Козлов. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. Ч. 1. – 128 с.

Е.Н. Горегляд
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: ylgoregliad@yandex.ru

УДК 81-13+81-114.4

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ГОДОНИМОВ ВИТЕБСКА)

Ключевые слова: *аксиология, имя собственное, годоним, ценностные ориентации, ономастическое пространство.*

В статье на региональном материале рассматриваются возможности использования ценностного потенциала имен собственных, подчеркивается значимость изучения годонимов как носителей лингвокультурологической информации. Аксиологическая значимость имени собственного заключается в его способности быть не только номинацией, но и фактором формирования ценностной картины мира как отдельного человека, так и общества в целом.

E.N. Goregliad
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE AXIOLOGICAL SIGNIFICANCE OF A PROPER NAME (BASED ON THE MATERIAL OF THE GODONYMS OF VITEBSK)

Key words*: axiology, proper name, godonyms, value orientations, onomastic space.*

The article examines the possibilities of using the value potential of proper names based on regional material, and emphasizes the importance of studying godonyms as carriers of linguistic and cultural information. The axiological significance of a proper name lies in its ability to be not only a nomination, but also a factor in shaping the value picture of the world of both an individual and society as a whole.

Всякое общество характеризуется самобытностью культуры, которой свойственна ценностно-ориентационная структура. Предметом изучения аксиологии как философской дисциплины являются ценностные ориентации, а также «их роль в формировании жизненного пространства человека и социокультурной жизни общества» [3].

Изучению системы духовных ценностей индивида уделяют большое внимание представители различных научных направлений. Актуальность подобных исследований определяется необходимостью выявления

и фиксации тех ценностных констант, которые формируют сознание и представления современного человека.

Духовная культура проникает во все сферы социальной жизни общества. Система ценностей духовной культуры складывается в процессе всей жизни и формируется посредством воспитания, усвоения традиций, обычаев, через коммуникацию, литературу, язык.

Имя собственное – очень ёмкая единица, которая выполняет функцию не только номинации, идентификации, дифференциации, но и формирует ценностные установки как отдельной личности, так и социальной группы. Через имена собственные человек осознает себя, свою принадлежность к определенной культуре, традиции, конкретному сообществу, а также выделяет себя среди других. С этой точки зрения оним – это не просто языковой знак, он может и должен стать значимым компонентом ценностной структуры индивида.

Имя собственное в символическом виде маркирует информацию об объекте номинации, является своего рода «контейнером» сохранения и передачи культурно-исторических ценностей. Являясь языковым знаком, оно отражает различные фрагменты национальной картины мира. При этом необходимо понимать, что восприятие заложенной в каждом отдельном ониме лингвокультурологической информации определяется рядом факторов, среди которых первоочередную роль играют объем пресуппозиций и уровень языковой подготовки реципиента.

«Онимы являются неотъемлемым элементом так называемого «вертикального», то есть историко-филологического, контекста. Будучи языковой универсалией, онимы в наибольшей степени отражают все обстоятельства жизни и культуры носителей языка и потому обладают потенциальной способностью передачи имплицитных смыслов» [4].

Мир духовных ценностей каждого человека многогранен. Вместе с тем существуют ценности «глобального» характера, которые являются первостепенными для целого народа. Большинство исследователей к традиционным духовным ценностям белорусского народа относят ценность Родины и патриотизм; доброжелательность и толерантность – социальные качества личности и социальной группы, предполагающие настроенность на взаимопонимание с другим человеком, на доброжелательный диалог с ним; трудолюбие; терпение; справедливость, стремление к компромиссу, к достижению справедливого решения без насилия; миролюбие; законопослушание.

Ономастический материал отражает динамику социальных и культурных изменений, что позволяет проследить развитие культурных ценностей и идентичности в исторической перспективе.

Основные ценности общества являются результатом его исторического опыта и содержат чувства и мысли многих поколений. На современном этапе развития общества необходимо особое внимание обратить на формирование ценностной картины молодежи. И немаловажная

функция в этом процессе отводится именам собственным (антропонимам, топонимам, годонимам и др.), посредством которых формируются представления о добре и зле, справедливости, долге, чести и т.д. – всё это создает систему нравственных ориентиров личности.

Внутригородское ономастическое пространство Витебска аксиологически значимо. Имена собственные на карте нашего города символизируют ряд ценностей, из которых, пожалуй, главная на сегодняшний день – укрепление значимости патриотизма и толерантности в условиях многонационального общества.

Чувство патриотизма многогранно: оно включает отношение к семье, дому, городу, к природе и живым существам, окружающим нас, уважение к труду сограждан и неразрывно связано с понятием «Родина» [1]. По словам С.В. Михалкова, «только тот, кто любит, ценит и уважает накопленное и сохраненное предшествующим поколением, может любить Родину, узнать её, стать подлинным патриотом».

Годонимы как часть топонимического материала играют значимую роль в патриотическом воспитании, способствуя формированию чувства гордости за свою малую родину и уважения к её историческому прошлому. «Памятником духовной культуры особого рода являются исторические географические названия – имена наших градов и весей, улиц и площадей, застав и слобод. … Они служат ориентирами во времени и пространстве, создавая историко-культурный облик страны» [2].

Аксиологическая значимость имен собственных часто формируется на основе исторических ассоциаций. Названия многих улиц современного Витебска связаны с именами представителей разных исторических эпох:

1. Улицы, получившие название в честь участников революционного движения.

Для тех, кого сейчас относят к так называемому «поколению зумеров» (люди, которые родились между 1997 и 2012 годами), а тем более для представителей «поколения альфа» (рожденные не ранее 2010 года) в основном фатическими являются многие такие имена. Они выполняют только контактоустанавливающую функцию при отсутствии смысловой нагрузки. Но эти имена – отражение исторической памяти, наше историческое наследие. Такие номинации в момент возникновения отражали стремление закрепить важнейшие революционные идеалы – свободу, равенство, братство, коллективизм, героизм и веру в светлое будущее – на уровне личной и общественной идентичности.

На карте нашего города (да и многих других) есть улицы В.И. Ленина, М.И. Калинина, Я.М. Свердлова, С.М. Кирова, М.С. Урицкого, В. Володарского, Н.Э. Баумана, Р. Люксембург и других деятелей революционного движения как на территории России, так и за рубежом. Но особо сто́ит, на наш взгляд, обратить внимание на, к сожалению, редкие номинации, связанные с именами революционеров, действовавших на территории Витебщины (все данные получены из открытых Интернет-источников. – *Е.Г.*):

улица Комиссара Крылова: Семён Николаевич Крылов – организатор Советской власти в Витебске и Витебской губернии, председатель Исполнительного комитета Витебского губернского Совета;

улица Берестеня: Аким Иванович Берестень – белорусский революционер, уроженец посёлка Бешенковичи, в 1903 – 1908 гг. участник революционного движения в Витебске.

2. Улицы, получившие название в честь участников Гражданской войны.

Оценочный компонент имени собственного проявляется в его способности вызывать у носителей языка определённые эмоции, ассоциации, воспоминания и ценностные установки. В этом контексте имена деятелей гражданской войны в названиях улиц Витебска актуализируют конкретный исторический период:

улица Лазо: С.Г. Лазо – советский военачальник и государственный деятель, участник Гражданской войны;

улица Щорса: Н.А. Щорс – начальник дивизии Красной Армии времён Гражданской войны в России.

улица Чапаева: В.И. Чапаев (Чепаев) – начальник дивизии Красной Армии времён Гражданской войны в России.

улица Вострецова: С.С. Вострецов – советский военачальник, участник Первой мировой и Гражданской войн, отличился при занятии Минска.

В Витебске есть ряд улиц, названных в честь участников гражданской войны, которые защищали белорусскую землю:

улица Шубина: И.Ф. Шубин родился на территории нынешнего Поставского района Витебской области, был «полевым командиром» собственного партизанского отряда на Полотчине и Россонщине;

улица Путна: В.К. Путна – советский военный деятель, первый военный комиссар Витебска;

улица Веры Хоружей: В.З. Хоружая – участница гражданской войны, секретарь ЦК Коммунистического союза молодёжи Западной Белоруссии, а затем один из организаторов и руководителей коммунистического подполья в Витебске в годы Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза.

3. Улицы, получившие название в честь героев Великой Отечественной войны.

Улицы, носящие имена защитников Отечества, становятся «живыми» воплощениями патриотизма. Нам представляется значимым в этом контексте наличие у индивида пресуппозиции как компонента, представляющего собой предварительное знание, фактологический материал, обеспечивающий полноту смысла в процессе коммуникации. Особенно актуально это в преддверии знаменательного праздника – 80-летия Великой Победы.

Улицы, проспекты Витебска носят имена выдающихся личностей и героев Великой Отечественной, совершивших подвиги ради Родины, что закрепляет патриотическую память в обществе:

улица Горовца названа в честь Героя Советского Союза, уроженца Сенненского района А.К. Горовца;

улица Доватора носит имя Героя Советского Союза, военачальника Л.М. Доватора, нашего земляка, родившегося в селе Хотино Бешенковичского района Витебской области;

улица Заслонова названа в честь К.С. Заслонова – одного из организаторов и руководителей партизанского движения на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза;

улица Данукалова: Данукалов А.Ф. – Герой Советского Союза, руководитель партизанского движения на территории Витебской области;

улица Софьи Панковой: С.С. Панкова – участница Витебского патриотического подполья в годы Великой Отечественной войны.

проспект Людникова: И.И. Людников – Герой Советского Союза, почетный гражданин Витебска, командующий 39-й армией, которая в июне 1944 прорвала оборону противника под Витебском и с 43-й армией окружила и разгромила Витебскую вражескую группировку;

улица Шмырева: М.Ф. Шмырев (Батька Минай) – один из организаторов и руководителей партизанского движения на территории Витебской области, Герой Советского Союза, почетный гражданин Витебска. Был участником Октябрьской революции и гражданской войны, организатором первого партизанского отряда в Витебской губернии В Великую Отечественную войну организовал и возглавил партизанский отряд, который позже вошел в состав 1-й Белорусской партизанской бригады, участвовавшей в защите «Витебских ворот».

Отметим, что тенденция увековечивания имен героев Великой Отечественной, чьи имена связаны с Витебщиной, в нашем городе продолжается. В новых микрорайонах появились улицы, названные в честь знаковых для нашего региона личностей, за именами которых стоит история:

улица генерала Белобородова: И.П. Белобородов – дважды Герой Советского Союза, командующий 43-й армией, освободившей Витебск от немецких оккупантов, почётный гражданин Витебска;

улица Баграмяна: И.Х. Баграмян – дважды Герой Советского Союза, командующий 1-м Белорусским фронтом, освобождавшим Витебск и район от немецко-фашистских захватчиков, Маршал Советского Союза;

проспект Черняховского: И.Д. Черняховский – дважды Герой Советского Союза, командовавший 3-м Белорусским фронтом, освобождавшим Витебск в ходе Витебской операции в июне 1944 года;

улица Генерала Ивановского: И.Ф. Ивановский – уроженец Лепельского уезда Витебской губернии (сейчас Чашникский район Витебской области).

Таким образом, годонимы – своеобразные «якори» патриотического сознания, которые соединяют абстрактные ценности с конкретными людьми.

Изучение годонимического пространства Витебска помогает осознать связь с личностями, внесшими вклад в историю региона. Через рассказы

о людях, в честь которых названы географические объекты, формируется нравственное сознание и эмоциональное отношение к родине, развивается уважение к подвигам и достижениям земляков. Изучение годонимов способствует пониманию исторических закономерностей, расширяет кругозор и патриотическую грамотность. помогает почувствовать единение с родным краем, осознать свою принадлежность к культурной и исторической среде.

Систематическая работа с ономастическим материалом в образовательной и воспитательной практике способствует развитию чувства патриотизма, уважения к традициям, толерантности и поликультурного мышления, формируя тем самым гармоничную, ценностно ориентированную личность.

Литература

1. Горегляд, Е.Н. Аксиологическая значимость ценности Родина (на материале русскоязычных печатных СМИ Беларуси) / Е.Н. Горегляд, Е.В. Рылова // Информационное общество и духовная культура молодежи: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 1 декабря 2023 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – С. 52–54. – URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/40917 (дата обращения: 02.05.2025).

2. Лихачев, Д.С. Достоинство имени / Д.С. Лихачев // Сборник материалов Второй Всесоюзной научно-практической конференции «Исторические названия – памятники культуры». – М.: 1991. – 172 с.

3. Медведев, В.А. Аксиология и ее место в структуре философского знания / В.А. Медведев. – Екатеринбург: УрФУ, 2010. – 31 с. – URL: https://study.urfu.ru/Aid/Publication/9544/1/Medvedev.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

4. Яковенко, Т.И. Оним как средство передачи имплицитной информации / Т.И. Яковенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016 № 11(65): в 3-х ч. – Ч.1. – С.178-180.

Е.Ю. Грабилова, А.В. Кириллова
ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»
e-mail: ayakafedra@ggtu.ru

УДК 81’373.21

СКРЫТАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА: О ЧЕМ МОГУТ РАССКАЗАТЬ НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. СЕРПУХОВА)

Ключевые слова: *ономастика, топонимы, неофициальная топонимика, этимология, географическое название.*

Данное исследование посвящено изучению современных топонимов города Серпухова, представляющих собой неофициальную географию города. Каждый народный топоним несет в себе информацию об историче-

ских событиях города в разные эпохи и об отношении серпуховичей к тому или иному событию. В работе поднимаются важные проблемы топонимики, а именно фиксация и сохранение исторически важных названий, содержащих какое-либо сведение из жизни многих поколений жителей города Серпухова. Результатом работы является обобщение, систематизация и анализ знаний о современных топонимах Серпухова.

E.Yu. Grabiliva, A.V. Kirillova
State University of Humanities and Technology

THE CITY'S HIDDEN HISTORY: WHAT FOLK NAMES CAN TELL US (A CASE STUDY OF SERPUKHOV)

Key words: *onomastics, toponyms, unofficial toponymy, etymology, geographical name*

This paper studies contemporary toponyms of the city of Serpukhov which represent the city's unofficial geography. Each folk toponym carries information about the city's historic events in different eras and about the attitude of Serpukhov residents towards a particular event. This work raises important problems in toponymy, namely the recording and preservation of historically significant names containing information about the life of many generations of residents of the city of Serpukhov. The result of the work is the generalization, systematization, and analysis of information about contemporary toponyms of Serpukhov.

В настоящее время ономастика представляет собой актуальную тему для ученых и языковых исследователей. Ономастические исследования способствуют выявлению путей миграции и мест расселения различных народов, а также языковых и культурных контактов, что позволяет лучше понять более ранние состояния языков и их диалектов. Изучение собственных имен имеет огромное значение благодаря уникальным закономерностям передачи и сохранения информации, а также культурного кода народа. Устойчивость имен собственных сохраняется не только в условиях революционных изменений в истории языка, но даже при полной замене одного языка другим. Это открывает возможность через этимологическое разъяснение определенных названий установить характер языка, на котором впервые было создано соответствующее наименование. Таким образом, ономастика предоставляет ценный материал для истории, устанавливая места поселения и пути миграции, часто исчезнувших народов, характеризуя местные мифы, предоставляя материалы о типе поселения, об общественных и семейных отношениях.

В ономастике существуют такие подразделы: топонимика, антропонимика, этнонимика, космонимика, теонимика, зоонимика, астронимика, хрематонимика, карабонимика, гидронимика, поэтическая ономастика. Таким образом, характерными особенностями ономастики считаются междисциплинарность и деление на множество уровней. Однако отдельными научными направлениями считаются антропонимика и топонимика. Поэтому, в этой статье основное внимание уделено топонимике.

Топонимика (от греч. Topos – место и onima – имя, название) – раздел ономастики, исследующий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменение во времени.

Топонимика находится в близком взаимодействии с географическими исследованиями, изучением истории и этнографии. Топонимия выступает одним из ключевых источников при изучении истории языка, включая его лексическую составляющую, диалекты и прочие аспекты. Топонимические данные активно используются в этимологических исследованиях, а также в лингвистической географии. Это связано с тем, что многие топонимы способны на протяжении долгого времени сохранять в себе элементы архаики и диалектных особенностей, часто имея свои корни в языках-субстратах, принадлежавших народам, проживавшим на определенных территориях в прошлом. Топонимика служит инструментом для воссоздания исторических аспектов, связанных с народами, помогая определить границы их расселения, установить области былого распространения языков, а также воссоздать географию культурных и экономических центров, торговых путей и других важных объектов.

Для глубокого понимания географических названий необходимо владеть информацией об этническом составе населения изучаемой местности. Важно иметь хорошее знание истории территории, где встречается топоним, а также понимать значение и происхождение самого слова.

Неформальная (народная) топонимия – явление повсеместное, свойственное любому поселению: будь то деревня, поселок городского типа, город или даже мегаполис [2]. Она формируется в течение продолжительного времени существования населенного пункта, и чем он старше – тем богаче и разнообразнее «народный» топонимический словарь. Топонимика, в данном случае, не является наукой и не требует глубоких знаний в области лингвистики, языкознания, истории или географии. Ее цель – собирать, обобщать и систематизировать географические названия, памятники культуры, архитектуры и зодчества, которые помимо официального названия имеют второе, народное. Такие сокращенные или упрощенные «народные» имена могут быть у улиц, деревень, парков и водоемов. Порой народные названия настолько приживаются, что даже местные жители могут не знать, в честь какого выдающегося деятеля установлен тот или иной памятник или скульптура [3].

Не станет исключением и подмосковный город Серпухов, отмечающий в 2025 году свой 686-й день рождения. Серпуховичи дали неофициальные имена стольким городским улицам и местам, что непосвященному человеку будет трудно, о чем идет речь. Лишь житель серпухова способен понять и объяснить, как добраться с Занарки до Черняги, на каком автобусе добраться до Болота, какую выставку сегодня можно посетить в Малой Третьяковской галерее и т.д. Этих названий нет, и скорее всего, никогда не будет на географической карте Серпухова, но эти места дороги сердцу каждому серпуховичу и не могут остаться без внимания. Более того, именно такие названия зачастую служат наиболее точными пространственными ориентирами для назначения горожанами места встречи.

Между тем, глубокое и разнообразное направление народного творчества все еще остается областью, требующей серьезного изучения. Неформальные названия населенных пунктов являют собой наиболее емкую форму творческого понимания действительности, свойственную серпуховскому этносу. Именно в народных именованиях различных городских объектов отражается народное самосознание во всех его проявлениях [1]. Целый пласт неофициальных топонимов играет роль хранителя исторической памяти. В качестве примера можно привести топоним «Владычная слобода». Под этим наименованием жители Серпухова подразумевают территорию, на которой находится Владычный Введенский монастырь.

Происхождение топонима связано с историей Владычной слободы и Владычного Введенческого монастыря. Слово «слободка» является искаженной формой слова «слобода». Князь предоставлял свободным людям возможность «осесть на землю» и освобождал их от уплаты налогов на определенный срок. Слобожане также пользовались другими привилегиями: имели некоторые права на самоуправление и могли судиться только в княжеском суде. На месте современного монастыря изначально находилась сторожевая вышка, имевшая стратегическое значение. Это место было удобным для наблюдения, так как с него хорошо просматривались берега реки Оки. Монастырь был основан в 1360 году митрополитом Алексием, святителем Московским и чудотворцем всей Руси. Однако активное строительство началось только в 1598 году, когда Борис Годунов сделал щедрое пожертвование на возведение храма с башнями и крепостью вокруг него, а также надвратной церковью и каменный жилой корпус [4]. Все это составило уникальный ансамбль годуновского времени. Его первоначальная композиция сохранилась и до наших дней.

Далее рассмотрим следующее, не менее значимые названия районов города Серпухова.

1. «Майская долина». Этот район, расположенный рядом со стадионом «Спартак», получил свое название благодаря первомайским митингам и демонстрациям, которые здесь проходили. Празднование этих событий в Серпухове началось лишь после Февральской революции и проводилось дважды в год – по старому и новому стилю.

2. «Глушиха» или «Глуховка». Так называют труднодоступное место, застроенное одноэтажными домами, расположенное выше по течению реки Серпейки. Происхождение этого топонима остается неясным: одни считают, что оно связано с тишиной, царящей в этом районе, другие предполагают, что название возникло от глаголов «глушить» и «оглушать», так как при запуске авиационных двигателей раздавался громкий гул.

3. «Заборье». Название этого района связано с его местоположением, так как он находится за забором Серпуховского кремля или за городским бором. Несмотря на центральное расположение, в 80-е годы Заборье было сельскохозяйственной окраиной города, где местные жители занимались тепличным хозяйством. «Заборские овощи» и цветы пользовались особым спросом на колхозных рынках, и горожане продавали их, в том числе, на московских рынках, что становилось основным источником их дохода. В результате появилось выражение «куркуль Заборский», которое имело негативный оттенок и обозначало зажиточного жителя района Заборье.

4. «Свисталовка». Существует две версии происхождения этого топонима. По одной из них, современный микрорайон Ногина получил свое название благодаря тому, что местные жители искусно владели свистом. По другой версии, район считался криминальным, и, по свидетельствам местных жителей, свистом подавались сигналы.

5. «Бумажка». Этот район получил свое название благодаря своему расположению. В прошлом здесь находилась одна из главных фабрик, обеспечивавших рабочую силу города – бумажная фабрика на улице Володарского. Сегодня это место стало достопримечательностью. В дореволюционный период район также носил интересное название – Катонѝнка.

6. «Болото». Дома на улице Весенней и соседних улицах были построены на болотистой местности. Из-за этого местные жители дали району такое название.

Местные жители, склонные сокращать топонимы, называют всю территорию вокруг вокзала, включая само здание, площадь и близлежащие дома, просто «Вокзал». Фраза «Я живу на вокзале» не подразумевает физическое проживание в самом здании или на площади, а относится к домам на улицах Ворошилова и Советской, которые находятся в непосредственной близости к вокзалу.

По аналогичному принципу образован современный топоним, обозначающий центральный район города, прилегающий к многофункциональному торговому центру «Корстон», который стал местом притяжения для горожан разных поколений. Ранее на этом месте находился главный рынок города, где можно было купить все – от сельскохозяйственной продукции до обуви и детских игрушек. Автобусная остановка также носит название «Рынок», поэтому привычная для местных жителей фраза «Я живу на рынке» может вызвать недоумение и сочувствующие взгляды у приезжих. По аналогии улица Чернышевского обрела у местных жителей, предпочитающих сокращения, название «Черняга».

Жители Серпухова также придумали интересные топонимы для зданий, магазинов и других объектов инфраструктуры города, которые можно вынести в отдельные категории.

Здания:

1. «Водники». Дома расположенные в районе Владычной слободы на улице Октябрьская получили такое название, потому что были построены с помощью работников серпуховского порта.

2. «Мотозавод». Так называемые мотозаводские дома, расположенные в районе Лесной, стадион «Труд», были построены работниками Серпуховского автомобильного завода, который специализировался на производстве малолитражных мотоциклов. В конце 1940-х годов завод начал работать над созданием мотоциклетной коляски для инвалидов. Так, при помощи работников предприятия, появилось еще одно народное название.

3. «Яма». Название данного места происходит из-за расположения домов в районе улиц Народного ополчения и Боровой. Так как город Серпухов не расположен на равнине, а в нем преобладают возвышенности и низины, дома на данной территории расположились в низине, так и произошел топоним.

4. «Слепые». Выражение «Я проехал слепых» произошло от расположения общественной организации «Всероссийское общество слепых» на Борисовском шоссе.

5. «Длинный» – магазин Людмила на улице Космонавтов получил такое название благодаря тому, что он имеет вытянутую форму и множество отделов.

6. «Горбатым» наименовали магазин на улице 1905 года недалеко от стадиона «Старт». Одного упоминания данного названия достаточно, чтобы любой местный житель указал на здание постройки сталинского периода, по форме напоминающее горб, что, очевидно, и вызвало подобное ассоциативное восприятие у серпуховичей.

7. «Мясо-Лыжи». Этот небольшой магазинчик на Советской улице с течением времени менял вывески: «Продукты», «Парикмахерская», «Спортландия», «Колосок» и так далее. Но, несмотря на это, местные жители, включая молодежь, продолжают традиционно использовать народное название «Мясо-лыжи». Эта привычка осталась в памяти о 60-х годах прошлого столетия, когда на первом этаже магазина располагался мясной магазин («Мясо»), а на втором – лыжный («Лыжи»). Об устойчивости данного топонима свидетельствует и тот факт, что его можно встретить в названии одноименной автобусной остановки.

8. «Петля и веревка». Существуют две основные версии о происхождении данного топонима. Согласно первой: На Береговой улице, на подъезде к Новоткацкой, находится магазин, получивший народное прозвище «Петля». По мнению местных жителей, название связано с тем,

что дорога напротив начинает «петлять» в этом месте, либо с необычным расположением автобусной остановки, в которую автобус заезжал, словно в петлю, разворачивался и следовал дальше по маршруту. Если же продолжить движение от Новоткацкой в сторону Ивановских двориков, на улице Декабристов можно зайти в магазин «Веревка». Он расположен напротив детской больницы, а дорога постоянно идет вниз и извивается, напоминая веревку. Конечной точкой этого маршрута как раз и была остановка «Петля» [5]. Вторая версия гласит, что жители Серпухова назвали магазины так из-за того, что мужчины, получая зарплату, шли в эти магазины, тратили деньги на алкоголь и распивали его там. В связи с этим среди женщин появилась фраза: «Как напьется, хоть в петлю лезь».

9. «Три поросенка». Так принято называть, расположившиеся на улице Бригадная, дома, так как они похожи друг на друга и в них легко запутаться.

10. «Шишка». Народное название бытового и продовольственного магазина, расположенного в районе городского бора, на улице Октябрьская, произошло, благодаря его расположению и цвету, который делает магазин похожим на сосновую шишку.

Представленные примеры – лишь скромный срез неофициальной топонимики Серпухова, демонстрирующий художественную ценность народных прозвищ для городских объектов, их неразрывную связь с мироощущением серпуховичей. Народная топонимика, как зеркало, отражает быт, интересы и культуру людей, а также исторические вехи, определяющие облик многонациональной и мультикультурной страны.

Исходя из всего вышесказанного, исследование неофициальных названий мест, где мы живем, – это захватывающее занятие, воспитывающее привязанность и живой интерес к своей малой Родине. Рассмотренные моменты могут оказаться полезными для тех, кто изучает историю Серпухова, а также для тех, кто вовлечен в развитие города.

Литература

1. Балматова, М. В. История города Серпухова и Серпуховского края. Очерки по археологии / М. В. Балматова [и др.]; Администрация г. Серпухова, Серпуховский ист.-художественный музей. – Тула: Лев Толстой, 2010. – 222 с.

2. Булычева, Е. С. Неформальная топонимика как жанр народного фольклора (на примере города Тюмени) / Е. С. Булычева, П. А. Марандина // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3(43). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnaya-toponimika-kak-zhanr-narodnogo-folklora-na-primere-goroda-tyumeni (дата обращения: 10.04.2025).

3. Буторина, В. П. Типы топонимических преданий, связанных с происхождением города Серпухов // Материалы Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации «Социальный инженер-2021». Т. Ч. 8, 2021. – М.: ФГБОУ ВО «РГУ имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2021. – С. 57–59.

4. Пилипенко, А. Д. Князь Василий Семенович Фуников: имя в истории Города Серпухова // История Московского края: проблемы, исследования, новые материалы. Материалы научно-практической конференции, посвященной 85-летию МГОУ. Т. Вып. VI. Под ред. В. В. Хорихина. – М.: МГОУ, 2016. – С. 302–312.
5. Соколова, А. Г. Топонимы как ценное наследие культуры на примере города Серпухов / А. Г. Соколова, Д. А. Лобов // Современное педагогическое образование. – 2023. – №10. – С. 410–414. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/toponimy-kak-tsennoe-nasledie-kultury-na-primere-goroda-serpuhov (дата обращения: 10.04.2025).

Т.С. Денисенко
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: 2tanusha2@mail.ru

УДК 81'373.2:664.6(476)

ПРАГМАТОНИМИЯ БЕЛАРУСИ: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОДОВ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ БУЛОЧНЫХ И КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ)

Ключевые слова: *лингвокультурология, ономастика, прагматоним, код культуры, номинация хлебобулочных и кондитерских изделий.*

В статье рассматриваются искусственные номинации (прагматонимы) как репрезентанты кодов культуры. Данный тип ономастических единиц периферийного ономастикона, объективирующих базовые коды культуры (антропоморфный, топоморфный, биоморфный и эмоционально-характеристический и другие), демонстрирует значимый информационно-прагматический социо- и лингвокультурный потенциал, позволяя моделировать языковую картину мира белорусов.

T.S. Denisenko
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

PRAGMATONYMY OF BELARUS: VERBALIZATION OF CODES (BASED ON THE NAMES OF BAKERIES AND CONFECTIONERY PRODUCTS)

Key words: *linguacultural studies, onomastics, pragmatonymy, cultural code, nomination of bakery and confectionery products.*

The article examines artificial nominations (pragmatonyms) as representatives of cultural codes. This type of onomastic units of the peripheral onomasticon, objectifying the basic codes of culture (anthropomorphic,

topomorphic, biomorphic, emotional-characteristic and others), demonstrates significant informational-pragmatic socio- and linguacultural potential, allowing us to model the linguistic picture of the world of Belarusians.

В настоящее время учёными-ономастами активно исследуются периферийные разряды онимов, среди которых гемеронимы (названия средств массовой информации), эргонимы (названия предприятий и организаций), прагматонимы (наименования товаров) и т. д. Для обозначения последних используется множество терминов: рекламное имя, словесный товарный знак, прагмоним и др.

Полиаспектные исследования белорусского прагмонимического материала не столь многочисленны. В этом ряду следует выделить работы А.М. Мезенко, О. Б. Переход, Л. А. Годуйко, А. Н. Деревяго, И. А. Лисовой, О. А. Корабо, И. К. Жилиной, О. Ю. Лазаревой, И.Л. Ильичёвой.

Актуальность исследования прагматонимов, которые, по мнению ряда учёных, являются лингвокультуремами, обусловлена тем, что в них эксплицируется уникальная культурологическая, историческая, социальная, географическая и иная информация, необходимая для моделирования языковой картины мира. В ряде работ последних десятилетий данный разряд онимов анализируется учёными в лингвокультурологическом аспекте.

Цель данного исследования состоит в определении способов репрезентации некоторых базовых кодов культуры в прагматонимии Беларуси. Объектом исследования нами были выбраны прагматонимы – наименования кондитерских и хлебобулочных изделий (их проприальная часть, как маркированная кавычками и прописной буквой, так и не выделенная орфографически и пунктуационно). Языковой материал был получен методом сплошной выборки из сборников технологических карт кондитерских и булочных изделий для торговых объектов общественного питания Республики Беларусь (сборники за период с 2019 по 2023 г.) [7, 723–735]. Общее число проанализированных в данной статье ономастических единиц составило 573. Исследование языкового материала проводилось с использованием дескриптивного метода с элементами интерпретационного анализа.

До настоящего времени как зарубежные, так и отечественные исследователи по-разному интерпретируют понятие кода культуры. Приведём лишь некоторые дефиниции понятия. М. Л. Ковшова и Д. Б. Гудков определяют «культурный код как систему знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [2, 9]. В. В. Красных указывает на то, что можно двояко толковать данное понятие, исходя из предполагаемых акцентов. Фокусируясь прежде всего на культуре, он сравнивает коды с «сеткой», «которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [4, 232]. Однако учёный отмечает, что, «если отталкиваться от языковой составляющей, то код культуры предстаёт как совокупность имён и их

сочетаний, которые обладают, помимо собственно денотативного значения, культуроносными смыслами» [3, 379]. Данные трактовки не вступают в противоречие, а дополняют друг друга.

Коды культуры универсальны в том смысле, что присутствуют в любой культуре мира. И в то же время они характеризуются национальным своеобразием, отражая культурные ценности и мировоззренческие установки того или иного народа. Следует отметить, что в настоящее время не существует единой классификации кодов культуры. Они «тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного и растительного и т. п. миров, мира предметного (натуральных или сотворённых человеком «вещей»), природно-ландшафтного или духовно-религиозного и под.» [1, 13]. На данный момент названы и описаны более 30 кодов культуры (по мнению В. В. Красных, около сорока), среди которых антропный, антропоморфный (антропоморфичный), аксиологический, астрономический, атрибутивный, биоморфный (включает зооморфный/фаунистический/животный и вегетативный/растительный/ флористический/фитоморфный субкоды), гастрономический (пищевой), временной (темпоральный, календарно-хронологический), вещественный (вещественно-элементный), витальный, локативный, географический (природно-ландшафтный, природно-стихийный, ландшафтный, ландшафтно-топографический, физико-географический, геофизический), духовный, идеологический, историко-социальный, колоративный (цветовой), космографический, метереологический, нумерологический (числовой), предметный (артефактивный), пространственный, персонажный, перцептивный, соматический (телесный), топоморфный, эмоционально-характерологический и другие.

Количество выделяемых кодов варьируется в классификациях разных исследователей. В. В. Красных относит к базовым 6 (в более поздних работах 10 [3, 381-382]) кодов. По его мнению, наиболее значимые, крупные и древние коды культуры, фиксирующие наивные представления человека о миропорядке – это соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [4, 233]. А. М. Мезенко анализирует внутригородские объекты трёх славянских стран, выделяя 8 кодов (топоморфный, ландшафтный, пространственный, флористический, фаунистический, социальный, антропоморфный, эмоционально-характерологический) [5, 101]. В энциклопедическом словаре “Мифология белорусов” фактический материал классифицируется в соответствии с системой кодов (их названо 15), свойственных традиционной культуре белорусов [6, 7]. Исследователи отмечают, что зачастую четких границ между кодами культуры не существует: они переплетаются, сочетаются, взаимодействуют, дополняют друг друга. Так, с одной стороны, наименования продуктов питания, блюд, напитков и др. формируют гастрономический код.

С другой стороны, прагматонимы, являясь результатом вторичной номинации, репрезентируют и другие коды культуры.

В рамках данной статьи считаем целесообразным рассмотреть отдельные базовые коды культуры, объективированные прагматонимами – наименованиями мучных кондитерских и булочных изделий. Основываясь на эмпирическом материале белорусской прагматонимии, мы определили следующие доминантные коды культуры, эксплицируемые в данных наименованиях: топоморфный, антропоморфный, эмоционально-характерологический, биоморфный, предметный, темпоральный.

Топоморфный код культуры в прагматонимии реализуется посредством номинативных единиц, образованных от названий различных топонимических объектов. В группе оттопонимных наименований мы выделили следующие подгруппы прагматонимов, мотивированных названиями 1) белорусских городов, деревень, посёлков и т.д. (хлебец *Борисовский*, торт *Минский*, сдоба *Брестская*, каравай *Молодеченский*, праснак *Оршанский*, полоски *Гродненские*, сдоба *Витебская, Могилёвский* рогалик); 2) иностранных государств, административно-территориальных единиц, историко-культурных или природно-географических областей, районов и городов (бисквит *Прага*, пирожные *Краковское, Варшавское, Флорентийское, Баварская корзиночка*, торт *Зеландия, Владимирский, Киевский, Подмосковный*, сдоба *Датская*, печенье *Ленинградское*, булочка *Алтайская*); 3) водных объектов (рек, озёр) (торт *Нарочь, Свитязь*, пирожное, булочка *Витьба*, печенье *Двинское*); 4) городских территориальных единиц, районов, внутригородских объектов, архитектурных сооружений (торт *Немига*, трубочка *Траецкая*, пряник *Троицкий*, торт *Колизей*). Отдельную группу составляют отапеллятивные прагматонимы, образованные от номенклатурных терминов (торт *Дачный*, кекс *Столичный*).

Следует отметить, что наименования булочных изделий чаще мотивированы белорусскими региональными топонимами, как русско-, так и белорусскоязычными. Это объясняется тем, что хлебобулочные изделия в белорусской пищевой традиции являются основным значимым продуктом питания. В данных прагматонимах не только отражена информация о стране, регионе или городе, где изготавливается данная продукция. Производители используют в номинациях булочных изделий историко-культурные реалии региона, подчеркивая традиционный, привычный, родной вкус и высокое качество местной продукции. Прагматонимы – названия мучных кондитерских изделий – образованы зачастую от русскоязычных инокультурных топонимов. Такого рода оттопонимные наименования часто характеризуются прецедентностью и вызывают у покупателей положительный эмоциональный отклик, заинтересованность и любопытство (торт *Прага*, *Пешт, Колизей*, крендель *Ницца*). Производители отдают предпочтение подобным рекламным именам, так как кондитерские изделия и сладости мы приобретаем не как продукты первой необходимости,

а для удовлетворения гедонистических потребностей. Такого рода прагматонимы имеют ярко выраженный адресный характер, служат для привлечения покупателей, акцентируя внимание на своей “заграничности”, а значит, нетипичности или непривычности.

Перекликаются с топоморфным кодом пространственный и ландшафтный коды культуры, вербализации которых служат отапеллятивные прагматонимы, характеризующие объекты номинации с точки зрения расположения в пространстве (рулет *Южный*), либо их физико-географических особенностей (торт *Солнечная долина*, торт *Лужайка*, пирожное *Лесное*).

Анализируя особенности репрезентации широко представленного в прагматонимии *антропоморфного кода*, мы выявили следующее. К данной группе прагматонимов мы относим названия, полученные в результате трансонимизации имён традиционного именника, прецедентных имён, мифических, сказочных и мультипликационных персонажей или образованные от них названия:1) отантропонимные (личные мужские и женские имена: сладости *Олесик*, торт *Натали, Сусанна*, *Светлана*, *Тамара*, *Янина, Кармелита*, булочка *Надзея*, круассан *Алёнушка,* бисквит *Стефания)*; 2) отмифонимные: а) образованные от имен былинных героев, персонажей славянской мифологии (торт *Добрынинский*), б) имён персонажей сказок русских и зарубежных писателей, народных сказок (торт *Колобок, Мальвина, Золушка*), в) имён персонажей мультфильмов (пирожное *Чебурашка*). Репрезентация данного кода культуры осуществляется в основном посредством рекламных имен кондитерской продукции. В проприальной части анализируемых прагматонимов в большинстве случаев используются женские личные имена, как славянские, так и иностранные (они преобладают), а также мифонимы, которые являются вербализаторами фоновых знаний потенциальных покупателей. Номинаторы данного вида продукции отсылают нас к периоду детства, который ассоциируется у большинства со сказками и чудесами. Также производители обращаются к национально-прецедентным номинациям. Так, культурно маркированными для белорусов являются имена *Надзея, Алёнушка, Добрыня* и др.

Анализируемый материал также содержит группу отапеллятивных антропоморфных прагматонимов, в номинации которых используются обозначения человека по отношению к другим людям, в соответствии с его принадлежностью к определенным социальным, профессиональным или возрастным группам и т.п. (пряник *Пионерский*, коржик *Детский*, сайка *Подружка*, торт *Турист, Сяброўка, Молодёжный*, пирожное *Принцесса*, *Именинница*, бисквит *Невеста*, булочка *Студенческая,* рулет *Барский*); содержащих оценочную характеристику человека (плитка *Сластёна*, торт *Чараўніца*); идентифицирующих людей по месту жительства (торт *Гомельчанка, Минчанка*). В последних наименованиях опосредованно отражается и топоморфный код культуры.

Прагматонимы, объективирующие антропоморфный код, представляются нам продуктивными и популярными для номинаторов товаров. В то же время они привлекательны и для потребителей в силу своего информационно-прагматическкого потенциала и благодаря эксплицируемой культурно-исторической информации.

Достаточно частотными являются прагматонимы, выступающие в качестве репрезентантов *эмоционально-характерологического кода культуры*. Такого рода названия транслируют различные эмоциональные состояния и рассчитаны на эмоциональное воздействие на потребителя (печенье *Ароматное*, *Нежность*, *Загадка*, рулет *Аппетитный*, *Экстра*, каравай *Выкрунтас*, булочка *Мара*, *Фантазия*, кекс *Бодрость*, полоса песочная *Лакомка*). Данные примеры носят иллюстративный характер. Ввиду многочисленности прагматонимов этой группы, теме вербализацаии *эмоционально-характерологического кода культуры* планируется посвятить отдельное исследование.

Биоморфный культурный код связан с представлениями человека о мире растений (флористический субкод) и животных (фаунистический субкод). Флористический (растительный) субкод эксплицируется в прагматонимии при помощи онимов, указывающих на породы деревьев (печенье *Берёзка*, торт *Вишня*, *Яблонька*), цветы (пирожное *Одуванчик*, торт *Ландыш*, *Кувшинка*, *Ромашка*, *Кветка*, *Астра*, *Незабудка*), грибы (торт *Боровичок*, пирожное *Грибок*), фрукты (торт *Ягодка*, *Журавинка*) и другие флористические объекты (булочка *Колосок*, батон *Пшеничный*, булочка *Зёрнышко*). В большинстве своём данный субкод представлен прагматонимами, образованными от названий цветов, деревьев, кустарников и т.п., грибов, ягод и фруктов, произрастающих на территории Беларуси, и лишь в единичных случаях – экзотическими (пирожное *Лотос*, торт *Виноградная лоза*, торт *Лимончик*). Для славянской лингвокультуры в целом (и для белорусской и русской в частности) значимыми являются образы *берёзы*, *яблони*, *ромашки*, *незабудки*, *журавін*.

Фаунистичный (зоологический) субкод вербализируется немногочисленными прагматонимами – названиями кондитерских изделий (булочка *Жаворонки детские*, *Улитка*, *Медуза*, *Черепашка*, торт *Мотылёк*, *Птушаня*, *Ёжик*). Данным онимам характерно использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, которые придают наименованиям экспрессивность и выразительность. Это позволяет номинации стать коммуникативно и коммерчески эффективной, вызывающей положительные эмоции за счёт апеллирования к миру детства. Представленные в анализируемой выборке наименования хлебобулочной продукции не участвуют в экспликации данного кода культуры.

В рамках данного исследования выполнен анализ особенностей репрезентации отдельных базовых кодов культуры средствами прагматонимии. Осуществлённая каталогизация наименований хлебобулочных

продуктов и мучных кондитерских изделий в соответствии с репрезентуемыми ими кодами культуры, позволила нам выявить особенности функционирования прагматонимов на современном этапе как трансляторов и хранителей важной лингвокультурологической информации. Объективируя коды культуры, прагматонимы демонстрируют богатый лингво-, социо-, историко-культурный потенциал. Эта информация может быть полезна при разработке лингвомаркетинговых стратегий для предприятий – производителей хлебобулочной продукции.

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Авторы-сост. Брилева И. С., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Зыкова И. В., Кабакова С. В., Ковшова М. Л., Красных В. В., Телия В. Н. / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Аст-пресс книга, 2006. – 784 с.

2. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 285 с.

3. Красных, В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. – М. : Гнозис, 2016. – 496 с.

4. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 282 с.

5. Мезенка, Г. М. Коды культуры і ўрбананімія славян: падабенства і варыянты рэпрэзентацыі / Г. М. Мезенка // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фальклярыстыка : XV Міжнар. з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жн. 2013) : дакл. Беларус. Дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Лукашанец (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бларус. навука, 2013. – С. 99–108

6. Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка. – Мн : Беларусь, 2011. – 607 с.

7. Сборник технологических карт кондитерских и булочных изделий – Мн. : ООО «НИЦ-БАК»., 2023. – 736 с.

А.С. Дзядова
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: honey.dedova@bk.ru

УДК 811.161.3'373.23:316.72:641

АПЕЛЯТЫЎНАЯ ЛЕКСІКА З НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫМ КАМПАНЕНТАМ ЯК АСНОВА БЕЛАРУСКАМОЎНАГА НЭЙМІНГУ ХАРЧОВЫХ ТАВАРАЎ

Ключавыя словы: *апелятыўная лексіка, лексічная адзінка, нацыянальна-культурны, нэйм, нэймінг.*

У артыкуле праведзена даследаванне апелятыўнай лексікі, якая паслужыла асновай для ўтварэння нацыянальна маркіраваных назваў харчовых тавараў, вырабленых у Беларусі. Выяўлены і ахарактарызаваны

апелятывы, якія выступаюць адным з найважнейшых сродкаў для перадачы нацыянальна-культурнай інфармацыі і ў сучасным беларускамоўным нэймінгу з'яўляюцца тымі намінатыўнымі адзінкамі, якія найбольш выразна рэпрэзентуюць асаблівасці ўспрымання свету носьбітамі беларускай этнакультуры.

A.S. Dziadova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

APPELLATE VOCABULARY WITH A NATIONAL AND CULTURAL COMPONENT AS THE BASIS OF THE BELARUSIAN-LANGUAGE NAMING OF FOOD PRODUCTS

Key words: *appellate vocabulary, lexical unit, national cultural, name, naming.*

The article examines the appellate vocabulary, which served as the basis for the formation of nationally labeled names of food products produced in Belarus. The appeals, which are one of the most important means for transmitting national and cultural information, are identified and characterized. In modern Belarusian-language naming, they are the nominative units that most clearly represent the peculiarities of perception of the world by native speakers of the Belarusian ethnic culture.

Сёння ў сувязі з развіццём рыначных адносін і бізнес-індустрыі, стварэннем шматлікіх прыватных прадпрыемстваў, кампаній і павелічэннем канкурэнцыі паміж імі нэймінг становіцца неад'емным кампанентам маркетынгавай і рэкламнай дзейнасці. Беларускамоўны нэймінг – гэта не толькі адносна новая з'ява ў сучасным маркетынгу, у якой назіраецца выразная тэндэнцыя "прывязаць" камерцыйныя назвы да тых ці іншых нацыянальных рэалій, але і выразны паказчык функцыянальных магчымасцей нацыянальнай мовы. У параўнанні з рускамоўнымі назвамі спектр беларускамоўных нэймаў, якія функцыянуюць у сферы гандлю, не такія шматлікі. Між тым варта адзначыць, што ў апошні час менавіта беларуская мова карыстаецца значнай папулярнасцю і актыўнасцю ў нэймінгу харчовых тавараў.

Нягледзячы на тое, што лінгвістычныя аспекты сучаснага нэймінгу ўваходзяць сёння ў зону актыўнай увагі мовазнаўцаў, асаблівасці нэймінгавай прасторы Беларусі з'яўляюцца ўсё яшчэ недастаткова вывучанымі. Навуковыя даследаванні па праблемах нэймінгу як часткі духоўнай культуры народа і працэсу стварэння рэкламнага імя на сённяшні дзень яшчэ дастаткова эпізадычныя і фрагментарныя. Гэтым якраз і тлумачыцца актуальнасць дадзенага даследавання.

У нашай навуковай працы ў нацыянальна-культурным і функцыянальным аспектах характарызуюцца беларускамоўныя нэймы адапелятыўнага паходжання, сабраныя ў сетцы Інтэрнэт, а таксама зафіксаваныя ў працэсе назіранняў за спецыфікай іменавання харчовых тавараў, выраблены х у Беларусі. У працэсе аналізу лексіка-семантычных асаблівасцей даследаваных нэймаў было вызначана, што ў сферы харчовай вытворчасці дастаткова часта сустракаюцца назвы, якія нясуць у сабе спецыфічную нацыянальна-культурную "аўру" і ў пэўнай ступені ўвасабляюць у сваім значэнні нацыянальныя сімвалы і гісторыка-культурную адметнасць Беларусі.

Пры стварэнні нэймаў надаецца ўвага лексіцы розных семантычных пластоў. Гэта

1. Лексічныя адзінкі, якія характарызуюць чалавека паводле сацыяльнага статусу. Напрыклад: салодкі набор *"Пані Пасціла". Пані* – гэта ветлівы зварот да замужняй жанчыны, які ў старажытнасці ўжываўся ў славянскіх мовах, найперш у польскай. На сучасным этапе такі зварот у беларускай мове не захаваўся, але шырока выкарыстоўваецца ў Польшчы. Жыхары гэтай краіны надаюць вялікае значэнне ўжыванню формаў ветлівага звароту. Так, найбольш ветлівым з'яўляецца ўжыванне назоўніка *пані* з прозвішчам суразмоўцы.

2. Лексічныя адзінкі, якія служаць назвамі паводле роднасці ці сваяцтва. Напрыклад: хлеб *"Бабулін"*, гандлёвая марка *"Добрая жонка"*. Назва гандлёвай маркі бакалейных тавараў *"Добрая жонка"* з агульным слоганам *"З добрай жонкай смачна жыць"*, у адрозненне ад рускай мовы, утрымівае ў прыметніку *добры* найперш семантычны кампанент 'руплівая, спрытная і спрактыкаваная гаспадыня'. Назва прадукта "абыгрываецца" праз ключавыя словы ў парэміялагічных адзінках і створаных на ўзор іх трапных гумарыстычных выразах, выкарастаных у якасці рытмічных слоганаў: *"Добрая жонка – соль зямлі"; "У добрай жонкі і вусны як цукар!"* і інш.

3. Лексічныя адзінкі, семантычна звязаныя з характарыстыкай узроставых, фізічных і псіхічных асаблівасцей чалавека, рыс яго характару ці паводзін. Напрыклад: батон *"Маладосць"*, хлеб *"Асілак"*, хлеб *"Дабрадзей"*, хлеб *"Гонар"*, булачка *"Асалода",* мармелад *"Спакуса"* і інш.

4. Лексічныя адзінкі, якія рэпрэзентуюць спецыфіку заняткаў ці роду дзейнасці чалавека. Напрыклад: кефір *"Гаспадар"*, цукеркі *"Шчыры пчаляр"*. Як бачым, у аснову апошняй назвы пакладзены традыцыйны род заняткаў беларусаў – пчалярства.

5. Лексічныя адзінкі, семантыка якіх звязана з этнічнай прыналежнасцю беларусаў. Напрыклад: цукеркі *"Беларусачка", хлеб "Крывіцкі"* і інш.

6. Лексічныя адзінкі, утвораныя на аснове апелятываў-назваў прадстаўнікоў жывёльнага свету. Напрыклад: гандлёвая сетка дзіцячых тавараў *"Буслік"*, цукеркі *"Конік"*, кефір *"Жаваранкі"*, цукеркі *"Вавёрка"*, гарэлка *"Два буслы"* і інш. І гэта невыпадкова, бо назвы дзікіх і хатніх жывёл і птушак, адлюстроўваючы спецыфіку нацыянальных і культурных

уяўленняў, утвараюць надзвычай разнастайны тэматычны пласт у лексіцы любой мовы. Нягледзячы на адсутнасць у назвах кандытарскіх вырабаў відавочнай сувязі са светам жывёл і птушак, нельга казаць пра тое, што гэтыя назвы выпадковыя. Як правіла, яны пабудаваны на эмацыйна-асацыятыўнай прыкмеце і выклікаюць станоўчыя асацыяцыі. Пры гэтым улічваецца мэтавая аўдыторыя: як правіла, гэта дзеці, якія адкрываюць для сябе прыродны свет. Так, адной з самых распаўсюджаных назваў жывёл у кандытарскай намінацыі з'яўляецца назоўнік *мядзведзь* (памянш.-ласк. *мішка*). Для многіх славянскіх плямёнаў мядзведзь быў свяшчэннай і татэмнай жывёлай, пра што сведчыць распаўсюджанасць выявы мядзведзя ў беларускім і рускім фальклоры, у тым ліку і ў казках. Таму невыпадкова, што менавіта гэты назоўнік паслужыў асновай для намінаацыі шакаладных цукерак пад назвай *"Мішка" ("Мішкі")*.

Жывёлы-грызуны таксама "адзначыліся" ў назвах кандытарскіх вырабаў. У гэтай групе беларускамоўных нэймаў, відаць, самай пазнавальнай назвай з'яўляецца стылістычна маркіраваны апелятыў *вавёрачка*. Гэтае найменне, якое заўсёды выклікае станоўчыя асацыяцыі ў спажыўцоў, стала назвай аднаго з самых смачных гатункаў цукерак. Да таго ж такую назву, відаць, цукеркі атрымалі з прычыны свайго саставу: яны ўтрымліваюць кавалачкі здробненых арэхаў – любімага пачастунку вавёрак.

Не меншай па колькасці найменняў з'яўляецца група адфітонімных нэймаў. У іх ліку такія назвы цукерак, як *"Валошка"*, *"Васілішкі", "Рамонак"*, *"Журавіны"*, назва смятаны *"Бярозка"* і інш.

Сярод даследаванага моўнага матэрыялу з нацыянальна-культурным апелятыўным кампанентам вылучаюцца другасныя намінацыі: *"Сёлета"* (сок), *"Вітаем!"* (сыр), *"Мястэчка"* (пельмені), *"Родныя мясціны"* і *"Родныя мясцінкі"* (каўбасныя вырабы; суббрэнд для дзіцячага харчавання), *"Бабіна лета"* (бульба ў пакунку), *"Добрая жонка"* (бакалейныя тавары), *"Цудоўная цукерня"* (цукар), *"Пацалункі–Падарункі"* (журавіны ў цукровай пудры), *"Ветлінка"* (мясныя біяпрадукты) і інш.

Дастаткова выразны культурна-гістарычны складнік утрымліваюць у сабе назвы піва *"Легенды Менску", "Каменныя млыны Менеска", "Таямніцы Лошыцкай", "Прывід мясцовай Ратушы"*, напой *"Добры вечар", "Шаноўны госць", "Талака", "Добры кум, "У сваты", "Два буслы", "Сваяк"* і інш. Відавочна, што папулярызацыя беларускай нацыянальнай мовы праз нэймінг дэманструецца тут гарманічнымі, мілагучнымі, ёмістымі і трапнымі прагматонімамі з лінгвакультурнай каштоўнаснай канатацыяй.

Сярод нэймаў, у якіх адлюстроўваюцца традыцыйныя нацыянальныя каштоўнасці і звычаі беларусаў, пэўную цікавасць выклікае найменне марожанага *"Белы полюс"*. Заўважым, што прыметнік *белы* вельмі часта можна сустрэць у складзе беларускамоўных анамастычных назваў. Вядома, што белы колер з'яўляецца адным з асноўных нацыянальных колераў нашага

этнасу. Ён сімвалізуе сабой жыццёвую сілу, нараджэнне новага і чыстую душу верніка, святло і высакароднасць. Белы колер, апрача таго, ва ўсе часы сімвалізаваў у нашых продкаў свабоду і незалежнасць. Менавіта таму шматлікія архітэктурныя збудаванні беларусы фарбавалі ў белы колер.

Назва чыпсаў *“Бульба”* звязана з адным з самых распаўсюджаных стэрэатыпных меркаванняў пра нацыянальную кухню беларусаў: бульба як харчовы складнік уваходзіць у самую вялікую колькасць страў мясцовай кухні – пачынаючы ад дранікаў, калдуноў і заканчваючы бульбяной бабкай або звыклай смажанай бульбай.

Гандлёвая марка хлебнага вырабу *“Асілак”* асацыіруюецца з героем чарадзейных беларускіх народных казак, легенд і паданняў. Асілак – гэта волат, чалавек незвычайнай сілы, мужнасці і адвагі. Ён мае незвычайную сілу, а таму вырывае з каранямі дрэвы, падымае і кідае камяні. Выступае народным заступнікам. У горадзе Свіслач Гродзенскай вобласці змяшчаецца мемарыяльны комплекс “Асілак”, які сімвалізуе чалавека, гатовага абараняць свой дом і родную зямлю.

Цікавую этнакультурную інфармацыю нясе ў сабе назва цукерак *“Валошка”*. Валошка (васілёк) – гэта неафіцыйны нацыянальны сімвал беларусаў, а таксама сімвал іх культуры і духоўнасці. Менавіта гэтую кветку дзяўчаты і хлопцы ўпляталі ў вянкі ў перапынках паміж цяжкай фізічнай працай ці на святах пасля заканчэння палявых работ, калі спявалі песні, вадзілі карагоды, адчуваючы паўнату жыцця і вялікую радасць ад выкананай працы.

У аснову наймення цукерак *“Лявоніха”* пакладзена назва беларускага танца. Гэты танец – своеасаблівая візітоўка нашай традыцыйнай народнай культуры. Па танцы “Лявоніха”, у аснове якога ляжыць жартоўная песня, беларусаў ведаюць далёка за межамі нашай краіны. Гэтая песня выконвалася раней у выглядзе дыялогу паміж Лявонам і Лявоніхай, вакол якіх танцавалі ўсе астатнія ўдзельнікі.

Лінгвакультурнай спецыфікай вызначаюцца таксама наступныя нэймы: назва соку *“Сёлета”* і назва цукерак *“Знічка”*, якія змяшчаюць у сабе безэквівалентныя ў рускамоўным дачыненні лексічныя адзінкі (бел. *сёлета* – рус. *в этом году*; бел. знічка – рус. падающая звезда).

Нагадаем, што адной з асноўных характарыстык і асаблівасцей этнічнага характару беларусаў з’яўляецца гасціннасць. Пра гэта сведчасць і назвы напояў *“Шаноўны госць”, “Добры кум”, “У сваты”, “Добры вечар”* і інш. Гасціннасць беларусаў вядома далёка за межамі нашай краіны. Традыцыя шчыра сустракаць гасцей бярэ свой пачатак са старажытных часоў, калі дзверы сялянскай хаты заўсёды былі адчыненыя для гасцей ці падарожнікаў, а на стол ставіліся самыя лепшыя пачастункі.

Гандлёвая марка бакалейнай прадукцыі *“Добрая жонка”* і сыр *“Гаспадар”* выклікаюць асацыяцыі добрых і дбайных гаспадароў у сялянскай хаце. Беларусы ва ўсе часы вылучаліся сярод іншых народаў

імкненнем вонкава і ўнутрана ўпрыгожыць сваё жыллё і прылеглую да яго тэрыторыю. Назва гандлёвай маркі сыроў *“Вітаем!”*, у аснове якой ляжыць спецыфічная формула моўнага этыкету нашага народа, рэпрэзентуе традыцыйныя беларускія духоўныя каштоўнасці: гасціннасць, ветлівасць, адкрытасць.

Працавітасць – яшчэ адна паказальная этнічная адзнака беларусаў. Нашы землякі вядомы сваёй стараннасцю, адказнасцю і здольнасцю карпатліва і ўпарта працаваць. Прадстаўнікі беларускага этнасу высока цэняць шчырую, самаадданую працу і лічаць яе неад’емнай часткай свайго жыцця і культуры, што садзейнічае развіццю краіны і ўмацаванню нацыянальнага характару, стварэнню пазітыўнага іміджу нашай дзяржавы на міжнароднай арэне.

Назва напою *“Талака”* семантычна звязана са словам *талака,* якое абазначае традыцыйную форму грамадскай працы, калі людзі ў ранейшыя часы збіраліся разам, каб дапамагчы адзін аднаму ў выкананні працаёмкіх, як правіла, сельскагаспадарчых работ, такіх, як будаўніцтва хаты, уборка ўраджаю і інш. Талака – гэта не толькі спосаб справіцца з вялікім аб’ёмам працы, але і магчымасць для ўмацавання супольных сувязей і сацыяльнага ўзаемадзеяння. Паводле народных звычаяў, крайне не пажадана было адмаўляцца ад талакі, пасля заканчэння якой гаспадар, як правіла, запрашаў усіх у хату за стол, на які ставіліся розныя стравы, пачастункі і гарэлка. Талочнае застолле праходзіла весела, з жартамі і песнямі. У сувязі з гэтым трэба адзначыць, што “лексічная адзінка *талака* змяшчае ў сабе своеасаблівы “этнакультурны падтэкст” – тое нацыянальна адметнае і ўнікальнае, што дастаткова глыбока і поўна адлюстроўвае традыцыйную культуру нашага народа, а таксама яго такія этнічныя адзнакі, як працавітасць і таварыскасць, дабрыню і гасціннасць” [1, с. 227].

Такім чынам, аналіз нацыянальна афарбаваных нэймаў харчовых тавараў, у аснове якіх ляжыць апелятыўная лексіка, сведчыць пра тое, што многія назвы ўзыходзяць да лексічных адзінак беларускай мовы, якія характарызуюцца разнапланавасцю свайго лексічнага значэння і адлюстроўваюць багатую палітру традыцыйнай народнай культуры беларусаў, асаблівасці іх менталітэту, спецыфіку працоўнай і гаспадарчай дзейнасці, элементы традыцыйнай абраднасці, абазначаюць тыя ці іншыя з’явы жывёльнага і раслiннага свету, прасторавыя ці часавыя паняцці, і напоўнены нападробнай любоўю да Беларусі, павагай да яе гісторыі і культуры.

Літаратура

1. Дзядова, А.С. “Беларускае слова ад спеву, бо спявае ў ім даўніна”: лінгвакраіназнаўчы змест лексічнай адзінкі *талака* / А.С. Дзядова // Грани языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.П. Зайцева (отв. ред.) [и др.]; под общ. ред. И.П. Зайцевой. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 224–227.

М.Л. Дорофеенко
Белорусский государственный университет
e-mail: mari008@mail.ru

УДК 811'373.21(476+44)

ВИКОНИМНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ВО ВНУТРИСЕЛЬСКОЙ ТОПОНИМИИ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

Ключевые слова: *виконим, виконимный ориентир, внутрипоселенческое название, лингвокультурологическое микрополе, место, Беларусь, Франция.*

В статье отражены результаты сопоставительного изучения белорусских и французских виконимов, связанных с другими внутрисельскими названиями. Типы и наименования иных внутрисельских объектов трактуются как «виконимные маркеры» населенного пункта. Установлена одна общая для анализируемых подсистем двух стран тематическая группа номинативных единиц – внутрисельские топонимы, дублирующие, названия других объектов, расположенных в населенном пункте. Определено, что каждой национальной подсистеме внутрисельских наименований свойственны культурно-специфические группы виконимов: «номерные» названия в виконимии Беларуси и внутрисельские топонимы, производные от апеллятивных и проприальных обозначений внутрисельских объектов, в номинативной системе Франции.

M.L. Darafeyenka
Belarusian State University

VICONYMIC LANDMARKS IN THE INTRARURAL TOPONYMY OF BELARUS AND FRANCE

Key words: *viconyms, intrasettlement name, viconym, viconymic landmark, intrasettlement name, linguistic and cultural microfield, place, Belarus, France.*

The article reflects the results of a comparative study of Belarusian and French viconyms associated with other intravillage names. The types and names of other intravillage objects are interpreted as «viconim markers» of a settlement. One thematic group of nominative units common to the analyzed subsystems of the two countries was established: intravillage toponyms that duplicate the names of other objects located in the settlement. It has been determined that each national subsystem of intravillage names is characterized

by culturally specific groups of viconyms: "numbered" names in the viconymy of Belarus and intravillage toponyms derived from appellative designations and proper names of intravillage objects in the nominative system of France.

Ономастикон сельского населенного пункта содержит ценные сведения об истории, культуре, тенденциях развития языка, отражает уникальный культурный опыт народа, а также изменения, происходящие в обществе. Именно поэтому имена собственные являются объектом изучения разных наук – лингвистики, истории, географии, культурологии. Топонимная лексика любого языка – организованная и упорядоченная система, исследование которой существенно для ономастики и для лингвистики в целом.

Цель статьи – определение сходств и различий внутрисельских названий, связанных с виконимными ориентирами. Под *виконимным ориентиром* мы понимаем тип внутрисельского объекта или мотивирующий виконим, на основе которых сформировано название. Материалом исследования послужили виконимы, зарегистрированные в крупных сельских населенных пунктах Витебского и Полоцкого районов Витебской области Беларуси, а также департаментов Нижний Рейн и Марна Большого восточного региона Франции. Исследуемые номинативные единицы занимают в подсистемах виконимов Беларуси и Франции соответственно 15,5% и 8,0% от общего количества названий. В настоящее время региональная и сопоставительная ономастика являются востребованными в лингвистических исследованиях отраслями, что подтверждает актуальность исследования.

Анализируемые внутрисельские топонимы регионов Беларуси и Франции являются конституентами лингвокультурологического макрополя «Место», являющегося фрагментом языковой картины мира носителей лингвокультуры. Человек выделяет значимые признаки реалий окружающего мира и дает им оценку через наименование объекта, в котором транслируются ценности, ему небезразличные. В системе внутрипоселенческих наименований мир репрезентируется с позиций его видения человеком, воплощаются географические, национально-культурные и культурно-исторические сведения.

Виконимы, формирующие лингвокультурологическое макрополе «Место», отражают комплексные сведения о территории, на которой они локализованы, что позволяет говорить о внутрипоселенческой топонимии как об особым образом организованной системе. В виконимном пространстве Беларуси и Франции лингвокультурологическое макрополе «Место» включает следующие лингвокультурологические микрополя: «Топонимные ориентиры», «Физико-географические характеристики», «Архитектурные ориентиры», «Виконимные ориентиры», «Пространственные характеристики», «Параметрические характеристики».

Внутрисельские названия, связанные с виконимными ориентирами, анализировались в отдельных исследованиях белорусских, российских

и французских ономастов в рамках всей виконимной подсистемы. Так, некоторые разновидности наименований данного типа описаны в научных работах А.М. Мезенко [3, 14–18], М.Л. Дорофеенко [1, 10], Р.В. Разумова [8, 148]; Р. Дебри [10, 121]. Следует заметить, что чаще объектом исследования становятся представленные в подсистеме внутригородских наименований урбанонимы, сформированные на основе названий или типов внутригородских объектов. Так, данные номинативные единицы согласно результатам исследования ученых мотивированы главным образом именами собственными других внутригородских объектов, расположенных в непосредственной близости. Урбанонимы, связанные с внутригородским ориентирами, проанализированы в контексте всей подсистемы наименований городского населенного пункта (ср. работы А.М. Мезенко [4, 23], Р.В. Разумов [8, 12], Н.Ю. Забелина [2, 18], Ю.Г. Пушкарёвой [6, 117]; С. Жандрона [12, 71], А. Душена [11, 8]. Российские ученые отмечают, что повторяющиеся урбанонимы типичны для многих других городов России [6, 118].

Сопоставительное исследование белорусских и французских внутрисельских топонимов, связанных с виконимными ориентирами, пока не осуществлялось.

В виконимных подсистемах крупных сельских населенных пунктов Витебского и Полоцкого районов Витебской области Беларуси, а также департаментов Нижний Рейн и Марна Большого восточного региона Франции обнаружена одна общая группа наименований – **виконимы, повторяющие проприальную часть названий близкорасположенных линейных объектов** (53,3% в виконимии Беларуси; 62,7% в виконимии Франции и 58,7% от общего количества внутрисельских топонимов Беларуси и Франции). В виконимных подсистемах Беларуси и Франции зарегистрированы номинативные единицы, входящие в двухкомпонентные модели **виконимной иррадиации.** Н.В. Подольская под *иррадиацией (топонима)* понимает «вид трасонимизации. Распространение основы географического имени данного объекта на другие, обычно близколежащие объекты» [5, 63]. В нашем исследовании под *виконимной иррадиацией* понимается распространение проприальной части названия одного внутрисельского объекта на именования другого, расположенного преимущественно рядом – то есть два названия имеют одинаковый именной элемент при различных номенклатурных терминах. В системе внутрисельских названий реализуются только двухкомпонентные модели иррадиации. При этом в виконимии Беларуси зафиксирована только одна продуктивная модель – **название улицы → название переулка** (*Техническая ул. → Технический пер.* (здесь и далее – примеры белорусских виконимов, зарегистрированных в крупных сельских населенных пунктах Витебского и Полоцкого района Витебской области Беларуси, а примеры французских виконимов – в сельских поселениях департаментов Нижний Рейн и Марна Большого восточного региона Франции); *Шоссейная ул. → Шоссейный пер.*). В виконимии

Франции репрезентированы 15 моделей, из которых продуктивны пять (задействованы от двух до 14 раз):

nom de rue – **nom d'impasse** 'название улицы – название тупика' (*rue des Prés – impasse des Prés* 'Луговая ул. – Луговой туп.');

nom de rue – **nom de place** 'название улицы – название площади' (*rue de l'Église – place de l'Église* 'Церковная ул. – Церковная пл.');

nom de rue – **nom de ruelle** 'название улицы – название переулка' (*rue de l'Angle – ruelle de l'Angle* 'Угловая ул. – Угловой пер.');

nom de route – **nom de rue** 'название шоссе – название улицы' (*route de Sarreguemines – rue de Sarreguemines* 'ш. Саргемин – ул. Саргемин');

nom de rue – **nom de voie** 'название улицы – название трассы (тракта)' (*rue d'Epernay – voie d'Epernay* 'ул. Эперне – тр. Эперне').

Отметим, что для данных схем мы не указываем направление иррадиации, так как не всегда достаточно информации для установления времени возникновения того или иного названия.

Кроме того, каждой подсистеме внутрисельских наименований свойственны национально-специфические группы номинативных единиц.

Например, составе внутрисельских топонимов Беларуси зафиксированы так называемые «номерные» виконимы, то есть внутрипоселенческие топонимы, имеющие в своем составе числительное. На долю таких наименований приходится 46,7% от общего количества виконимов (*1-я Садовая ул., 2-я Садовая ул., 1-й Заречный пер., 2-й Заречный пер., 3-й Заречный пер.*). Данная разновидность не нашла отражения во внутрисельской топонимии Франции. Следует заметить, что «номерные» наименования в российской подсистеме виконимов не получают широкого распространения. По сведениям Р.В. Разумова, проанализировавшего современные российские системы виконимов на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области, данная разновидность проприальных единиц зафиксирована «лишь в Тутаевском районе, в котором отмечено всего 3 подобных названия (1,1 %)» [7, 148]. Внутрипоселенческие топонимы, содержащие в своем названии номер, функционируют и в системе внутригородских названий Беларуси [4], однако являются нехарактерными для урбанонимии Франции [9].

В подсистеме внутрисельских наименований Франции можно выделить одну крупную национально-специфическую группу названий – **виконимы, мотивированные номинациями других точечных и линейных внутрисельских объектов** (37,3% от общего количества номинативных единиц Франции), в рамках которой выделяются подгруппы названий, образованных от обозначений двух видов: **1) апеллятивных** (20,3%). Наименования, сформированные на основе нарицательных имен существительных, наиболее многочисленны. К ним относятся проприальные единицы, образованные от типов декоративных сооружений, расположенных в населенном пункте или видов внутрисельских объектов (*rue des*

Arcades ‘Аркадная ул.’, *rue de la Fontaine* ‘Фонтанная ул.’, *rue du Pont* ‘Мостовая ул.’, *passage des Remparts* ‘пр-д Укреплений’);

б) проприальных (16,9%). Этих наименований меньше, и они представлены виконимами, сформированными на основе сельских хоронимов (*chemin des Bas Némery* ‘тр. Ба Немери’, где Bas Némery ‘Ба Немери’ – наименование квартала), а также других единичных разновидностей наименований.

Таким образом, отдельные внутрисельские объекты в силу своего важного значения могут считаться значимыми ориентирами в поселении, ввиду чего становятся мотивирующей основой для формирования внутрисельских названий. Национальное своеобразие таких проприальных единиц обусловлено различными реалиями – географическими, историческими, социальными и культурными. По результатам изучения белорусского и французского виконимного пространств можно сделать вывод о национальной специфичности выбора, частотности и распространенности тех или иных виконимных ориентиров при образовании внутрисельских названий.

По результатам исследования данной категории номинативных единиц выявлены как общие для двух лингвокультур, так и национально-специфические характеристики. Так, общими являются следующие свойства: 1) наличие одноименной группы виконимов, дублирующих названия близлежащих линейных объектов и различающихся номенклатурным термином; 2) преобладание данной группы наименований среди всех внутрисельских топонимов, связанных с виконимными ориентирами; 3) функционирование только двухкомпонентных моделей виконимной иррадиации; 4) фиксация одной тождественной модели двухкомпонентной иррадиации, когда название переулка повторяет название улицы; 5) наличие культурно-специфических групп названий, свойственных только одной национальной подсистеме.

К отличительным чертам двух лингвокультур можно отнести следующее: 1) несовпадающее количество двухкомпонентных моделей виконимной иррадиации – в виконимии Беларуси зафиксирована только одна схема, а в виконимии Франции их 15; 2) разную продуктивность тождественной модели виконимной иррадиации: это единственная и продуктивная схема в виконимии Беларуси и одна из многочисленных, но представленная четырьмя парами названий схема в виконимии Франции.

Литература

1. Дорофеенко, М. Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.02 / Дорофеенко Марина Леонидовна ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2015. – 28 с.

2. Забелин, Н. Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Забелин Николай Юрьевич ; Ин-т яз-ния РАН. М., 2007. – 23 с.

3. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ў назвах вуліц: Манаграфія : у 2 ч. / Г. М. Мезенка. – Віцебск : УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2008. – Ч. 1. – 363 с.

4. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01; 10.02.02 / Мезенко Анна Михайловна ; Минск. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1991. – 34 с.

5. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

6. Пушкарёва, Ю. Г. Принципы классификации названий внутригородских объектов / Ю. Г. Пушкарёва // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 10. – С. 116–121.

7. Разумов, Р. В. Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) / Р. В. Разумов // Ярославский педагогический вестник – 2013. – Т. 1 (Гуманитарные науки), № 1. – С. 145–149.

8. Разумов, Р. В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Р. В. Разумов ; Яросл. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2003. – 22 с.

9. Badariotti, D. Les noms de rue en géographie. Plaidoyer pour une recherche sur les odonymes / Street names, an argument for a geographic research / D. Badariotti // Annales de Géographie. – 2002. – T. 111. – №°625. – P. 285–302. – URL: https://doi.org/10.3406/geo.2002.1658 (date d'accès: 10.01.2024).

10. Debrie, R. Les noms de rues traditionnels des communes rurales de la Somme / R. Debrie // Nouvelle revue d'onomastique. L'Ardenne, l'eau et la forêt. –1987. – № 9–10. – P. 121–125.

11. Douchin, A. Dénommer les rues à Antony au XXe siècle : Une commune en transition odonymique / A. Douchin // Noms de lieux, noms de personnes : La question des sources. – 2018. – URL: https://books.openedition.org/pan/1039 (date d'accès: 10.01.2024).

12. Gendron, S. Odonymie de La Châtre (Indre) / S. Gendron // Nouvelle revue d'onomastique. – 2014. – №°56. – P. 71–99.

К.А. Зайцава
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: kasiazaya88@mail.ru

УДК 811. 161.3'373.21(476.5)

ПРЫРОДНА-ЛАНДШАФТНЫ КОД ТАПАНІМІІ БЕШАНКОВІЧЧЫНЫ

Ключавыя словы: *айконім, апелятыў, гідронім, ландшафт, матывавальная аснова, мікратапонім, тапанімная прастора, тапонім.*

У артыкуле ўпершыню ажыццяўляецца даследаванне рэгіянальных тапанімічных адзінак у лінгвакультуралагічным аспекце, вызначаецца спецыфіка іменавання прыродна-ландшафтных аб'ектаў у Бешанковіцкім

рэгіёне. Даследуецца сувязь тапонімаў з воднымі, ляснымі, араграфічнымі аб'ектамі, асаблівасці размяшчэння аб'екта ў прасторы, вызначаюцца найбольш пашыраныя групы намінацый, матываваныя прыродна-ландшафтнымі асаблівасцямі рэгіёна.

E.A. Zajceva
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

NATURAL LANDSCAPE TOPONYMY CODE OF THE BESHENKOVICHY DISTRICT

Key words: *oikonym, appellative, hydronym, landscape, motivating basis, microtoponym, toponymic space, toponym.*

For the first time, the article examines regional toponymic units in the linguistic and cultural aspect, and defines the specifics of the names of natural and landscape objects in the Beshenkovichi region. The connection of toponyms with water, forest, and orographic objects is investigated, the features of the object's placement in space are identified, and the most expanded groups of nominations motivated by the natural and landscape features of the region are determined.

Лінгвакультуралагічны аспект даследавання ў сучаснай лінгвістыцы апошнім часам ўяўляецца асабліва актуальным. Пытанням сувязі мовы з культурай былі прысвечаны працы Н. Д. Аруцюнавай, А. Л. Беразовіч, В. У. Красных, М. Л. Каўшовай, В. А. Маславай, Г. М. Мезенка, М. Э. Рут, Ю. С. Сцяпанава, У. М. Тапарова, В. М. Тэлія і інш.

Тапанімія ўяўляе каштоўны матэрыял для лінгвакультуралагічнага даследавання, паколькі тапанімічныя адзінкі захоўваюць у сабе асаблівасці ўспрымання, моўнага адлюстравання інфармацыі пра аб'ект, што стварае агульную карціну пра нацыянальную мадэль свету. Актуальнасць працы абумоўлена цікавасцю да праблемы ўзаемадзеяння мовы і культуры. Тапонімы ўяўляюць сабой шматаспектныя моўныя адзінкі і сведчаць аб міжэтнічных моўных кантактах. У дадзенай працы намінацыі разглядаюцца ў прыярытэтным лінгвакультуралагічным аспекце, што дазваляе прасачыць сувязь мовы і культуры. Аб'ектам даследавання з'яўляецца тапанімія Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці (віканімія, айканімія, мікратапанімія). Метады даследавання – апісальна-аналітычны, картаграфічны, элементы статыстычнага аналізу.

Разуменне культуры як сукупнасці кодаў, у якіх яна ўвасабляецца, прадугледжвае разгляд працэсу іменавання як асобнага тыпу кадзіравання гісторыка-культурнай інфармацыі. Адным з асноватворных кодаў, уласцівых традыцыйнай культуры, з'яўляецца ландшафтны, звязаны

з уяўленнямі чалавека аб навакольных яго геаграфічных аб'ектах, і які рэалізуецца ў сістэме назваў населеных пунктаў. Аднымі з самых частых адзінак на тэрыторыі Бешанковіцкага раёна з'яўляюцца тапонімы, матываваныя назвамі гідраграфічных аб'ектаў. Гідронімы, што "прадстаўляюць адну з прыродных стыхій, трывала ўвайшлі ў культуру розных народаў, у тым ліку і славянскіх. Аграрная і бытавая магія старажытных славян была заснавана на шанаванні вады, зямлі і сонца як асновы жыцця чалавека. Рэ-ліктамі старажытных міфалагічных ўяўленняў пра ўпарадкаванне свету і яго асноўныя духоўныя сілы з'яўляецца вера ў ачышчальную, цудатвор-ную сілу вады, адкуль вада з'яўлялася і з'яўляецца неад'емнай часткай многіх іншых рытуалаў" [1, 55]. Дадзеную групу фарміруюць тапонімы, матываваныя назвамі рэк, ручаёў: *в. Двурэчча, вул. Зарэчная, в. Зарэчча, мікратап. Святы ручай, мікратап. Чорны ручай* (глыбокі вадаём з чорнай вадой, які немагчыма перайсці), *в. Узрэчча*; азёраў: *в. Заазе́р'е, вул. Надазёрная, в. Паўазер'е* – 20 адзінак. Сярод даследаваных тапонімаў выдзя-ляюцца намінацыі, матываваныя апелятывам балота. Як адзначаюць даследчыкі, у беларусаў вельмі добра распрацавана балотная тэрміналогія, што знаходзіць адлюстраванне ў сістэме геаграфічных назваў: *в. Забалоц-це, мікратап. Гарэлае балота, мікратап. Круглае балота / Круговіна, мікратап. Мураўскае балота, мікратап. Чортава балота, мікратап. Чор-нае балота*. У традыцыйнай беларускай культуры балота атаясамліваецца з небяспечным і нячыстым месцам, дзе водзяцца чэрці. У беларускай мове налічваецца больш за 30 лексем, якія суадносяцца са словам балота: ам-шар, багна, бездань, белка, вязь, дрыгва і інш.

Яшчэ адной асаблівасцю тапонімаў з'яўляецца ўласцівасць адлюст-роўваць інфармацыю адносна размяшчэння аб'екта ў прасторы (19 адзінак). Дадзеныя намінацыі можна аднесці да назваў-арыенціраў, што апісваюць месцазнаходжанне аб'екта. Прыведзены тып іменавання ге-аграфічных аб'ектаў дазваляе прасачыць спосабы асэнсавання прасторы чалавекам. Пры ўтварэнні такіх назваў выкарыстоўваюцца прыстаўкі *за, пры, у*. Тапонімы з прыстаўкай *за-* ўказваюць на знаходжанне аб'екта за балотам, возерам, борам, дарогай, лугам і г.д. Семантыка такіх утварэнняў з'яўляецца даволі празрыстай: *в. Забалоцце, в. Забор'е, в. Задарожжа в. Заграддзе, в. Залужжа, в. Замошша, в. Заполле, вул. Зарэчная, в. За-ручэўе, в. Зарэчча.* На тэрыторыі Віцебскай вобласці зафіксавана 83 ай-канімныя адзінкі, на Бешанковіччыне – 15 адзінак, што складае 6% ад агульнай колькасці намінацый.

Айканімаў з прыстаўкай *пад-*, якая ўказвае на размяшчэнне населена-га пункта побач з іншым аб'ектам, на тэрыторыі Бешанковіцкага раёна не зафіксавана. Прыстаўкі *пры-, у-/уз-* у складзе геаграфічнай назвы мае значэнне лакалізацыі населенага пункта побач з адпаведным геаграфічным аб'ектам і на даследаванай тэрыторыі адлюстроўваецца ў айканімах: *Прыдзвінне* – пасяленне каля р.Заходняя Дзвіна, *в.Узрэчча* – месца каля ракі.

Шматлікую групу ўтвараюць тапонімы, матываваныя назвамі арографічных аб'ектаў – апісаннямі формаў рэльефу. Тапонімаў з такой матывацыяй налічваецца каля 30 адзінак: *мікратап. Астравы, в. Высокая Гара, в. Верхняе Крывіна, в. Вярхоўе, в. Горкі, мікратап. Горкі, в. Двурэчча, мікратап. Касая гара, мікратап. Курган, мікратап. Козьі горы, мікратап. Лісьі норы, мікратап. Мядзвежы роў в. Паніззе, мікратап. Равы, в. Холм і інш.*

Важным элементам ландшафта Бешанковіцкага раёна, як і многіх іншых, з'яўляюцца лясныя масівы. У тапаніміі даследаванага рэгіёна тапонімы, матываваныя ляснымі назвамі, сустракаюцца даволі часта: *в. Залессе, мікратап. Леснічоўка, мікратап. Узлессе.* У дадзеную групу ўваходзяць таксама намінацыі, звязаныя з лексемай *бор.* У слоўніку І.Я Яшкіна дадзены тэрмін мае значэнне "выключна сасновы лес, які раскінуўся на вялікай прасторы", "высокае месца ў лесе", "узвышанасць", "сухая глеба"; "сухое месца сярод балота", "невялікія горкі" [4, 102]. На Бешанковіччыне слова *бор* ужываецца ў значэнні "выключна сасновы лес, які раскінуўся на вялікай прасторы": *мікратап. Баркі, мікратап. Барок, мікратап. Гарэлы Бор, в. Забор'е, мікратап. Падборац, мікратап. Сасновы Бор, мікратап. Чырвоны Бор.*

У цеснай сувязі з лясным масівам знаходзяцца тапонімы, матываваныя сувяззю з раслінным светам. "Наяўнасць на беларускай зямлі спрадвеку вялікага мноства лясоў, бароў і гаёў давала падставы нашым продкам вызначыць пераважную пароду дрэў, кустарнікаў і травяністых раслін, якая часта з'яўлялася адметнай асаблівасцю той ці іншай мясцовасці, мела немалаважнае значэнне ў штодзённым побыце, гаспадарчай дзейнасці, і ўтварыць ад яе назву свайго паселішча" [3, 9]. Тапонімы, суадносныя з апелятывамі раслінага свету, прадстаўлены наступнымі найменнямі – *в. Асінаўка, в. Баркуны* (ад баркун – расліна, сямейства бабовых), *р. Бярозка, мікратап. Бярэзнік, воз. Вербнае* (матывавальная аснова якога, на нашу думку, суадносіцца з раслінай вярба, якой параслі берагі возера), *мікратап. Дрэўкі, в. Дубішча, в. Дубкі, в. Луг, в. Сасняны, мікратап. Цёмны мох, в. Хмельнік.* Большасць жа тапаасноў на Бешанковіччыне, звязаных з раслінным і жывельным светам, паходзяць ад дахрысціянскіх імёнаў: *в. Баброўшчына, в. Дразды, в. Сініцы, в. Шчукі* і інш.:

Да намінацый, якія рэпрэзентуюць прыродна-ландшафтны код тапаніміі Бешанковіччыны можна аднесці групу апелятываў, што адлюстроўваюць назву тыпаў паселішча. Іх аснова матывавана апелятывамі ўсходнеславянскага і агульнаславянскага паходжання: *горад, двор, дом, засценак, кут, слабада, сяло, хутар*, што ў структуры кампазітаў выступаюць ў розным граматычным афармленні. На тэрыторыі Бешанковіцкага раёна распаўсюджаны наступныя назвы населеных пунктаў: *в. Гародна, в. Гарадзец* (у аснове намінацыі – слова *горад*), *в. Гняздзілава* (ад 'гняздзіцца, сяліцца'), *в. Засценкі, в. Дворнікі, в. Куты.* Назва паселішча паходзіць ад

апелятыва *кут*. *Куты* ўспрымаліся, як ‘беднае паселішча’, раскіданае каля лесу ці логу. Кутнікамі ў XVI–XVIII стст. называлі збяднелых сялян, якія не мелі сваёй гаспадаркі, а жылі па кутах, у чужых людзей. Сюды ж мы аднеслі айконімы *в. Малы Двор, в. Селішча* (‘сяліцца’), *в. Слабада, в. Слабодка*, *в. Старадворцы.* Аснова айконімаў *Крывое Сяло, Навaселкі, Новае сяло* матывавана апелятывам *сяло*, які першапачаткова абазначаў розныя тыпы паселішчаў. Дадзеная лексема ўзгадваецца ў летапісах ужо ў X ст. як ‘княжацкі загарадны маёнтак з дваром і чэляддзю’, у XV–XVI стст. семантыка слова змянілася на ‘паселішча з феадальным дваром’. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы тлумачыць значэнне лексемы сяло як ‘ралля’ і звязвае з праславянскім дзеясловам *sěděti*. “На думку Куркінай, матывацыя дзеясловам *sědeti* першапачатковага *selo* ‘ралля, поле’ адбылася з пераходам да аседласці” [6, 147]. Сучаснае значэнне апелятыва *сяло* – ‘вялікая вёска’, у дарэвалюцыйнай Расіі – ‘паселішча з царквой’.

Такім чынам, у дадзены час застаецца актуальным лінгвакультуралагічны аспект даследавання анамастычных адзінак, што абумоўлена знаходжаннем у іх багатай гістарычнай і культурнай інфармацыі. Рэгіянальныя тапонімы, з’яўляючыся важным складнікам прыродна-ландшафтнага кода Бешанковіччыны, характарызуюцца вялікай колькасцю і разнастайнасцю тапаасноў, матываваных сувяззю з воднымі, раслiннымі аб’ектамі, асаблівасцямі размяшчэння аб’екта ў прасторы, формамі рэльефу, што дазваляе прасачыць спосабы асэнсавання прасторы чалавекам.

Спіс скарачэнняў

в. – вёска, г.п. – гарадскі пасёлак, мікратап. – мікратапонім.

Літаратура

1. Белорусская ономастика. топонимия: учеб. пособие / А.М. Мезенко [и др.]; под общ. ред. А.М. Мезенко – Минск: Элайда, 2012. – 260 с.

2. Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. – Мн, 1974. – 448 с.

3. Радзіваноўская, Н.А. Айконімы, суадносныя з назвамі раслiннага свету: структура, утварэнне, пашырэнне: аўтарэф. дыс. … канд. філал. навук: 10.02.01 / Н.А. Радзіваноўская; Нац. акад. навук Беларусі. – Мн., 2003. – 22 с.

4. Яшкін, І.Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія. / І.Я. Яшкін. – Мінск: Бел. навука, 2005. – 808 с.

Крыніцы

5. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У.М. Генкін, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцюгова; пад рэд. В.П. Лемцюговай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.

6. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 13. С – Т / Уклад. М.Я. Абрагімовіч [і інш.]; гал. рэд. ГА. Цыхун. – Мінск: Беларус. Навука, 2010. – 351 с.

Е.А. Зуева
Барановичский государственный университет
e-mail: katarzyna.zujewa@mail.ru

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЦИКЛА «СТИХОТВОРЕНИЯ ЮРИЯ ЖИВАГО» (ПО РОМАНУ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»)

Ключевые слова: *ономастическое пространство, «Стихотворения Юрия Живаго», денотативное содержание онимов, структурные типы онимов, организующая роль онимов*.

В статье впервые осуществляется исследование ономастического пространства цикла «Стихотворения Юрия Живаго» (по роману Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»). Представлена классификация ономастического пространства цикла по денонативному содержанию, рассмотрена структура онимов, установлена роль онимов в цикле с учетом особенностей и частотности употребления.

E.A. Zueva
Baranavichy State University

ONOMASTIC SPACE OF THE CYCLE “POEMS BY YURI ZHIVAGO” (BASED ON THE NOVEL BY B. L. PASTERNAK “DOCTOR ZHIVAGO”)

Key words: *onomastic space, “Poems of Yuri Zhivago”, denotative content of onyms, structural types of onyms, organizing the role of onyms.*

The article for the first time explores the onomastic space of the cycle “Poems of Yuri Zhivago” (based on the novel by B. L. Pasternak “Doctor Zhivago”). The classification of the onomastic space of the cycle according to denonative content is presented, the structure of onyms is considered, the role of onyms in the cycle is established, taking into account the frequency.

В современной ономастике «одним из приоритетных ракурсов рассмотрения и изучения ономастической лексики является литературная ономастика (ономопоэтика, поэтическая ономастика), сконцентрированная на лингвистическом аспекте изучения специфики ономастических единиц и закономерностей их функционирования в художественном тексте» [5, с. 6].

Интересным для ономастического исследования являются «Стихотворения Юрия Живаго» (часть романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», включает 25 стихотворений), которые «составляют целостный, законченный цикл и образуют особую, семнадцатую часть романа <…> оставшиеся от Юрия стихи утверждают его бессмертие, подтверждают смысл его фамилии Живаго <…> эти стихотворения о добре и зле, красоте и таланте, верности и предательстве, сне и яви, религиозной вере и философской созерцательности, рождении и смерти <…> особой красоты, значительности и мудрости исполнен “евангельский цикл” в пределах этой семнадцатой части романа» [15, с. 434].

Цель статьи заключается в рассмотрении ономастического пространства цикла «Стихотворения Юрия Живаго» (по роману Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»).

Материалом исследования послужил цикл «Стихотворения Юрия Живаго» (семнадцатая часть романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго») [11], фактический материал составили отобранные из цикла 40 онимов (51 единица с учетом повторений онимов и отонимных образований), представляющие ономастическое пространство цикла, при анализе и классификации которых привлекались следующие источники [1; 3; 6; 7; 9; 10; 12; 14; 16].

В процессе исследования произведен анализ ономастического пространства цикла «Стихотворения Юрия Живаго» по следующим параметрам: 1) денонативному содержанию, 2) структуре, 3) организующей роли и значимости в цикле.

Анализ **денотативного содержания** ономастического пространства так называемого «евангельского цикла» «Стихотворения Юрия Живаго» показал, что в стихотворениях представлено своеобразное «агионимное пространство», которое создают агионимы (в широком смысле) – «наименования, служащие для называния лиц или объектов, характеризующееся категорией сакральности» [4, с. 38]. «Разряды агионимов представлены сложной системой, куда входят теонимы, агиоантропонимы (имена святых), <…>, эортонимы (названия церковных праздников) <…>, которые составляют ономастическое поле, объединенное значением святости» [4, с. 38]. Языковой материал позволяет выделить:

Топонимическое пространство (агионимное и неагионимное) [13, с. 127] (всего 15 единиц и 18 словоупотреблений) представляют **астионимы** (имена городов) [13, с. 41]: «*Дочь степной небогатой помещицы, / Ты – на курсах, ты родом из* ***Курска***» ([11], «Белая ночь», с. 550) – **Курск** ‘город, центр Курской области’ [14, с. 232]. «*Как раскинувшийся панорамою /* ***Петербург*** *за Невою бескрайней*» ([11], «Белая ночь», с. 550) – **Петербург** (**Санкт-Петербург**) ‘город в Ленинградской области’ [14, с. 365]; «*В оконце сторожки / Мерцала звезда по пути в* ***Вифлеем***» ([11], «Рождественская звезда», с. 565) – **Вифлеем** ‘город на западном берегу реки Иордан, к югу от Иерусалима; согласно Библии – место рождения Иисуса

Христа’ [14, с. 100], «второй по значимости после Иерусалима» [12]. «***Иерусалим*** */ Осанны навстречу гремели*» ([11], «Дурные дни», с. 570) – **Иерусалим** ‘город в Палестине, важный религиозный центр’ [14, с. 167]. «*Его соблазнял сатана. / И брачное пиршество в* ***Кане***» ([11], «Дурные дни», с. 571) – **Кана** ‘1. Город в колене Асировом, вероятно, теперешнее селение Кана в миле к югу от Тира [3]; **комонимы** (имена сельских поселений) [13, с. 66]: «*Он шел из* ***Вифании*** *в Ерусалим / Заранее грустью предчувствий томим*» ([11], «Чудо», с. 568) – **Вифания** ‘маленькое селение у подножия Елеонской горы, приблизительно, в 5-ти км к юго-востоку от Иерусалима, по дороге в Иерихон. Это селение Христос часто посещал. Здесь жили Марфа и Мария, и здесь Христос воскресил Лазаря. Близ этого селения Он вознесся на небо’ [3]. «***Гефсиманский сад***» ([11], «Гефсиманский сад», с. 574) – **Гефсиманский сад** ‘небольшое селение с садом вне Иерусалима у западного подножия Масличной горы, куда часто удалялся наш Спаситель, и где Он перенес невыразимые душевные муки в ночь, когда был предан’ [3], «традиционно почитается как место моления Иисуса Христа в ночь ареста: согласно Новому Завету, Иисус и его ученики регулярно посещали это место – что и позволило Иуде найти Иисуса в эту ночь» [12]; **хороним** (имя любой территории) [13, с. 145]: «*Входил он в* «*И бегство в* ***Египет*** *и детство / Уже вспоминались, как сон*» ([11], «Дурные дни», с. 571) – **Египет** ‘государство на северо-востоке Африки и на Синайском полуострове Азии. Египтяне называют свою страну Миср от древнееврейского (библейского) Мицраим – так звали одного из сыновей Хама, потомки которого населяли Египет’ [14, с. 149]; **потамонимы** (имена рек) [13, с. 108]: «*Как раскинувшийся панорамою / Петербург за* ***Невою*** *бескрайней*» ([11], «Белая ночь», с. 550) – **Нева** ‘река, впадает в Финский залив Балтийского моря; Ленинградская область’ [14, с. 285]; «*Дорога шла вокруг горы Масличной, / Внизу под нею протекал* ***Кедрон***» ([11], «Гефсиманский сад», с. 574) – **Кедрон** ‘поток и долина, которая, начинаясь с северной стороны Иерусалима между его восточной стороной и Елеонской горой, спускается к югу и проходит мимо деревни’ Сильван [3]; **пелагоним** (имя моря) [13, с. 105]: «*Был воздух горяч и камыш неподвижен, / И****Мертвого моря*** *покой недвижим*» ([11], «Чудо», с. 568) – **Мертвое море** ‘бессточное озеро на Ближнем Востоке, в Иордании и Израиле’ [14, с. 267]; **оронимы** (имена любого элемента рельефа) [13, с. 99–100]: «*В далекий хутор на* ***Урале*** */ Тащился человек верхом*» ([11], «Весенняя распутица», с. 551) – **Уральские горы** ‘горная система между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами; Россия’ [14, с. 432]; «*Обыкновенно свет без пламени / Исходит в этот день с* ***Фавора***» ([11], «Август», с. 561) – **Фавор** ‘1. Гора в восточной части Галилеи недалеко от Назарета, на северной границе Изреельской равнины’ [3], в христианстве традиционно считается местом Преображения Господня [12]. «*Дорога шла вокруг* ***горы Масличной****, / Внизу под нею протекал Кедрон*» ([11], «Гефсиманский сад»,

с. 574) – **Масличная гора или Елеонская** ‘лежит к востоку от Иерусалима и часто упоминается в Святом Писании, особенно в Новом Завете’ [3], «издревле была засажена маслинами <…> В Новом Завете Иисус произносит на горе елеонскую проповедь. Елеонская гора – место вознесения Иисуса Христа. На Елеонской горе молился перед арестом Иисус Христос’ [12]; **ойкодоним** (имя здания) [13, с. 88]: «*Как его тогда к стене **Манежа** / Вечер смерти наспех пригвоздил*» ([11], «Объяснение», с. 552) – **Манеж** экзерциргауз (выстроен в 1817 г., к пятилетию победы над Наполеоном) [1]. Оттопонимными являются прилагательные: «*Мне далекое время мерещится, / Дом на **Стороне Петербургской***» ([11], «Белая ночь», с. 550). «*В **московские** особняки / Врывается весна нахрапом*» ([11], «Земля», с. 569).

Антропонимическое пространство [13, с. 31] представляют **агионимы** (имена святых) [13, с. 27] или **агиоантропонимы** [4, с. 38] (4 единицы и 6 словоупотреблений): «*– А кто вы такие? – спросила **Мария***» ([11], «Рождественская звезда», с. 567)**.** «*И только волхвов из несметного сброда / Впустила **Мария** в отверстье скалы*» ([11], «Рождественская звезда», с. 567) – **Мария** ‘1. Дева Мария; Богородица, Богоматерь, Дева, Мадонна, Мария-дочь, Матерь, Матушка-заступница, Мать, Назаретская, Невеста’ [6]. «***Магдалина***» («Магдалина», с. 572–573) – **Магдалина** ‘святая равноапостольная Мария Магдалина (I в.) – грешница, уверовавшая в Иисуса Христа, одна из жен-мироносиц’ [6], «следовала за Христом, присутствовала при Его Распятии и была первой из людей, удостоившейся явления Воскресшего Иисуса» [12]. «*Огни, мечи и впереди – **Иуда** / С предательским лобзаньем на устах*» («Гефсиманский сад», с. 575) – **Иуда** Искариот ‘апостол из двенадцати, предавший Иисуса Христа’ [6], «за 30 сребреников. Чтобы указать на Христа, Иуда, подойдя со стражей, поцеловал Иисуса ночью в Гефсиманском саду после моления о чаше. Поцелуй Иуды относится в христианстве к числу Страстей Христовых и следует сразу за гефсиманским молением Иисуса» [12]. «***Петр** дал мечом отпор головорезам / И ухо одному из них отсек*» ([11], «Гефсиманский сад», с. 575) – **Петр** ‘1. Святой Петр (I в.) – апостол из двенадцати’ [6].

Геортонимы (имена праздников) [13, с. 48] или **эортонимы** [4, с. 38] (8 единиц и 10 словоупотреблений): «*На **Страстной***» ([11], «На Страстной», с. 548) – **страстная неделя**; **страстная седмица** ‘последняя неделя Великого поста’ [9, с. 1276], «во время которой вспоминаются Тайная Вечеря, предание на суд, страдания и распятие, погребение Иисуса Христа. Все дни Страстной седмицы носят название Великих – Великий Понедельник, Великий Вторник и т. д.» [16], посвящена «христианской церковью памяти “страстей Господних” – страданиям Христа перед смертью» [12]. «*И со **Страстного четверга** / Вплоть до **Страстной субботы***» ([11], «На Страстной» с. 549) – **Великий четверг** ‘такой день на страстной неделе’ [9, с. 155], «в этот день вспоминается Тайная Вечеря Иисуса Христа

с учениками, Гефсиманское моление, взятие под стражу Иисуса Христа и суд у первосвященников и прокуратора Иудеи Понтия Пилата» [16]. **Великая суббота**, *религ.* ‘шестой день страстной недели, когда христиане вспоминают о казни и смерти Спасителя’ [9, с. 1286], «в этот день вспоминается погребение тела Иисуса Христа» [16]. «*Она бы **Пасху** проспала / Под чтение Псалтыри*» ([11], «На Страстной» с. 548) «*Смерть можно будет побороть / Усильем **Воскресенья***» ([11], «На Страстной», с. 550) «*Что за этот страшный промежуток / Я до **Воскресенья** дорасту*» ([11], «Магдалина», с. 574) – **Пасха** ‘2. В христианстве: ежегодный весенний праздник, посвящённый чудесному воскресению распятого на кресте Спасителя; Светлое Воскресение Христово’ [9, с. 786]. «*Шестое августа по старому, / **Преображение Господне***» ([11], «Август», с. 561) – **Преображение** ‘2. В православной церкви: один из двунадесятых праздников, отмечаемый 6 (19) августа; яблочный Спас (в память о чудесном изменении Иисусом Христом своего облика и одежды во время молитвы с учениками на Фаворской горе)’ [9, с. 965], «описанное в Евангелиях явление Божественного величия и славы Иисуса Христа перед тремя ближайшими учениками во время молитвы на горе; праздник христианской церкви (Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в русской народной традиции называется также Яблочный Спас или Второй Спас). Об этом событии сообщают все евангелисты, кроме Иоанна» [12]. «*Прощай, лазурь преображенская / И золото **второго Спаса***» ([11], «Август», с. 561) – **Спас**[2] ‘3. В православной церкви: каждый из трёх праздников конца лета. Первый Спас; медовый Спас; Спас-мокрый (14 августа). Второй Спас; яблочный Спас (19 августа). Третий Спас; Спас-на-полотне; Спас нерукотворного образа (29 августа)’ [9, с. 1245]. «*…с порога на деву / Как гостья, смотрела звезда **Рождества***» ([11], «Рождественская звезда», с. 567) – **Рождество** ‘в христианской религии: праздник рождения Иисуса Христа (отмечается 25 декабря (7 января); в православной церкви: один из двунадесятых праздников)’ [9, с. 1126]. Отгеортонимными являются имена прилагательные ***преображенская***, ***рождественская***: «*Прощай, лазурь **преображенская***» ([11], «Август», с. 561), «***Рождественская** звезда*» ([11], «Рождественская звезда», с. 565).

Теонимы (имена божеств) [13, с. 124] (5 единиц и 8 словоупотреблений): «*Колеблется земли уклад: / Они хоронят **Бога***» ([11], «На Страстной», с. 549), «*Но чудо есть чудо, и чудо есть **Бог***» ([11], «Чудо», с. 568). «*Она пламенела, как стог, в стороне / От неба и **Бога**, / Как отблеск поджога*» ([11], «Рождественская звезда», с. 565) – **Бог** ‘1. В монотеистических религиях – единое верховное существо, создавшее мир и управляющее им’ [6], «по религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало (имеет множество имён: Творец, Создатель, Всевышний, Вседержитель, Всемогущий и др.; в христианстве един в трех лицах:

Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой)» [9, с. 86]. «*О где бы я теперь была, / Учитель мой и мой* ***Спаситель***» ([11], «Магдалина», с. 572) – **Спаситель** ‘2. В христианстве: искупитель грехов человечества; одно из имён Иисуса Христа’ [9, с. 1245]. «*Когда твои стопы,* ***Исус****, / Оперши о свои колени*» ([11], «Магдалина», с. 572). «*Ноги я твои в подол уперла, / Их слезами облила,* ***Исус***» ([11], «Магдалина», с. 573) – **Иисус**, **Иисус Христос** ‘согласно христианскому вероучению: богочеловек, рождённый Девой Марией и принявший смерть на кресте во искупление человеческих грехов, затем воскресший и вознёсшийся на небо; одна из ипостасей Святой Троицы; земная жизнь Иисуса Христа описана в Евангелиях; враждебная христианству версия биографии Иисуса Христа сохранилась в Талмуде, согласно ей Иисус – незаконный сын пряхи Марии и беглого римского солдата – занимался чародейством, был объявлен вне закона и побит камнями)’ [9, с. 387]. «*Он разбудил их: «Вас* ***Господь*** *сподобил / Жить в дни мои, вы ж разлеглись, как пласт*» ([11], «Гефсиманский сад», с. 574) – **Господь** ‘в христианстве: одно из имён Бога’ [9, с. 222]. «*Час* ***Сына Человеческого*** *пробил / Он в руки грешников себя предаст*» ([11], «Гефсиманский сад», с. 574) – **Сын Человеческий** ‘название, которое Иисус часто применял к Самому Себе, и которое частью обозначало настоящую человеческую природу Христа и Его совершенное соединение с человечеством’ [3]. Оттеонимным является прилагательное ***Божий***: «*Когда сквозь иней на окне / Не видно света* ***Божья***» ([11], «Разлука», с. 563).

Библионимы (названия любого письменного произведения) [13, с. 42] (2 единицы и 3 словоупотребления): «*Она бы Пасху проспала / Под чтение* ***Псалтыри***» ([11], «На Страстной» с. 548) – **Псалтырь** ‘1. Часть Библии, Книга псалмов’ [9, с. 1041], «библейская книга Ветхого Завета, состоящая из 150 или 151 (в православных греческом и славянском вариантах Библии) песен (псалмов)» [12]. «*На пустыри под фонари /* ***Псалтырь*** *или* ***Апостол***» ([11], «На Страстной» с. 549) – **Апостол** ‘3. Христианская церковная книга, содержащая части Нового Завета (Деяния, Послания апостолов и Апокалипсис)’ [9, с. 44].

Астронимы (имя небесного тела) [13, с. 41] (2 единицы): «*Лужайка обрывалась с половины. / За нею начинался* ***Млечный путь***» ([11], «Гефсиманский сад», с. 574) – ◊ **Млечный Путь** ‘скопление звёзд, представляющееся невооружённому глазу в ясные ночи светлой полосой, пересекающей небесный свод. // Собственное название нашей Галактики’ [9, с. 547]. «***Рождественская*** *звезда*» ([11], «Рождественская звезда», с. 565) – **Рождественская звезда** ‘звезда, которая привела восточных мудрецов – звездочетов в Вифлеем – к месту рождения Спасителя’ [12].

Хрононимы (имя отрезка времени) [13, с. 147] (2 единицы): «***Бабье лето***» ([11], «Бабье лето», с. 554) – ◊ **Бабье лето** ‘1. Теплая, ясная и безветренная погода в начале осени’ [9, с. 54]. «*Его соблазнял сатана. / И* ***брачное пиршество в Кане***» ([11], «Дурные дни», с. 571) – **брачное**

пиршество в Кане ‘брак в Кане Галилейской. Это первое чудо (превращение воды в вино), совершенное Иисусом Христом во время брачного пира в городе Кане, недалеко от Назарета. Описание данного чуда сделано только евангелистом Иоанном’ [12], «где Иисус превратил воду в вино и исцелил сына царедворца» [3].

Оним ***Гамлет*** можно рассматривать и как библионим и как антропоним: **«*Гамлет*»** ([11], «Гамлет», с. 547) – **Гамлет** ‘2. Герой трагедии У. Шекспира «Гамлет» (1600–1601 гг.)’ [10]. «Это стихотворение смыкается с завершением перевода «Гамлета» Щекспира, выполнявшегося Б. Л. Пастернаком <…> как герой пастернаковской книги, так и Гамлет продолжает свое бытие в стихотворении вопреки своей гибели в трагедии <…> одновременно это стихотворение Б. Л. Пастернака воспринимается как исповедь актера, исполняющего роль Гамлета» [14, с. 435].

С сакральной ономатикой соотносится храмовое действо ***Страсти Христовы***: «*И лес раздет и непокрыт, / И на **Страстях Христовых**, / Как строй молящихся стоит*» ([11], «На Страстной» с. 549) – **Страсти** ‘храмовое действо, содержание которого основано на евангельской истории страданий и смерти Христа’ [3].

С учетом структуры выделены онимы: простые: ***Страстная***, ***Пасха***, ***Воскресенье***, ***Рождество***, ***Мария***, ***Магдалина***, ***Иуда***, ***Петр***, ***Курск***, ***Петербург***, ***Нева***, ***Урал***, ***Манеж***, ***Вифлеем***, ***Иерусалим***, ***Кана***, ***Вифания***, ***Египет***, ***Фавор***, ***Кедрон***, ***Псалтырь***, ***Апостол***, ***Бог***, ***Спаситель***, ***Исус***, ***Господь***, ***Гамлет***; составные: ***Страстной четверг***, ***Страстная суббота***, ***Преображение Господне***, ***второй Спас***, ***Сторона Петербургская***, ***Гефсиманский сад***, ***Мертвое море***, ***гора Масличная***, ***Бабье лето***, ***Млечный путь***, ***Сын Человеческий***, ***Страсти Христовы***, ***брачное пиршество в Кане***.

Наиболее наполненным онимами является стихотворение «На Страстной» (9 онимов: *Пасха*, *Страстной Четверг*, *Страстная суббота*, *Страсти Христовы*, *Бог*, *Псалтырь*, *Апостол*, *Воскресенье*), в котором «описан обряд, символизирующий погребение Христа» [2, с. 372]. В стихотворении «Рождественская звезда», повествующем о рождении Иисуса Христа встречается 5 онимов: *Рождественская звезда*, *Вифлеем*, *Бог*, *Мария*, *Рождество*.

«Искупительное страдание – главная тема поэзии Юрия Живаго» [2, с. 371]. Так называемый Страстной цикл включает 6 стихотворений («20. Чудо», 21. «Земля», 22. «Дурные дни», 23. «Магдалина I», 24. «Магдалина II», 25 «Гефсиманский сад»), в которых представлено 18 онимов. В основу стихотворения «Чудо» «положен текст о бесплодной смоковнице, проклятой Христом, – событие, которое поминается в первый день Страстной недели» [2, с. 371], в данном стихотворении встречаются онимы *Вифания*, *Ерусалим*, *Мертвое море*, *Бог*. В стихотворении «Земля» «прощание поэта с друзьями ассоциируется с Евангельской Тайной вечерей» [2, с. 371], в тексте присутствует только прилагательное *московский*.

Стихотворение «Дурные дни» охватывает «первые четыре дня Страстной недели: в первый день Иисус въехал в Иерусалим, на четвертый – предстал перед первосвященниками» [2, с. 371], в тексте встречаются онимы *Иерусалим, Египет, Кана*. «Два предпоследних стихотворения посвящены Марии Магдалине – согласно традиции она отождествляется с грешницей, которая омыла ноги Христа и осушила их своими волосами» [2, с. 371], в двух стихотворениях присутствуют лексемы *Иисус, Спаситель, Воскресенье*. «Кульминации цикл достигает в последнем стихотворении “Гефсиманский сад”, где поэт скорбит вместе с Христом в преддверии распятия и смерти. Однако страх смерти преодолевается верой в вечную жизнь» [2, с. 372], в последнем стихотворении функционируют онимы *Гефсиманский сад, гора Масличная, Кедрон, Млечный путь, Господь, Сын Человеческий, Иуда*. Евангельская тематика в цикле «Стихотворения Юрия Живаго» «связана с духовным рождением лирического героя и осмыслением, переживанием событий из жизни Христа» [8], соответственно в организации цикла онимы играют важное значение, составляют сильные позиции текста, так как некоторые из них являются заглавиями стихотворений: «***Гамлет***», «***На Страстной***», «***Бабье лето***», «***Рождественская звезда***», «***Магдалина***», «***Гефсиманский сад***»; встречаются в первой строчке стихотворения: «*Он шел из* ***Вифании*** *в* ***Ерусалим*** */ Заранее грустью предчувствий томим*» ([11], «Чудо», с. 568). «*В* ***московские*** *особняки / Врывается весна нахрапом*» ([11], «Земля», с. 569); употребляются в последней строчке стихотворения: «*Смерть можно будет побороть / Усильем* ***Воскресенья***» ([11], «На Страстной», с. 550). «*И тот оглянулся: с порога не деву / Как гостья, смотрела звезда* ***Рождества***» ([11], «Рождественская звезда», с. 567). «*Что за этот страшный промежуток / Я до* ***Воскресенья*** *дорасту*» ([11], «Магдалина», с. 574). Функции, которые выполняют онимы в цикле «Стихотворения Юрия Живаго» следующие: нотинативно-идентификационно-дифференцирующая, информационная, познавательная и аккумулирующая [13, с. 145].

Таким образом, описание ономастического пространства цикла «Стихотворения Юрия Живаго» позволяет сделать следующие выводы: ономастическое пространство в цикле представлено разнообразно (топонимами, антропонимами, геортонимами, теонимами, библионимами, астионимами, хрононимами), характеризуется сакральностью, служит для моделирования религиозного мира и «агионимного пространства»; онимы, встречающиеся в цикле, являются простыми и составными в структурном плане; ономастическая лексика играет важную роль в цикле, составляет сильные позиции и выполняет определенные функции в цикле, представляя своеобразные религиозные ассоциации. С помощью онимов создается художественное пространство цикла. Поэтический мир Б. Л. Пастернака, представленный в цикле «Стихотворения Юрия Живаго», объективированный в онимах, является универсальным духовным феноменом.

Список условных обозначений

1, **2**, **3** … – значения многозначного слова; [1], [2] … – значения омонимичного слова; ◊ – устойчивое сочетание.

Литература

1. Андреева, Е. Е. Манеж / Е. А. Андреева // Москва (энциклопедия). – URL: https://rus-moscow-enc.slovaronline.com/ (дата обращения: 28.03.2025).
2. Бёртнес, Ю. Христианская тема в романе Пастернака «Доктор Живаго» / Ю. Бёртнес // Проблемы исторической поэтики. – 1994. – 361–376. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskaya-tema-v-romane-pasternaka-doktor-zhivago/viewer (дата обращения: 28.03.2025)
3. Библейский энциклопедический словарь. – URL: https://rus-biblia-enc.slovaronline.com/ (дата обращения: 28.03.2025).
4. Бугаева, И. В. Сакральная ономастика в религиозном дискурсе / И. В. Бугаева. – С. 37–38. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/47665/1/eoe_2009_017.pdf (дата обращения: 28.03.2025).
5. Бут-Гусаім, С. Ф. Жанраўтваральная роля паэтонімаў у мастацкіх творах берасцейскіх пісьменнікаў : манаграфія / С. Ф. Бут-Гусаім ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2020. – 145 с.
6. Григорьев, В. П. Собственное имя в русской поэзии XX века. Словарь личных имен / В. П. Григорьев, Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова. – М. : Издат. центр Азбуковник, 2005. – 448 с. – URL: https://1603.slovaronline.com/ (дата обращения: 28.03.2025).
7. Лоиухинъ, А. П. Масличная или Елеонская гора / А. П. Лоиухинъ // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. / авт. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Томъ XVIIIA (36) : Малолѣтство – Мейшагола. – СПб. : Типо-Литографія И. А. Ефрона, 1896. – С. 726–727. – URL: https://runivers.ru/bookreader/book10167/#page/1/mode/1up (дата обращения: 28.03.2025).
8. Мазурова, Н. А. Образная система цикла «Стихи Юрия Живаго» Б. Пастернака / Н. А. Мазурова // Культура и текст. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraznaya-sistema-tsikla-stihi-yuriya-zhivago-b-pasternaka (дата обращения: 28.03.2025).
9. Новейший большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт ; М. : Рипол классик, 2008. – 1534 с.
10. Нусинов, И. Гамлет / И. Нусинов // Литературные герои. – URL: https://rus-lit-enc.slovaronline.com/1143-%D0%B3%D0%B0%D0%BC%D0%BB%D0%B5%D1%82 (дата обращения: 28.03.2025).
11. Пастернак, Б. Л. Доктор Живаго: роман / Б. Л. Пастернак ; публ., подгот. Текста Е. Б. Пастернака, В. М. Борисова. – Минск : Ураджай, 1991. – 576 с.
12. Пастернак, Б. Л. Стихотворения Юрия Живаго / Б. Л. Пастернак. – URL: https://literatura5.narod.ru/pasternak_noch.html#v23 (дата обращения: 28.04.2025).
13. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
14. Поспелов, Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь / Е. М. Поспелов ; отв. ред. Р. А. Агеева. – М. : Русские словари : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 512 с.
15. Роговер, Е. С. Русская литература XX века : учебное пособие / Е. С. Роговер. – СПб., Москва : САГА: ФОРУМ, 2004. – 496 с.
16. Словарь церковных терминов // Православный календарь. – URL: https://days.pravoslavie.ru/Life/index.htm#s (дата обращения: 28.03.2025).

Н.В. Ивашина
Белорусский государственный университет
e-mail: natasha.ivashina@gmail.com

УДК 81'373.227

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ АСТРОНИМИИ

Ключевые слова: *славянская народная астронимия, славянские названия Млечного пути, универсальное vs региональное.*

В статье рассматриваются славянские названия Млечного пути, связанные с универсальным представлением о пути. Этот архетипический образ трансформировался и пополнялся новыми мотивами, соединяя реликты мифологических представлений и современных земных мотивов. В то же время славянская астронимическая система пополнялась новыми образами под влиянием соседних народов. Однако далеко не всегда сходная обработка универсального образа является свидетельством межъязыковых контактов. По-видимому, в основе восприятия небесных светил в разных языках и культурах существуют определенные концептуальные связи.

N.V. Ivashina
Belarusian State University

UNIVERSAL AND REGIONAL IN SLAVIC FOLK ASTRONYMY

Key words: *Slavic folk astronymy, Slavic names of the Milky Way, universal vs regional.*

The article discusses the Slavic names of the Milky Way associated with the universal concept of the way. This archetypal image was transformed and replenished with new motifs, combining relics of mythological representations and modern earthly motifs. At the same time, the Slavic astronymical system was replenished with new images under the influence of neighboring peoples. However, by no means always similar processing of a universal image is the evidence of interlingual contacts. Apparently, there are certain conceptual links in the basis of the perception of celestial bodies in different languages and cultures.

В славянской народной астронимии представлены универсальные для большинства языков мира образы, восходящие к архетипическим моделям (‘путь’ для Млечного пути, оппозиция ‘утренняя – вечерняя звезда’

для обозначения Венеры), общеевропейские семантические типы (‘повозка’ – Большая Медведица, ‘курица-наседка’ – Плеяды), а также специфические образы, отражающие особенности жизни славянских народов (русск. *кичига, грабли*, бел. *каромісел* – Орион, польск. *ubieraczki, grabacze* – Меч Ориона).

Для народной астронимии славян характерна, с одной стороны, малочисленность объектов номинации, с другой стороны, разнообразие названий-вариантов одного объекта. Источниками вариантов являются:

а) различные образы, положенные в основу номинации: ‘наседка’, ‘волосы’, ‘бабы’, ‘решето’, ‘кучка, грудка’, ‘7 звезд’, ‘овечки’ – Плеяды; ‘медведица’, ‘воз’, ‘ковш’, ‘лось’, ‘конь’ – Большая Медведица; ‘утренняя звезда’, ‘заря’, ‘денница’, ‘вечерняя звезда’, ‘звериная звезда’, ‘волчья звезда’, ‘скотья звезда’, ‘пастушья звезда’, ‘преходница’, ‘Чигирь звезда’ – Венера;

б) разная степень конкретизации одного образа: чеш. *kuřátka, kvočna, kvočna s kuřaty*; польск. *kwoka, kwoka s kurczętami* – Плеяды; польск. *wielki wóz, duży wóz, niebieski wóz, wóz z dyszlem, wóz północny, wóz Salomona* – Большая Медведица; польск. *gwiazda zwierzęca, wilcza gwiazda, gwiazda wołu, gwiazda zająca* – Венера;

в) разное лексическое выражение одного и того же образа: польск. *kwoka, kura*; *gromadka, kupka*; *fura, kalasa, kareta, wasąg*; *furman, woźnica*; *gwiazda miesiączkowa, gwiazda księżyca*; бел. *воз, карэта, каляснiца, павозачка, брычка; сiтка, рэшата*;

г) различия формальные – словообразовательные, фонетические, морфологические: польск. *kwoka, kwoczka*; *baby, babki*; *sito, sitko, sitco*; *kupa, kupka*; *niedźwiedzica, niedźwiedź*; *wieczornica, wieczorniczka, wieczórka*, болг. *ралото, оралото, оралица, оралница*.

Безусловный интерес представляет процесс становления астронимов и характер тех изменений в названиях звезд и созвездий, которые произошли за многие тысячелетия их существования. Мифологическая мотивировка астронимов представляется чрезвычайно древней. По-видимому, именно миф позволял связать наиболее яркие звезды и группы звезд в единую картину. Как только общая картина распадается и исчезает необходимость в мифологической интерпретации, мифологические образы трансформируются в различные религиозные, исторические, географические и т.п. атрибуты. Важный этап в истории астронимов – формирование прямой связи между названием и свойствами самого объекта (‘ковш’, ‘7 звезд’, ‘кучки’, ‘кол’, ‘гнездо’ и т.п.). Начинается бытовое освоение звездного неба, на котором появляются ‘косари’, ‘плуг’, ‘грабли’, ‘весы’ и т.д. Астронимы становятся инструментами для нахождения объектов на небе.

Номинации Млечного пути демонстрируют особенности реализации универсального образа пути в разных славянских ареалах. С древнейших времен внимание человека привлекал Млечный путь – серебристая белая

полоса, которая как бы опоясывает небосвод. Греки называли Млечный путь *Γάλα* ‘молоко’ или *Κύκλος γαλακτικός* ‘молочный круг’. *Галактика* многие века (до открытия В. Гершеля в конце 18 в.) считалась синонимом названия *Млечный путь*. Название *Млечный путь* обычно связывается с древнегреческим мифом. Зевс приказал принести своего сына Геракла на Олимп, чтобы его вскормила богиня Гера и тем самым сделала бессмертным. Однако Гера проснулась, оттолкнула Геракла, а брызнувшее молоко разлилось и оставило на небе белый след. Вероятнее всего, этот мотив льющегося молока может быть связан с более древним охотничьим мифом и образом звериной самки.

У большинства народов мира с Млечным путем связывается образ пути, дороги. В архаической модели мира роль пути исключительно велика. В мифопоэтической традиции этот образ связан одновременно и с пространством, и со временем. Семантический тип ‘путь’ является архетипическим.

1. Астрономическим научным термином стало лат. *Via lactea* ‘млечный путь’, которое распространилось по всему миру. Во всех славянских языках также представлен семантический тип ‘млечный путь’, калька лат. *via lactea*. Образ пути в разных языках имеет различные варианты: в санскрите это ‘божественный путь’, у скандинавов ‘дорога Одина’, у древних иранцев ‘тропа Аримана’, у шведов ‘зимняя дорога’, у венгров ‘дорога’ и т.п. [5, 15, 17]. Некоторые народные номинации варьируют семантический признак ‘молочный’: русск. *белая дорога* [9, 125], болг. *белия път, бял път* [14, 85], польск. *biała droga* [15, 106], ср. нем. ‘дойная тропинка’, ‘дойная улица’, ‘тропинка коров’ [13, 367-368].

1.1 Вариантом образа пути является семантический тип ‘птичий путь’. Полагают, что это название связано с ориентацией в пространстве. Вероятно, весной направление Млечного пути связывалось с маршрутами перелетных птиц, ср. русск. *гусиная дорога, птичий путь, журавлиная дорога* [3 I, 410, III, 543; 9, 127, 130], бел. *гусіная дарога, жураўліная дарога* [10, 249], польск. *droga ptasia, droga ptaszą̨t, ptasi gościniec* [15, 103], н.-луж. *ptaškowa, teškowa droga* [18 II], *korúška cesta* [16, 76]. Тот же семантический образ представлен в тюркских и финно-угорских языках, в латышском, в северных диалектах немецкого языка [7, 36]. Не исключена также связь с представлением о душах умерших.

1.2 Еще один вариант образа пути – ‘дорога душ’: русск. *райская дорога* [9, 139], польск. *droga dusz, droga duchów, droga umarłych* [15, 104; 12, 79]. Известно, что у многих народов существовало представление о том, что души умерших переселяются на небо. Существует также верование, что душа при этом обретает птичий образ [17, 39, 69]. Подобные названия известны также в Литве, Германии, Венгрии, Португалии, у племен Америки и Австралии [12, 80–81].

1.3 В южнославянском ареале представлен мотив ‘соломенная дорога’: серб. *сламни пут, кумова слама* [4, 149], словен. *kumova slama* [19 II], болг. *кумова слама, попова слама, слама от кума, влася слама* [14, 85], макед. *кумова слама* [8 I]. У южных славян существует легенда, согласно которой Млечный путь – солома из воза или корзины человека, который украл ее у своего кума (другой вариант – попа), а так как корзина была дырявой, солома выпала, образуя длинный след [4, 150, где представлены и другие интерпретации]. Территория распространения номинации ‘соломенная дорога’ очень обширна. Этот образ родился у арабов на Ближнем Востоке, от них распространился среди соседних народов и сейчас представлен от Дуная до Эфиопии и от Атлантического побережья Африки до пустыни Гоби [7, 34]. Полагают, что казахское название *мякинная дорога* возникло из представления древних о том, что птицы, улетая на зиму, устилают свой путь мякиной (соломой) [1, 6].

1.4 Образ пути может иметь различные мифологические, христианские, географические, исторические привязки: русск. *иерусалимский путь, Моисеева дорога*, *Батыева дорога, Богородицын путь, божий путь, дорога в Иерусалим* [3 III; 9, 124–126, 128], укр. *божа дорога, дорога в Єрусалим* [2 I], польск. *droga do nieba, droga do raju, droga do zbawienia, droga świętego Elijasza, droga Jakuba, droga do Częstochowy, droga do Warszawy, droga do Jerozolimy* [15, 104–105], в.-луж. *njebjeska droha, swjata droha, romska droha* [20], словен. *božja cesta, rimski pot, rimska cesta* [16, 76; 19 I]. Сохранившиеся в названиях имена богов, духов, мифологических героев постепенно утрачивают свое религиозно-мифологическое значение. По моделям подобных названий создаются новые, становящиеся мемориалом исторических событий: русск. *батыева дорога, мамаева дорога, басурманская дорога*, польск. *droga wojenna* и т.п. Укр. *чумацький шлях* (чумаки – торговцы, которые ездили в Причерноморье, главным образом за солью) Ю. Карпенко считает ориентационным названием, полагая, что Млечный путь помогал чумакам находить дорогу в Крым [5, 19]. Подобное мифологическое, библейское, историческое осмысление образа пути представлено во многих языках. У норманнов Млечный путь – ‘тропа духов в Валгаллу’, т.е. чертог Одина, где обитали герои, павшие в бою; у скандинавов – ‘дорога Одина’; в Вестфалии – ‘последний путь войска’; в Германии также – ‘путь для армии’, ‘дорога господ’, ‘путь Марии’, ‘путь Хильды’, ‘путь святых (Якуба, Йозефа)’, ‘путь божьей матери’ и др. [12, 80; 13, 367-371; 7, 10; 11, 478–480].

1.5 Образ пути выступает с различными привязками, указывающими на погодные условия, на связь со светилами и звездами: польск. *droga na pogodę, droga pogody, droga mroźna, droga na deszcz, mgławica, droga sloneczkowa, droga księżycowa, drioga gwiazdowa* [15, 106–107] и т.п., ср. в Саксонии ‘дождь’, в Вестфалии ‘дорога бурь’ [13, 368, 374].

1.6 В русских говорах отмечено название *улица* [3; 9, 142]. Параллельные образования известны и в других языках: швед. *winter gatan* ‘зимняя улица’, нем. *Jakobs strasse* ‘улица Якуба’, кельт. *arianrod* ‘серебряная улица’, нидерл. *vronelden straet* ‘женская улица’ [11, 479-480]. Это достаточно поздняя модификация древнего образа пути, где небо воспринимается как населенный пункт.

2. В славянских языках представлен также семантический тип ‘пояс’: русск. *пояс* [3 III, 543], бел. *пояс* [6, 91], польск. *pas niebieski* [15, 106], словен. *pas* [16, 82], ср. лат. *Caeli Cingulum* ‘небесный пояс’.

3. Некоторые единичные названия также находят параллели в других языках. В белорусских говорах отмечено название ‘большой столб’, ср. ненец. ‘опора неба’; в польских диалектах ‘солнечный луч’, в русских ‘звездный луч’, ср. нем. ‘молочный луч’; в украинских диалектах ‘змея’, тот же мотив встречается у американских индейцев (12, 87). Очевидно, что подобные номинации не могут быть отражением контактов с другими народами. Скорее речь идет об общих семантических закономерностях при номинации объектов звездного неба.

Таким образом, все названия Млечного пути так или иначе связаны с универсальным представлением о пути, дороге. При этом образ пути трансформировался и пополнялся новыми мотивами, связанными с особенностями быта и культуры славянских народов. В славянской традиционной культуре представлены многочисленные варианты архетипического образа пути, соединившие реликты мифологических представлений и современных земных мотивов. Активной обработке подверглась атрибутивная часть образа (белый, птичий, чумацкий, соломенный, божий, райский, иерусалимский, басурманский и т.п.). В то же время славянская астронимическая система пополнялась новыми образами под влиянием соседних народов (например, номинативная модель ‘соломенный путь’ у южных славян). При этом далеко не всегда сходная обработка универсального образа является свидетельством межъязыковых контактов. По-видимому, в основе восприятия небесных светил в разных языках и культурах существуют определенные концептуальные связи.

Литература

1. Абишев, Х. Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов / Х. Абишев. – Алма-Ата: Академия наук КазССР, 1949. – 30 с.

2. Гринченко, Б. Д. Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев: Наукова думка, 1996 (репринт 1907-1909).

3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Русский язык, 1978–1980 (репринт 1903–1909).

4. Јанковић, Н. Астрономија у предањима, обичајима и умотворинама Срба / Н. Јанковић. – Београд: Српска АН, 1951. – 206 с.

5. Карпенко, Ю.А. Названия звездного неба / Ю.А. Карпенко. – М.: Наука, 1981. – 184 с.

6. Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны / Беларуская мова. Ч. 4. – Мінск: Выд. БДУ, 1978. – 124 с.

7. Никонов, В.А. География космонимов и этнические связи / В.А. Никонов // Проблемы этногеографии Востока. М.: РГО, 1973. – С. 33–37.

8. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Ред. Б. Конески. Т. I–III. Скопје: Македонска книга, 1961.

9. Рут, М.Э. Словарь астронимов. Звёздное небо по-русски. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 288 с.

10. Тураўскі слоўнік. Т. 1-5. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987.

11. Allen, Richard Hinckley. Star Names: Their Lore and Meaning / R.H. Allen. – New York: Dover, 1963. – 563 p.

12. Gładyszowa, M. Wiedza ludowa o gwiazdach / M. Gładyszowa. – Wrocław: Ossolineum, 1960. – 235 s.

13. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. – Bd. 6. – Berlin, New York, 1987.

14. Koseska, V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: PAN, 1972. – 131 s.

15. Kupiszewski, W. Polskie słownictwo z zakresu astronomii i miar czasu / W. Kupiszewski. – Warszawa: PWN, 1974. – 168 s.

16. Matičetov, M. Slovenska ljudska imena zvezd in predstave o njih / M. Matičetov // Anzeiger für Slavische Philologie. – 1972. – Bd. VI. – S. 60-103.

17. Moszyński, K. Kultura ludowa Słowian. Kultura duchowa / K. Moszyński. –T. II. Cz. 1. – Wyd. 2. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. – 598 s.

18. Muka, Ernst. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. I–II. Budyšin: Domowina, 1966 (přetisk1921-1928).

19. Pleteršnik, M. Slovensko-nemški slovar. I–II. Ljubljana, 1894-1895.

20. Rězak, F. Němsko-serbski wšowědny słownik hornjołužiskeje serbskeje rěče. Budyšin: Domowina, 1987.

А.М. Калюта
Белорусский государственный университет
e-mail: akalyuta1@yandex.ru

УДК 81.373.21

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЭЛЕМЕНТ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

Ключевые слова: *психолингвистика, ономастика, ассоциативные словари, ассоциации, собственные имена, белорусский язык, турецкий язык, болгарский язык.*

В статье рассматривается та часть ассоциативных полей слов, которую составляют собственные имена. Классификация ассоциаций-онимов выявила проблемный характер некоторых слов как имён собственных. Высказывается идея о национальном характере некоторых онимов.

A.M. Kalyuta
Belorussian State University

PROPER NAME AS AN ELEMENT OF AN ASSOCIATIVE FIELD

Key words: *psycholinguistics, onomastics, associative dictionaries, associations, proper names, Belarusian language, Turkish language, Bulgarian language.*

The article examines that part of the associative fields of words that are proper names. The classification of associations-onyms revealed the problematic nature of some words as proper names. The idea of the national character of some onyms is put forward.

Содержательная сторона статей ассоциативных словарей весьма разнообразна. Ассоциативное значение слова включает в себя круг ассоциаций, образующие благодаря своей частоте центробежную структуру, в центре которой находится сама форма слова-стимула с его лексическим значением. В этом заключается главная специфика ассоциативной статьи, где язык выступает, как писал Ю.Н. Караулов, «в виде попарно соединенных слов или групп слов, которые служат строительным материалом для развернутых фраз, для построения предложений» [3].

Постоянным и порою весьма весомым атрибутом ассоциативного значения (ассоциативной статьи) является имя собственное. Его главная роль и специфика в ассоциативном значении в том, что оно его персонифицирует, наполняет конкретикой и единичностью. Единичностью не в смысле частоты употребления (она как раз может быть высокой), а в смысле уникальности. По мнению Ю.Н. Караулова, «Собственные имена, присвоенные окружающим нас единичным объектам и явлениям, делают этот изменчивый и непостоянный мир устойчивым и стабильным, создают иллюзию знания и владения им: если название нам известно, то и явление, носящее это имя, представляется знакомым. Одновременно знание имён собственных есть неотъемлемая часть знания языка, а значит, входит в содержание языковой способности человека» [3].

Собственные имена могут носить стабильный и переменчивый характер. Стабильность собственного имени не принадлежит какому-то одному периоду в развитии языка и культуры, она становится постоянным свойством значения с момента появления имени и поддерживается его регулярным употреблением.

В «Асацыятыўным слоўніку беларускай мовы» 1981 г. А.И. Титовой на стимул рака записано *Дняпро* 16, *Свіслач* 13, *Волга* 12, *Нёман* 11, *Сож* 11, *Прыпяць* 7, *Бярэзіна* 3 [10, 85], а в «Славянском ассоциативном словаре» 2004 г. находим *Нёман* 21, *Свіслач* 15, *Бярэзіна*, *Волга* 4, *Вілія, Прыпяць*, *Сож* 3 и др. [9, 200]. Заметим, что собственные имена в ассоциативных полях этих словарей, разделённых по времени почти 25 годами, могли быть

нестабильны, переменчивы (за эти годы и поменялся общественный строй, и выросло новое поколение). Так, в словаре А.И. Титовой на слово чалавек записаны *Краіны Саветаў, Горкі, з Масквы, з Марса, з Палесся, Ленін* [10,108], а в САС находим *Адам, Давінчы, Іван, Скарына* [9, 252]. Это говорит о том, что в ассоциативном поле слова онимы могут быть маркерами периода времени, которому они принадлежали, оставаясь в нём и не переходя в следующее. Оба статуса имён собственных в ассоциативном поле – стабильный и переменчивый – основываются на трёх типах ассоциативной актуальности (АА), свойственных ассоциациям вообще.

Первый тип основан на постоянстве соположения (встречаемости) двух слов в текстах. Это основной ассоциативный фонд языка, неотъемлемая его часть в течение длительного периода существования языка. Реализуя первый тип ассоциативной актуальности, многие носители языка стандартно реагируют на слова-стимулы. Эта стандартность отражается в ассоциациях, которые становятся постоянной составляющей ассоциативного поля (а значит ассоциативного значения) слова, они актуальны всегда и понятны вне зависимости от происходящих в обществе и языке изменений. Высокая частота таких ассоциаций может быть существенным признаком первого типа АА: кароль – *Лір* 218; доктар – *Айбаліт* 28 (Цітова, 60, 42); горад – *Мінск* 154 [10, 37]; горад – *Мінск* 144 [9, 72]; в турецком aslan ‘лев’ – *Galatasaray* 108 ‘Галатасарай’ – на гербе клуба изображён лев [2, 75]; в болгарском град – *София* 52 [1, 68], но иногда она лишь следствие второго типа АА.

Второй тип ассоциативной актуальности основан на резкой, внезапной актуализации реакций на какое-то слово как следствие экстралингвистических воздействий: условия, места, времени проведения эксперимента, произошедших заметных изменений в обществе, в мире. Это может быть отклик на политическое или общественное событие, техническое или спортивное достижение, появление нашумевшего романа, кинофильма, музыкального произведения и т.д. Со временем событие может утратить злободневность, новизна реакции стирается и вообще может быть сведена к минимуму в сознании носителей языка. Такие связи слов ассоциативно нестабильны, поэтому принадлежат, скорее, к периферии ассоциативного значения слова, несмотря на то что их частота иногда высока. Так, принявшие участие в свободном ассоциативном эксперименте турки на слово-стимул şehir ‘город’ выдали реакцию *Kayseri* 57, опередившей по частоте даже *İstanbul* 44 из-за того, что сам эксперимент проводился именно в г. Кайсери [2, 177]. В качестве иллюстрации действия второго типа АА можно привести и резкий всплеск популярности имени Анжелика в середине 70-х годов 20 в. в СССР, вызванный демонстрацией серии французских фильмов об Анжелике: «Анжелика – маркиза ангелов», «Анжелика и король» и др. Впоследствии популярность этого имени пошла на убыль. Это ещё одно подтверждение мысли Ю.М. Лотмана о том, что культура – «совокупность ненаследственной информации, которую хранят, накапливают и передают разнообразные человеческие коллективы» [4, 30–31].

Третий тип ассоциативной актуальности связан с той периферийной частью АП, где располагаются редкие реакции с низкой частотой. Такой тип ассоциирования часто основан на личных воспоминаниях и переживаниях как отражении индивидуальной картины мира. По этой причине, к примеру, в АП турецкого слова kaba ‘грубый’ появился целый ряд личных имён безвестных в широком обществе людей, которые, по мнению реципиентов, подпадали под это понятие: *Aynur, Fatih, Erol, Kazım, Kerim, Mustafa, Osman, Ömer, Özlem.* Такая же картина в АП многих слов ассоциативных словарей других языков, например, бел. салдат – *Васіль, Вова, Шурык*. От них принципиально отличаются реакции салдат – *Швейк* 7, *Броўкін* 2, рэлігія – *Л. Талстой* [10, 87], тур. din ‘религия’ – *Hz. Muhammed* ‘пророк Мухаммед’ 3 [2, 93] и др., принадлежащие национальной культуре и глобальным знаниям.

Как писал Р.О. Якобсон, «общее значение имени собственного не может быть определено без ссылки на код» [11, 96]. Вот почему появление собственных имён в психолингвистических экспериментах тесно связано с культурой и традициями народа, при этом, по словам В.А. Масловой, «язык репрезентирует знаки культуры и служит выразителем основных установок культуры» [6, 62]. Это в полной мере относится к типологии имён собственных в ассоциативных полях слов в любом словаре.

Значительную часть онимов составляют *антропонимы*. Они делятся на группы, соответствующие выделенным нами трём типам ассоциативной актуальности. Так, к первому типу АА (наиболее стабильному) относятся бел. Біблія – *Хрыстос, Скарына, Адам і Ева*; высокі – *дзядзя Сцёпа, Дон Кіхот*; кароль – *Лір, Людовік, Мікалай II*; музыка – *Бетховен, Чайкоўскі, Бах, Штраус, Шапен, Новікаў; квадрат – Піфагор* [10, 22, 29, 60, 63, 73] и т.д. В турецком: adalet ‘правосудие, справедливость’ – *Atatürk, Fatih Sultan Mehmet, Hz.Muhammed*; can ‘душа, жизнь’ – *Allah* ‘Аллах’, *Azrail* ‘Азраил’; düdük ‘свисток’ – *Nasreddin Hoca* ‘Ходжа Насреддин’ [2, 66, 85, 96]. В болг. картина – *Леонардо да Винчи, Пикасо*; къщичка – *баба Яга*; луна – *Бетховен* [1, 97, 111, 115] и др. Эти собственные имена стали неотъемлемой частью знания соответствующих языков и культур, они стабильны во времени, передаются последующим поколениям и поддерживают национальные традиции и идентичность.

Множество антропонимов в ассоциативных полях слов называют имена людей, знакомых только реципиентам. Они относятся к нестабильной части ассоциативного значения слова, а потому их ценность – в самом факте появления как свойстве ассоциирования, но не во вкладе в ассоциативное значение. Бел. прыгожы – *Фралоў*; спакойны – *Віця*; студэнт – *Вася, Коля* [10]; болг. брат – *Митко, Христо* [1, 50]; тур. bebek ‘младенец’ – *Mustafa* [2, 51]; русск. богатый – *Валентин, Витя* [9, 30] и т.д.

Состав ассоциаций-антропонимов включает различные по своему происхождению онимы: исторические личности (*Людовік, Мікалай II, Atatürk, Hz.Muhammed; Г. Димитров, Христо Ботев*), мифологические персонажи (*Хрыстос, Адам і Ева; Nasreddin Hoca*), текстовые реминисценции

разных жанров литературы (*Кароль Лір, Дон Кіхот, дзядзя Сцёпа, Салавей-разбойнік*), имена рядовых людей (*Васіль, Вова; Okan, Nuri*; *Божедар, Лъчезар*).

Есть непростой вопрос при описании ассоциаций-антропонимов: относить ли слова *Бог,* тур. *Allah, Tanrı, Peygamber* ‘пророк’ к именам собственным? Определяя границы ономастической номинации, Н.И. Суперанская писала, что «Имена получают лишь те предметы.., которые представляют особый интерес для человека и нуждаются в персональном подходе» [7, 103]. В монотеистических христианском и исламском мирах Бог, таким образом, получает персональное имя, хотя и с параллельным рядом имён эвфемистического характера (*Господь, Всевышний, Создатель, Всемогущий, Вседержитель, Творец* и др.), которые наряду с Богородица, Аллах и т.п. являются индивидуальными названиями, то есть фактически собственными именами. Этим они отличаются от родового понятия *бог,* присущего язычеству, которое вступает в сочетание с именем собственным: *бог Зевс, бог Посейдон, бог Аид, богиня Гера* и т.д.

Отдельно выделим турецкое слово *Peygamber* ‘пророк’, которое, на наш взгляд, также следует считать именем собственным. В исламе есть несколько чтимых пророков (Адам, Нух, Ибрахим, Исмаил, Якуб, Юсуф, Муса, Давуд, Сулейман, Иса и др.), но в этом ряду пророк Мохаммед последний и особо выделяемый, ибо ему был ниспослан Коран. Уважение и почтение к нему среди мусульман настолько велики, что нередко собственное имя опускается, ограничиваются лишь самим словом *Peygamber* ‘пророк’, подразумевающим именно пророка Мохаммеда: *Peygamberimizin ona verebilecek fazla bir şeyi yoktu* ‘Наш Пророк не дал ему ничего’; *Adam, "O bir Peygamberdir" dedi* ‘Человек ответил: ‘Конечно, тому, что приказал Пророк’ и др.

Особое положение пророка Мохаммеда в исламском мире определяет и особое значение этого слова, придавая ему, на наш взгляд, статус имени собственного. Такое поведение имени *Пророк* соответствует взгляду Ю.М. Лотмана, считавшего, что «система собственных имён образует не только категориальную сферу естественного языка, но и особый его мифологический слой. В ряде языковых ситуаций поведение собственных имён настолько отлично от соответствующего поведения слов других языковых категорий, что это невольно наталкивает на мысль о том, что перед нами инкорпорированный в толщу естественного языка некоторый другой, иначе устроенный язык» [5, 63].

Особую группу имён собственных в ассоциативных полях слов образуют *топонимы*. Это вторая по численности группа, в которую входят названия городов, рек, гор, улиц, стран, тур. büyük ‘большой’ – *İstanbul, Kahraman, Kayseri, Erciyes*; nehir ‘река’ – *Nil, Kızılırmak* [2] и др. В бел. кароль – *Англія*; рака – *Дняпро, Свіслач, Волга*; горад – *Мінск, Гомель* [10] и т.д. Так же нет сомнений в статусе собственных имён в группах «Астрономические объекты»: тур. ay ‘месяц/Луна’ – *Samanyolu* ‘Млечный путь’; бел. месяц – *Луна, Юпитер*, «Названия учреждений, фирм»: тур. adalet

‘справедливость’ – *AK Parti* ‘Партия справедливости и развития’, ağaç ‘дерево’ – *Tema* ‘Турецкий «Гринпис»’, doktor ‘доктор’ – SSK ‘название страховой компании’ [2]; бел. галава – *Дом Саветаў* [10], «Номенклатурные обозначения» – товарные знаки и знаки материальной культуры: aç ‘голодный’ – *Adana kebabı* ‘Адана кебап’, araba ‘автомобиль’ – *Mercedes, Ferrari*, kare ‘квадрат’ – *Kabe* ‘Кааба’, kitap ‘книга’ – *Benim Adım Kırmızı* ‘Меня зовут Красный’ – роман О. Памука [2]; бел. вясёлка – «*Мурзілка*» [10]. В отличие от первой группы здесь не возникает сложностей отнесения указанных ассоциаций к именам собственным, всё предельно ясно.

Другое дело – спорный характер этнонимов: к чему их отнести, к собственным или нарицательным именам? Эта проблема давно рассматривалась ономастами [8, 126], но единого мнения нет. В качестве аргумента в пользу ономастического статуса этнонима предлагают учитывать характер написания слова: с прописной буквы или со строчной. Турки, поляки, чехи и сербы этнонимы пишут с прописной, а белорусы, русские и болгары со строчной (хотя ещё в XIX в. русские писали с прописной). Таким образом, если принимать во внимание этот аргумент, то следует признать, что в каждой культуре статус этнонима определяется принципом написания. Тур. asker ‘солдат’ – *Türk* ‘турок’, çalışan ‘работающий’ – *Japon* ‘японец’, kaba ‘грубый’ – *Kürt* ‘курд’ [2]; бел. салдат – *рускі* [10] и т.д. Но, если признать выделительную функцию прописной буквы признаком онима, тогда названия месяцев, дни недели или лингвонимы в турецком и ряде других языков также следует считать именами собственными: тур. ay ‘месяц, Луна’ – *Mayıs* ‘май’, *Mart*; bayram ‘праздник’ – *19 Mayıs*; cami ‘мечеть’ – *Cuma* ‘пятница’; almak ‘брать/покупать’ – *Japonca* ‘японский язык’; hafıza ‘память’ – *İngilizce* ‘английский язык’, *Japonca* [2] и т.д.

Мы думаем, что традиция написания в полной мере или внелингвистические факторы не могут определять ономастичность имени (в советское время *Бог* писалось со строчной буквы, что соответствовало атеистическому характеру пропаганды, а *Президент* сейчас иногда пишется с прописной из уважения к должности). Вместе с тем, следует признать, что ономастический статус некоторых имён может определяться национальными особенностями представления о них (*Peygamber* в турецком) и быть разным в различных культурах. Н.И. Суперанская не относила к собственным именам названия месяцев и дней недели как слова, «относящиеся к классам и не имеющие строго определённых объектов (*четверг* – и в прошлом месяце, и на той неделе, и через год). Но *Великий четверг,* который бывает один раз в году и строго приурочен к определённому дню, – хрононим. Названия месяцев и дней недели по своей регулярной повторяемости и коннотативности могут быть отнесены к номенклатурным словам» [7, 197–198]. Исходя из этого, турецкие *19 Mayıs, Ramazan, Kurban Bayram* и т.п. (хотя это не время, а праздники) – несомненные онимы. Турецкое название пятницы – *Cuma* – также оним, так как это особый день у мусульман с вполне описываемым объектом. А вот этнонимы или лингвони-

мы у турок по лингвистическим причинам (неопределённость денотата, коннотативность) не должны считаться собственными именами, хотя категория числа в форме множественности, по мнению исследователей, придаёт этнонимам статус прориатива [8, 136].

Как мы видим, ассоциативным словарям свойственны все виды онимов, хотя статус их может казаться либо спорным, либо основываться на особенностях национального восприятия.

Литература

1. Български норми на словесни реакции. / Под общата редакция на Енчо Герганов. София, 1984. – 272 с.

2. Калюта, А.М. Словарь ассоциативных норм турецкого языка/ Türk Dili Çağrışım Normları Sözlüğü. 160 000 çağrışım. Минск, БГУ, 2014. – 208 с.

3. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности. https://gigabaza.ru/doc/124506-pall.html

4. Лотман, Ю.М. К проблеме типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Тарту, 1967, 30–31.

5. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. https://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm

6. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М., 2001.

7. Суперанская, Н.И. Общая теория имени собственного / Н.И. Суперанская. – М., 1973.

8. Тейкин, М.С. Ономастический статус этнонимов и вопрос их передачи с прописной буквы. // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2023, 9, № 1, с. 126–142.

9. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М., 2004.

10. Цітова, А.І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1981.

11. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

В.В. Катермина
Кубанский государственный университет
e-mail: veronika.kateina@yandex.ru

УДК 82'282

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Ключевые слова: *язык, культура, личное имя собственное, русский язык, лексикография.*

В статье рассматриваются внеязыковые ассоциации личных имен собственных в русском языке. Главное внимание уделяется лингвистическим и экстралингвистическим факторам, находящимся в неразрывной связи с историческими, национальными и культурными особенностями страны.

V.V. Katermina
Kuban State University

LINGUISTIC AND CULTURAL POTENTIAL OF RUSSIAN PERSONAL PROPER NAMES

Key words: *language, culture, personal proper name, Russian, lexicography.*

The article examines extralinguistic associations of personal proper names in the Russian language. The main attention is paid to linguistic and extralinguistic factors that are inextricably linked with the historical, national and cultural characteristics of the country.

Интерес к проблемам ономастики в начале XXI века «высок и вызван функциональным и языковым своеобразием собственных имен, представ ляющих собой ту часть языка, которая, по мнению известного русского ономатолога А.В. Суперанской, демонстрирует наиболее парадоксальные ситуации, чей анализ должен способствовать возникновению новых, более углубленных общелингвистических концепций. Этим и объясняется необ ходимость специального изучения теории имени собственного» [5, 6].

Имя собственное «как одна из универсалий языка и культуры выполняет функцию хранения и трансляции традиций, истории, культуры народа, в силу чего является сложным языковым знаком» [1, 23].

Имя как национальный и социальный знак «принадлежит опреде ленной сфере принадлежности имени. В речи эта граница определяет ся при помощи экстралингвистических знаний, которые являются не обходимыми для правильного употребления и понимания имен. В со став экстралингвистического аспекта значения имени входят и осо бые условия существования имени в обществе, и культурно исторические ассоциации, и степень известности объекта и его имени. Национальное поле имени способствует более точному восприя тию имен, более четкой их соотнесенности с определенной языковой подсистемой» [5, 102].

Любая культура является «процессом и результатом изменения, вживания в окружающую среду. Из сказанного следует, что культуры различных народов отличаются друг от друга в первую очередь не типом созерцательного освоения мира и даже не способом адаптационного вживания в окружающий мир, а типом его материально духовного присвоения, т,е. деятельностной, активной поведенческой реакцией на мир. Деятельность субъекта в мире основывается на установках и предписаниях, извлекаемых им из культуры. А сама культура – не только способ присвоения, но и отбор объекта для присвоения и его интерпретации» [4, 11].

Личное имя собственное является границей, разделяющей бытие и инобытие, универсальное и национально специфическое, даже «точкой», местом, в котором они разделяются и встречаются; имя позволяет в определенной степени представить социальный статус, духовный мир, национальные особенности и т.п. как именуемого, так и именующего [2].

Материалом исследования послужили единицы, взятые из словаря личных русских и английских личных имен собственных методом сплошной выборки [3].

Большой пласт среди русских личных имен собственных, отражающих культуру страны, занимают прецедентные имена.

Прецедентное имя – это «знак, символ, хорошо знакомый практически любому представителю лингвокультурного сообщества, обращение к которому позволяет актуализировать в сознании носителя определённый образ» [6, 11].

Так, анализ материала позволил выделить такие имена собственные, как *Алеша Попович – богатырь, герой русских былин, Иван-дурак, перен. сказ. – умный, хитрый, благородный герой, Илья Муромец – богатырь, один из главных героев русских былин XII–XVI вв., воплощение народного идеала героя-воина, Василиса Премудрая (Прекрасная) – персонаж русских народных волшебных сказок.*

Дядя Митяй и дядя Миняй – олицетворение крестьянского мира, по произведениям Н.В.Гоголя и М.Е.Салтыкова-Щедрина. *Наконец кучер, потерявши терпение, прогнал и дядю Митяя и дядю Миняя, и хорошо сделал, потому что от лошадей пошел такой пар, как будто они отхватали не переводя духа станцию.* Мертвые души, Н.В.Гоголь.

Знакомые всем имена героев былин, сказок, художественных произведений помогают более глубоко и полно познакомиться с культурой русского народа.

Имена святых в истории и культуре Росси играют важную роль: они связаны с праздниками и событиями русского народа:

Иван-Купала (Иванов день), древний праздник летнего солнцестояния (24 июня ст. стиля) у восточных славян. Иван-Купала – народное прозвище Иоанна Крестителя, с легендой о котором церковь соединила земледельческие народные обычаи, призванные обеспечить урожай, здоровье, благополучие.

Ивановщина новг. яросл. – именинный пир на Ивана; престольный праздник Иоанна; подобное же значение принимают все имена с этим окончанием.

Ильин день, церк. – у православных – праздник пророка Илии (20 июля ст. стиля) управляющего, по мифологическим представлениям, громами. Илья пророк – олицетворение грома.

Кузьминки. Праздник Кузьмы и Демьяна (1 ноября ст. ст. – в старину обычный срок разных сделок и найма на сельскохозяйственные работы).

Каждый святой получал сельскохозяйственную специальность, которую иконописцы воплощали в какой-то мере на иконах. Слепо веря, что такой-то святой жил, крестьяне дополняли миф фантазией и награждали его тайнами волшебства, которые, будто бы, могли «помочь» или повредить крестьянину, бессильному в борьбе с природой [2].

Культура и история страны может также выражаться через определенные места, выраженные личными именами собственными.

Колокольню в Московском кремле наызвают *Иваном Великим*, казармы лейб-гвардии Павловского полка на Марсовом поле, построенные по проекту архитектора В.П.Стасова – *Павловскими казармами*, а городской арестный дом в Москве в начале 20 века называли *Титами*:

А затем под арест – в «титы». Так назывался городской арестный дом в Москве. «Исторический вестник», 1912, № 11.

В Санкт-Петербурге арестантские роты называли *Дядем Митяем*, а кладовую в твери – *Степкой*.

Народ называет личными именами собственными предметы окружающего его мира, растения и животных, еду и напитки, подчеркивая тем самым важность и значимость личного имени собственного в жизни человека и общества.

Ванька мокрый – народное название разновидности бальзамина; Демьянка – баклажаны, синенькие; Егорьево-копье – раст. болотник, мозгуша; змейка, змеиная трава (гвоздика); Ерофей – растение, черный коровяк; Иван да Марья – цветок, анютины глазки; Тит Тульский полосатый – из русских северных яблок; Арина – влд. гриб чернуха; Матренка – трава, тысячелистник, кашка; Марьин корень – раст. пион;

Ваня-рыболов – птица семейства трясогузок (местн. тульск.); Кузька – хлебный жук; Савка – кмч. род утки; Фомка – чайка-вор, разбойник; Анка – кстр. птица, галка, галица, кликуша; Марьюха или Маракушка – арх. самка глухаря, глухарка, глухая тетерка;

Макарка – ржаной хлеб; Маланья – каша-размазня; Иванушко – жидкое пиво; Макарка – ржаной хлеб.

Также интересным, с нашей точки зрения, является подчеркивание аграрного развития России, отраженное в номинации средств передвижения, орудия производства, оружия, предметов быта:

1) средства передвижения (*Андрец – двухколесная телега; сноповозка; Филатка – твр. – просторная телега (рогоз));*

2) орудия производства (*Андрон – жердь; совок, черпак; Ванька – небольшая деревянная трамбовка; Андреевна – соха; Матренка – модель-ка, по которой изготавливают гвозди; jackhammer – отбойный молоток);*

3) оружие *(Кузьма – плеть; Роман – таран, стенобойное орудие);*

4) предметы быта (*Васька – разувайка, для разувания сапог; Ермак – малый жернов для ручных крестьянских мельниц; Катеринка – тул. – род*

колотушки; Параша, Прасковья Федоровна – глиняный или металлический горшок; Фекла – чарка).

Не менее интересным является номинация денежных купюр, игрушек и карточных игр, выраженная при помощи личных имен собственных.

1. Денежные купюры: *Гришка – 10 копеечная монета; Мартын, кстр. – алтын; Николаевка, нов. истор. разг. – бумажный кредитный билет дореволюционного времени (царствования Николая II); Петровка – пятисотрублевавя ассигнация, на которой изображен император Петр Первый; Катенька, простореч. шутл. истор. – дореволюционный сторублевый кредитный билет с изображением Екатерины Второй*.

Отметим, что большинство номинаций бумажных купюр связано с именем имепраторов (*Николай II, Петр Первый, Екатерина Вторая).*

2. Игрушки: Ванька-встанька, ваньки-встаньки – детская куколка, которая вследствие прикрепленной к низу тяжести всегда встает, как бы ее не кинуть; Мишка, *разг.* – название детской игрушки в виде матерчатой куклы, изображающей медведя (*детск.);* Матрешка – кукла.

Данные наименования, выраженные личными именами собственными, указывают на их связь с крестьянским бытом, невысоким социальным положением.

3. Карточные игры: Макары – карточная игра; Макар олицетворяется в пиковом короле; остаться Макаром неприятно; Филька – валет; старинная солдатская игра в карты; Акулина – карточная игра (пиковая дама).

В личных именах собственных отражаются быт, верования, фантазия и художественное твор чество народов, их исторические контакты. Они сопровождают человека с незапамятных времен. Личное имя собственное, являясь значимым элементом, играет важную роль в системе языка и культуры. С их помощью можно выявить национально-культурные особенности определенного этноса.

Литература

1. Гурская, Ю. А. Культурогенные возможности имени собственного семантика, прагматика, концептуализация / Ю. А. Гурская // Русское слово в мировой культуре: материалы X конгр. Междунар. ассоц. преподавателей рус. яз. и лит., Санкт-Перербург 30 июня – 5 июля 2003 г. : в 4 т. / Совет по рус. яз. при Правительстве РФ ; под ред.: Н.О. Рогожиной [и др.]. – СПб., 2003. – Т. 1 : Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. – С. 23–33.

2. Катермина, В. В. Личное имя собственное: Национально-культурные особенности функционирования на материале русского и английского языков: дис. кандидат филологических наук: 10.02.01; 10.02.19 / Катермина Вероника Викторовна. – Краснодар: КубГУ, 1998. – 275 с.

3. Катермина, В. В. Опыт коннотативного словаря русских и английских личных имен собственных / В. В. Катермина. – Краснодар: КубГУ, 1999. – 122 с.

4. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений / В. А. Маслова. -- М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

5. Мезенко, А. М. Теория имени собственного : учебное пособие / А. М. Мезенко, В. М. Генкин, А. Н. Деревяго ; под общ. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 202 с.

6. Родионова, Л. П. Прецедентные и аллюзивные имена собственные в ранних романах А.О. Белянина: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Родионова Лариса Петровна. – Смоленск, 2018. – 22 с.

А.Д. Ковалёва
Сибирский федеральный университет
e-mail: youarefinefellow@mail.ru
Научный руководитель: И.А. Славкина,
кандидат филологических наук, доцент

УДК 81'33

ФИРМЕННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ УПРАВЛЯЮЩИХ КОМПАНИЙ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИИ

Ключевые слова: *эргоним, нейм, нейминг, фирменное наименование, эксперимент.*

В статье рассматриваются фирменные наименования управляющих компаний Красноярского края в координатах ономастики и лингвоэкспертологии. Статья посвящена анализу названий УК с точки зрения неймин-говой удачности с привлечением к исследованию данных направленного эксперимента. Обосновывается необходимость применения экспериментального метода исследования наравне с традиционными подходами к исследованию средств индивидуализации в лингвоэкспертологии.

A.D. Kovaleva
Siberian Federal University
e-mail: youarefinefellow@mail.ru

NAMES OF PROPERTY MANAGEMENTS IN KRASNOYARSK KRAI AS A LINGUISTIC EXPERTISE OBJECT

Key words: *ergonym, name, naming, proper name, experiment.*

The article reveals the names of property managements in Krasnoyarsk Krai as onomastics and linguistic expertise object. This article analyzes the names of property managements in terms of successful naming with reference to the study of directed experiment data. The need for an experimental method is justified in the same way as traditional approaches to research of individualization means.

Наименование является центральным объектом во многих лингвистических исследованиях прикладного характера. Фирменные наименования представляют интерес не только в лингвистической плоскости, но и в координатах права, поскольку предъявляемые к ним требования сформулированы в нормативно-правовой базе Российского законодательства [12]. Фирменные наименования находятся в фокусе относительно молодого лингвистического направления – нейминговой экспертизы, вида судебной лингвистической экспертизы, получившей интерес и развитие за последние 30 лет ввиду роста исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также о защите прав на интеллектуальную собственность [9, 143].

Исследователи, разрешая задачи нейминговой экспертизы, истолковывают и разъясняют значения и происхождение слов, словосочетаний, устойчивых фразеологических выражений; интерпретируют основное и дополнительное значения языковой единицы; исследуют средства индивидуализации на предмет их тождественности или сходности до степени смешения с другими обозначениями; проводят исследования текста (фрагмента) с целью выявления его смысловой направленности, модальности пропозиций, экспрессивности и эмотивности речевых единиц, их формально-грамматической характеристики и семантики, специфики использованных стилистических средств и приемов и др. [8, 341]. Являясь объектом исследования нейминговой экспертизы, фирменные наименования анализируются как *неймы*. Термин «нейм» употребляется в целях различения «нейма» (любого именования как объекта нейминговой экспертизы) и «имени», «наименования», «обозначения» как компонентов юридических терминов («имя гражданина», «имя автора», «наименование продукции», и др.) [10, 180]. Благодаря проведению нейминговой экспертизы могут быть выявлены и предотвращены нейминговые неудачи и появление скандальных наименований [10, 186].

Междисциплинарный характер проблемы подводит к необходимости определения еще одного термина как объекта настоящего исследования в аспекте ономастики. Фирменное наименование является эргонимом, т.е. «собственным именем делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [7, 151]. Выбор наименования компании представляет собой важный этап формирования имиджа – целенаправленно сформированного позитивного образа организации [4, 302]. Вместе с тем заметим, что преследуемая цель – создание уникального, понятного, неповторимого и отличного от иных эргонимов продукта – способствует предотвращению нейминговой неудачи, но может обернуться неудачей коммуникативной, порожденной двойственностью восприятия наименования (ввиду созвучия или графического сходства), актуализацией негативных ассоциаций среди потребителей услуг, излишней завуалированностью внутренней формы наименования.

Наименование считается удачным, если соблюдены следующие критерии:

- уникальность нейма;

- возможность передавать сущность того объекта, которому присваивается имя;
- простота и способность создавать визуальный образ и/или звуки, делающие название более легким для запоминания;
- способность вызывать положительные эмоции и привлекать внимание [1, 38].

На наш взгляд, стоит обратить внимание на благозвучие нейма, поскольку неприятные на слух наименования способны пейоратизировать эргоним и привести к имиджевым потерям.

В настоящем исследовании был проанализирован перечень наименований управляющих компаний Красноярского края, размещенных на сайте общественного инициативного проекта МинЖКХ (https://mingkh.ru/krasnoyarskiy-kray/), с целью определения схожих названий, обнаруживающих потенциал к смешению в сознании потребителей услуг хотя бы по одному из языковых признаков: фонетическому, графическому, семантическому, грамматическому. Всего в «группу риска» было определено 422 наименования.

В рамках нашего исследования все фирменные наименования УК были классифицированы по одному из компонентов названия. Среди наиболее частотных выделяются:

- Наименования, отражающие вид оказываемых услуг: УК «Жилищный Сервис», УК «Домоуправление», УК «Дирекция спецжилфонда», УК «Новые коммунальные технологии», УК «ЖИЛКОМХОЗ» и др.
- Наименования, указывающие на характеристики или ориентир качества оказываемых услуг: УК «Эталон», УК «Премиум», УК «Престиж»; УК «Очаг», УК «Эксперт+», УК «МАСТЕР+», УК «АВТОРИТЕТ», УК «ФАВОРИТ», УК «Хозяин», УК «УЮТ», УК «Ваше благополучие», УК «Комфортный дом» и др.
- Наименования, ассоциируемые с именами собственными (вероятно, учредителями). В подобных случаях предпринимается попытка закрепить имя значимого человека в фирменном наименовании: УК «Александрия», УК «Надежда», УК «Виктория», УК «ДаВиД», «УК ВЕРА» и др.
- Наименования, подчёркивающие связь потребителя и поставщика услуг: УК «ПАРИТЕТ», УК «Содружество-Сервис», УК «Союз», УК «Визави», УК «Партнер» и др.
- Наименования, включающие указание на определенную территорию: региональную отнесенность (УК «Энергия Сибири», УК «Сибирячка», УК «Сибирский стандарт»), районную принадлежность (УК ЖКХ «Малиновское», УК «Казачинское Коммунальное хозяйство», «ЖКХ ЧЕЧЕУЛЬСКОЕ»), отнесенность к населённому пункту (УК «АНАШЕНСКИЙ ЖИЛСЕРВИС», УК «ЖКС – НОРИЛЬСК», УК «Мук Красноярская»), а также принадлежность к обслуживаемому жилому комплексу

(УК «Снегири», УК «Росы», УК «Скандис»), жилому микрорайону (УК «Покровская слобода», УК «Академическое», УК «Ботанический сад», УК «Водники») или улице обслуживания (УК «Молокова», УК «Республики 47», УК «Лесопарковая»).

Последняя группа широко представленных наименований управляющих компаний представляет наибольший исследовательский интерес, поскольку включает в себя отличные, уникальные, прозрачные наименования, отражающие особенности региона, во многом рассматривающийся как вербальный ресурс отражения, конструирования и маркирования территориальной идентичности.

К менее частотным могут быть отнесены:

- Наименования, ассоциированные с космонимами (названиями внеземных объектов в космическом пространстве): УК «Орбита», УК «Меркурий», УК «Сатурн», УК «Спутник», УК «Планета» и др.
- Наименования, указывающие на наименования растительный или животный мир: УК «Ива+», УК «Эдельвейс», УК «МИРТ», УК «Феникс», УК «Катран» и др.
- Наименования, включающие название транспорта (порейоним): УК «Авенсис», УК «Корвет», УК «Алион» и др.
- Наименования, соотносимые с гидронимами (названиями водных объектов): УК «Енисей-сервис», УК «Типтур», УК «Енисей» и др.
- Наименования, включающие объекты предметного мира или абстрактные понятия (уникальная группа): УК «Азбука», УК «Спарта», УК «Метод», УК «Проект», УК «Вектор» и др.

Малочисленную группу составляют фирменные наименования, которые признаются по тем или иным причинам значимыми для учредителей. Здесь также может быть актуален экспериментальный метод исследования, позволяющий определить важные компоненты номинации.

Решая одну из задач по выявлению сходства фирменных наименований до степени смешения среди потребителей, нами был проведен эксперимент. В процедуре нейминговой экспертизы использование указанного метода исследования нередко подвергается критике. Лебедева А.К. подчеркивает, что исследование ассоциаций, а также использование результатов фоносемантического анализа не отвечает критериям, предъявляемым судебной экспертологией к методам судебных экспертиз, а использование данных методов приводит к выходу эксперта-лингвиста за пределы своей компетенции, и, как результат, к грубейшим экспертным ошибкам [3, 134]. В работах Чубиной Е.А. также поднимается вопрос о возможности применения эксперимента или метода опроса респондентов при проведении судебной лингвистической экспертизы. Исследователь замечает, что в этом случае происходит смещение фокуса непосредственно с объекта анализа (речевой продукт), на ассоциации информантов, что изначально не предусмотрено задачами судебной лингвистической экспертизы [11].

Существует и другая позиция в научной среде. Бринев К.И., отмечает оправданность применения в лингвистике в целом и в лингвистической экспертизе в частности эксперимента в двух формах: в форме без возможности опровержения (опрос) и в форме с такой возможностью. В рамках данного исследования нас интересует первый формат проведения эксперимента. В этом случае предполагается «определение характера реагирования носителей языка на те или иные языко-речевые фрагменты и применяется тогда, когда лингвисту неизвестно, как будут реагировать информанты на тот или иной фрагмент языка / речи, и он хочет установить значения этого реагирования, или лингвист хочет проверить свою интуицию по поводу этого фрагмента. Если лингвист не знает, как будут вести себя информанты, то все реакции «правильны» и значимы без исключения» [2, 65]. Особенности и результаты проведения свободного ассоциативного эксперимента со стимулами нашли отражение в работах Крюковой И.В. (со стимулами-рекламными названиями, 2004), Рудаковой А.В. (со стимулами-именами собственными, 2014), Дударевой Я.А. (со стимулами-товарными знаками, 2012). Эти и другие специалисты обосновывали необходимость обращения к ассоциативному эксперименту тем, что испытуемый находится в том же положении, что и слушающий (потребитель) при восприятии лексической единицы. Более того, среди исследователей эксперимент применялся не только по отношению к рекламным текстам или наименованиям. Так исследователь Макаренко Г.С. использовала эксперимент при анализе конфликтного текста [5, 148]. Новичихина М.Е., активно обращающаяся к экспериментальному подходу при проведении лингвистической экспертизы товарных знаков, обосновывает применение эксперимента следующим образом: прямолинейный подход к исследованию только трёх сторон товарного знака – семантической, графической и фонетической, – ограничивает возможности лингвиста прийти к корректным выводам. Автор резюмирует, что наличие высокого коэффициента звукового сходства, т.е. значительно превышающего 50% совпадающих звуков, не всегда свидетельствует о смешении исследуемых единиц [6, 145]. И только привлечение респондентов с целью определения наличия ассоциативного сходства позволит прийти к полному пониманию степени смешения товарных знаков или иных средств индивидуализации, исследуемых в рамках нейминговой экспертизы. Новичихина М.Е. предлагает дополнительно привлекать результаты исследования ассоциативного сходства обозначений с целью репрезентации реального восприятия исследуемой единицы носителями языка (потребителями товаров и услуг) [Там же].

Действительно, эксперимент не может быть применен ко всем видам судебной лингвистической экспертизы, однако нам видится допустимым его использование в качестве обязательного метода исследования в рамках нейминговой экспертизы в виду невозможности установления факта смешения фирменных наименований в сознании потребителей исключительно

по выявленному сходству по одному из признаков: фонетическому, графическому, семантическому, грамматическому. Сделать выводы о степени смешения без привлечения респондентов не представляется возможным.

На этапе выявления сходства фирменных наименований УК Красноярского края нами в период с марта 2024 по ноябрь 2024 был проведен направленный эксперимент. В нём приняло участие 276 респондентов. Опрос проводился среди студентов разных направлений подготовки, преимущественно нелингвистических. В ходе эксперимента респондентам было предложено ознакомиться за ограниченное количество времени с пятью текстами (отзывы потребителей услуг), содержащими названия пяти «потенциально спорных» наименований управляющих компаний. После прочтения предлагалось анонимно заполнить опросный лист.

В ходе проведения эксперимента был сделан вывод, что его применение как обязательного элемента утверждения нейма до момента регистрации является необходимым, поскольку позволит определить удачность наименования внутри фокус-группы. Также в рамках эксперимента была рассмотрена этико-эстетическая сторона наименования (благозвучность, отсутствие негативных ассоциаций с другими предметами действительности или именами собственными и пр.)

Среди признаков «неудачности» респонденты отмечали перегруженный звукобуквенный объем наименования; звуковые ассоциации с лексемами, обладающими негативными коннотациями; включенность цифровых символов в состав наименования; «скученность» согласных звуков; излишнюю простоту и неоригинальность названия; невозможность по наименованию определить род оказываемых услуг.

Например, зачастую наименование управляющей компании «Комхоз» признавалось неудачным из-за вызываемой звуковой ассоциации с одним из лексико-семантических вариантов лексемы *колхоз*. Наименование УК «Жильё-2» трактовалось респондентами в качестве неудачного по причине ассоциации с неоднозначным телешоу (Дом-2), и вызывало вопрос об оправданности использования цифрового символа в наименовании. Цифра 2, по мнению информантов, указывает на «зависимость», второстепенность, «незначимость» по сравнению с потенциальным цифровым обозначением 1. Относительно наименования УК «Гросссдом» среди негативных признаков отмечались «ассоциации с чем-то запущенным, неприятным, грубым и грозным».

Напротив, наименование признавалось удачным, если имело один из следующих признаков: краткость; «прозрачность» внутренней формы, позволяющую обнаружить связь наименования с жилищной сферой и минимизировать негативные ассоциации; легкость произношения; благозвучность; отсутствие цифр. Всё указанное подтверждает необходимость ответственного подхода к выбору наименования с обязательным привлече-

нием фокус-группы на этапе, предшествующем юридической регистрации фирменного наименования.

Вывод. С целью нивелирования правовой и коммуникативной неудач в рамках нейминговой экспертизы наряду с традиционными методами исследования следует включить как обязательную процедуру, предшествующую регистрации фирменного наименования, использование экспериментального метода исследования средств индивидуализации. Учредителям также может быть рекомендовано ориентирование на социально значимые, культурно-исторические, региональные составляющие, способствующие мелиоративному восприятию наименования. Фирменные наименования управляющих компаний, с одной стороны, могут рассматриваться как средства отражения процесса региональной идентификации, с другой стороны, являются одним из ресурсов конструирования и формирования имиджа региона.

Литература

1. Арышева, А.Ю. и др. Нейминг остановок г. Кемерово: современное состояние, проблемы и направления оптимизации // СибСкрипт. – 2012. – № 3. – С. 37–41.

2. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.

3. Лебедева, А.К. К вопросу о допустимости отдельных методов в судебной лингвистической экспертизе / А.К. Лебедева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – № 3(116). – С. 129–136.

4. Мажоров, Д. М. Формирование имиджа в СМИ: имиджеобразующие тексты / Д. М. Мажоров // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2007. – № 2-II. – С.302–309.

5. Макаренко, Г.С. Роль эксперимента при проведении юрислингвистической экспертизы конфликтного текста / Г.С. Макаренко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3-1(57). – С. 147–150.

6. Новичихина, М.Е. О месте и роли ассоциативного эксперимента в лингвистической экспертизе товарных знаков / М.Е. Новичихина // Вестник ТГУ. – 2015. – № 5.

7. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская – М: Наука, 1988. – 192 с.

8. Россинская, Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. / Россинская, Е.Р., Галяшина Е.И. – М.: Проспект, 2010. – 464 с.

9. Соколова, Т.П. Неймингова экспертиза: генезис, проблемы, перспективы / Т.П. Соколова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2014. – № 3. – С. 142–150.

10. Соколова, Т.П. Лингвокреатив в аспекте неймингова экспертизы / Т.П. Соколова // В кн.: Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2016. – Т. 7. № 7. – С. 179–195.

11. Чубина, Е.А. Современное состояние и перспективы развития судебной лингвистической экспертизы рекламы / Е.А. Чубина // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 4-2.

Источники

12. ГК РФ Статья 1473. Фирменное наименование URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/d36a4b7f0e75db56ba6e7f8c76a44a8b8a22ade5/ (дата обращения 2.04.2025).

Е.В. Ковалёва, А.В. Цапова
Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина
e-mail: alena.kavaliova@gmx.de

УДК 811.161.1'373

НОМИНАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМОВ ГОРОДОВ ШЕФФИЛД (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ) И ГОМЕЛЬ (БЕЛАРУСЬ)

Ключевые слова: *оним, ономастическое пространство, эргоним, апеллятив.*

В статье рассматриваются семантические характеристики названий объектов общественного питания и гостиниц г. Шеффилда (Великобритания) и г. Гомеля (Беларусь). Определяются апеллятивы, которыми мотивированы данные онимные единицы, выявляются номенклатурные термины, типичные для данных наименований, а также антропонимы и топонимы, от которых образованы исследуемые ономастические единицы.

A.V. Kavaliova, A.V. Tsapova
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

NOMINATIVE FEATURES OF ERGONYMS OF THE CITIES SHEFFIELD (GREAT BRITAIN) AND GOMEL (BELARUS)

Key words*: onym, onomastic space, ergonym, appellative.*

The article deals with the semantic characteristics of the names of public catering facilities and hotels in Sheffield (United Kingdom) and Gomel (Belarus). The authors reveal the motivational bases of these names, the nomenclature terms typical for these names, as well as the anthroponyms and toponyms from which these ergonyms are originated.

Язык современного города обладает определенной спецификой, содержит уникальные социально-экономические и культурные образования. Номинативные особенности городского ономастикона, включая и названия объектов общественного питания, представляют собой не только лексические и грамматические характеристики языка, но и культурные, исторические и социальные контексты. В нашем исследовании проведен анализ номинативных особенностей названий английского города Шеффилда и белорусского города Гомеля с целью выявления как общих, так и специфические черт ономастической номинации. Новизна работы обусловлена тем,

что номинативные особенности городов, таких как Шеффилд и Гомель, недостаточно подробно исследованы в сравнительном (культурном, социолингвистическом) аспекте, а также с учетом факторов, влияющих на процесс именования в этих городах. Объектом исследования выступают названия заведений общественного питания и отдыха (кафе и закусочные), гостиниц и отелей, зарегистрированных на территории г. Шеффилд и г. Гомель по состоянию на 1 января 2024 года.

Различные аспекты эргонимической лексики рассматривались в работах М.В. Горбаневского, И.В. Крюковой, А.М. Мезенко, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, Е.В. Тихоненко и др.

Современные исследования онимов также подчеркивают их значение в контексте глобализации и цифровизации. С увеличением межкультурных контактов происходит смешение языков и культур, что приводит к появлению новых форм именования. Это создает новую языковую среду, в которой традиционные исторические имена могут сочетаться с новыми, заимствованными из других языков и культур. Особое внимание следует уделить воздействию культурных, социальных и технологических изменений на процесс создания и употребления онимов, так как смешение языковых и культурных традиций приводит к возникновению новых форм имен, отражающих разнообразие современных идентичностей. Например, в социальных сетях и онлайн-платформах появляются уникальные никнеймы и псевдонимы, становящиеся важной частью цифровой культуры. Также стоит отметить, что имена собственные часто несут в себе символические и ассоциативные значения, которые могут различаться в зависимости от культурного контекста разных этносов. Например, некоторые имена могут ассоциироваться с известными историческими личностями или мифологическими персонажами, что придает им дополнительный смысл и значение. Изменение значений апеллятивов, от которых образованы данные ономастические единицы в соответствии с определенным контекстом, также влияет их функционирование. Имена собственные могут приобретать новые ассоциации в результате культурных или социальных изменений. Эргонимы – «собственные имена деловых объединений людей, организаций, учреждений, предприятий» не имеет четкой структурной организации, поэтому классификация данного разряда ономастической лексики является актуальной [2, с. 151].

Эргонимы, характеризующиеся, как правило, прозрачной внутренней формой их образующих основ, занимают ключевое место в формировании имиджа и восприятия различных объектов, таких как гостиницы, кафе и др. Эти названия не только помогают идентифицировать услуги и заведения, но и несут в себе значимые и ассоциативные элементы, способные повлиять на выбор потребителей. В условиях глобализации и конкуренции на рынке товаров и услуг использование запоминающихся

номинаций становится важным стратегическим инструментом для привлечения клиентов и создания уникального бренда. Поэтому собственные имена становятся не только инструментом идентификации, но и важным элементом культурного самовыражения, что подчеркивает необходимость более глубокого анализа их значений и функций в современном обществе. Исследование этих процессов может открыть новые горизонты для понимания культурных изменений и трансформаций, происходящих в лингвистике.

Сравнение и анализ названий кафе и ресторанов в Гомеле и Шеффилде позволяет выявить культурные и гастрономические различия в ономастической номинации регионов. Эти названия не только отражают местные традиции, кулинарные предпочтения и художественные концепции, но и дают представление о восприятии этносом своего гастрономического пространства, о формировании общественного представления о заведениях общественного питания, что может способствовать более глубинному пониманию социальных и экономических аспектов наименований в сфере услуг.

В наименованиях кафе и ресторанов исследуемых городов частотны лексемы, указывающие на особенности меню заведения. Было выявлено, что в названиях города Шеффилда преобладают названия с лексемами *sushi* ‘суши’, *pizza* ‘пицца’: оним *Sushi Bar* соотносится с апеллятивами *sushi, bar* ‘бар’. *Sushi Express* соотносится с лексемами *sushi, express* ‘скоростной’. Эргоним *Sushi Cutlery Works* мотивирован лексемами *cutlery* ‘столовые приборы’, *works* ‘работает’ и *sushi*. Наименование *Sushi Bar* прямо указывает на особенности меню объекта. Схожая тенденция наблюдается в эргонимиконе г. Гомеля. Названия *Суши Мания, Раз Два Суши* содержат лексему, указывающую на блюдо, на котором специализируется данный объект общественного питания.

Среди отапеллятивных названий зафиксированы следующие онимы: эргоним *Caffe Piazza*, мотивированный лексемами *caffee* ‘кафе’, *piazza* ‘площадь’, название *Domino's Pizza*, образованное от лексем *pizza* ‘пицца’ и *domino* ‘домино’. Наименование *Proove Pizza* соотносится с апеллятивами *pizza* ‘пицца’ и *proove*, который, вероятно, является графическим вариантов от глагола *to prove* ‘доказывать’. Эргоним *Fast Pizza* происходит от лексем *fast* ‘быстро’ и *pizza* ‘пицца’, что указывает на скорость приготовления блюд. Наименование *Let’s Sushi* происходит от лексем *let’s* ‘давайте’, *sushi* и представляет собой побудительную конструкцию. Графические особенности выявлены в ониме *YO! Sushi:* написание первой части названия прописными буквами *YO! Sushi* соотносится с лексемами *yo, sushi*.

В названиях ресторанов г. Гомеля также зафиксированы эргонимы, апеллятивы которых не связаны с блюдами, что подают в них: название кафе *Lucky Cat* соотносится с лексемами *lucky* ‘счастливый’, *cat* ‘кот’, оним

Табу мотивирован лексемой *табу* ‘запрет’. Эргоним *Station One* соотносится с лексемами *station* ‘станция’ и *one* ‘один’. Оним *Старое время* происходит от апеллятивов *старое*, *время*, указывающих на историческую направленность оформлении заведения и ассортимент меню. Национальный колорит содержится в наименованиях *Сябры*, *Бацькі*, мотивированных белорусскими лексемами *сябры* и *бацькі* и свидетельствующих об особенностях блюд данных объектов питания.

В эргонимии г. Шеффилда национальный компонент зафиксирован в наименованиях объектов общественного питания индийской кухни: оним *Urban Choola* соотносится с лексемами *urban* ‘городской’ и *choola* ‘чола’ (огонь, плита). Наименование *Lavang Shogun* содержит в себе наименование блюда из цыпленка и лексему *shogun* ‘сегун’.

В группе отантропонимных названий выявлены преимущественно многокомпонентные названия. Эргоним *Napoli Centro Pizzeria* соотносится с лексемами *centro* ‘центр’, *pizzeria* ‘пиццерия’ и астионимом *Napoli*. Наименование *Pizza Express St. Paul's Place* происходит от апеллятивов *pizza* ‘пицца’, *express* ‘скоростной’, урбанонима *St. Paul's Place place*, указывающим на локализацию объекта. Название *Porter Pizza* мотивирован лексемой *pizza* ‘пицца’ и именем собственным *Porter*, вероятно, именем владельца. Эргоним *Ajanta's Vegetarian* соотносится с лексемой *vegetarian* ‘вегетарианец’, указыващим на целевую аудиторию заведения, и именем собственным *Ajanta*; название *Kelly’s* содержит в себе имя собственное *Kelly*.

Эргоним *Пиццерия Арлекино* соотносится с лексемой *пиццерия* и именем собственным *Арлекино*, указывающим на определенные фоновые знания носителей языка, а именно на персонажа итальянской комедии и на героя повестей-сказок Арлекина. Наименование *Robin Food* происходит от лексемы *food* ‘еда’ и имени собственного *Robin*, вызывающим ассоциацию с антропонимом *Робин Гуд*, популярным персонажем средневековых английских произведений, заступником бедняков и благородным предводителем разбойников.

В наименованиях отелей и гостиниц г. Гомеля и г. Шеффилда было выявлено, что в данной тематической группе преобладают смешанные названия. Частотным является использование хоронима *Sheffield*: название отеля *Easy Hotel Sheffield* соотносится с лексемами *easy* ‘легко’, *hotel* ‘отель’; название *Flagship Sheffield City Centre* мотивировано лексемами *flagship* ‘флагман’, *city* ‘город’, *centre* ‘центр’; эргоним *Mercure Sheffield Kenwood Hall & Spa* происходит от апеллятивов *hall* ‘зал’, *spa* ‘курорт’ и имен собственных *Mercure*, *Kenwood*; название отеля *Leonardo Hotel Sheffield* мотивировано лексемой *hotel* ‘отель’ и именем собственным *Leonardo*. Оним *Wilson Carlile Centre* происходит от апеллятива *centre* ‘центр’, указывающим на локализацию объекта, и имени собственного *Wilson Carlile*.

В группе отапеллятивных названий выявлены следующие эргонимы: наименование *The Nest* происходит от апеллятива *nest* ‘гнездо’; оним *The Psalter* мотивирован апеллятивом *psalter* ‘псалтырь’; эргоним *Home Away From Home* происходит от апеллятивов *home* ‘дом’, *away* ‘прочь’.

В названиях отелей и гостиниц г. Гомеля преобладают отапеллятивные названия: эргонимы *Гостиница Центральная, Хостел Гео, Парк-Отель Замковый* содержат номенклатурные термины *гостиница, хостел, отель* и апеллятивы, указывающие на локализацию объекта (*Центральная, Замковый*). Наименования *Хорошее Место, Парадиз Отель* свидетельствуют о качестве оказываемых услуг, о целевой аудитории – оним *Турист*.

Среди отонимных названий зафиксированы эргонимы с компонентом гидронимом и хоронимом: *гостиница Сож* мотивирована гидронимом *Сож, гостиница Гомель* – хоронимом *Гомель*.

Таким образом, в результате исследования номинативных особенностей английских и русских городов, а именно лексико-семантической группы названий заведений общественного питания, отелей и гостиниц в Шеффилде и Гомеле, выявлено значительное влияние культурных и социальных факторов на формирование городской среды. В Шеффилде наблюдается разнообразие эргонимов, отражающих местные традиции и тенденции, что проявляется в уникальных топоосновах названий объектов общественного питания. В г. Шеффилде преобладают наименования, которые включают в себя название главного блюда (*Let’s Sushi)*. В эргонимии Гомеля зафиксирован более традиционный подход к именованию заведений, но который также подчеркивает культурные особенности региона. Сравнительный анализ показывает, что несмотря на различия в подходах к номинации, обе языковые системы стремятся создать привлекательные и запоминающиеся имена для своих объектов, что свидетельствует о динамичном взаимодействии языка и социальной среды. В городе Гомеле преобладают отапеллятивные названия, которые отражают основные характеристики или местоположение объекта *('Парк-Отель Замковый', ‘Гостиница Центральная'*). Такие названия могут быть более информативными для потенциальных посетителей. Также в обоих группах были выявлены названия, содержащие имена собственные, что придает уникальность и индивидуальность данному объекту.

Литература

1. Городгомель.бел [Electronic resource]. – Гомель, 2023. – Mode of access: https: //городгомель.бел. – Date of access: 15.01.2025.

2. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 199 с.

3. Welcometosheffield [Электронный ресурс]. – Sheffield, 2025. – Режим доступа: https://www.welcometosheffield.co.uk/visit. – Дата доступа: 01.02.2025.

А.І. Копач
Минский государственный лингвистический университет
e-mail: aleh@bk.ru

УДК 811.161.3'373.21(476)

ТАПАНІМІЧНАЯ КАНСТРУКЦЫЯ «PREP N» У ТАПОНІМАХ БЕЛАРУСІ

Ключавыя словы: *кагнітыўная лінгвістыка, граматыка канструкцый, тапанімічная канструкцыя, схема, топасістэма, айконім, гідронім, мікратапонім.*

У дакладзе разглядаецца тапанімічная канструкцыя, якая рэферыруе да аб'екта-фігуры праз адлюстраванне шляху да яго або размяшчэнне і фіксацыю ва ўнутранай прасторы фонавага аб'екта. Вылучаюцца тры схемы рэалізацыі тапанімічнай канструкцыі «Prep N», кожная з якіх дэманструе асобны аспект арыентавання ў зоне, прылеглай да цэнтра топасістэмы.

Aleh I. Kopach
Minsk State Linguistic University

«PREP N» CONSTRUCTION IN PLACE NAMES OF BELARUS

Key words: *cognitive linguistics, toponymic construction; scheme; toposystem; oikonym; hydronym, microtoponym.*

A toponymic construction which refers to the figure object through representing the path to it or locating and fixing the figure in the internal space of a background object is discussed on Belarusian place names. Three schemas that implement the toponymic constructions are marked out, each of them displaying a different aspect of orienting in the zone adjacent to the center of the toposystem.

Разгляд семантыкі цэласных тапазнакаў магчымы ў рамках граматыкі канструкцый – аднаго з напрамкаў кагнітыўнай лінгвістыкі, што разглядае аб'екты даследавання як сукупнасць схематычных і самастойных канструкцый, запас якіх паступова пашыраецца за кошт катэгарызацыі, аналогіі, аўтаматызацыі граматычных структур [3].

У дадзенай працы мы засяродзімся на апісанні схем, якія рэалізуюць адну з тапанімічных канструкцый неабходных для арыентацыі

чалавека ў геаграфічнай прасторы, – «Prep N». Яна сімвалізуе шлях да аб'екта-фігуры або размяшчэнне і фіксацыю апошняга ва ўнутранай прасторы фонавага аб'екта.

Матэрыялам для даклада паслужылі 75 імёнаў розных відаў топааб'ектаў Беларусі (айконімы, гідронімы, мікратапонімы) з 6-і гісторыка-этнаграфічных зон Беларусі (па два раёны), пабудаваныя паводле названай вышэй канструкцыі (1,59% ад агульнай колькасці аналізаванага матэрыялу, які складае 4707 адзінак). Невялікая колькасць такіх тапонімаў у сістэме імёнаў не перашкаджае ім рэалізоўваць базісную мадэль тапаніміі, канвенцыянальна ажыццяўляючы прызначэнне геаграфічных імёнаў – арыенціраванне суб'екта ў прасторы праз указанне на размешчанасць рэаліі адносна іншага аб'екта мясцовасці (параўн. апелятыўныя спалучэнні тыпу *аловак перад кнігай*).

У якасці зыходнай кропкі для апісання схем, што рэалізуюць канструкцыю «Prep N», мы выкарыстаем канцэптуальную мадэль «крыніца – шлях – мэта» (*source – path – goal*). Яна была распрацавана Дж. Лакофам і М. Джонсанам і адлюстроўвае ўніверсальны спосаб разумення чалавечага досведу праз рух ад пачатковай кропкі да мэты. Гэты падыход, па-першае, дазваляе паглядзець на тапонімаўтварэнне як на дзейнасць суб'екта, які ў камунікацыі адшуквае шлях да аб'екта (куды?), паступова і змястоўна выпрацоўвае іншыя схемы рэалізацыі мадэлі (дзе? што?); па-другое, акцэнтуе другаснасць пошуку ўнутрымоўнай матывацыі імёнаў у кантэксце канцэптуалізацыі дзейнасці па стварэнні маршрутаў руху да аб'ектаў

Спецыфіка тапаніміі, якую варта ўлічваць падчас даследавання, звязана са схільнасцю геаграфічных назваў да спрашчэння ў працэсе ўжывання. Канструкцыі тыпу «Prep N» не адрозніваюцца ад апелятыўных прыназоўнікава-іменныя формаў, якія часта служаць простай заменай тапонімам і апісальна спасылаюцца на месцазнаходжанне аб'екта. Мадэль «крыніца – шлях – мэта» з гэтага пункту гледжання выглядае як больш складаная, чым звыклая для славянскай моўнай традыцыі сціслая да мінімума намінацыя. Паступовасць працэсу скарачэння элементаў такой канструкцыі і спецыялізацыі рэштаў апошніх на выкананне новай ролі ў межах прасторы топаа'бектаў заўважная ў мікратапонімах – назвах невялікіх аб'ектаў вакол паселішча-цэнтра.

Рэалізацыя мадэлі (па словах Дж. Лакофа, яна ўключае ў сябе чатыры кампаненты: КРЫНІЦА, ШЛЯХ, ПРЫЗНАЧЭННЕ, КІРУНАК [2, с. 358–362]) ў геаграфічных назвах прадстаўлена больш эканомна ў параўнанні з яе магчымымі актуалізацыямі ў сказах кшталту **Ад вёскі я накіраваўся да* ***По́ля ў Шыро́кіх***.

Тапонімам для паўнавартаснага выкарыстання ў якасці намінатыўнай адзінкі па-за межамі кантэксту перамяшчэння ў прасторы будзе бракаваць як мінімум першага кампанента – КРЫНІЦЫ (вёска).

Па гэтай жа прычыне КІРУНАК, які ў разгледжаным вышэй сказе падаецца праз прыназоўнік *да*, таксама часцей страчваецца, сустракаючыся ў спарадычных назвах кшталту *До Мо́глiц* < могліцы ‘месца, дзе хаваюць нябожчыкаў’. Менавіта такія геаграфічныя назвы захоўваюць зыходны арыентацыйны змест адзінкі, якая спасылацца на кірунак руху суб’екта.

ПРЫЗНАЧЭННЕ ў прыкладзе са сказа будзе рэпрэзентавана формай *По́ля*, прамежкавы пункт ШЛЯХУ да поля (у разуменні размяшчэння аб’екта) – імем *Шыро́кія* (у гэтым месцы фіксуюцца таксама урочышчы *Шыро́ка* і *Шыро́ко*).

Паказчык, які адлюстроўвае разуменне тапоніма як лакатыўнай адзінкі і актуалізуе прасторавыя адносіны паміж ПРЫЗНАЧЭННЕМ і ШЛЯХАМ, – прыназоўнік *у*, які паказвае на знаходжанне рэаліі ў межах прасторы, занятай іншым аб’ектам. Нашы падлікі сведчаць аб тым, што прыназоўнік кірунку зрэдку захоўваецца ў тапанімii, у той час як паказчыкі месцазнаходжання аб’ектаў, фіксіруюцца ў асалютнай большасці прыкладаў.

У апрацаваным тапанімічным матэрыяле максімальна разгорнутая схема размяшчэння топааб’екта ў прасторы сустрэлася толькі ў адной назве: *По́ля ў Шыро́кіх*. У ёй адлюстраваліся два з чатырох кампанентаў мадэлі «крыніца – шлях – мэта»: ПРЫЗНАЧЭННЕ і ШЛЯХ, – а таксама спасылка на статычны паказчык размешчанасці (*дзе?*) рэферэнта тапоніма адносна іншага аб’екта. Такія формы сустракаюцца ў Беларусі, напрыклад, сярод назваў балот: *Мох пад Целяшо́м* (Рэчыцкі раён), *Мох пад Лі́пкамі* (Хойніцкі раён), – але іх колькасць імкнецца да мінімальных велічынь.

Часцей за іншыя формы ў мікратапонімах фіксуюцца імёны, у якіх акрамя КРЫНІЦЫ і КІРУНКУ з прапрыяльнай частцы імені выпадае ПРЫЗНАЧЭННЕ. У выніку ўласнае імя змяшчае ў сваім складзе прыназоўнікава-іменную форму без спасылкі на тып аб’екта намінацыі: сенажаць *За бро́дам* < брод ‘мелкае месца ў рацэ, возеры, старыцы, балоце, па якім праходзяць пешшу, пераязджаюць з возам’, поле *На ка́лнах* < літ. kalnas ‘гара’.

Паступовае скарачэнне семантычных кампанентаў канцэптуальнай мадэлі «крыніца – шлях – мэта» да межаў канструкцыі «Prep N» у геаграфічных імёнах лёгка патлумачыць:

КРЫНІЦА не ўваходзіць у выказванні ў склад акалічнасці месца прызначэння, якая намініруецца тапонімам;

КІРУНАК выпадае па прычыне схільнасці геаграфічнага імені да пераходу суб’екта з цягам часу і па меры знаёмства з тэрыторыяй пражывання ад апісання шляху да дэманстрацыі размешчанасці ў прасторы.

ПРЫЗНАЧЭННЕ аказваецца папросту неабавязковым для насельніцтва гэтых месцаў, бо кантэкст мікратапанімii добра вядомы мясцовым жыхарам. Ён маецца на ўвазе, але часцей не выражаецца экспліцытна.

«Аптымізацыя даўжыні» тапонімаў-арыенціраў суправаджаецца адначасовай дыферэнцыяцыяй «Prep N» на тры схемы рэалізацыі, якія

выражаны фармальна праз склонавыя канчаткі назоўнікаў у складзе прыназоўнікава-іменных і суадносных з імі прэфіксальных і канфіксальных форм. Такія геаграфічныя назвы дэманструюць арыентацыйныя характарыстыкі аб'ектаў праз:

– апісанне кірунку руху суб'екта (*куды?*): зараснік *Вомх* < мох; урочышча *До Мо́глiц* < могліцы; поле *Пат пу́шчу* < пушча. Назавем такую тапанімічную схему **«шлях ва ўнутраную прастору фонавага аб'екта»** – 3 адзінкі (0,06%);

– апісанне месцазнаходжання аб'екта (*дзе?*): лагчына *У куткý* < куток; урочышча *Пад'я́сенам* < ясень; сенажаць *На берагáх* < бераг; лес *Пад бо́рам* < бор, лес *Паўз Заліцві́нням* < вёскі *Старое і Новае Заліцвінне*; балота *Пад лу́гам* < луг; балота *Падлі́пай* < ліпа. Назавем такую тапанімічную схему «**размяшчэнне топааб'екта ва ўнутранай прасторы фонавага аб'екта**» – 21 адзінка (0,45%);

– фіксацыя аб'ектнага статусу рэаліі (*што?*): дарога *За́мішка* < літ. miškas 'лес', урочышча *Узло́г* < лог, вёска *Паддзягця́рня* < дзягцярня. Назавем такую тапанімічную схему «**фіксацыя топааб'екта ва ўнутранай прасторы фонавага аб'екта**» – 51 адзінка (1,08%).

Колькасныя паказчыкі адзінак, якія рэалізуюць канструкцую «Prep N», сведчаць аб спарадычным выкарыстанні ў тапаніміі форм, што адлюстроўваюць перамяшчэнне суб'екта ў кірунку аб'екта і размяшчэнні ў яго ўнутранай прасторы. Абсалютная большасць імёнаў фіксуе аб'ект на фоне іншага аб'екта, звяртаючыся да формаў, у якіх прэфікс сумяшчаецца з намінатыўнымі паказчыкамі, што больш уласціва ўласнатапанімічным адзінкам.

Ніжэй прапанаваны статыстычныя паказчыкі і прыклады тапонімаў розных відаў аб'ектаў Беларусі, якія рэалізуюць канструкцыю «Prep N»:

1) форма рэльефу – 1 з 13, 7,69%: лагч. *У куткý* < куток – пам. ад кут 'вугал поля; участак клінападобнай формы';

2) месца праезду – 1 з 14, 7,14%: дарога *За́мішка* < літ. miškas 'лес';

3) парослае месца – 1 з 15 адзінак, 6,67%: зараснік *Вомх* < мох 'балота; махавое балота; зарослае балота; нізкая балоцістая мясцовасць, парослая мохам і альхой';

4) урочышча – 24 з 400, 6%: *До Мо́глiц* < могліцы 'месца, дзе хаваюць нябожчыкаў'; *Пад'я́сенам* < *ясень*; *Узло́г* < *лог* 'сухадольны луг паблізу вёсак, паміж палёў, каля рэчак, у неглыбокіх раўках';

5) участак зямлі для патрэб суб'екта – 7 са 162, 4,32%: сенажаці *На берагáх* < бераг (а); *Загáй* < гай 'невялікі зялёны лісцевы хмызняк або лес, пераважна бярозавы на ўзлессі, у даліне, каля ці сярод поля';

6) свабоднае ад расліннасці месца – 8 з 220, 3,64%: палі *Пат кáдаўб* < кадаўб 'глыбокая яма ў рацэ, на лузе з вадой', *Падванко́вічаў Бор* < лес *Ванко́вічаў Бор*;

7) лес і яго разнавіднасці – 2 са 119, 1,68%: лясы *Пад бо́рам* < бор, *Паўз Заліцві́нням* < вёскі *Старое і Новае Заліцвінне*;

8) населены пункт – 21 з 2475, 0,85%: вёскі *Заво́баль* < р. Обаль*, Пад-дзягця́рня* < дзягцярня ‘прадпрыемства, якое вырабляе дзёгаць’;

9) вадаём са стаячай вадой – 9 з 1074, 0,84%: балоты *Пад лу́гам* < луг ‘прырэчная сенажаць’, *Падлі́пай* < *ліпа*; *Заржа́ва* < *ржава* ‘гразкае, іржавае балота з вокісам жалеза ў вадзе; балота з жалезнай рудой’;

10) вадаём з цякучай вадой – 1 з 215, 0,47%: рака *Прыпі́лія* < літ. pìlia ‘замак’; pylà ‘дамба, набярэжная, дарога’ ці pỹle ‘качка’.

Статыстычня паказчыкі пацвяржаюць меркаванні тапанімістаў пра даволі значную ўдзельную вагу прыназоўнікава-іменных формаў у мікратапаніміі [1, с. 155]. Тым не менш у параўнанні з канструкцыямі «0 N = N [∞A]» (метафарычныя назвы тыпа возера *Подко́ва*; балота *Сі́дзень*) і «1 N = N [xA]» (назвы, аманімічныя геаграфічным тэрмінам тыпа лес Дубро́ва < дубро́ва ‘дубовы лес, гай’, рака Рэ́чка < рэ́чка ‘невялікая рака, рачулка’) пачынае паступова павялічвацца колькасць уласна тапонімаў за кошт значнай групы назваў населеных пунктаў, якая амаль роўная па колькасці такім жа назвам урочышчаў. Уласна тапонімы, якія падпарадкоўваюцца гэтай схеме, часам нават фармальна адрозніваюцца ад астатніх (воз. *Зачо́рнае во́зера* < воз. *Чо́рнае во́зера,* в. *Зафранцу́зская Грэ́бля* < в. *Францу́зская Грэ́бля*), бо прэфікс далучаецца да словазлучэння.

Канструкцыя «Prep N» у беларускай тапаніміі рэалізуе кагнітыўную мадэль «крыніца – шлях – мэта», пераважна фіксуючы не кірунак руху суб’екта ў бок аб’екта, а размяшчэнне і асабліва фіксацыю апошняга ва ўнутранай прасторы фонавага аб’екта. Гэта адлюстроўвае тэндэнцыю да спрашчэння складаных схем у тапаніміі: геаграфічныя імёны страчваюць зыходныя кампаненты мадэлі, захоўваючы толькі лакатыўныя ці намінатыўныя функцыі. Асабліва часта такая канструкцыя сустракаецца ў мікратапонімах, дзе кантэкст дазваляе апушчаць да трох (з чатырох) кампанентаў кагнітыўнай мадэлі

Литература

1. Емельяновіч, В.М. Структурныя тыпы мікратапонімаў-назоўнікаў (на матэрыяле Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці) / В.М. Емельяновіч // Беларуская анамастыка, 2: зб. арт. / рэд. В.П. Лемцюгова. – Мінск: Навука і Тэхніка, 1981. – С. 139–160.

2. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 792 с.

3. Leino, A. Place-Names as Constructions / A. Leino // Onoma: Journal of The International Council of Onomastic Sciences. – 2006. – Vol. 41. – P. 215—235.

А.А. Кормилаева
Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского
e-mail: akormilaeva@rambler.ru
Научный руководитель: Р.В. Разумов, кандидат филологических наук, доцент

УДК 811.161.1’373.2

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОЗВИЩНОЙ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Ю. БУЙДЫ)

Ключевые слова: *имя собственное, поэтонимосфера, антропоним, прозвище, коннотация, Ю. Буйда.*

В статье рассматриваются антропонимы, функционирующие в рассказах Юрия Буйды из сборника «Прусская невеста». На основе словообразовательных особенностей, этимологии, специфики синтаксического оформления имен собственных анализируется их влияние на формирование художественного образа, концептуального плана художественного текста. Автор выявляет основные функции прозвищной номинации с негативной и положительной коннотацией на прагматическом уровне в ономастическом пространстве художественного текста Юрия Буйды. Установлено, что антропонимы выполняют символическую, стилистическую, оценочно-характеризующую функции.

A.A. Kormilaeva
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

FUNCTIONAL POTENTIAL OF NICKNAME NOMINATION IN THE MODERN ART TEXT (BASED ON THE MATERIAL OF Y. BUIDA’S STORIES)

Key words: *proper name, poetonymy, anthroponym, nickname, connotation, Y. Buida.*

The article considers anthroponyms functioning in the stories of Yuri Buida from the collection “Prussian Bride”. On the basis of word-formation features, etymology, specifics of syntactic design of proper names their influence on the formation of the artistic image, conceptual plan of the artistic text is analyzed. The author reveals the main functions of nickname nomination with negative and positive connotation at the pragmatic level in the onomastic space of Yuri Buida's fiction text. It is established that anthroponyms perform symbolic, stylistic, evaluative and characterizing functions.

Имена собственные, обладающие этимологическим, коннотативным значениями, рассматриваются многими лингвистами как текстовые скрепы. Их интродукция в рассказы, повести, романы разной стилевой принадлежности всегда обусловлена, по мнению Г. Ф. Ковалева, рядом факторов: сознанием писателя, значением и системностью онима, особенностями хронотопа [2, с. 11–12]. Подлинно нейтральных форм с нулевой стилистической окраской среди проприальных единиц, входящих в поэтонимосферу художественного произведения, не существует. Подтверждение данного тезиса мы находим в статье О. О. Хасановой. Лингвист отмечает: «Имя персонажа является ключом к пониманию текста, позволяет раскрыть подтекстовую информацию. В имени имплицитно отражается субъективное отношение автора к герою» [6, с. 147]. Так, антропонимы, наряду с номинативной, выполняют оценочно-характеризующую функцию. На наш взгляд, этимология, фонетическая благозвучность онима на системном и прагматическом уровнях раскрывает поведенческие, мировоззренческие особенности персонажа. Ярко выраженным смыслообразующим потенциалом обладает прозвище – «дополнительное имя, данное субъекту окружающими в соответствии с его характерной чертой, сопутствующими его существованию обстоятельствами» [5, с. 126–127]. Мы считаем, что прозвищная номинация в художественном тексте в большей степени характеризуется экспрессивностью, стилистической маркированностью.

В этой статье мы обратим внимание на функциональную нагрузку, словообразовательные особенности прозвищ как разновидности антропонимов в рассказах Ю. Буйды из сборника «Прусская невеста» (1998 г.). Актуальность исследования обусловлена малой изученностью современной русской прозы, оригинальным творческим методом конкретного писателя.

На наш взгляд, для хронотопа произведений Ю. Буйды характерна актуализация бинарной оппозиции «дисгармоничная реальность – идеальное инобытие». Персонажи рассказов из сборника «Прусская невеста» вынуждены жить в атмосфере утраты нравственных ориентиров, духовности. Современные литературоведы отмечают: «Герои, чье существование замкнуто узкими рамками грубой реальности, представлены как романтические чудаки с детски-наивным взглядом на мир, интуитивно стремящиеся к иным формам существования» [4, с. 572]. Действительно, нередко спасение от жестокости окружающего мира персонажи Ю. Буйды находят в бегстве в мир грез, снов.

В рассказах «Ванда Банда», «Фаня», «Фарфоровые ноги», «Химич», «Ева Ева» нами отмечены следующие модели прозвищной номинации второстепенных и главных героев:

1) множественные прозвища с формантом -их-: *Буяниха, Тарзаниха, Граммофониха*;

2) онимизация апеллятива: *Скарлатина, Свинина Ивановна, Фигура, Банда*;

3) единичные прозвища, связанные с прецедентными онимами: *Беликов, Человек в футляре, Ева.*

Множественные прозвища, которые теоретически могут принадлежать нескольким носителям, наделенным соответствующим набором характерных черт, встречаются в произведениях «Ванда Банда» и «Фарфоровые ноги». С точки зрения синтаксического оформления, антропонимы *Буяниха, Тарзаниха, Граммофониха* являются простыми, так как состоят из одного слова. На прагматическом уровне эти прозвища обладают негативными коннотациями за счет общего словообразовательного форманта – суффикса *-их-*. В русском языке он используется для образования имен существительных со значением ‘самка животного’. Мы считаем, что прозвища *Буяниха, Тарзаниха, Граммофониха* выполняют не только оценочно-характеризующую, но и символическую функцию, связанную с раскрытием идейно-тематического своеобразия рассказов. Антропонимы указывают на посредственность мышления глупость, узость кругозора обывателей. Например, в рассказе «Ванда Банда» Буяниха, работающая в парикмахерской, сначала предлагает наивной главной героине назвать домашнего кота Чертом, а потом искаженно истолковывает сущность любви: «*Это что-то вроде уродства, – объяснила* ***Буяниха****. – То, без чего ты не можешь обойтись, хотя и хотела бы. Ну, скажем, горб у красавицы*» [1, с. 90]. Ю. Буйда в этой фразе подчеркивает духовную неразвитость, неспособность Буянихи понять переживания ближнего. Мы предполагаем, что источником возникновения данного прозвища являются поведенческие особенности его носителя. Антропоним *Буяниха* образован от глагола с разговорной окраской *буянить* со значением ‘буйствовать, скандалить’ [3, с. 43]. Грубость, невоспитанность, язвительность героини проявляется в эпизоде бракосочетания Ванды Банды с ее возлюбленным. Буяниха позволяет себе насмехаться над счастьем молодоженов, цинично обращая внимание только на выдающиеся внешние данные центрального женского персонажа: *«Ей бы коня в мужья, – проворчала* ***Буяниха****. – Первый раз в жизни вижу лошадь, которая выходит замуж за сено*» [1, с. 94]. Похожим образом реагирует на известие о том, что «вчерашней замарашке» Лизе Столетовой достался предмет обожания всех женщин в городе – фарфоровые туфли – героиня другого рассказа по прозвищу *Граммофониха*. Антропоним семантически связан с однокоренным апеллятивом *граммофон,* что позволяет сделать вывод об обусловленности онима вызывающим поведением персонажа. Ю. Буйда в рассказе «Фарфоровые ноги» указывает на косность мышления Граммофонихи, которая искренне не понимает, что секрет Лизы Столетовой заключается не в молодости, удачливости, а в душевной красоте: *«Эх, если б мне было восемнадцать! – вздохнула* ***Граммофониха****. – Я б тоже... Но что тоже – не сказала*» [1, с. 57]. Отметим, что прозвище ***Тарзаниха***, номинирующее героиню произведения «Ванда Банда», обладает иронической подсветской. Ю. Буйда объясняет причину появления данного онима поведенческими особенностями персонажа.

Героиня предстает замкнутой, нелюдимой: «У *немой* ***Тарзанихи****, получившей прозвище после смерти мужа, когда она принялась раз-другой в месяц забираться на дерево во дворе, чтобы побыть в одиночестве…*» [1, с. 89]. Таким образом, множественные прозвища *Буяниха, Тарзаниха, Граммофониха* можно приравнять к способам создания собирательного образа жителей провинциального городка, охваченных завистью.

Мы обратили внимание, что в рассказах Ю. Буйды из сборника «Прусская невеста» большое количество прозвищ образовано путем онимизации апеллятивов, нередко с негативной коннотацией. Источником возникновения подобных онимов оказываются внешние данные, физические возможности их носителей. Например, в рассказе «Фарфоровые ноги» мотив номинации продавщицы в овощном магазине указан автором: *«****Фигура****, обязанная прозвищем своей совершенно кубической фигуре с кубической грудью и кубическими же ногами, а также тому, что переводила магазинные овощи, картошку да морковь, вырезая из них забавные фигурки»* [1, с. 55]. Лексические повторы, эпитеты подчеркивают грузность героини. Антропоним *Скарлатина*, помещенный в поэтонимосферу произведения «Фаня», связан с однокоренным нарицательным существительным, обозначающим инфекционное острое заболевание горла. Мы предполагаем, что семантическая мотивированность этого прозвища объясняется грубым поведением героини, её язвительностью, черствостью. Скарлатина не в состоянии порадоваться за исстрадавшуюся после смерти детей подругу Фаину, когда та выходит замуж во второй раз: *«Он же слепой, – сказала* ***Скарлатина****. – И моложе ее на двадцать два года»* [1, с. 434]. В данный рассказ Ю. Буйда вводит прозвище *Свинина Ивановна*, номинирующее *«знаменитую на всю округу сводню и знахарку*» [1, с. 434]. Этот антропоним восходит к нарицательному существительному *свинья*, в переносном смысле обозначающему человека, который поступает низко, подло. Кроме того, во многих культурах это животное считается нечистым. Прозвище *Свинина Ивановна* позволяет ярче раскрыть авторские интенции. Ю. Буйда осуждает род деятельности этой героини, ее уподобление животной натуре. Оним создает в сознании читателя образ тяжеловесной женщины с трудным характером, что подкрепляется эпитетами *«грозная», «мятежная».*

В название рассказа «Ванда Банда» вынесено двухкомпонентное прозвище главной героини. В рамках стилистической классификации оно является конвергированным. Ю. Буйда отмечает: «*Одноклассники вскоре поняли, что с* ***Вандой****, получившей прозвище* ***Банда****, лучше не связываться: одним ударом она валила десяток хулиганов*» [1, с. 89]. Внешне пугающая «богатырская» сила становится средством защиты рано осиротевшего центрального персонажа с добрым сердцем от насмешек окружающих. На наш взгляд, прозвище *Банда* построено на приеме метонимии: разрушительное воздействие одного человека уподобляется целой группе людей, что еще раз подчеркивает силу духа Ванды, чья истинная красота скрыта под маской грубости и жестокости.

В рассказе «Химич» нами отмечены случаи появления единичных прозвищ. Они связаны с прецедентными антропонимами. Главного героя этого произведения – Сергея Сергеевича Химича – коллеги предвзято называют *Беликовым* или *Человеком в футляре* за его неуклюжесть, робость: «*Все считали его очень нерешительным человеком, а некоторые вдобавок – **Человеком в футляре**, вроде учителя **Беликова** из чеховского рассказа»* [1, с. 346]. Ю. Буйда вводит в рассказ прецедентное имя *Беликов*, тем самым создавая аллюзию на текст А. П. Чехова «Человек в футляре» (1898 г.). Смысловая перекличка состоит в сходном профессиональном статусе: персонажи обоих произведений являются учителями. Отсылка на претекст выполняет оценочную и стилистическую функцию. Ю. Буйда в завуалированной форме с помощью средств интертекстуальности создает в сознании читателя ассоциации, связанные с замкнутостью, стереотипностью мышления, осторожностью, трусостью Беликова, которые будут присутствовать и у Сергея Сергеевича. Описание поступков запуганного Химича наполнено иронией: *«Опоздать к началу урока или попасть под поезд – эту дилемму он решал ежедневно»* [1, с. 347]. «Футлярность» существования Химича отмечается также с помощью описания интерьера: *«В узкой комнате, уставленной шкафами, стеллажами и столиками, колбами, штативами...»* [1, с. 346]. Загруженность вещами ассоциируется с отсутствием уюта, спокойствия, загнанностью с определенные рамки. Сергей Сергеевич, равно как и Беликов из рассказа А. П. Чехова, становится объектом насмешек. Благодаря такому параллелизму Ю. Буйда создает прием предвосхищающей развязки: с помощью прецедентного онима читатель вспоминает о смерти персонажа из произведения «Человек в футляре», соответственно, начинает предполагать, что жизнь Химича тоже закончится трагически. Прозвище главного героя становится средством языковой и интертекстуальной игры.

В названии рассказа Ю. Буйды «Ева Ева» находит отражение редупликация прозвищного компонента имени собственного главной героини. На прагматическом уровне этот антропоним обладает положительной окраской из-за связи с прецедентным антропонимом. Согласно Ветхому Завету, данное имя принадлежит первой женщине, матери всех живущих на Земле. Мотив преображения жизни, заложенный во внутренней форме антропонима, находит отражение в сюжетной линии рассказа. Неожиданный приезд главной героини прерывает безрадостное существование жителей послевоенного города, помогает ненадолго забыть о горечи утрат, разрушениях: *«Этот исстрадавшийся, скукоженный, обгорелый городишко ожил с появлением **Евы Евы**. Вдруг пышно зацвели яблони и каштаны, вдруг вернулись птицы*» [1, с. 141]. В пейзажной зарисовке Ю. В. Буйда противопоставляет хаосу бытия наступившую гармонию с помощью аллюзии на райский сад (Эдем).

Таким образом, прозвищная номинация активно используется Ю. Буйдой в рассказах из сборника «Прусская невеста» и выполняет

символическую, стилистическую, оценочно-характеризующую функции. Антропонимы, образованные от апеллятивов с негативной коннотацией, актуализируют бинарную оппозицию «обывательская среда – мир мечты», становятся средством языковой игры. Прозвища *Буяниха, Тарзаниха, Граммофониха, Скарлатина, Свинина Ивановна* ярче раскрывают авторские интенции, помогают подсветить такие пороки жителей провинциального городка, как грубость, язвительность. Источниками возникновения большинства прозвищ из рассказов Ю. Буйды становятся поведенческие особенности или внешние данные их носителей.

Литература

1. Буйда, Ю. В. Прусская невеста / Ю. Буйда // роман в рассказах. – М.: Эксмо, 2015. – 704 с.
2. Ковалев, Г. Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике / Г. Ф. Ковалев // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2017. – №3 (26). – С. 10–21.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
4. Прохорова, Т. Г. Книга новелл Юрия Буйды «Прусская невеста»: к вопросу о диалоге славянских и романо-германских литератур / Т. Г. Прохорова // Вестник Марийского государственного университета. –2024. – Т. 18. – №4. – С. 570–577.
5. Робустова, В. В. Функциональная роль прозвищной номинации в литературном произведении / В. В. Робустова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. –2009. – № 4. – С. 126–133.
6. Хасанова, О. О. Анализ и интерпретация художественного текста (на примере рассказа Юрия Буйды «Продавец добра») / О. О. Хасанова // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Славянские чтения-2020», отв. ред. С. В. Минибаева. – Стерлитамак: БашГУ, 2020. – С. 145–150.

И.А. Королёва
Смоленский государственный университет
e-mail: innakor@mail.ru

УДК 81.161.1

К ВОПРОСУ О СТАРЫХ ПРОЗВИЩНЫХ ИМЕНАХ НА РУСИ

Ключевые слова: *ономастика, антропонимика, прорзвищное имя, семантика основы, памятники письменности.*

В статье на примере анализа старых прозвищных имсен, засвидетельствованных в памятниках письменности, с приведением апеллятивной лексики из исторических словарей обращается внимание на различное толкование онимических основ. Подобные разыскания помогают определять семантику фамильных современных основ.

I.A. Koroleva
Smolensk State University

ON THE QUESTION OF OLD NICKNAME NAMES IN RUSSIA

Key words*: onomastics, anthroponymy, nickname, semantics basics, monuments of writing.*

Using the example of the analysis of old nickname names attested in the monuments of writing, with the introduction of appellative vocabulary from historical dictionaries, attention is drawn to the different interpretation of the onymic bases. Such searches help to determine the semantics of family modern foundations.

В X–XI вв. и в последующие времена восточные славяне употребляли для личных названий два вида имен – церковные, календарные, даваемые по святцам, и бытовые, мирские, некрестильные, прозвищные.

Одним из первых в послереволюционный период приступил к изучению состава старых некрестильных прозвищных имен А.М. Селищев. Все слова бытового языка, даваемые древним русичам в виде имен или прозвищ (ученый не разделял эти два антропонимических понятия при описании именований), он попытался расклассифицировать по группам в соответствии с значением основы, мотивируя свою группировку тем фактом, что позднее от этих личных имен и прозвищ образовывались фамилии.

В дальнейшем все исследования антропонимистов по изучению характера семантики прозвищных личных имен и группировки этих имен основываются именно на классификации А.М. Селищева, поэтому мы вкратце ее представим:

1. Группа личных имен и прозвищ, обозначающих обстоятельства появления нового члена семьи: Найден, Ненаш, Ждан, Неждан и пр.;

2. Семейные отношения, порядок и время рождения ребенка: Первой, Вторышка, Меншик, Поздняк и др.;

3. Внешний вид ребенка: Беззуб, Беляй, Вышата, Губарь, Зубастик и т.д.;

4. Свойства характера: Беспута, Брыкун, Веселой, Жадко, Невежа, Озорной и пр.;

5. Социальное и экономическое положение (эта и последующие группы имен давались уже взрослым – имена и прозвища могли сменяться): Селянин, Холоп, Бобыль, Скоробогат и др.;

6. Профессия. Занятия. Должность (далее даются формулировки А.М. Селищева): Жемчужник, Кожемяка, Трубник и пр.;

7. Церковные отношения и элементы: Богомил, Владычка, Игумен и др.;

8. Пришельцы. Место проживания: Новожил, Казанец, Муромец и т.д.:

9. Насмешливые клички: Болван, Дурень, Семихвост и под.;

10. Животные: Баран, Барсук, Бык, Волк, Заяц и пр.:

11. Птицы: Беркут, Воробей, Ворона, Журавль и др.;

12. Насекомые: Блоха, Жук, Змейка и т.д.;

13. Рыбы: Ерш, Лещ, Окунь, Сом и пр.

14. Растения: Арбуз, Береза, Горох, Дуб и др.;

15. Пища: Блин, Борщ, Говядина, Гуща и т.д.:

16. Имена и прозвища по разным предметам: Алмаз, Атлас, Бархат, Башмак, Гвоздь, Доска, Иголка и пр.:

17. Татарские имена: Ахмат, Касим, Кипчак и под.;

18. Имя народа: Варяжко, Гречанин, Казарин и др. (имена выборочно приведены из материалов А.М. Селищева) [1].

Несомненно, в чем-то классификация помогает в исследовании прозвищного именника наших предков, многие единицы которого легли в основу современных фамилий, но мы хотим обратить внимание на те бытовые имена, которые спорны при определении семантики основы и потнесении их к той или иной группе.

Так, например, имя ЧОРНЫЙ (ЧЕРНЫЙ) активно в именнике смолян уже с XIII века: Олекса ЧОРНЫЙ записан в Подтвердительной грамоте 1284 г. Далее мы фиксируем его в смоленских документах из Литовской метрики: Сенка ЧЕРНОИ, крестьянинъ [РИБ-20, 160, 1, 91, 1515 г.], в материалах Ю. Готье начала XVII столетия: Устинка ЧОРНОЙ [Готье, с. 110, 1609 г.] и т.п. К какой группе некрестильных имен и прозвищ отнести его? Обычно это имя, встречавшееся и на других русских территориях, включают в группу имен, указывающих на внешние качества человека (черные волосы и под.). Однако апеллятив *черный* может иметь значение «простой, незнатный» [Срезневский, с. тлб. 1153].

Достаточно активным в смоленских памятниках письменности было имя НЕЕЛ: Михаила НЕЕЛОВ [Готье, с. 2, 1608 г.], НЕЕЛЪ Филипов снъ дворникъ [РГБ, 178, 10978, 16, после 1694 г.] и пр. Семантика апеллятива *неелъ* также может быть различной: 1) голодный, 2) несъедобный [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 11, с. 110]; 3) неудачливый, нерасторопный (ср. *неела* – «неудачный, нерасторопный человек» (слово костромское, ярославское)) [Даль т. 11, с. 518].

Определение значения апеллятива, легшего в основу имени собственного, зачастую спорно в своей мотивированности из-за отдельных временных расхождений.

Так, в Смоленске еще в XV веке жил крестьянин Васка БАСЪ. Прозвищное имя не было редким на Руси: в частности, С.Б. Веселовский в XVI–XVII вв. отмечает несколько родов БАСОВЫХ в Туле, Новгороде, Дмитрове [с. 27].

Однако апеллятив *бас* «звук низкого тона» засвидетельствован в памятниках письменности только в конце XVII века [СлРЯ XI–XVII вв.,

вып.1, с. 6]. Естественно, вполне возможно, что апеллятив существовал и раньше, если он имеет место в составе антропонима. Но есть вероятность, что образовалось личное имя от другого имени нарицательного: в том же словаре приведено прилагательное *баской* «красивый, нарядный», хотя тоже только в источниках XVII века [с. 77]. В современных русских народных говорах известно и существительное *бас* «красота, украшение» (Северо-Запад России) [СРНГ, вып. 2, с. 33]. Именно через диалектизм *бас* объясняет значение прозвищного имени Ю.В. Чайкина, зафиксировавшая его как основу фамилии БАСОВ, выявленную в вологодских памятниках письменности XVII века [с. 11].

Некоторые прозвищные имена вполне могли иметь уже образное переносное значение. Например, у Ю. Готье находим запись: …со Осипком ЛЬГУШКОЮ [с. 110, 1609 г.]. Сам апеллятив *лягушка* в материалах КДРС представлен довольно поздно – лишь в конце XVII века [СлРЯ XI–XVIIвв., вып. 8, с. 349], хотя антропоним свидетельствует о его возможно более раннем бытовании. Среди вологодских фамилий Ю.И. Чайкина отмечает в 1627 г. ЛЯГУШКИНЫХ (ЛЯГУШИНЫХ) и указывает, что *лягушечники* – прозвище вологжан в XIX веке [2, с. 33) [Возможно, однако, что апеллятив имел и переносное значение, которое отражается в современном диалектном слове *лягушка* – «о долговязом, худом, длинноногом человеке» (пермское) [СРНГ. вып. 16, с. 256]. Сходство человека с лягушкой и перенос названия по этому сходству вполне вероятен.

Похоже в объяснении предположительное толкование значения антропонима ЖУРАВЛЬ, который в виде варианта ЖОРАВЛЬ на позиции первого личного имени встретился нам в донесении о побеге из Смоленска под 1609 г.: ЖОРАВЛЬ Синицын [Готье, с. 29].

Апеллятив в двух вариантах – *жоравль* и *журавль* – отмечен в памятниках письменности XVII века (кстати, первый находит отражение в вологодской фамилии ЖАРАВЛЕВ и не известен смоленским говорам, где традиционно лишь смешение О и У) [2, с. 22]. Вполне возможен перенос значения по сходству: *журавль* – «о худом высоком человеке», – который имеет место в современном смоленском диалектном слове *жоравль* [СРНГ, вып. 9, с. 228]

Интересно можно интерпретировать значение прозвищного имени БЫК, достаточно широко распространенного по Руси. БЫК – 1) название домашнего животного, 2) медведь (восточно-сибирское), 3) скала, огромный камень над водой (сибирское) [Даль, т. 1, с. 149.]. Причем в СлРЯ XI–XVII вв. слово *бык* имеет четыре значения: 1) животное, 2) внешний устой для поддержания стен здания (это же значение есть и у Даля), 3) каменный скалистый мыс, 4) стропило [вып. 1, с. 363–364]. В настоящее время в д. Кириллы Рославльского района Смоленской области мы засвидетельствовали бытование интересного прозвища БЫК – «о человеке твердом и надежном, но упорном и несговорчивом»; как нам кажется, приведенное толкование современного прозвища основано на общности сем «твердый»

и «упорный», имеющих место в расширенном семантическом поле старой лексемы.

Приведенные заметки показывают, как трудно однозначно квалифицировать значения многих старых прозвищных имен: весьма часто на разных.

Литература

1. Селищев, А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // А.М. Селищев. Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 97–128 (перепечатка работы 1948 года).

2. Чайкина, Ю.И. История вологодских фамилий. Учебное пособие. / Ю.И. Чайкина – Вологда: ВГПИ, 1989.

Источники и их сокращения

1. Веселовский – Веселовский С.Б. Ономастикон. – М., 1974.
2. Готье – Памятники обороны Смоленска 1609-1611гг., собранные и изданные Ю.В. Готье. – М., 1912.
3. Даль – Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-1У. – М., 1956.
4. Подтвердительная грамота 1284 г.– Смоленские грамоты XIII–XIVвв. – М., 1963.
5. РГБ, ф. 178 – Смоленские челобитные, Российская государственная библиотека.
6. РИБ-20 – Литовская метрика. – Т. 1. – Отд. 1. – Ч. 2. – Русская историческая библиотека. – Т. 20. – Спб, 1903.
7. СлРЯ XI–XVIIвв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1-… – М., 1974 – …
8. Срезневский – Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1-111. – СПб., 1893–1903.
9. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1-… – Л., 1965 – …

Л.А. Краснова
Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова
stragella@gmail.com

УДК 80

ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМОВ-ФИТОНИМОВ НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *эргоним, фитоним, детское дошкольное образовательное учреждение, семантическая классификация, символизм, диминутив.*

В статье рассматриваются особенности названий государственных детских садов Ульяновской области, в основе которых лежат фитонимы. Основное внимание уделено символическому значению растений и использованию уменьшительно-ласкательных форм-диминутивов. Также в статье предпринимается попытка объяснить выбор названий номинаторами.

L.A. Krasnova
Ulyanovsk State Teacher Training University named after I.N. Ulyanov

SPECIFIC FEATURES OF PHYTONYMICAL ERGONYMS BASED ON THE NAME EXAMPLES OF PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE ULYANOVSK REGION

Key words: *ergonym, phytonym, preschool educational institution, semantic classification, symbolism, diminutive.*

The article examines the name features of state kindergartens in the Ulyanovsk region, which are based on phytonyms. The main attention is paid to the symbolic meaning of plants and the use of diminutive forms. The attempt to explain the choice of names by the nominators is made in the article.

Современное городское пространство не обходится без номинации различных предприятий, организаций и объектов, являющихся предметом научных изысканий в ономастике. Одним из ее активно развивающихся направлений стала эргонимия – дисциплина, направленная на изучение истории, принципов и способов образования, а также функционирования эргонимов – «деловых объединений людей» [11, с. 166] – в маркетинговой, общественной или идейной сферах [6, с. 189].

Настоящая статья посвящена эргонимам общественной сферы – названиям государственных и муниципальных образовательных учреждений для детей дошкольного возраста Ульяновской области. Данный выбор обусловлен тем, что в настоящее время сформирована сеть учебных заведений, гарантирующая получение актуального образования, физического и духовного развития подрастающим поколением. Согласно постановлению об утверждении государственной программы «Развитие и модернизация образования в Ульяновской области», на территории региона функционируют 394 государственные и муниципальные образовательные организации, осуществляющие образовательную деятельность по программам дошкольного образования [16].

Для идентификации учебных организаций в ономастическом пространстве города используются вывески-примитивные тексты для передачи сжатого акта коммуникации, в рамках которого предлагаются определенные услуги. Вывеска состоит из идентифицирующего (обозначает тип учреждения), квалифицирующего (определяет профиль организации) и дифференцирующего (индивидуальное название объекта) компонентов [9, с. 52–53]. Так, любое официальное название образовательной организации отличает набор стандартных компонентов – указание типа учреждения (например, *МАДОУ – муниципальное автономное дошкольное образовательное учреждение, МБДОУ – муниципальное бюджетное дошкольное образовательное*

учреждение) и его номер по зарегистрированному списку, однако, помимо числового способа индивидуализации дошкольного учреждения, активно используется и словесный. Для привлечения внимания потенциальных потребителей образовательных услуг – детей дошкольного возраста и их родителей – номинаторы выбирают благозвучные названия, содержащие положительные коннотации и легко узнаваемые образы. В процессе номинации постоянно взаимодействуют «объективные (объект номинации, стереотипы восприятия и мышления, языковые традиции) и субъективные (запас представлений памяти, ассоциаций, симпатий и антипатий номинатора, его способности и отношения к номинативной деятельности) компоненты» [2, с. 226].

Для полноценного интеллектуального и духовного развития дошкольнику необходимо взаимодействовать с природой. Растения и животные становятся не только объектами изучения, но и частью эмоционального опыта, способствуя формированию бережного отношения к окружающему миру. Наше внимание привлекли эргонимы, образованные от фитонимов – отдельных наименований таких растительных реалий как деревья, кустарники, травы, цветы, ягоды, плоды и проч. [3, с. 5]. Разнообразие государственных и муниципальных дошкольных образовательных учреждений Ульяновской области позволило отобрать методом сплошной выборки 65 эргонимов-фитонимов с целью их мотивационного и лексико-семантического анализа.

Семантическая классификация исследуемых эргонимов позволила выделить следующие группы номинаций, в составе которых есть такие элементы лексико-семантических полей (ЛСП), как:

1. деревья (28 названий): *«Березка» (8),* «*Рябинка» (5) и «Рябинушка» (3), «Яблонька» (3), «Елочка» (3), «Ивушка» (2), «Черемушки» (1) и «Черемушка» (1), «Сосенка» (1), «Дубочек» (1);*
2. цветы (15 названий): *«Василек» (4), «Колокольчик» (3), «Незабудка» (3), «Ромашка» (3), «Гвоздика» (1), «Семицветик» (1);*
3. злаковые (соцветия, зерно; 9 названий): *«Колосок» (8), «Зернышко» (1);*
4. плоды и ягоды (7 названий): *«Ягодка» (5), «Земляничка» (2);*
5. кустарники и полукустарники (1 название): *«Малинка»;*
6. травянистые растения (3 названия): *«Одуванчик»;*
7. места (1 название): *«Земляничная поляна»;*
8. антропонимы (1 название): *«Гульчачак».*

Большинству отобранных эргонимов-фитонимов свойственна диминутивация – процесс образования слов с помощью уменьшительно-ласкательных аффиксов для придания эмоционально-оценочной окраски [7, с. 13; 4, с. 22]. Данный прием активно применяется в нейминге дошкольных учебных организаций с целью оказания воздействия на эмоциональную составляющую отношений родителей и их детей, а также

формирования в детском восприятии некой «безопасной зоны», в которой для ребенка нет угрозы.

Наиболее распространенным способом морфологического выражения субъективной эмотивности в названиях детских садов является суффиксация, т.к. при помощи определенных суффиксов не только придаются различные оттенки значения словам – выражение ласки или сочувствия, пренебрежения или презрения, уничижения или иронии, – но и указывается реальное уменьшение или увеличение называемого объекта [12, с. 478–479]. Так, например, встречаются суффиксы *-к-, -ик-, -ок-, -ушк-, -ышк-, -оч(к), -оч(ек)-, -ич(к)-, -чик-*, указывающие на маленький размер растения, ласковое и трепетное отношение к нему: *«Березка», «Рябинка», «Яблонька», «Сосенка», «Ягодка», «Малинка», «Семицветик», «Колосок», «Рябинушка», «Ивушка», «Черемушки», «Черемушка», «Зернышко», «Елочка», «Дубочек», «Земляничка», «Колокольчик»*.

Мы предприняли попытку обосновать мотивацию значений исследуемых названий дошкольных образовательных организаций с точки зрения символизма растений.

Наиболее распространенными фитонимами, лежащими в основе эргонимов ЛСП «Деревья» являются береза и рябина. Согласно «Словарю символов» Джека Тресиддера, береза способна отгонять злых духов, а также символизирует весну – начало жизни [19]. В России широко воспевается в поэзии и прозе, музыке и фольклоре как неофициальный символ Родины. Наряду с березой рябина также является поэтическим символом России. Растение символизирует мудрость и стойкость, является оберегом от злых сил, а его ветви ассоциируются с материнской заботой [18]. Яблоня, как одно из самых популярных деревьев в славянском фольклоре, часто соотносится с комплексом положительных значений: ростом, плодородием, здоровьем, красотой, др. Будучи «женским» и плодовым деревом, яблоня может быть символом матери и ребенка [1, с. 288]. Символика ели же, напротив, весьма противоречива: с одной стороны, дерево является символом вечной жизни и возрождения, а с другой – местом обитания нечистой силы [14]. Похожее значение имеет фитоним «сосна». Стоит отметить, что понятие «ель», используемое в названиях детских образовательных учреждений, можно рассматривать как отсылку к детским новогодним песням о вечнозеленых растениях, дарящих радостное ощущение грядущего праздника – Нового года. Символизм ивы двулик и носит религиозный характер: с одной стороны, это знак веры, целомудрия, возрождения, непоколебимости, а с другой – дерево плача [19]. Однако, в детских сказках ива часто наделена могущественной силой и призвана помогать героям, выполняя защитную функцию. Кроме того, дерево может являться олицетворением дружбы, мира и красоты. Черемуха считается символом жизнелюбия, молодости, любви и чистоты [15], а дуб является знаком мужества, выносливости и здоровья. Во многих сказках дубовые деревья

являются местами, куда главные герои приходят за советом: само дерево, либо мудрец под ним помогают найти решение возникшей проблемы.

Эргонимы-фитонимы ЛСП «Цветы» являются второй по величине группой популярных номинаций дошкольных учебных заведений. Наиболее частотными флористическими образами, вошедшими в состав городских онимов, стали такие полевые цветы, как василек, колокольчик, незабудка и ромашка. Образ василька, овеянный глубокой романтикой, порождает ностальгические чувства относительно детства и Родины: это символ чистоты и невинности, простой, неприхотливой, гармоничной жизни на природе [10, с. 110–111]. Колокольчик может символизировать нежную и чистую красоту, свежесть; форма его цветов напоминает уменьшенные колокола [10, с. 108], вследствие чего можно провести звуковую аналогию с детским лепетом или смехом. Произошедший от императива «не забудь» цветок незабудки в сказках и мифах возвращает память тем, кто начинает забывать своих близких или свою родину [13]. Образ ромашки является символом Родины и любви (при помощи цветка часто гадают) [8, с. 128–129]. Символизм гвоздики весьма разнообразен и во многом зависит от ее цвета: красные цветы могут означать пролитую кровь, скорбь и патриотизм, розовые – материнскую любовь и привязанность. В христианстве гвоздика ассоциируется с Девой Марией и олицетворяет любовь, жертвенность, верность [17]. Эргоним «Семицветик» можно отнести к узнаваемым детьми мифофитонимам, т.к. обозначает растение из сказки В. Катаева «Цветик-Семицветик», в которой главная героиня отрывает лепестки одноименного цветка для исполнения желаний.

Среди фитонимов ЛСП «Злаковые» были выделены два наименования, обозначающие колос и зерно. Оба понятия прочно ассоциируются с рождением и постоянным обновлением, где колос подобен материнской утробе, а зерно – новой жизни [5, с. 52]. Примечательно, что чаще всего эргонимы «Колосок» и «Зернышко» встречаются в наименованиях детских садов сельской местности.

Фитонимы, вошедшие в ЛСП «Плоды и ягоды», «Кустарники и полукустарники», «Травянистые растения», «Места» также немногочисленны. Так, любые ягоды представляются не только вкусным и полезным лакомством, но и являются символом трудолюбия, ведь сбор плодов требует определенных навыков и сил. Фитоним «малина» в детских сказках часто обозначает хорошую и сладкую жизнь, а «одуванчик» – способность расти, приближаясь к небу [8, с. 131]. Фитоним-место «Земляничная поляна» ассоциируется с волшебством и чудом согласно одноименной сказке П.П. Бажова, в которой хозяин леса приходит на помощь главной героине и помогает собрать ягоды зимой.

Особняком стоит фитоантропоним «Гульчачак» – это женское имя тюркского происхождения, обозначающее цветок, распустившуюся розу, либо цветущую, красивую ветку. Также существует одноименная народная татарская сказка о доброй, искренней девочке, столкнувшейся с происками

старой ведьмы. В качестве эргонима «Гульчачак» встречается лишь единожды в Старокулаткинском районе Ульяновской области, где преимущественно проживают татары, поэтому выбор номинации может быть обусловлен национальными и культурными особенностями.

Итак, анализ эргонимов-названий детских садов, в основе которых лежат флористические образы, показал, что подобные номинации воспитывают у дошкольников чувство прекрасного, создают атмосферу уюта и безопасности, учат гордиться Родиной, знакомят со сказочными реалиями. Диминутивация, характерная для большинства названий, служит для выражения нежности, обозначения небольшого размера, что создает ощущение доверия между адресатом и номинатором. Кроме того, эргонимы-фитонимы создают запоминающийся образ образовательного учреждения, формируя его положительный имидж, что особенно важно в условиях высокой конкуренции на рынке образовательных услуг.

Литература

1. Агапкина, Т. А. Символика деревьев в фольклоре и традиционной культуре славян: яблоня // Studia Litterarum. 2017. № 1. С. 284–301
2. Алистанова, Ф. Ф. Функции эргонимов в ономастическом пространстве города // Современный ученый. 2019. № 2. С. 219–223.
3. Аникина, Т. В. Словообразовательная структура фитонимической лексики в английском и русском языках // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, № 4. С. 3–13.
4. Васильева, А. В., Резанова З. И. Эмоциональность диминутива: соотношение с оценочностью, частотностью, возрастом усвоения, контекстуальной маркированностью // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 445. – С. 22–31.
5. Гринберг, С. А. Символические образы колоса, зерна, ржи и хлеба как воплощение поэтической концепции бытия белорусов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 4. С. 52–56.
6. Захарова-Саровская, М. В. К вопросу об эргонимии // Вестник КемГУ. 2018. № 3(75). С. 187–191.
7. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Ж. Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев. Российская академия наук: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. – 54 с.
8. Кушнир, К.И. Ромашка, василек и одуванчик как фитонимические репрезентанты образа малой родины в лирике В.А. Солоухина // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. № 1. С. 125–131.
9. Михайлюкова, Н. В. Тексты вывесок как особый малый письменный жанр в коммуникативном пространстве города (на материале языка г. Владивостока) // Вестник Челябинского государственного ун-та. 2017. № 3(399). Филологические науки. Вып. 105. С. 51–58.
10. Огольцева, Е.В. Васильки и колокольчики в русской языковой картине мира // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 4(52). С. 104–117.
11. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
12. Розенталь, Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

Источники

13. Глазырина, Г. Незабудка / Г. Глазырина [Электронный ресурс] // ВО!круг книг: блог центральной библиотеки им. А.С. Пушкина и библиотек Челябинска : [сайт]. – URL: https://vokrugknig.blogspot.com/2017/07/blog-post_2.html (дата обращения: 22.04.2025).

14. Жамьянова, А. 3 магических дерева: елка, дуб, береза. Уроки травологии от наших предков / А. Жамьянова [Электронный ресурс] // МИФ: [сайт]. – URL: https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2023/12/08/3-magicheskix-dereva-elka-dub-bereza-uroki-travologii-ot-nashix-predkov/ (дата обращения: 23.04.2025).

15. Кулакова, Е. Белая черемуха – чистая любовь / Е. Кулакова [Электронный ресурс] // Крестьянская Русь: общественно-политический и сельскохозяйственный еженедельник : [сайт]. – URL: https://kr-pressa.ru/rubriki/nashi-istoki/belaya-cherjomukha-chistaya-lyubov (дата обращения: 22.04.2025).

16. Постановление об утверждении государственной программы Ульяновской области «Развитие и модернизация образования в Ульяновской области» / [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс : [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/407038037 (дата обращения: 20.04.2025).

17. Символика гвоздик в разных культурах / [Электронный ресурс] // 7 Цветов : [сайт]. – URL: https://www.7flowers.ru/blog/simvolika-gvozdik-v-raznykh-kulturakh/ (дата обращения: 22.04.2025).

18. Словарь символов / [Электронный ресурс] // https://rus-simvol-dict.slovaronline.com/ : [сайт]. – URL: (дата обращения: 24.04.2025).

19. Тресиддер Д. Словарь символов / Д. Тресиддер [Электронный ресурс] // Вологодская областная универсальная научная библиотека : [сайт]. – URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/ (дата обращения: 24.04.2025).

Т.Н. Крученкова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: tatyanakruchenkova@yandex.by

УДК 82-1

АНТРОПОНИМЫ В ПОЭЗИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Ключевые слова: *антропоним, античность, постмодернизм, образ, поэзия.*

В статье исследуются антропонимы в поэтических текстах постмодернизма. Выявлены особенности античных образов в творческом переосмыслении И. Бродского. Современное толкование поэтических текстов Бродского в контексте античности может расширить границы понимания художественной модели мира поэтов-постмодернистов в целом, а также поможет в понимании восприятия отдельным поэтом литературной и культурной традиций классической древности. Изучены мифологемы, проанализированы образы героев античной мифологии, представленные в поэзии И. Бродского, в качестве прототипов лирического героя современности.

T.N. Kruchenkova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

ANTHROPONYMS IN POSTMODERN POETRY

Key words: *anthroponym, antiquity, postmodernism, image, poetry.*

The article explores anthroponyms in the poetic texts of postmodernism. The features of ancient images in the creative reinterpretation of I. Brodsky are revealed. A modern interpretation of Brodsky's poetic texts in the context of antiquity can expand the boundaries of understanding the artistic model of the world of postmodern poets as a whole, and also help in understanding the perception of an individual poet of literary and cultural traditions of classical antiquity. Mythologemes are studied, the images of the heroes of ancient mythology presented in poetry are analyzed. Brodsky, as prototypes of the lyrical hero of our time.

Характерной чертой поэзии постмодернизма является прием объединения в одном произведении образов, мотивов и стилей, заимствованных из разных эпох. Постмодернисты используют символику древних культур, аллегорический язык классики. В творческом наследии И. Бродского присутствует множество античных и мифологических образов (антропонимов). Они исполнены эстетического совершенства, философской углубленности и жизненной полноты. Античные традиции – это философия, история, и прежде всего литература, которая является для Бродского основой поэтического мира. В своем стихотворении «Одной поэтессе» Бродский пишет: «я заражен нормальным классицизмом», позиционируя себя как поэта-традиционалиста. Поэт считал, что «античности присущ прямой – без посредников – взгляд на мир» [2, с. 241]. И. Бродский продолжает традиции русской антологической лирики. Ее характерной чертой является стремление внести античный дух в описываемое явление и тем самым воссоздать мироощущение античной эпохи. Однако, в отличие от русских классиков (А. С. Пушкин), у Бродского своя концепция античного мироощущения, полная трагизма, печали и безысходности.

Поэт использует мифологические образы (*левиафаны*, *сирены, музы, витязь*) не просто чтобы «украсить» свои произведения. Эти образы несут в себе особый заряд духовности. Как писал сам поэт о своем пристрастии к традициям древнегреческой и древнеримской поэзии: «дело не в архетипичности мифов или даже конкретных исторических ситуациях, дело в более непосредственно выраженной правде о человеке и о мире» [2, с. 264]. Поэт считает, что в современном искусстве все образы являются подобием древних. Обращаясь к античным персонажам, Бродский пытается вернуться

к истокам, выйти из-под власти своего времени. Античные традиции занимают в творчестве Бродского значительное место. В стихотворениях поэта насчитывается более 70 антропонимов. Поэт восхищается талантом и остроумием античных мыслителей. В своем стихотворении «Письмо в бутылке» поэт использует античные антропонимы и мифонимы:

Прощай, Эдисон, повредивший ночь.
Прощай, Фарадей, Архимед и проч.

Каждая последующая строка стихотворения Бродского усиливает ощущение грусти и душевных переживаний лирического героя. Это стихотворение поэт написал в 1964, когда его арестовали и обвинили в тунеядстве. Он был приговорен к пяти годам принудительного труда и сослан в деревню Норенская Архангельской области. Однако больше суда, клеветы и унижения мысли поэта занимала измена возлюбленной Марины Басмановой. Все чувства автора переданы в этом большом стихотворении. Каждая строка полна трагизма и страданий. Бродский написал стихотворение «Письмо в бутылке» с посвящением М.Б., с подзаголовком «Entertainment for Mary» («Развлечение для Мэри»). Поэт очень проникновенно выразил свои чувства через образ лирического героя, погибающего в море. В этом лирическом произведении даже заглавие несет в себе глубокий смысл. Бутылочная почта с древних времен использовалась для отправки сообщений адресату. В художественных произведениях часто встречается этот феномен, например, у Жюля Верна «Дети капитана Гранта», Эдгара По «Рукопись, найденная в бутылке», Говарда Лавкрафта «Маленькая стеклянная бутылка», герои находят таинственное послание в бутылке, плавающей в море. Бродский написал письмо-признание, которое можно как предсмертное послание. Это лирическое стихотворение о судьбе героя, несчастной любви и смерти. Несовместимые темы в одном произведении, которые можно назвать историей жизни поэта. Каждое слово и образ у Бродского очень символичны. Курс корабля сравним с курсом человеческой жизни. Погибающий на корабле моряк является прообразом самого поэта, столкнувшегося с непростыми жизненными испытаниями. Говоря о человеческой природе, Бродский подчеркивает ее несовершенство:

А тот, кто – по Цельсию – спит в тепле,
под балдахином и в полный рост,
с цезием в пятке (верней, в сопле),
пинает носком покрывало звезд.

У каждого есть свой изъян, разрушающий сущность человека изнутри, как радиоактивный цезий. Этот метафоричный образ отсылает читателя к античному мифу об Ахиллесовой пяте, уязвимом месте.

Герой Бродского прощается с великими учеными, изобретателями поочередно, таким образом, усиливая чувство неизбежности человеческого

бытия и одновременно отчаяния лирического героя. Через рассуждения поэта о великих открытиях (*Альберт Эйнштейн, мудрец)* и шедеврах литературы (*Ваше сиятельство, граф Толстой)* к читателю приходит осознание неизбежности гибели героя.

В стихотворении «То не Муза воды набирает в рот» (1980) поэт использует античный эпический зачин, используя мифоним «Муза»:

То не Муза воды набирает в рот.
То, должно, крепкий сон молодца берет.
И махнувшая вслед голубым платком
наезжает на грудь паровым катком.

Иронический образ Музы подчеркивается стилистически маркированным фразеологизмом «набрать в рот воды». По-другому поэт обращается к Музам в цикле «Новые стансы к Августе» (1964), называя их по именам и различая между собой. Муза лирической поэзии Эвтерпа впервые появляется в лирике Бродского. Позже более часто встречаются имена Клио и Урании, и поэт описывает их портреты.

Античная культура и философия являлись для поэта не только образцом, но и основой его мироощущения. Мифонимы встречаются уже в ранней лирике И. Бродского. Поэт использует простое упоминание имени бога, мифологического героя (Аполлона, Нарцисса, Музы) или античного образа для сравнения той или иной ситуации, описываемой поэтом. Так, например, упоминая богиню и покровительницу искусств и наук Музу в стихотворении «Другу-стихотворцу» (1963) и образ богини вдохновения Камены в стихотворении «Осенний вечер, Якобы с Каменой…» (1974), читателю становится очевидной идея поэта о бесконечности человеческого существования. А в стихотворении «На смерть Т.С. Элиота» (1965) Бродский использует антропонимы для описания определенной ситуации. Образ *Нарцисса* и *семейство Муз*, например, Бродский использует при упоминании о сочиненной А.С. Пушкиным родословной рифмы:

Наследство дней не упрекнет в банкротстве
семейство Муз. При всем своем сиротстве,
поэзия основана на сходстве
бегущих вдаль однообразных дней.
Плеснув в зрачке и растворившись в лимфе,
она сродни лишь эолийской нимфе,
как друг Нарцисс. Но в календарной рифме
она другим наверняка видней.

В ранней лирике И. Бродского встречаются поэтические тексты, которые с античностью перекликаются только своей формой. Например, в стихотворении «Большая элегия Джону Донну» (1963), поэт размышляет о человеке между жизнью и смертью, о разладе героя с самим собой,

приводящем к смерти. Выбранная форма изложения в духе античной поэмы оказывается очень удачной.

В поздней лирике Бродский шире использует античные традиции. Однако используемые поэтом антропонимы служат не только для сравнения, «украшения» текста или выражения чувств автора, а становятся частью его поэтической системы в решении философских проблем.

В 1967 г. Бродский написал стихотворение «По дороге на Скирос. В нем поэт берет за основу миф о Тезее и Ариадне. Бродский использовал в своем стихотворении торжественную, в духе античности лексику (*долг смертных, двуострый меч ликующие толпы)*. Этот прием помог автору выразить чувство утраты, ставшее затем одним из ключевых трагических мотивов всего его творчества:

Я покидаю город, как Тезей –
свой Лабиринт, оставив Минотавра
смердеть, а Ариадну – ворковать
в объятьях Вакха.

В творчестве И. Бродского можно отметить глубоко осмысленное понимание античных проблем, описанных древними авторами. Поэт очень точно понимает вечные проблемы человеческого существования, заложенные в античности и дошедшие до современности. В своих поэтических текстах Бродский часто вступает в диалог с античными героями, использует антропонимы и мифонимы для выражения собственных размышлений о литературе и искусстве, о судьбе человека, о жизни и смерти. У И. Бродского был особый взгляд на мир. Что-то подобное можно найти только у античных авторов. В одном из интервью поэт говорит об этом: «Античности присущ прямой – без посредников – взгляд на мир: взгляд, никакой оптикой не вооруженный…» [3, с. 241].

Поэт воспевал не только античную литературу, но и ее культуру, историю и философию. В творчестве поэта можно обнаружить достаточно много строчек, где он выражает свое восхищение античной архитектурой. Например, в стихотворении «Римские элегии» (1981) поэт упоминает о древнем театре Колизей. Этот образ помогает читателю оценить душевное состояние самого поэта:

Я, хватаясь рукою за грудь,
поодаль считаю с прожитой жизни сдачу.
И как книга, раскрытая сразу на всех страницах,
лавр шелестит на выжженной балюстраде.
И Колизей – точно череп Аргуса, в чьих глазницах
облака проплывают как память о бывшем стаде.

В «античных» текстах Бродского преобладают мифонимы, с помощью которых поэт осмысляет место человека в жизни, в том числе и свое место. Читатель видит своеобразных «двойников» лирического героя

Бродского (*Гефест, Ахиллес, Архимед, Улисс, аргонавт, кентавр, витязь*). Исследователь Е.В. Мищенко считает, что «лирический герой является выразителем античного взгляда на мир, однако сам не маркирован именем античного персонажа» [5, с. 125].

Особенностью антропонимов И. Бродского является то, что поэт обращался к античным событиям и образам, связанным с событиями или размышлениями настоящего для поэта времени. Например, в стихотворении «Одиссей Телемаку» (1972):

И все-таки ведущая домой
дорога оказалась слишком длинной,
как будто Посейдон, пока мы там
теряли время, растянул пространство.

Дорогой, которую описывает Бродский, была его изгнание из страны. Поэту пришлось оставить родителей, возлюбленную и сына. С помощью этих антропонимов Бродский выразил образ человека-изгнанника.

Особенностью употребления антропонимов и античных традиций у И. Бродского является то, что через душевное состояние своего лирического героя автор соотносит античную культуру с современностью. Формы обращения к античности у И. Бродского разнообразны.

Среди часто встречающихся у Бродского мифонимов следует отметить *Музу, Аполлона, Нарцисса, Лету, нимфу*. Одним из центральных античных образов в поэтических текстах поэта является древнегреческий образ Одиссея (*Улисс*).

Исследовав поэтические тексты поэта-постмодерниста И. Бродского, можно сделать вывод о том, что использование антропонимов и мифонимов, как опоры на авторитетный опыт классической древности, является для поэта фоном для осмысления собственной жизненной судьбы, собственного места в этом мире. Используя античные образы в своих произведениях, поэт выдвигает идею о несовершенстве современного мира.

Литература

1. Бродский, И.А. Сочинения: Стихотворения. Эссе / И.А. Бродский. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – 832 с.

2. Бродский, И.А. Книга интервью / И.А. Бродский, сост. В. – М.: Захаров, 2011. – 783 с.

3. Гордин, Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского / Я. Гордин. – М.: Время, 2010. – С. 144.

4. Ковалева, И.И. Одиссей и Никто: Об одном античном мотиве в поэзии И. Бродского / И.И. Ковалева // Старое литературное обозрение. – 2001. – № 2. – С. 144–149.

5. Мищенко, Е.В. «Античный текст» И.А. Бродского: функции античных образов в поэтической системе Бродского (на примере образа Улисса) / Е.В. Мищенко. – Филология и человек. – 2009 – № 2 – С. 123–130.

П.А. Кулишова, П.М. Кришнева
ФГБОУ ВО «Смоленская государственная сельскохозяйственная академия»
e-mail: krishnyeva@gmail.com
Научный руководитель: А.Н. Соловьев,
кандидат филологических наук, доцент

УДК 81.373.211.5

АТРИБУТИВНЫЕ УРБАНОНИМЫ СВЕТЛОГОРСКА (КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Ключевые слова: *урбаноним, ономастика, атрибутивные названия, имена-пожелания, Калининградская область*.

В статье рассматриваются атрибутивные урбаноинимы Светлогорска (Калининградская область). Мы выделили 6 семантических группп подобных названий. Среди атрибутивных урбанонимов наиболее распространенными оказались «ботанические» названия, имена-пожелания и онимы, связанные с особенностями объекта. А вот доля советских идеологических названий оказалась существенно ниже, чем в других российских городах.

P.A Kulishova, P.M. Krishneva
Smolensk State Agricultural Academy

ATTRIBUTIVE URBANONYMS OF SVETLOGORSK (KALININGRAD REGION)

Key words: *urbanonym, onomastica, attributive names, suggestive names, Kaliningrad region.*

The article discusses the attributes of Svetlogorsk (Kaliningrad region). We have identified 6 semantic groups of such names. Among the attributive urbanonyms, the most common were the "botanical" names, the names-wishes (or suggestive names) and the onims associated with the characteristics of the object. But the share of Soviet ideological names was significantly lower than in other Russian cities.

В настоящее время на территории постсоветского пространства находятся два города под названием Светлогорск: в Гомельской области и в Калиниградской. Наша статья посвящена исследованию современных урбанонимов российского города. Это родной город одного из авторов статьи.

Первоначально данное поселение было прусской рыбацкой деревней, она известна с XIII века. Деревня называлась Рузе-Мотер (в переводе с прусского «край погребов». Позднее рыцари Тевтонского ордена переименовали это место в Раушен. Данный топоним происходит от немецкого глагола «шуметь, шелестеть» и видимо обязан появлением шуму прибоя Балтийского моря. С начала XIX века Раушен стал развиваться как морской климатический курорт и получил статус города. После Великой Отечественной войны Восточная Пруссия была разделена между СССР и Польшей, Раушен вошел в состав образованной на советской части региона Калининградской области. На новой территории прошла волна переименований, город Раушен в 1947 году стал Светлогорском [3]. Название должно было символизировать светлое будущее города, интересно, что в 1960-е такое же название с подобной мотивацией получил белорусский поселок Шатилки. Помимо названия в Раушене, как и в других городах области, были переименованы все урбанонимы (внутригородские названия). В задачи нашей статьи не входит изучение аспектов этого процесса, мы сосредоточимся на рассмотрении современного среза урбанонимии.

Источником наших наблюдений послужила официальная база Классификатора адресов России [2]. Всего мы зафиксировали 153 официальных урбанонима. Мы ограничимся анализом одного из структурных типов названий улиц Светлогорска, атрибутивного. К данному типу относятся урбанонимы с именем прилагательным в качестве проприальной части. Классификация структурно-грамматических типов внутригородских названий была предложена А.М. Мезенко [1, 24–26]. Атрибутивные названия – это самый многочисленный пласт светлогорской урбанонимии. К нему относится 108 названий (примерно 71% от общего количества онимов). Помимо этого типа в городе присутствуют генитивные названия и несколько сложных конструкций.

Все атрибутивные названия Светлогорска мы разделили на 6 семантических групп. Четыре из них достаточно обычны, встречаются практически во всех городах на постсоветского пространства, а две являются редкими для российской урбанонимии.

К первой группе мы отнесем названия, связанные по происхождению с каким-либо городским объектом или организацией. Таких онимов в Светлогорске 15. Первоначально в России эта модель использовалась для обозначения улиц по храмам, подобные названия были весьма частотны до революции. В Светлогорске есть **Вознесенская улица**, однако это новый оним 1990-х годов, что не удивительно, если принимать во внимание историю города. Поселение используется для рекреации, это получило отражение в названиях **улиц Курортная, Санаторная, Дачная**. Помимо этого значимыми для номинации являются железная дорога, почта, аптека, парк, стадион и коммунальные службы (**улицы Железнодорожная,**

Вокзальная, Станционная, Почтовая, Аптечная, Парковая, Спортивная и Коммунальная).

Ко второй группе относятся атрибутивные урбанонимы оттпонимического происхождения (13 названий). Чаще всего этот тип используется для обозначения улиц, ведущих в какой-либо город. В Светлогорске существуют **Калининградский проспект и шоссе,** они действительно связывают город с областным центром. Однако в ряде случаев использование города для номинации просто обозначает его важность для государства (**улицы Московская, Ленинградская). Тюменская улица и Сибирский переулок**, скорее всего, названы по дивизиям, участвовавшим в боях за город. **Отрадная улица** получила имя в честь поселка, вошедшего в городскую черту. Гидронимия представлена Балтийским морем (**Балтийская улица, Прибалтийский переулок**) и Тихим озером. Озеро в районе Светлогорска одно, поэтому сам гидроним в названия **Озерных улицы, переулка и проезда** не входит.

К третьей группе относятся атрибутивные урбанонимы, связанные по происхождению с особенностями улицы или переулка, например, с характером проезжей части, размером или расположением (23 названия). Мотивом номинации может служить рельеф (**улицы Подгорная, Косогорная**). **Улицы Береговая, Приморская и Морской бульвар** указывают на близость моря, **Заречная** расположена за рекой. **Центральная площадь** действительно является центральной в городе, **Северный проезд и Южная улица** указывают на стороны света. **Окружная, Пригородная, Хуторская улицы** расположены на окраинах города. Происхождения ряда урбанонимов связано с формой или размером объекта (**Кольцевая улица, Малый переулок**).

Четвертая группа атрибутивных названий семантически восходит к различным значимым советским идеологическим понятиям и символам (11 онимов). Часть из них связаны с революцией и революционными праздниками: **Советская, Октябрьская, Первомайская улицы**. Значимость отдельных слоев населения подчеркивали названия **улиц Молодежная, Студенческая, Пионерская и Комсомольского переулка**. Три переулка посвящены памяти о событиях Великой Отечественной войны (**Гвардейский, Красноармейский и Партизанский**). Обычно эта группа бывает более частотной, однако во время волны переименований в 1920-е годы город еще не находился в составе России.

К пятой группе мы отнесли атрибутивные названия-пожелания (24 онима). Кратко их смысл можно сформулировать так. Название сообщает жителям и гостям города: «Пусть эта улица, этот переулок будут такими!» Большая часть подобных имен красивы и благожелательно воспринимаются (**улицы Добрая, Мирная, Солнечная, Светлая, Радужная, Счастливая, Живописный и Звездный переулки**). Названия **улиц Вешняя, Майская и Летнего переулка** отсылают к временам года. Жители

Прохладной улицы вероятно будут наслаждаться приятной прохладой, а **Прозрачного переулка** – особой чистотой воздуха. Из необычных названий этой группы можно отметить **Хрустальную улицу, Золотой и Изумрудный переулки**. Добывающая промышленность в Светлогорске отсутствует, поэтому данные названия можно трактовать как пожелания. Интересно, что мы не обнаружили в городе названий, связанных с янтарем.

Последнюю группу названий можно было бы включить в состав третьей, однако эта группа является самой частотной в городе среди всех атрибутивных моделей (31 оним). Это так называемые «ботанические» имена в честь отдельных растений или иных растительных реалий. Вероятно, часть этих урбанонимов являются кальками прежних немецких названий улиц. В городах восточной и центральной Европы данный тип встречается чаще, чем в России. Интересно, что 18 урбанонимов посвящены деревьям. На карте Светлогорска отмечены **Березовая, Каштановая, Кленовая, Ольховая, Ореховая, Рябиновая, Яблоневая, Сосновая улицы, Вербный, Еловый, Ивовый, Кедровый, Сиреневый переулки, Дубовая аллея**. По всей видимости, такое количество подобных названий отражает немецкое влияние. Три урбанонима имеют «ягодное» происхождение (**Ягодный и Малиновый переулки, Земляничная улица**). Ряд названий связан с растительностью в целом (**Лесная, Зеленая, Цветочная, Фруктовая улицы, Луговой, Таежный и Хвойный переулки**). К данной группе примыкает уникальный не «ботанический» оним: **Грибной переулок**. Грибы крайне редко встречаются в урбанонимии.

Одно название осталось вне групп. Это мемориальный урбаноним **Лермонтовский переулок.** Обычно мемориальную функцию выполняют генитивные конструкции (**улицы Ленина, Маяковского**), но рассмотрение этих названий выходит за рамки нашей статьи.

В заключение отметим, что названия улиц города Светлогорска отражают его сложную историю, хотя немецкий период больше представлен в генитивных названиях (**улица Баха**). Среди атрибутивных урбанонимов наиболее распространенными оказались «ботанические» названия, имена-пожелания и онимы, связанные с особенностями объекта. А вот доля советских идеологических названий оказалась существенно ниже, чем в других российских городах.

Литература

1 Мезенко, А.М. Имя внутригородского объекта в истории / А.М. Мезенко. – Минск, 2003. – 301 с.

2 Классификатор адресов России. Светлогорск [Электронный ресурс] // URL: https://kladr-rf.ru/39/016/001/ (дата обращения: 19.03.2025).

3 Светлогорск: история и культура города [Электронный ресурс] // URL: https://www.svetlogorsk-tourism.ru/ru/city/history.php (дата обращения: 18.03.2025).

М.Ф. Кунтыш
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: Kuntyshmarusya@mail.ru

УДК 81'373.23:82-31

АНТРОПОНИМЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РАССКАЗА

Ключевые слова: *оним, антропоним, художественный текст, ономастическое пространство, лексическая структура, литературная ономастика.*

В статье рассматриваются антропонимы, употребленные в рассказах А.П. Чехова. Осуществляется анализ обозначений персонажей, функций онимов в художественном тексте. Имя действующего лица рассматривается как элемент художественной структуры, участвующий в текстообразовании произведения.

M.F. Kuntysh
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

ANTHROPONYMS IN THE LEXICAL STRUCTURE OF THE STORY

Key words: *onym, anthroponym, artistic text, onomastic space, lexical structure, literary onomastics.*

The article examines anthroponyms used in the stories of A.P. Chekhov. The analysis of character designations and onym functions in the fiction text is carried out. The name of the character is considered as an element of the fictional structure participating in the text formation of the work.

В силу антропоцентричности художественных произведений в центре их изображения оказываются персонажи. Персонаж объединяет в себе многие сюжетно-фабульные ходы, некоторые из них существуют именно и только для него. Как пишет Л.Я. Гинзбург, «литературный персонаж – это серия последовательных появлений или упоминаний одного лица. Изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях, авторский анализ – все это постепенно наращивается, образуя определенное единство, функционирующее в многообразных сюжетных ситуациях. Формальным признаком этого единства является уже само имя действующего лица. Структурное единство, принцип связи отдельных последовательных проявлений персонажа закладывается его экспозицией, той типологической моделью, которая нужна для первоначальной ориентации читателя» [1, 273].

Цель данного исследования – выявить особенности функционирования антропонимов в художественном тексте.

Материалом для исследования стали тексты рассказов А.П. Чехова «Володя», «Верочка», «Володя большой и Володя маленький», «Душечка». Использовались методы сплошной выборки, наблюдения, анализа, сопоставления, интерпретации.

Являясь элементом художественной структуры, литературный персонаж участвует в текстообразовании произведения. Обозначения персонажей, образуя длинные цепочки повторов, обеспечивают связность текста и представляют тему повествования. Е.А. Гончарова отмечает: «Определенное имя собственное и замещающие его личные местоимения, повторяющиеся в серии предложений и абзацев текста, становятся композиционно-стилистическим стержнем текстового сегмента, относящегося к одному персонажу» [2, 106]. Там же она указывает и на то, что «существенное значение при интерпретации читателем художественного смысла литературного произведения приобретают способы номинации действующих лиц, предпочитаемые автором текста».

Исследование места и роли номинаций персонажей в лексической структуре чрезвычайно значимо [3]. Проанализируем особенности в обозначениях персонажей, отличающихся по функции и месту в произведениях, имеющих в названиях антропонимы.

Обозначение персонажа через имя собственное, как правило, стилистически нейтрально в художественном контексте. Это могут быть номинации по фамилии, имени, отчеству, прозвищу, уменьшительно-ласкательному имени.

В центре рассказа «Володя» (1887) «семнадцатилетний юноша, некрасивый. Болезненный и робкий», именем которого и назван рассказ. Это произведение, повествование в котором определено личностью главного персонажа, отражает его мировосприятие и характер, «пропитано» его мыслями и чувствами.

Первичная номинация центрального персонажа – Володя. Это постоянно встречающееся лексически полное обозначение употреблено в тексте 59 раз. Стилистически нейтральная номинация по имени появляется в авторской речи и в речи персонажей рассказа. Обозначения главного персонажа встречаются почти в каждом абзаце. И это не случайно, т.к. все в рассказе изображается сквозь призму его восприятия.

С центральным персонажем связано и дается в основном через его восприятие еще одно действующее лицо, которое можно считать основным, – первая любовь Володи. Появляется этот персонаж в первом абзаце текста как кузина Анна Федоровна. Для этой героини обычно обозначение по имени – Нюта (31 раз). Номинации Нюты имеют почти сквозной характер распределения на большом отрезке текста, лишь в самом конце произведения она не упоминается.

В рассказе «Верочка» (1887) два основных действующих лица: Огнев и Верочка. В центре произведения находится Иван Алексеевич Огнев (такова первичная номинация героя). Его обозначения являются самыми частыми в тексте, встречаются 215 раз. Обозначения являются стилистически нейтральными, в тексте отсутствуют оценочные и другие особые обозначения этого героя.

Другое основное действующее лицо рассказа – Верочка, ее именем названо произведение. Лексически полные номинации встречаются 49 раз (общее количество обозначений – 137). Это следующие номинации: Вера Гавриловна, Вера, Верочка, дочка, дочь, девушка, голубушка.

Связность текста обеспечивают обозначения главного героя – Огнева и обозначения двух других персонажей – Кузнецова и Веры. Кузнецов – второстепенный персонаж рассказа – «хозяин дома, Кузнецов, лысый старик». Таково первое обозначение этого персонажа в тексте. Составляющие номинационную цепочку героя обозначения представляются таким образом: старче – голубчик – Гавриил Петрович – председатель – батька. Номинации Кузнецова со стороны Огнева многочисленны и многообразны, в них проявляется теплое отношение Огнева к старику. Лексически полных номинаций встречается 17 (общее количество упоминаний – 25). Номинации Кузнецова наиболее существенны в самом начале произведения, потом он лишь упоминается, во второй части рассказа вообще нет его обозначений. Обозначения Верочки (ее номинация и в заглавии произведения), появившись в 3-ем абзаце, не исчезают на протяжении всего рассказа, возникая почти в каждом абзаце (в 51-ом абзаце из 64-ех).

Основу субъектной системы рассказа «Володя большой и Володя маленький» (1893) составляют пять действующих лиц. Их роль в структуре текста различна.

В центре повествования находится образ Софьи Львовны. Самым частотным из лексически полных обозначений главной героини является нейтральное обозначение по имени-отчеству (30 употреблений). Другие номинации (жена, супруга, госпожа Ягич, Соня, Сонечка) встречаются в тексте по одному разу. Обращает на себя внимание отсутствие оценочных обозначений главной героини и номинаций ее со стороны Володи большого и Володи маленького. В этом, может быть, в какой-то степени тоже проявляется отношение мужчин к Софье Львовне: они безразличны к ее душевному состоянию и вообще не воспринимают ее всерьез.

Оба мужских образа представляются через их отношение к главной героине – «ее муж Владимир Никитич и друг детства Владимир Михайлович», таковы первичные номинации в самом тексте рассказа героев, уже обозначенных в названии произведения. Обозначений Володи маленького в тексте больше (104 против 67). Такое превосходство в количестве

обозначений объяснимо с точки зрения содержания произведения. В душе Софьи Львовны герои занимают разное место: она любит Володю маленького, а за Володю большого вышла замуж по расчету.

Для Володи маленького чаще всего употребляется обозначение по имени (14 раз). В речи и мыслях Софьи Львовны обычна именно такая номинация, да и муж «близок и дорог ей только в одном: его тоже зовут Владимиром».

Довольно большое место в рассуждениях и размышлениях главной героини занимает Оля. Первое обозначение этого образа в тексте и после постоянное – Оля. Кроме номинации по имени, встречаются и такие – послушница и монашенка.

Эпизодическим персонажем можно считать Риту, которая вводится в текст как «Маргарита Александровна, или, как ее все звали, Рита, кузина госпожи Ягич».

Номинации персонажей активно участвуют в текстообразовании произведения. Сцепление абзацев осуществляется в основном за счет обозначений главной героини, которая является постоянным действующим лицом. Распределение обозначений персонажей по тексту можно представить следующей схемой: 1-ый – 15-ый абзацы: Софья Львовна, Володя большой, Володя маленький, Рита (катание на тройке); 16-ый – 19-ый абзацы: Софья Львовна, Володя большой, Володя маленький, Рита, Оля (разговор персонажей об Оле); 20-ый – 29-ый абзацы: Софья Львовна, Оля (в монастыре); 30-ый – 34-ый абзацы: Софья Львовна, Володя большой, Володя маленький, Оля (катание Оли на тройке); 35-ый – 45-ый абзацы: Софья Львовна, Володя большой, Оля (дома); 40-ой – 48-ой абзацы: Софья Львовна, Володя маленький, Оля (свидание); 59-ый – 62-ой абзацы: Софья Львовна, Володя большой, Володя маленький, Рита, Оля (эпилог).

Практически нет сколько-нибудь продолжительного отрезка текста с обозначениями лишь одного персонажа. И это не случайно, ведь главная героиня не представляет себя вне отношений с другими людьми: она сопоставляет свою жизнь с судьбами Риты и Оли, ее занимают чувства к Володе большому и Володе маленькому.

В рассказе «Душечка» (1899) пять основных действующих лиц, среди которых выделяется главная героиня – Оленька (такова первичная номинация). Она является постоянным действующим лицом, ее номинация стоит и в заглавии произведения. Обозначения героини, появившись в первом предложении текста, не исчезают на протяжении всего рассказа, возникая фактически в каждом абзаце. Таким образом, можно говорить о том, что в этом произведении главным средством «сцепления» в тексте являются номинации главной героини, которые к тому же в подавляющем большинстве абзацев многочисленны.

Номинация Оленька появляется 38 раз, так и только так постоянно называет свою героиню повествователь. В этом ласкательном имени Оленька и добрая насмешка, и ирония, и сочувствие, и умиление – сложность и неоднозначность авторского отношения к героине, которое в рассказе глубоко скрыто.

Обращает на себя внимание оценочное обозначение Душечка, которое встречается в тексте всего 7 раз (всего героиня упоминается 221 раз), но необычайно значимо. Оно появляется в речи персонажей произведения, этим же обозначением героини назван рассказ.

Посредством повторяющихся уменьшительно-ласкательных форм Оленька и Душечка автор сохраняет для читателя постоянное ощущение, что героиня – «тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая».

Четверо других героев рассказа – привязанности Оленьки. На протяжении некоторых отрезков текста действуют два героя. Вообще, такую субъектную ситуацию из двух персонажей можно считать характерной для этого рассказа. Особенность ее состоит в том, что один субъект постоянен, второй же представлен четырьмя персонажами, сменяющими друг друга последовательно на протяжении рассказа. После исчезновения в тексте номинаций Кукина («Кукина похоронили во вторник») представляется в 17-ом абзаце Пустовалов, который позже «умер, проболев четыре месяца», и его место в душе Оленьки занял Смирнин («Было ясно, что она не могла прожить без привязанности и одного года и нашла свое новое счастье у себя во флигеле»), но Смирнин «уехал навсегда», новая привязанность Душечки – Саша.

Роль четверых героев в произведении одинакова, каждый из них существен лишь как «предмет» любви героини. Обозначения каждого встречаются приблизительно одинаковое количество раз: Кукина – 42 раза, Пустовалова – 36 раз, Смирнина – 38 раз, Саши – 59 раз.

Рассказ построен на повторениях ситуаций. Чередуются периоды, когда героиня «растворяется» в чужом существе, и периоды одиночества героини. Создается впечатление, что это движение никогда не прекратится, не может прекратиться, пока жива Душечка. После неприятного времени одиночества появится новый «предмет» любви. Таким образом, взаимное распределение личных субъектов в тексте в определенной мере отражает развитие действия в произведении

Герои не индивидуализированы в типах обозначений. В их номинационные цепочки входят обозначения по фамилии, имени, отчеству (Кукин Иван Петрович, Пустовалов Василий Андреевич, Смирнин Владимир Платоныч), по профессии (антрепренер и содержатель, управляющий, врач, ветеринар), обозначения по родству (муж, отец, сын). Первичные номинации этих героев в обязательном порядке включают фамилию и обозначение по роду деятельности. В авторской речи выявляется

постоянство в номинации персонажей и скрытость авторского отношения к ним. По контрасту с официальным авторским обозначением в прямой речи главной героини для обозначения этих героев выбраны имена с уменьшительно-ласкательным суффиксом, оценочные обозначения голубчик (для всех персонажей), мальчишечка, красавчик, деточка моя (для Саши). Для Оленьки не важны объективные качества избранников, они лишь условие реализации вечной потребности любить. Ваничка, Васечка, Володечка, Сашенька (именно эти антропонимы оказываются наиболее значимыми в структуре рассказа) – это образы, имеющие символический смысл, это как бы «заместители» души Оленьки.

Таким образом, в текстообразовании всех анализируемых произведений А.П. Чехова активно участвуют номинации персонажей. Через тематическую линию главных и второстепенных героев устанавливается логическое единство, без которого невозможна связность текста.

Имена собственные действующих лиц и их заменители (местоимения и другие обозначения) входят, естественно, в зону высокочастотной лексики произведения. Количество обозначений конкретных героев и характер их распределения на протяжении рассказа определяется значимостью этих образов в раскрытии главной идеи произведения.

Персонаж, восприятием которого организован рассказ, первым называется в анализируемых произведениях.

Среди всех персонажей рассказа выделяется один, обозначения которого имеют сквозной характер распределения. А.П. Чехов писал: «Поневоле, делая рассказ, хлопочешь прежде всего о его рамках: из массы героев и полугероев берешь только одно лицо – жену или мужа, – кладешь это лицо на фон и рисуешь только его, его и подчеркиваешь, а остальных разбрасываешь по фону, как мелкую монету, и получается нечто вроде небесного свода: одна большая луна и вокруг нее масса маленьких звезд» [4, 47].

Литература

1. Гинзбург, Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Художественная литература, 1977. – 443 с.

2. Гончарова, Е.А. Лингвостилистические способы номинации персонажей в литературном тексте и их значение для художественного смысла произведения // Художественный текст. Структура и семантика. – Красноярск, 1987. – С. 105–111.

3. Кунтыш, М. Ф. Номинации персонажей в лексической структуре рассказа / М. Ф. Кунтыш // Наука – образованию, производству, экономике [Электронный ресурс]: материалы 75-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 3 марта 2023 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – С. 268–271. – Библиогр.: с. 271 (3 назв.). Режим доступа: https://rep.vsu.by/handle/123456789/36896. – Дата доступа: 11.04.2025.

4. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М., 1974–1982. – т. 3.

Л.В. Леванцэвіч
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: lewalena@mail.ru

УДК 81:39(476)(07)

АСАБЛІВАСЦІ ВЫБАРУ МЯНУШАК БРЭСТЧЫНЫ: КАМУНІКАТЫЎНЫ АСПЕКТ

Ключевые слова: *прозвище, коммуникативный аспект, мотивирующая основа, антропоним, эмоционально-оценочный компонент, оценочная функция.*

В статье впервые проводится исследование прозвищ Брестчины в коммуникативном аспекте. Анализируются когнитивные функции прозвищ, что проявляется в их участии в процессе умственной деятельности человека, в способности сохранять знания. Определяются основы-апеллятивы и мотивация выбора именования. Характеризуются условия употребления прозвищ, определяются факторы, влияющие на выбор именования в речевой ситуации.

L.V. Levantsevich
Brest State A.S. Pushkin University

PECULIARITIES OF THE CHOICE OF BRESTCHINA NNICKNAMES: COMMUNICATIVE ASPECT

Key words: *nickname, communicative aspect, motivating basis, anthroponym, emotional and evaluative component, evaluative function.*

The article is the first study of Brestchyna nicknames in the communicative aspect. The cognitive functions of nicknames are analyzed, which is manifested in their participation in the process of human mental activity, in the ability to preserve knowledge. The bases-appellatives and the motivation of the choice of naming are defined. The conditions of nicknames use are characterized, the factors influencing the choice of naming in a speech situation are determined.

Дыялектная антрапанімія і айканімія Палесся захоўвае вартасныя звесткі пра гісторыі краю і можа даць новы матэрыял для вырашэння этнагенетычных праблем усходніх славян і ўсяго славянства ў цэлым. Збор, сістэматызацыя і навуковае даследаванне мікратапонімаў ужо распачата і мае значныя напрацоўкі, што нельга сказаць пра мянушкі, заонімы,

неафіцыйнае імя. У названым кантэксце важным з’яўляецца збор і аналіз палескіх геаграфічных тэрмінаў, геаграфічных апелятываў, якія сталі асновай для фарміравання мясцовай анамастыкі ў цэлым. Важкім вынікам збіральніцкай працы было б выданне тапанімічнага атласа Палесся.

Антрапонім у мове і маўленні каардынуе сацыякультурную і прагматычную інфармацыю. Мянушка рэалізуе значны канататыўна-экспрэсіўны патэнцыял, абумоўлены здольнасцю онімаў да накаплення маўленча-кантэкстных і фонавых сузначэнняў інтра- і інтэртэкстуальнага характару. Анамастыкон Брэстчыны адлюстроўвае асаблівасці нацыянальнай анамастыкі і разам з тым здольны ўплываць на яе, чым абумоўліваецца складаная сістэма прагматычнага зместу анамастычных адзінак.

У мове Брэсцка-Пінскага Палесся па розных прычынах недастаткова даследаваны розныя групы онімаў, сярод іх знаходзяцца і мянушкі. Недастатковая даследаванасць тлумачыцца найперш іх абмежаванай сферай ўжывання, складанасцю вызначэння матывацыі і інш. Большасць мянушак мае выразную ўнутраную форму, некаторыя патрабуюць пэўных тлумачэнняў, каментарыяў, удакладненняў.

На сучасным этапе развіцця анамастычнай сістэмы мянушка з’яўляецца неафіцыйным найменнем і мае наступнае асноўнае значэнне: “неафіцыйнае найменне чалавека, дадзенае па яго знешніх ці ўнутраных асаблівасцях, паводзінах, характары заняткаў, пасадзе, прозвішчы” [1 с. 117–118].

Выбар мянушкі абумоўлены этнакультурнымі традыцыямі і здольнасцю мовы да намінацыі чалавека. У мянушках, як і іншых адзінках мовы, фіксуюцца веды чалавека пра свет з дапамогай моўных знакаў, выпрацаваных грамадствам. Матываванасць моўных знакаў звязана з унутранай формай слова. Праз мянушку як знакавае ўтварэнне перадаюцца нашы адносіны да чалавека, яго паводзін, яго фізічных і псіхічных асаблівасцей. На ўзроўні камунікатыўных адносін наша мысленне становіцца вербальным, набывае моўныя формы. Узнікае асаблівая сэнсавая прастора, у якой фарміруюцца людскія стасункі, ацэнкі і формы рэгулявання ўчынкаў. Праз мову мянушка становіцца выражэннем камунікатыўнай свядомасці, якая ўяўляе сабой сукупнасць ментальных камунікатыўных катэгорый, што вызначаюць прынятыя ў грамадстве нормы і правілы камунікацыі.

Мянушка як адзінка, якая карэкціруе паводзіны, прывычкі, асаблівасці знешняга выгляду і інш., садзейнічае фарміраванню чалавечых навыкаў: зносінам паміж людзьмі, кантролю за асабістымі паводзінамі, ацэначным адносінам да з’яў акаляючага свету, павышэнню ўнутранай культуры як намінатара, так і намінанта.

Пры кагнітыўным падыходзе аналізуецца кагнітыўная функцыя мянушкі, што праяўляецца ва ўдзеле яе ў працэсе разумовай дзейнасці чалавека, у здольнасці захоўваць веды. Мянушка разглядаецца як з боку семантыкі, так і з боку прагматыкі.

Як адантрапанімічная мянушка, так і адапелятыўная выконваюць функцыю ідэнтыфікацыі, выражаюць у большай (адапелятыўная) ці меншай (адантрапанімічная) ступені ацэнку асобы, разнастайныя адценні адносінаў да намінанта. Ласкальныя, іранічныя, паважлівыя ці грэблівыя адносіны выражаюць мянушкі, утвораныя ад той самай асновы, напрыклад, ад імя Васіль: *Васы́льковы*, *Васэ́лёвы*, *Васілі́нько*, *Васе́й*, *Ва́скэсь*, *Ва́сонька*, *Васы́лек*, *Васэ́лё*, *Ва́тонько*, *Ва́цык*, *Восю́н*, *Васілі́са*, *Васі́льчыха*, *Васіль́нькі*, *Васю́шчыны* [3].

Характарыстычная функцыя больш выяўляецца ў адапелятыўных мянушках; *Бара́н*, *Вэрблю́д*, *Каба́н*, *Коро́ва*, *Воўкі́*, *Лось*, *Куза́ка*, *Жа́ба*, *Цыды́лок*, *Солёный*, *Соло́дкый*, *Дры́гало*, *Лыхі́й*, *Шуля́к*, *Дык*, *Воро́на*, *Соро́ка*, *Ка́чэр* і інш. Такія найменні характарызуюць асобу па розных прыкметах: унутраных, псіхічных асаблівасцях; агульных знешніх прыкметах; па відзе і родзе дзейнасці; асаблівасцях маўлення і інш.: *Шкода, бо колі шо-то робіт, то за ім переделывать 100 раз надо. Вроде і помогчы хоцеў, але шкоды наробіў* [3].

Функцыянальныя асаблівасці мянушак ствараюць магчымасці іх выкарыстання для асобаснага іменавання падчас камунікацыі.

Значны пласт ацэначных уласных імён-мянушак дазваляе выказаць разнастайныя адценні адносін намінатара да намінанта. Мянушкі *Ва́сік*, *Васілі́нько*, *Васько́*, *Васэ́лё*, *Васэ́лык* выкарыстоўваюцца ў маўленні як надзейны спосаб адрознення асоб, у якіх супадаюць імя і прозвішча. Мужчыны і жанчыны з аднолькавым прозвішчам і імем маюць наступныя мянушкі-імёны (запісана ў вёсцы Бярозавічы Пінскага раёна): Канюх Васіль – *Ва́сік* ‘добры майстар, любіць гатаваць ежу, прыемны субяседнік’; *Васілі́нько* ‘злы, нястрыманы чалавек’; *Васы́лько* ‘ласкавы, добры і ціхі чалавек’; *Васько́* ‘своеасаблівы чалавек, з абмежаванымі разумовамі здольнасцямі’; *Васэ́лё* ‘маруда і тугадум’; *Васэ́лык* ‘быў асуджаны за забойства, таму людзі яго пабойваліся і непрыхільна ставіліся’; Галоўка Іван – *Іва́нко* ‘чалавек дробнага целаскладу, маленькі, але надзвычай разумны, працавіты’; *Іва́нчык* ‘строгі, патрабавальны чалавек, часам жорсткі’; *Іва́нька* ‘чалавек лёгкіх паводзін, гуляка’; *Іва́ньшта* ‘чалавек дзіўны сваімі паводзінамі, думкамі, поглядамі на жыццё’; Міхнюк Алена – *Олэ́нка* ‘на ўсё мела свой “прымітыўны” пункт погляду, ні да чаго не ставілася сур’ёзна’; *Олэ́нушка* ‘любіла павесяліцца, асабліва паспяваць жартоўныя песні’; Канюх Вольга – *О́лька* ‘жанчына “лёгкіх паводзін”, пявуння, вельмі прыгожая, ніколі сур’ёзна не ставілася да жыццёвых праблем’; *О́льшта* ‘лянівая жанчына, рабіла ўсё абы-як’ [3].

Калі ў маўленчай сітуацыі ўзнікае неабходнасць удакладніць асобу пры дапамозе дадатковых найменняў, то тады выкарыстоўваецца мянушка, якая індывідуалізуе чалавека ў невялікім калектыве (дом, вёска, працоўны калектыў): *– У Петі, кажуть, ровэра ўкралы*. *– У Рома́нчыка*? *– Не,* у *Комысёвого*; *– Хто вчора кунтору закрывав? – Коля. – Кулюн? – Які Кулюн, Кляпса*.

Мянушкі выкарыстоўваюцца ў грамадскай супольнасці і тады, калі трэба даць больш дакладную характарыстыку асобы, чым гэта можа зрабіць іншы антрапонім: *Ныдавно Бомж спалыв хату, якую стуружував*; *Галаген у нас е, вун окуляры побів і светів однім глазом чэрэз шкло побітое*; *Господарык як ны такі стары був, то на тракторы йіздыв*; *З Консулом ліпш ны спорыты, такы крыклывы чулувік, ду ужаса, шэй всэ знае*; *Бывало Фют выходыть су стуловыі чы шэ удкіль, і давай свыстіты, дурнуваты чы шо, я ны знаю* [3].

Існуюць таксама і стылістычна нейтральныя мянушкі, якія не ўспрымаюцца як “абзыванні”. Мянушкі, якія даюць станоўчую ацэнку знешнім і ўнутраным якасцям чалавека, не з’яўляюцца абразлівымі, прыніжальнымі, іх успрымаюць спакойна, адзываючыся, як на імёны: *Сы́цік*, *Пу́шкін*, *Бе́лынькый*, *Кучера́ўчік*, *Рапу́нцэль*, *Улы́бка*, *Пысарі́*, *Пограні́чнік*, *Композі́тор* [3].

Па ступені эмацыянальна-экспрэсіўнай выразнасці мянушкі з’яўляюцца неаднароднымі. Так, напрыклад, мянушка, нададзенае па той самай прыкмеце – худы і нізкі ростам – мае розную матывацыю і, адпаведна, утваральную аснову: *Аку́рак*, *Ціплю́к*, *Гара́бчык*, *Ды́рка*, *Ко́злік*, *Пупэ́ць*, *Смолячо́к*, *Шпа́ла*. Хітры, ілжывы чалавек мае мянушкі *Жыд*, *Кірпі́ч*, *Мутю́н*, *Му́ця*, *Муця́р*, *Ле́пка*, *Пала́шка*, *Цэ́ган*, *Діма Ліс*, *Ліса*, *Лісі́цы*, *Ско́льзкій*, *Штука́р*, *Шчур Ді́ма*, *Эстарсі́та*, *Шчур* [3].

З цягам часу экспрэсіўнасць, вобразнасць мянушкі можа страчвацца і ацэначная функцыя замяняецца на намінатаўную. Звычайна гэта адбываецца з родавымі мянушкамі, якія ўжываюцца для іменавання прадстаўнікоў некалькіх пакаленняў у паўсядзённых сітуацыях, становяцца прывычнымі: *Жумні́ровы*, *Ковзілёвы*, *Гладышо́вы*, *Джы́нджыровы*, *Пола́йчыны*, *Макухо́вы*, *Чылёёвы* і інш.

Зніжаную экспрэсію маюць мянушкі, утвораныя праз маўленчую сітуацыю, праз нейкі хіб у маўленні, які існуе ў пэўны перыяд жыцця асобы. Напрыклад, мянушка *Ка́дышовы* ўзнікла праз хіб у маўленні: *Діты ж, воны ж малые ны выговарывають буквы. Ну, іх і так понымають. Був хлопчык, вот хто-то разговарывае, а він прыходыть і кажэть: “Шо ты кадыш, шо ты кадыш?”, значыть шо ты кажыш, ну і сталы называтыся Кадыш. Фамілія у іх ны Кадыш, но звуть усіх Кадышы: діты Кадышовы, жінка Кадышова, внукі Кадышовы. От слова Кадыш – “кажыш”. Як почуеш шо, то так і прыліпыцця, так і кажыш* [3].

Здавалася б, адпрозвішчныя дэрываты пазбаўлены эмацыянальна-ацэначнага кампанента. Аднак, гэта не заўсёды так: калі яны аманімічныя ацэначна-характарыстычным мянушкам з адмоўнай эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкай, то такія найменні непажаданыя і з’яўляюцца таксама абразлівымі: *Марты́шка* – ад Мартысевіч, *Бара́н* – ад Баранаў, *Быч о́к* – ад Бычык.

Вядома, што мянушкі, якія заканчваюцца на -іха, -ыха, паказваюць на прыналежнасць да асобы жаночага полу. Аднак некаторыя з такіх мянушак ствараюць толькі ілюзію стылістычнай нейтральнасці, а самі маюць “знешнюю” адмоўную экспрэсію. Мянушка *Казлі́ха*, утвораная ад прозвішча Казёл, акрамя прыналежнасці асобе жаночага полу, нясе адмоўную канатацыю, “стварае” вобраз знешне непрывабнай асобы, у той жа час, ілюстрацыйны матэрыял паказвае на станоўчую знешнюю ацэнку асобы: *У Казліхі ужэ дітэй куча, все такіе хорошые, похожы на мамку сваю. Ана раньшэ первой красоткой была в деревне* [3].

Кагнітыўныя здольнасці намінатара часам прыводзяць да ўзнікнення непрадказальнга асацыятыўнага ланцужка і схаванай вобразнасці: *Діты тут сусіда Кіселём прозвалі, мы сначала не понялы чого, а потом понялы, бо Гушчэня тіпа густы, як кісель, сміяліся довго* (*Кісе́ль* – ад прозвішча Гушчэня); *Всі ёго Борщом называлі, а Петя забываў і говорыў: “Ну, дэ там этот дед Суп”* (*Дед Суп* – ад прозвішча Баршчэўскі); *Мы Тучей Хмару нашэго клічэм, смешно так, бо хмара – гэто ж туча по-рускі* (*Ту́ча* – ад прозвішча Хмара) [3].

Негатыўны падтэкст можа мець мянушка, якая суадносіцца з нейтральным апелятывам, напрыклад, *Семіме́сячный*. Адмоўная канатацыя вядомая толькі той супольнасці людзей, якая іменавала: *Сусед мой бацьку міліцыі здаў, того 7 месяцэв діржалі, во мы его так і прозвалі, бо сідеў столько* [3].

Часам, і самі намінатары не могуць адназначна вызначыць, ці варта лічыць тую ці іншую мянушку абразлівай: *Мне было інтерэсно, я пытаў у дзеда: “Раскажы, дзед, чому Соню “Ду-ду” называють?” Вёска наша была сто дворов. Даже больш, чым сто дворов, і кіламетр в дліну. Ну, людзей много було. В каждуй семье ж по четыре-пяць чоловек. Коров тоже. Коров надо было па́свіць. А Соня жыла со сваім бацьком, звалі его Міха́лко. Его наймалі іногда людзі пасці́ коров на лето. Міхалко будзіў рано так. З катýшачкі драўлянай, і рэзіначкі тонкай, і обрезанного коровьего рога, і кары молодой альшы́ны такую дуду он делал. Называлась дуда. І он дудел – хорошый такой, прыятный звук быў. “Ду-дуу, дуу!” Дзецям особенно это нравілось, когда он гнаў коров, і когда прыганяў. Оні беглі к нему на поле і просілі подудзець, і он дудел. І вот, “ду-ду, ду-ду”, і назвалі его Міхалко Ду-ду. А потом і дочку обозвалі Соня Ду-ду. Вроде обідно, да і не обідно. Вот проісхожденія такія інтересные этіх вот мянушак* [3].

З гумарам успрымаюць некаторыя мянушкі і самі намінанты, яны не лічаць іх абразлівымі, крыўднымі, бо такія найменні ўзнікаюць звычайна праз нейкі выпадак, а не праз адмоўныя рысы характару: *Адзін раз я на празніке быў і сеў на табурэтку, а вона зломалась, свадьба вроде була, то всі смеялісь і назвалі мынэ Табурэтка*; *Було як-то, шо суседка моя тапком хоцела ударыть мужа, але замахнулась так, шо тапок той полетеў чырыз забор і попаў в глаз моему мужу. Вот і прозвалі ёго Тапком* [3].

Пры аналізе канататыўнага значэння мянушак А. В. Цэпкова адзначае, што мянушкі розных матывацыйных тыпаў (экстралінгвістычны, лінгвістычны, лінгвістычны і экстралінгвістычны) валодаюць неаднолькавым ацэначным і экспрэсіўна-эмацыянальным патэнцыялам. Вызначаецца і залежнасць ацэначнасці мянушкі ад адносін намінатара да намінанта. У сувязі з гэтым аўтар вылучае пеяратыўныя, меліяратыўныя, гумарыстычныя і нейтральныя мянушкі [4, с. 10].

Да экстралінгвістычнага матывацыйнага тыпу варта адносіць сітуацыйна-падзейныя мянушкі: *Кажуть, шо в сем'і родывся хлопчык такі маленькі, а батько йго кажэ, подывывся, першы раз, як глянув, кажэ, які він хорошэнькі, які маленькі, які хорошы, ну, гэто мій зайчык. Ну, вот і зайчык. А хто-то почув посторонні "зайчык і зайчык" і пошлы: жінка Зайчыкова, діты Зайчыковы, вжэ і внукі зарэ іх, то Зайчыкі, всё Зайчыкі. Ну, воны такіе нізкорослы, сміюшчыюся, улыбаюшчыюся, ныобіжаюцця на свою фамілію новую. Зайчыкі, так і зовуть Зайчыкі, а по паспорту Меленчукі, Меленчук* [3].

Выбар мянушкі залежыць ад маўленчай сітуацыі, якая вызначаецца стылем зносінаў, міжасобаснымі адносінамі ўдзельнікаў маўлення, агульнай унутранай культурай, прысутнасцю "трэцяй" асобы.

Маўленчыя зносіны – сацыяльны працэс, асобасна арыентаваны, таму моўца ў сваіх маўленчых паводзінах улічвае адносіны паміж камунікантамі. Пры выбары антрапанімічнай адзінкі ў працэсе камунікацыі важным фактарам з'яўляецца змена характуру адносін з афіцыйных на неафіцыйныя. Пры неафіцыйных зносінах дапускаецца ўжыванне розных форм іменавання асобы, у тым ліку і мянушак.

Аўтары вучэбна-метадычнага дапаможніка "Анамастыка, тэрміналогія і фразеалогія" М. У. Буракова і В. А. Ляшчынская акрэсліваюць наступныя функцыянальныя асаблівасці мянушкі: "выкарыстоўваюцца ў неафіцыйных зносінах людзей з мэтай наймення адной асобай другой асобы і адначасова выражэння сваіх інтымна-ласкальных ці зневажальных, жартоўных адносін да яе альбо для стылістычнай характарыстыкі персанажаў у тэкстах мастацкай літаратуры" [2, с. 18].

Вывучэнне дыялектнай анамастыкі Брэсцка-Пінскага Палесся дасць магчымасць ацаніць суадносіны анамастычнай сістэмы літаратурнай мовы і дыялектанай, даць характарыстыку матэрыяльнай, структурна-арганізацыйнай спецыфіцы анамастычнай прасторы дыялекту ў адносінах да анамастыкі беларускай літаратурнай мовы. Сістэматызацыя мянушак, якая дапаможа вызначыць заканамернасці развіцця рэгіянальнай антрапанімікі, з'яўляецца актуальнай для дыялектнай мовы ў адрозненне ад літаратурнай.

Літаратура

1. Беларуская антрапанімія : вучэб. дапам. / Г. М. Мезенка (навук. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2009. – 254 с.

2. Буракова, М. У. Анамастыка, тэрміналогія і фразеалогія : вучэб.-метад. дапам. / М. У. Буракова, В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2011. – 166 с.

3. Мянушкі Брэстчыны: вучэбны слоўнік / Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна ; скл. Л. В. Леванцэвіч. – Брэст : БрДУ, 2024. – 167 с.

4. Цепкова, А. В. Национально-культурная специфика прозвищ (на материале современного англоязычного интернет-дискурса : автореферат дисс. …канд. филол. наук : 10.02.04 / Цепкова Анна Васильевна ; Новосибирский гос. пед ун-т. – Иркутск, 2011. – 25 с.

А.А. Лесков
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: leskovand035@gmail.com

УДК 811.161.1'373.231

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИМЕН НА РЕАЛЬНУЮ АНТРОПОНИМИЮ

Ключевые слова: *литературные имена, антропонимика, популярные имена, влияние литературы, практика именования, культурное влияние, исторический пик имен*

В статье исследуется влияние литературных имен на реальную антропонимию. Анализируются популярные имена, заимствованные из художественных произведений, их распространенность в разных странах, количественные показатели носителей, а также их значение. Особое внимание уделяется периоду, когда эти имена достигали пика популярности, и факторам, способствовавшим их внедрению в повседневную ономастику. Исследование позволяет проследить взаимосвязь между литературой и культурными тенденциями в выборе имен.

A.A. Leskov
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE INFLUENCE OF LITERARY NAMES ON REAL ANTHROPONYMY

Key words: *literary names, anthroponymy popular names, literary influence, naming practices, cultural impact, historical name trends*

This article examines the influence of literary names on real-world anthroponymy. It analyzes popular names derived from fictional works, their prevalence in different countries, the number of bearers, and their meanings. Special attention is paid to the period when these names peaked in popularity and the factors that contributed to their adoption into everyday onomastics. The study reveals the connection between literature and cultural trends in naming practices.

Исследование взаимосвязи между литературными именами и реальной антропонимией представляет особый интерес для современной ономастики, поскольку позволяет проследить, как художественные произведения воздействуют на языковую практику общества. Литературные антропонимы, будучи частью авторского замысла, нередко выходят за пределы текста и начинают функционировать в реальном языке, влияя на традиции именования.

«Имена собственные в литературном произведении (поэтонимы) и, в частности, основные из них – литературные антропонимы, имеют прямое отношение к содержанию текста, а следовательно, и к авторской концепции, индивидуальному видению и отображению художником слова действительности, жизнедеятельности общества» [1, с. 5].

Можно утверждать, что литературные имена несут в себе не только эстетическую и смысловую нагрузку, но и способны отражать или даже формировать культурные тенденции, включая практику именования. Влияние поэтонимов на реальную антропонимию становится возможным именно благодаря их тесной связи с авторским мировоззрением и социальным контекстом, который они воплощают.

О. И. Фонякова, автор труда, содержащего системное изложение основ литературной ономастики, характеризует литературную ономастику как вполне самостоятельную «новую комплексную дисциплину, возникшую на стыке ономастики со стилистикой, поэтикой, семантикой и лингвистикой текста» [2, с. 2].

Таким образом, изучение механизмов проникновения литературных имен в реальный мир требует междисциплинарного подхода, объединяющего методы литературной ономастики, социолингвистики и культурологии. Анализ этого процесса позволяет не только выявить закономерности заимствования поэтонимов, но и глубже понять, как художественная литература участвует в формировании языковой картины мира.

Для проведения исследования количества носителей имен, их происхождения и пика популярности был использованы сайты «Forebears» [3], «the Bump» [4], «Behind the Name» [5].

Имя **Арвен** (Arwen), впервые появившееся во вселенной Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец», принадлежало эльфийской принцессе, дочери Элронда. Хотя имя имеет валлийские корни (Anwen, Awan), его значение интерпретируется как «муза», «вдохновение» или «необычайно прекрасная». Несмотря на литературное происхождение, имя приобрело популярность за пределами Уэльса, особенно в США (635 носителей), на Филиппинах (620) и в Индонезии (454). Пик его распространения пришелся на 2022 год, что может быть связано с возобновлением интереса к экранизациям Толкина.

Имя **Карин** (Careen) было создано Маргарет Митчелл для младшей сестры Скарлетт О’Хары в романе «Унесенные ветром». Хотя действие книги происходит в США, имя получило неожиданное распространение в Восточной Африке: в Танзании (1,814 носителей) и Кении (1306).

Это редкий пример, когда литературное имя, связанное с американской историей, стало популярным в совершенно ином культурном контексте.

Каспиан (Caspian) – имя принца из «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса, вероятно, вдохновленное Каспийским морем. Несмотря на русские географические ассоциации, имя чаще встречается в англоязычных странах: США (44) и Англии (43). Его редкое использование (всего 183 носителя) делает его экзотическим выбором, сохраняющим связь с литературной традицией фэнтези.

Имя **Шармейн** (Charmaine) было придумано драматургами Максвеллом Андерсоном и Лоренсом Столлингсом для пьесы «What Price Glory», а позже популяризировано песней ирландской группы The Bachelors в 1960-х. Несмотря на американское происхождение, наибольшее распространение имя получило в ЮАР (39652) и США (25396). Его мягкое звучание и ассоциации с романтикой XX века способствовали его устойчивой популярности.

Имя **Кларибель** (Claribel) встречается в поэме Эдмунда Спенсера «Королева фей», а позже – у Шекспира («Буря») и Теннисона (одноименное стихотворение, 1830). Латинское происхождение (от *Clara* – «ясная, светлая») объясняет его благозвучие. Наибольшее число носителей – на Кубе (9258), что может быть связано с испаноязычной адаптацией имени.

Лоуренс Даррелл использовал имя **Клеа** (Clea) в «Александрийском квартете» (1950-е). Греческое происхождение (от kleos – «слава») придает ему классическую строгость. Интересно, что 10704 носителя в Бразилии (из 13438 в мире) демонстрируют, как литературное имя может закрепиться в неожиданном регионе.

Имя **Клеоне** (Cleone) появилось в трагедии Расина «Андромаха» (1667) и сохранило связь с греческой культурой (значение – «славная»). Однако сегодня оно чаще встречается в Бразилии (3790 носителей), чем во Франции, где было создано.

Созданное итальянским поэтом Торквато Тассо для поэмы «Освобожденный Иерусалим» (XVI век), имя Клоринда (Clorinda) особенно популярно в Перу (8523). Это пример долгой жизни литературного имени, перешедшего в испаноязычную традицию.

Джеймс Фенимор Купер изобрел имя **Кора** (Cora) для героини «Последнего из могикан» (1826). Греческое значение «ядро, сердце» и краткость способствовали его успеху в США (52354 носителя). Имя стало символом «американской классики», хотя его корни античные.

Нил Гейман случайно возродил забытое имя **Коралина** (Coraline) в повести «Коралина» (2002), ошибочно написав его вместо «Caroline». Латинское значение «свободная» и мрачно-сказочный контекст книги сделали имя популярным во Франции (920 носителей). Это редкий случай, когда опечатка породила новый антропонимический тренд.

Имя **Дора** (Dora) изначально было краткой формой имен *Дороти* или *Феодора*, но в качестве самостоятельного имени впервые использовано

Чарльзом Диккенсом в романе «Дэвид Копперфилд». Сегодня это имя носит около миллиона человек, причем наибольшее распространение оно получило в Мексике (141330 носителей) и Колумбии (134560). Значение имени связано с греческими корнями: *Дороти* – «дар богов», *Феодора* – «Божий дар». Популярность имени резко возросла в конце XIX – начале XX века, во многом благодаря литературному влиянию. Интересно, что, несмотря на английское происхождение, наибольшую популярность имя приобрело в испаноязычных странах, что может быть связано с его благозвучностью и простотой.

Имя **Евангелина** (Evangeline) было создано американским поэтом Генри Лонгфелло для его одноименной поэмы, повествующей о трагической любви. Оно происходит от греческого *euangelion* – «благая весть». Сегодня это имя носят около 205 тысяч человек, причем подавляющее большинство (167717) проживает на Филиппинах, где оно, вероятно, стало популярным благодаря христианским коннотациям. В западных странах имя остается редким, хотя периодически встречается в англоязычной литературе. Пик его популярности пришелся на конец XIX века, после публикации поэмы Лонгфелло.

Несмотря на то, что имя **Фиона** (Fiona) воспринимается как древнее кельтское, оно было изобретено в Викторианскую эпоху шотландским писателем Уильямом Шарпом, использовавшим его как псевдоним для придания своим произведениям о кельтских мифах большей аутентичности. Сегодня это имя носят около 320 тысяч человек, причем больше всего носителей – в Англии (82338). Значение имени связывают с гэльским *fionn* – «белый, светлый».

Имя **Глинда** (Glinda) было придумано Фрэнком Баумом для доброй волшебницы в его книге «Удивительный волшебник из страны Оз». В настоящее время это имя носят всего 3723 человека, большинство из которых проживает в США (2727). Его значение остается неясным, хотя некоторые исследователи предполагают связь с валлийским *glân* – «чистый» или *da* – «хороший». Несмотря на крайне ограниченное распространение, имя периодически встречается в поп-культуре, особенно в связи с экранизациями сказки Баума.

Имя **Хайди** (Heidi) изначально было уменьшительной формой имен Аделаида или Адельхейд, но стало самостоятельным благодаря детскому роману Йоханны Спири «Хайди», действие которого происходит в Швейцарских Альпах. Сегодня это имя носят около 663 тысяч человек, причем больше всего – в США (207604) и Германии (191709). Оно означает «благородная» или «из знатного рода». Пик популярности пришелся на конец XIX – начало XX века, особенно после выхода книги и ее многочисленных экранизаций.

Имя **Лорна** (Lorna) было придумано английским писателем Р. Д. Блэкмором для героини его романа «Лорна Дун» (1869). По одной из версий, он образовал его от титула маркизов «Лорн». Сегодня это имя носят около

346 тысяч человек, преимущественно на Филиппинах (161894). Хотя имя не имеет четкой этимологии, его мягкое звучание сделало его популярным в англоязычных и испаноязычных странах. Наибольшую известность оно получило в конце XIX – начале XX века.

Имя **Мальвина** (Malvina) было изобретено шотландским поэтом Джеймсом Макферсоном в XVIII веке для его «Оссиановых поэм». Возможно, оно происходит от гэльского *maol-mhin* – «гладкий, как снег». Сегодня это имя носят около 42 тысячи человек, причем больше всего – в Бразилии (12 967) и России (4 845). В славянских странах имя стало известно благодаря его использованию в произведении Алексея Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

Имя **Миранда** (Miranda), вероятно, было придумано Шекспиром для персонажа пьесы «Буря». Оно происходит от латинского *mirandus* – «удивительная, достойная восхищения». Сегодня это имя носят около 170 тысяч человек, большинство из которых проживает в США (52602).

Имя **Норма** (Norma) не является женской формой имени «Норман», как часто ошибочно полагают. Оно было, вероятно, придумано итальянским поэтом Феличе Романи для либретто оперы Беллини «Норма» (1832). Сегодня это имя носят около 2 миллионов человек, причем больше всего – в Мексике (454365). Значение имени остается неясным, но его популярность в Латинской Америке может быть связана с влиянием оперного искусства.

Имя **Оливия** (Olivia) впервые было использовано Шекспиром для героини пьесы «Двенадцатая ночь». Оно образовано от латинского *oliva* – «олива», символа мира. Сегодня это имя носят около 746 тысяч человек, причем больше всего – в Мексике (116289). Популярность имени резко возросла в XX–XXI веках, особенно в англоязычных странах. Несмотря на шекспировское происхождение, наибольшее распространение оно получило в испаноязычном мире.

Имя **Памела** (Pamela) было создано английским поэтом сэром Филипом Сидни для его пасторального романа «Аркадия» (1590). Оно получило широкое распространение в XVIII веке благодаря роману Сэмюэла Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740), что способствовало его популярности в Европе и Америке. Значение имени часто связывают с греческим словом *παν* (пан) – «все» и *μέλι* (мэли) – «мед», трактуя его как «вся сладость» или «медовая». Пик популярности Памелы пришелся на середину XX века, особенно в США, где оно стало одним из самых распространенных женских имен. Интересно, что, несмотря на английское происхождение, имя особенно полюбилось в испаноязычных странах, где сохраняет умеренную популярность до сих пор.

Имя **Стелла** (Stella) изначально было литературным псевдонимом, использованным Джонатаном Свифтом в его поэме «Стелла», посвященной его близкой подруге Эстер Джонсон. Оно происходит от латинского *stella* – «звезда» и стало самостоятельным именем в XIX веке. Особую

популярность Стелла приобрела в англоязычных странах, а также в Нигерии, где оно вошло в число распространенных имен благодаря влиянию британской колониальной культуры. В США имя переживало волны популярности: первый всплеск в начале XX века, затем новый рост в 2000-х.

Тельма (Thelma) – имя, придуманное британской писательницей Мари Корелли для ее романа «Тельма: норвежская принцесса» (1887). Корелли, будучи одной из самых читаемых авторов викторианской эпохи, сделала это имя известным, хотя его происхождение остается неясным. Возможно, оно связано с греческим *θέλημα* – «воля, желание». Пик популярности Тельмы пришелся на начало XX века, особенно в США и Великобритании, но к середине столетия оно практически вышло из употребления. Любопытно, что, несмотря на норвежский антураж романа, имя не прижилось в Скандинавии, зато получило некоторое распространение в Латинской Америке.

Имя **Уна** (Una) было введено в обиход Эдмундом Спенсером в поэме «Королева фей» (1590), где оно символизировало чистоту и единство (от латинского *una* – «одна»). Наибольшую популярность имя получило в Ирландии, где ассоциировалось с кельтской культурой, хотя изначально имело литературное происхождение. В XX веке Уна оставалось редким именем, но в последние десятилетия переживает небольшой рост популярности в англоязычных странах, возможно, благодаря моде на короткие имена с глубоким смыслом.

Имя **Ванесса** (Vanessa) было создано Джонатаном Свифтом в 1713 году для его поэмы «Каденус и Ванесса» как анаграмма имени его возлюбленной Эстер Ваномри. Оно стало популярным в XIX веке, особенно в англоязычных странах, а в XX веке распространилось в Европе и Латинской Америке. В Бразилии имя Ванесса стало одним из самых распространенных в 1980–1990-х годах, что может быть связано с влиянием поп-культуры.

Имя **Венди** (Wendy) было практически неизвестно до выхода пьесы Дж. М. Барри «Питер Пэн» (1904), где так звали главную героиню. Барри, возможно, образовал его от детского сокращения *friendly-wendy* или валлийского *Gwendolen*. Пик популярности пришелся на 1950–1970-е годы, особенно в США и Великобритании. Интересно, что, несмотря на литературное происхождение, имя стало международным: его можно встретить в Японии, Франции и даже арабских странах, хотя и в адаптированных формах.

Заключение. Проведенное исследование позволяет утверждать, что литературные имена прочно вошли в реальную антропонимию и встречаются повсеместно. Однако их распространенность варьируется в широких пределах: от нескольких сотен носителей до сотен тысяч.

Интересно, что прямая связь между популярностью литературного произведения и частотностью имени выявлена слабо. Вероятно, значительное влияние оказывают другие формы искусства, такие как кино и телевидение, что требует дополнительного изучения. Кроме того, не обнаружено

четкой зависимости между страной происхождения автора, создавшего имя, и географией его распространения – литературные имена могут становиться популярными далеко за пределами родины первоисточника.

Тем не менее, по сравнению с традиционными именами, заимствованными из исторического и культурного наследия, литературные антропонимы остаются менее распространенными. Это свидетельствует о том, что, несмотря на их интеграцию в реальную ономастику, они по-прежнему воспринимаются как нечто необычное и сохраняют связь с художественным вымыслом.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение механизмов популяризации литературных имен через различные медиа, а также на анализ социокультурных факторов, способствующих их закреплению в антропонимической практике.

Литература

1. Рогалев, А. Ф. Литературная ономастика: практическое пособие / А. Ф. Рогалев. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – 46 с.

2. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. – Ленинград : ЛГУ, 1990. – 103 с.

Источники

3. Behind the Name. Wendy: Name Popularity in the United States. – URL: https://www.behindthename.com/name/wendy/top/united-states (дата обращения: 15.04.2025).

4. Forebears. Wendy: Forename Distribution. – URL: https://forebears.io/forenames (дата обращения: 15.04.2025).

5. The Bump. Wendy: Baby Name Meaning, Origin, and Popularity. – URL: https://www.thebump.com/b/wendy-baby-name (дата обращения: 15.04.2025).

А.М. Мезенко
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: mezenka1@yandex.ru

УДК 81’373.211:94”1939/1945”(476+470+438)

«ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА» В ПРАКТИКЕ НОМИНАЦИИ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ БЕЛОРУСОВ, РОССИЯН И ПОЛЯКОВ

Ключевые слова: *внутригородской объект, Вторая мировая война, историческая память, меморизация, номинатор, номинация, урбаноним, урбанонимикон*.

Статья посвящена исследованию способов репрезентации результатов Второй мировой войны при номинации внутригородских линейных объектов белорусами, поляками и россиянами. Выделены 8 групп

урбанонимов, связанных с меморизацией результатов Второй мировой войны, 4 из которых представлены во всех исследуемых урбанонимиконах. Отличия связаны не только с количественными показателями, но и идеологией, коллективным сознанием и историей. Подчеркивается, что в белорусском и российском урбанонимиконах символы, связанные с памятью о Второй мировой войне, не диссонировали с доминирующим нарративом, в то время как в польском в силу начавшейся в 1990-х гг. декоммунизации урбанонимное пространство превратилось в место одновременного сохранения и стирания памяти.

A.M. Mezenko
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

"WORLD WAR II" IN THE PRACTICE OF NOMINATING INTRA-CITY OBJECTS BY BELARUSIANS, RUSSIANS AND POLES

Key words: *intra-city object, World War II, historical memory, memorization, nominator, nomination, urbanonym, urbanonymicon.*

The article is dedicated to the study of the ways of representing the results of World War II in the nomination of intra-city linear objects by Belarusians, Poles and Russians. Eight groups of urbanonyms associated with the memorization of the results of World War II are identified, four of which are represented in all the studied urbanonymicons. The differences are associated not only with quantitative indicators, but also with ideology, collective consciousness and history. It is emphasized that in the Belarusian and Russian urbanonymicons, the symbols associated with the memory of World War II did not dissonate with the dominant narrative, while in the Polish one, due to decommunization that began in the 1990s, the urbanonymic space turned into a place of simultaneous preservation and erasure of memory.

Со второй половины XX в. лингвисты все чаще обращаются к специфике языковых единиц, обусловленной целями коммуникации. И в сферу интересов ономастики начали включать ситуацию общения, социально-психологические характеристики не только носителей и пользователей онимной лексики, но и номинаторов различных объектов, в том числе и внутригородских, их мировоззрение.

Современная политическая ситуация, характеризующаяся постоянным присутствием милитаристских реалий в повседневной жизни людей, а также грядущее 80-летие окончания наиболее жестокой и трагической войны в истории человечества – Второй мировой войны, – которая для всех советских людей стала Великой Отечественной войной, определяет

актуальность исследования одного из способов отражения ее результатов – в названиях внутригородских объектов – у народов, на долю которых выпали особенно тяжелые испытания. Поскольку в современных условиях оказываются важными сохранение всех материальных следов прошедшей эпохи, борьба с проявлениями вандализма, обсуждение проблем, связанных с исторической памятью, в последнее время заметно активизируется.

Военная составляющая ономастиконов нередко выступала объектом анализа российских [1; 5; 7], белорусских [2; 4] и польских исследователей [1; 6]. Так, проблеме меморизации в малом историческом городе (на примере памятников Белозерска) посвятила свою статью А. В. Савина [7]. С. А. Попов анализирует способы отражения памяти о Великой Отечественной войне в названиях улиц населѐнных пунктов Воронежской области [5]. В указанные годы появился ряд публикаций представителей Витебской ономастической школы, в которых мемориальные урбанонимы рассматриваются как трансляторы исторической памяти народа. К их числу относится наша публикация [4], а также статья М. Л. Дорофеенко [2]. Исследование Б. Ружицкого посвящено проблеме декоммунизации названий улиц в Польше [6]. В качестве объекта выступают урбанонимы трех крупнейших городов Польши – Варшавы, Кракова и Вроцлава. В статье указывается на существование определенных различий в том, что касается терпимости к коммунистическому наследию и стратегий переименования. Перекрестный взгляд на Вторую мировую войну и историческую память русских и поляков отражен в статье российских и польских исследователей В. Н. Борисенко, Т. Н. Гончаровой, Я. Венглож [1].

При этом вопросы, связанные с особенностями освещения Второй мировой войны в практике номинации внутригородских линейных объектов белорусов, россиян и поляков, пока обойдены вниманием.

Целью данной статьи является сопоставление способов репрезентации результатов Второй мировой войны при номинации внутригородских линейных объектов белорусами, поляками и россиянами.

Материалом исследования послужили данные Национального кадастрового агентства Республики Беларусь [1–А], ресурса Росреестра (кадастровой карты Смоленска [2–А]), публикация Т. Федоровича, М. Китлиньского и Я. Мацейчука «Белостокские улицы и их патроны», представляющей собой полный список названий линейных объектов Белостока 2012 г. [3–А], электронные ресурсы.

Для достижения цели в работе используется комплекс методов и приемов лингвистического анализа: дескриптивный, ключевыми компонентами которого выступают наблюдение, классификация и систематизация материала, обобщение; сопоставительный; элементы статистического.

В качестве объекта сопоставления избраны урбанонимиконы белорусского города Витебска, польского Белостока и российского Смоленска,

отвечающие требованиям паритетности, предполагающей разные виды взаимного соответствия, в том числе сходство в административном статусе (города областного значения), расположении (расположены на реках), количестве населения (около 300 тысяч) и количестве линейных и территориальных объектов (около 900).

По данным нашего материала, в урбанонимиконе Витебска, включающем в свой состав 987 урбанонимов, 7,4 процента (73 единицы) принадлежит годонимам и агоронимам в честь событий и участников Второй мировой войны. При этом в Белостоке из 1023 наименований линейных и планарных объектов 48 единиц (4,7% от общего количества) составляют исследуемые названия. Похожая картина наблюдается и в российском Смоленске, где на долю изучаемых названий приходится 30 (или 4,3%) из 698 наименований внутригородских объектов.

При некотором сходстве цифровых показателей данного соотношения наблюдаются заметные различия в степени актуализации определенных групп урбанонимов в белорусском, польском и российском городах, которые рассматриваются как культурно-историческое пространство, насыщенное смыслами и знаками своей истории.

Использование в качестве основы классификации причины меморизации как одного из компонентов формирования исторической памяти (memory studies), позволило распределить названия внутригородских линейных и территориальных объектов, репрезентирующих военную составляющую современных белорусского, польского и российского урбанонимиконов, по восьми группам, объединяющим названия, данные в честь: 1) армий, объединений и формирований; 2) Дня Победы и дней освобождения населенного пункта; 3) родов войск; 4) воинских званий и должностей; 5) представителей высшего командного состава, генералов и маршалов; 6) рядовых участников войны, героев сражений и жертв; 7) государственных и политических деятелей военного времени; 8) по названиям строений, предназначенных для военных нужд, отдельные из которых сложились еще в первой трети минувшего века (см. 3-ю группу) или даже в конце XIX в. (группа 4) и группа 8)).

Для более четкого восприятия результатов предложенной классификации представим количественные параметры урбанонимиконов Витебска, Белостока и Смоленска в таблице 1.

Анализ приведенных данных свидетельствует, что из восьми групп названий улиц, переулков, проспектов, площадей и других внутригородских объектов, связанных с меморизацией результатов Второй мировой войны, четыре представлены во всех исследуемых урбанонимиконах.

А это значит, что номинативные практики оказались созвучны номинаторам трех славянских народов – белорусов, россиян и поляков.

Таблица 1 – Военная составляющая белорусского, польского и российского урбанонимиконов

№ п/п	Назваание группы урбанонимов	Белосток	Витебск	Смоленск
		Количество	Количество	Количество
1.	В честь армий, объединений и формирований	10	6	3
2.	В честь Дня Победы и дней освобождения населенного пункта	1	5	2
3.	В честь родов войск	2	–	–
4.	В честь воинских званий и должностей	3	1	–
5.	В честь генералов и маршалов	6	22	10
6.	В честь рядовых участников войны, героев сражений и жертв	24	38	15
7.	В честь государственных и политических деятелей военного времени	1	–	–
8.	По названиям строений, предназначенных для военных нужд	–	1	–
	Всего	48–4,7%	73–7,4%	30–4,3%

Так, в каждом из исследуемых урбанонимиконов группы названий улиц и других внутригородских объектов, данных в честь рядовых участников войны, героев сражений и жертв, самые фреквентативно значимые. При этом, по данным нашего материала, номинаторы белорусского города в полтора раза чаще поляков (в Витебске 48 урбанонимов, в Белостоке – 24) и в два раза чаще россиян (в Смоленске – 19 урбанонимов) обращались к памяти тех, кто работал на Победу, тех, кто участвовал в освобождении Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и навсегда остался в политой их кровью белорусской земле: среди современных номинаторов-белорусов могут быть внуки и правнуки каждого третьего не вернувшегося с войны белоруса.

Номинативные практики белорусов, поляков и россиян отличаются не только количественными показателями, но и идеологией, коллективным сознанием и историей.

С конца 1990-х, а особенно в 2000-х годах урбанонимные номинативные практики начинают заметно прирастать. В результате активизации деятельности отдельных групп и частных лиц, вызванной ослаблением внимания к “политике” памяти со стороны властей, в российских урбанонимных системах, по данным исследователей онимного материала, начал формироваться «некий консенсус – важные для себя символы получили коммунисты, православные, родственники репрессированных» [7, с. 380].

В первое десятилетие XXI в. во многих населенных пунктах, начиная от мегаполисов, в частности Москвы, до малых городов типа Белозерска

[7, с. 376], наблюдались попытки своеобразного очищения от идеологических коннотаций, коснувшиеся прежде всего стел и памятников В. И. Ленина и его соратников.

Основные номинативные практики горожан Беларуси в это время ориентированы на проблемы сохранения национальной идентичности, находившие воплощение в номинации улиц, проспектов, площадей и других линейных и территориальных внутригородских объектов именами белорусов и в том числе уроженцев конкретного города.

Что же касается номинативных практик именования внутригородских объектов жителями польских городов указанного временного отрезка, то их изменения чаще всего результат получившей развитие в Польше после распада СССР глобальной кампании по ревизии истории. Для польских урбанонимиконов новой точкой отсчета стало принятие в апреле 2016 г. закона о декоммунизации, в соответствии с которым «к пропагандирующим коммунизм относятся названия, связанные с лицами, организациями, событиями или датами, символизирующими репрессивную, авторитарную и не суверенную систему власти в Польше в 1944–1989 гг.»

Особенно актуализируется номинативная практика, в соответствии с которой в круг требующих меморизации попадают лица, объединения, события, имевшие отношение к фактам репрессий, жертвам режима, а также антисоветским проявлениям. В частности, в Белостоке в начале 2000-х гг. функционировали *ul. Władysława Liniarskiego*, носящая имя польского военачальника, полковника Войска Польского, в 1944–1945 гг. одного из лидеров антисоветского подпольного движения в Белостокском округе [3] и др.

Что касается еще одной актуальной у белорусов, поляков и россиян номинативной практики, состоящей в назывании улиц в честь генералов и маршалов, то она наиболее часто использовалась белорусами: в два раза чаще, чем россиянами и почти в четыре раза чаще, чем поляками (см. таблицу 1).

Иными количественными показателями характеризуется соотношение частотности применения номинативной практики, состоящей в использовании в качестве производящей базы урбанонимов наименований армий, объединений и формирований, принимавших участие в освобождении народов от немецко-фашистских захватчиков. В польском городе таковых оказалось 10 единиц, причем имеющих отношение как к тем, кто считал Германию врагом, а СССР – другом и союзником, так и тех, кто выступал и против Германии, и против СССР, объединял антикоммунистические элементы польского движения Сопротивления: *ul. 1-szej Armii Wojska Polskiego; ul. Armii Krajowej; ul. Narodowych Sił Zbrojnych* и др.; в белорусском – 6: *ул. 39-й Армии; ул. 43-й Армии; Партизанский пер.* и др.; в российском – 3: *ул. Нормандия-Неман, Молодогвардейская ул., Молодогвардейский пер*.

Практика называния улиц, переулков, площадей и других линейных и территориальных объектов в честь Дня Победы и дней освобождения населенного пункта более задействована белорусскими номинаторами (в Витебске зафиксировано 5 таких урбанонимов: *ул. 26 Июня; пер. 26 Июня; пл. Победы; просп. Победы; ул. Победы*, в то время как в Смоленске – 2: *ул. 25 Сентября; ул. 9 Мая*; в Белостоке – 1 – *ul. 27 Lipca*).

Следует подчеркнуть, что практика номинации улиц именами государственных и политических деятелей военного времени, наоборот, применена только польскими номинаторами – *ul. Stanisława Mikołajczyka*, который с июля 1943 по ноябрь 1944 года занимал должность Премьер-министра польского правительства в изгнании.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Подходы белорусских, польских и российских номинаторов внутригородских объектов в начале XXI в. совпадают в актуализации исторической памяти о рядовых участниках Второй мировой войны, героях сражений и жертвах; генералах и маршалах; армиях, объединениях и формированиях, а также о Дне Победы и днях освобождения населенного пункта, в чем ничего неожиданного нет: память отражает эмоционально-оценочное отношение людей к пережитому прошлому.

При этом память – это еще и такой механизм преемственности прошлого и будущего, который выступает на фоне настоящего, то есть реалий современного социально-исторического контекста, покоящегося на установках господствующей сейчас идеологии. А это значит, что реконструкция образов минувшей войны может подвергаться либо приукрашиванию, либо забвению, либо превращению в основу стремлений «хозяев» идеологии. Поэтому, несмотря на сходство в актуализации перечисленных групп урбанонимов, репрезентирующих память о Второй мировой войне, неслучайны различия номинативных практик жителей белорусского, российского и польского городов.

Витебск, Смоленск и Белосток приняли в свои урбанонимиконы заметное количество символов, связанных с памятью о Второй мировой войне, которые в первых двух из них не диссонировали с доминирующим нарративом. Что же касается польского урбанонимного пространства, то в силу начавшегося в 1990-х гг. удаления из него коммунистических названий и идей оно превратилось в место одновременного сохранения и стирания памяти – практики, наиболее очевидно проявившейся в акте переименования улиц. Почти десятилетие, прошедшее после принятия закона о «декоммунизации общественного пространства», свидетельствует, что инициатива переименования «советских» улиц не получила стопроцентной поддержки у польских номинаторов. Несмотря на решение польских властей переписать историю, – объективный факт освобождения оккупированной нацистами Польши именно советскими солдатами изменить нельзя.

Содействуя поиску смыслов и ценностей, способных стабилизировать развитие общества, процесс меморизации должен представлять прошлое в его неизменном виде. В противном случае, опирающийся на общественно-политические запросы дня сегодняшнего, он превращается в инструмент не сохранения, а стирания исторической памяти и в результате фальсификации истории.

Литература

1. Борисенко, В. Н. Вторая мировая война в исторической памяти русских и поляков: перекрестный взгляд молодых исследователей / В. Н. Борисенко, Я. Венглож, Т. Н. Гончарова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. – 2016. – Вып. 2. – С. 161–167. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.214

2. Дорофеенко, М. Л. Отражение исторической памяти в урбанонимных меморативах: сопоставительный аспект / М. Л. Дорофеенко // Вести Белорус. гос. педагог. ун-та. Сер. 1. Педагогика. Психология. Филология. – № 4(118). – 2023. – С. 109–111.

3. Линярский Владислав. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9,_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2 (дата обращения: 16.12.2024)

4. Мезенко, А. М. Мемориальные урбанонимы как трансляторы исторической памяти народа / А. М. Мезенко // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 74-й Региональной науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 18 февраля 2022 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е. Я. Аршанский (гл.ред.) [и др.] – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – С. 198–201.

5. Попов, С. А. Память о Великой Отечественной войне в названиях улиц населѐнных пунктов Воронежской области / С. А. Попов // Ономастика Поволжья : материалы XXI Междунар. науч. конф. (Рязань, 3–5 октября 2023 г.) / под общ.ред. И. Н. Хрусталѐва, В. И. Супруна. – Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2023. – С. 204–208.

6. Ружицкий, Б. Переименование городской топонимии как средство переопределения местной идентичности: декоммунизация названий улиц в Польше / Б. Ружицкий // Городские исследования и практики. – 2021. – Т. 6. – № 1. – С. 109–123. DOI: https://doi.org/10.17323/usp612021109-123

7. Савина, А. В. Памятники Белозерска: меморизация в малом историческом городе / А. В. Савина // *X Кирилло-Новоезерские чтения: сб. статей межрег. конф. [Электронный ресурс] / Под ред. Т. А. Москаленко, С. А. Удальцовой. – Белозерск: БУК ВО «Белозерский областной краеведческий музей», 2020.* – С. 371–382. – URL: https://belozermus.ru/blog/sbornik-materialov-mezhregionalnoy-konferencii-x-kirillo-novoezerskie-chteniya-nauchnoe (дата обращения: 11.12.2024).

Источники

1–А. Национальное кадастровое агентство: офиц. сайт Республики Беларусь. – URL: https://nca.by/ (дата обращения: 06.12.2024).

2–А. Реестр улиц г. Смоленска. – URL: https://www.smoladmin.ru/gostyam-i-zhitelyam/gradostroitelstvo/reestr-ulic-g-smolenska/ (дата обращения: 06.12.2024).

3–А Fiedorowich, T. Białostockie ulice i ich patroni / T. Fiedorowich, M. Kietliński, J. Maciejczuk. – Białystok, 2012. – 393 s.

И.А. Михайлин
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
e-mail: dudelevel9323@gamil.com

УДК 81’374.2

ИМЕНА ПЕРСОНАЖЕЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ КАК МАРКЕРЫ ЖАНРА

Ключевые слова: *квазиантропоним, компьютерная игра, дискурс, прозвище, жанр «шутер».*

В статье рассматривается специфика изобретения имен персонажей (квазиантропопнимов) в дискурсе компьютерной игры. На примере имен персонажей компьютерной игры жанра «шутер» выделяются тематические группы имен, используемые для номинации антагонистов и протагонистов. Анализируется корреляция реального и фикционального в основе принципов номинации. Сделан вывод о соответствии выбора данных имен признакам жанра «шутер».

I.A. Mikhailin
Volgograd State Socio-Pedagogical University

COMPUTER GAME CHARACTER NAMES AS THE MARKERS OF A GENRE

Key words: *quasi-anthroponym, computer game, discourse, nickname, shooter genre.*

The article deals with the specificity of the invention of character names (quasi-anthroponyms) in the discourse of a computer game. On the example of character names of the computer game of the genre “shooter” the thematic groups of names used for nomination of antagonists and protagonists are singled out. The correlation of real and fictional in the basis of nomination principles is analyzed. It is concluded that the choice of these names corresponds to features of the “shooter” genre.

В современных ономастических исследованиях функционирование имен собственных изучается в основном на материале художественных или публицистических текстов. Между тем существует феномен, в котором сочетаются признаки всех функциональных стилей, совмещается реальное и фикциональное начало и при этом содержится большое количество

собственных имен. Это компьютерная видеоигра. С лингвистической точки зрения, в ней прослеживается многоаспектная проработанность языкового наполнения дискурса (мира игры), в разы превышающего варианты, например из художественной литературы [5, с. 26]. Существует множество жанров компьютерных игр. Один из наиболее распространенных – «шутер». Т.Х. Култалиев определяет «шутер» как компьютерную игру, в основе игрового процесса которой лежит использование огнестрельного оружия в различных ситуациях [3]. Мы предполагаем, что жанр игры влияет на выбор имен собственных при создании дискурсивного пространства компьютерной игры, имена собственные формируют ономастический фон, отображающий цельный мир со своей историей. В играх жанра «шутер» обнаруживаются следующие структурные элементы: характер игрового процесса, перспектива и игровое пространство [2, с. 7–8; 6]. Помимо них также могут присутствовать и дополнительные атрибуты (элементы ролевой игры, симулятора и т.д.), которые добавляют свои особенности к жанровой специфике игры.

По нашим наблюдениям, каждый из жанровых элементов маркирован определенной группой имен собственных. Например, перспектива – антропонимами. Этот структурный элемент связан с созданием главных персонажей игры – антагонистов и протагонистов (и их имён собственных). Цель данной статьи – определить специфику выбора или изобретения имен персонажей в компьютерной игре жанра «шутер». В качестве материала мы выбрали многопользовательский онлайн-шутер от первого лица с элементами RPG «STALCRAFT: X». Сюжетно игра повествует о стремлении главного героя разгадать загадку таинственного зова, влекущего людей в Чернобыльскую зону отчуждения (ЧЗО).

В словаре Н.В. Подольской под антропонимом понимается «разряд онимов. Любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в т. ч. личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним» [4, с. 31].

Однако в этом традиционном определении речь идет о номинациях реальных людей. Между тем термин «антропоним» применяется и при исследовании фикциональных персонажей. Используется также термин «квазиантропоним». Применительно к нашему исследованию он будет обобщать все виды имён персонажей, созданных для нарратива компьютерной игры. Д.В. Захарова и Л.М. Бондарева в своём исследовании указывают, что под «квазиантропонимами» в компьютерных играх можно понимать «наименования одушевленных объектов, фигурирующих в фэнтезийных текстах и обладающих на фоне отдельных антропоморфных признаков целым рядом специфических нестандартных характеристик, обнаруживающих принадлежность данных существ к альтернативному миру» [1, с. 53]. В нашем случае фэнтезийным текстом выступит компьютерная игра, а существами, принадлежащими альтернативному миру игры, станут игровые персонажи-люди.

В определении также обращается внимание на то, что в основу номинации персонажа может быть положен ряд признаков, среди которых: «внешний вид», «характеристика», «функция» и их комбинация [1].

Сплошная выборка квазиантропонимов из данной игры составила 157 имён персонажей. Подавляющее большинство (120 имён (76,5%)) представлено прозвищами.

Персонажи в мире игры говорят о том, что ЧЗО, являясь миром отличным от «большой земли» (остальной мир), содержит в себе видоизменённые аспекты обычного социального строя. Поэтому каждый должен взять себе новое имя для разграничения жизни до и после. Таковыми становится прозвища. Прозвища в мире игры выполняют функции социальной маркировки и маскировки. Кроме того, короткие формы личных имён характерны для военного игрового дискурса.

Все прозвища в игре можно разделить на несколько тематических групп, в основу номинации которых легли какие-то особенности персонажа ли его принадлежности. Первая группа прозвищ отражает род деятельности персонажа до его попадания в ЧЗО. Всего 38 единиц (32%). Например: *Физик, Подрядчик, Археолог, Бригадир, Дистрибьютор* и т.д. В основе всех прозвищ этой группы – существующие существительны, обозначающие лиц по профессии или сфере занятости.

Близкой по семантическому составу группой являются прозвища со значением фактической занятости персонажей на момент игровых событий в ЧЗО. Например, *Бармен, Медик, Техник, Шпион, Перекупщик, Связной, Атаман* и т.д. Подобных прозвищ насчитывается 15 (13%). Так *Бармен* выступает в роли бармена в локации *Бар 100 Рентген*, *Медик* лечит раненых персонажей, *Техник* занимается починкой поломанных предметов и т.д. Все рассмотренные прозвища принадлежат нейтральным персонажам, не относящихся каким-либо группировкам.

Иные способы номинации используются при создании прозвищ, которые принадлежат персонажам-членам различных военизированных группировок в ЧЗО. Такие прозвища соотносят персонажа со определенной социальной группой. Однако данные прозвища неоднородны. Мы объединили их в тематические группы, которые отражают специфику дискурса исследуемой игры.

Первая группа представляет прозвища членов группировок, которые можно противопоставить с точки зрения идеологии. Всего 28 прозвищ (23,5%).

Часть из них (16 ед. – 57%) принадлежит членам группировки «*Бандиты»*. Их идеология основывается на воровстве, грабеже и убийстве других сталкеров. Например, *Кум, Штырь, Гнус, Лютый, Гном, Мент, Шнырь* и т.д. Эти имена собственные во многом напоминают прозвища, существующие в реальном криминальном мире, а также слова, относящиеся к воровскому жаргону. В данном случае мы считаем, что авторы взяли за основу специфику номинации реального мира и перенесли его в игру.

В основе номинации – следующие особенности человека: рост (*Гном*), характер (*Лютый и Гнус*), род деятельности (*Мент*), положение в криминальной иерархии (*Штырь, Шнырь, Кум*).

Остальные 12 (43%) прозвищ принадлежат персонажам, представляющим группировку «*Сталкеры*». Идеология этой группировки выстраивается на взаимной помощи, как друг другу, так и представителям иных группировок, при этом это объединение формальное, в нем нет лидера. Принципы номинации персонажей частично совпадают с ранее рассмотренными вариантами. Так, персонажи получили свои прозвища на основе характера (*Лёд* – очень отстранённый*, Огонёк* – эмоционально активный), физических характеристик (*Тополь* – высокий рост), внешнего вида (*Кондор* – прическа на голове напоминает голову птицы кондора, *Шаман* – одет как шаман), истории игрового персонажа (*Дикобраз* – прозвище связанно с артефактом Дикобраз, который персонаж нашёл первым в своей сталкерской карьере) и т.д.

Иными идеологически противопоставляемыми группами прозвищ выступают имена собственные персонажей группировок «*Долг*» и «*Свобода*». В рамках этих объединений насчитывается 39 прозвищ (32,5%). В группировку «*Свобода*» входят персонажи, которые объединены идеей доступности ЧЗО и правилами анархии. Всего 16 прозвищ (41,5%). Номинация в данном случае имеет во многом случайный характер, что коррелирует с идеями анархии. Например, *Марафонец, Клевер, Грач, Гром* и т.д. Персонажи с этими прозвищами не обладают какими-либо особенностями, которые могли бы послужить семантической основой для номинации. «*Долг*» – военизированная группировка со своими иерархическими порядками, противопоставляемая *«Свободе»*. Представители этой группировки – бывшие военные и обычные сталкеры, которые в неё вступили. Рядовые представители группировки обладают разнообразными прозвищами (15 ед. – 38,5%), поскольку – это новички, вступившие в группировку из других объединений. Например, *Сапожник, Дырокол, Калаш* и т.д.

Высшие чины не имеют прозвищ. Они наделены фамилиями в комбинации со званиями: *капитан Воронцов, лейтенант Слидкин, генерал Воронин* и т.д. Всего 37 единиц (23,5%). Тот же способ номинации используется для обозначения представителей фракции «Военные»: *капитан Каптёрка, лейтенант Соколов* и т.д. В обоих случаях при создании антропонимических комплексов, включающих фамилию и звание, использовалась устойчивая ономастическая модель реального мира. 9 из 37 антропонимов (24,5%) принадлежат представителям фракции учёных, проводящих разнообразные замеры и опыты на территории ЧЗО. Они номинированы схожими антропонимическими комплексами с долговцами и военными: *лаборант Киселев, доктор Ширвиндт, профессор Бондаренко* и т.д. У учёных определители-существительные означают их должность или научные звания.

Подводя итог нашего анализа, отметим, что антропонимы способны быть значимым классом онимов в дискурсивном пространстве

компьютерной игры. В игре жанра «шутер» они отвечают за реализацию структурной характеристики «перспектива», что обусловило деление всех персонажей на антагонистов и протагонистов. При создании квазиантропонимов-прозвищ авторы основывают их на характерных особенностях персонажей: визуальных составляющих, характере, предыстории и т.д. Квазиантропонимы-фамилии были перенесены в игру из дискурса реального мира для реализации общей нарративной составляющей. Они демонстрируют переплетение вымысла и реальности, связь дискурса реального мира и дискурса игры. Перспективой дальнейшего исследования мы видим анализ связи квазиантропонимов с онимами иных классов в дискурсе компьютерной игры.

Литература

1. Захарова, Д.В. Семантические особенности квазиантропонимов в текстах англоязычных фэнтезийных видеоигр / Д.В. Захарова, Л.М. Бондарева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 47–55.

2. Компьютерные миры ZX Spectrum. – Санкт-Петербург: Питер, 1995. – Т.2. – С. 7–8.

3. Кутлалиев, Т.Х. Жанровая типология компьютерных игр: проблема систематизации художественных средств: Автореф. дисс. канд культорологии: 24.08.2014 / Лиманская Л. Б.; М., 2014. – 25 с.

4. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В.Суперанская. – М.,1978. – С. 161.

5. Югай, И.И. Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX–XXI веков: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения / Шехтер Т.Е. – Санкт-Петербург, 2008. – 26 с.

6. McNaughton M., Schaeffer J., Szafron D., Parker D., Redford J. Code Generation for AI Scripting in Computer Role-Playing Games. American Association for Artificial Intelligence. Halifax, Canada, – 2004, – pp. 1–5.

К.С. Мізерыя
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: svfbg@tut.by
Навуковы кіраўнік: С.Ф. Бут-Гусаім, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

УДК 808.26 – 541.2

АНАМАСТЫКОН ДЗІЦЯЧАЙ ПРОЗЫ КЛАЎДЗІІ КАЛІНЫ І НІЛА ГІЛЕВІЧА

Ключевые слова: *оним, поэтоним, антропоним, антропонимическая коннотация, личное имя, прозвище, топоним.*

В статье рассматриваются представленные в детской литературе белорусских авторов антропонимы, являющиеся носителями ценной информации о материальной и духовной культуре белорусов XX века. Изучены

коннотации архаичности, разговорности, социальности, эмоциональности, оценочности личных имён собственных. Выделены тематические группы прозвищ персонажей, выявивших систему ассоциаций, существующую в языковом сознании членов белорусской лингвокультуры. Изучены идеологическая и культурно-историческая функции топонимов, агионимов, геортонимов и др. разрядов «фоновых» онимов прозы для детей и юношества.

K.S. Miseria
Brest State University named after A.S. Pushkin

ANOMASTICON OF CHILDREN'S PROSE KLAVDIA KALINA AND NIL GILEVICH

Key words: *onym, poetonym, anthroponym, anthroponymic connotation, personal name, nickname, toponym.*

The article examines the anthroponyms presented in the children's literature of Belarusian authors, which are carriers of valuable information about the material and spiritual culture of Belarusians of the twentieth century. The connotations of archaism, colloquialism, sociality, emotionality, and evaluativeness of personal proper names are studied. Thematic groups of character nicknames have been identified, revealing the system of associations existing in the linguistic consciousness of members of the Belarusian linguistic culture. The ideological and cultural-historical functions of toponyms, hagionyms, georthonyms, etc. are studied. categories of "background" onyms of prose for children and youth.

Яркія старонкі шчаслівага дзіцячага свету адкрывае чытач аповесці берасцейскай пісьменніцы Клаўдзіі Каліны "Бабуля Насця, дзед Адам, Петрык і каза Рагуля". Светлыя гісторыі дзяцінства любімай жонкі расказвае чытачу Ніл Гілевіч у аповесці "Разумная дзевачка". Творы, арыентаваныя на дзіцячае ўпрыманне, патрабуюць спецыфічных форм, сродкаў і прыёмаў, дзякуючы якім дасягаюцца ўдалыя суадносіны прама выражанага сэнсу і падтэксту. Адным з такіх сродкаў з'яўляецца анамастычная лексіка – важны кампанент паэтыкі мастацкага твора. Ствараючы вобразы маленькіх герояў, малюючы карціны навакольнай прыроды і вясковага жыцця, пабачаныя дзіцячымі вачыма, К. Каліна і Н. Гілевіч умела выкарыстоўваюць семантыка-прагматычныя ўласцівасці онімаў.

Мэта прадстаўленай працы – вызначэнне структуры анамастычнай прасторы аповесцей К. Каліны і Н. Гілевіча; выяўленне нацыянальна-культурнай спецыфікі імён уласных, якія з'яўляюцца адным з моўных сродкаў стварэння мастацкіх вобразаў у дзіцячай літаратуры.

Для дасягнення пастаўленай мэты неабходна вырашыць наступныя задачы: выявіць склад анамастычных адзінак, разгледзець анамастыкон твораў К. Каліны і Н. Гілевіча у культурна-гістарычным і семантыка-прагматычным аспектах; выявіць спецыфіку функцыянавання ўласных імёнаў у літаратуры для дзяцей и юнацтва.

Актуальнасць прадстаўленай працы вызначаецца павышанай увагай лінгвістаў да вывучэння онімаў у аспекце сувязі мовы і культуры, у тым ліку этнічных традыцый іменаслову. Онімы з'яўляюцца кампанентамі лексіка-граматычнай сістэмы мовы, але ўтвараюць у ёй аўтаномную падсістэму, захоўваюць гісторыка-лінгвістычную, сацыяльную і культуралагічную інфармацыю. Вывучэнне анамастыкону з мэтай выяўлення як лінгвістычнай, так і экстралінгвістычнай інфармацыі сведчыць пра надзённасць даследавання.

Навуковая навізна работы ў тым, што ўпершыню зроблена комплекснае лінгвапрагматычнае і онамапаэтычнае апісанне анамастычнай прасторы дзіцячай прозы Клаўдзіі Каліны і Ніла Гілевіча. У навуковы ўжытак уведзены новы фактычны матэрыял, праведзены комплексны аналіз паэтанімікону твораў, анамастычны свет якіх да гэтага часу не вывучаўся.

У антрапаніміконе твораў беларускіх аўтараў адлюстраваны традыцыі народнага іменаслову. Так, прадстаўнікі старэйшага пакалення носяць імёны, што ў савецкия часы паступова архаізаваліся: ***Фацей, Клеманціна, Малання, Лук'ян, Адам, Прося, Феня, Фруза, Грыпіна, Юстына***. У маўленні персанажаў прозы К. Каліны і Н. Гілевіча шырока ўжываюцца формы суб'ектыўнай ацэнкі антрапонімаў – рэпрэзентанты канатацый эмацыйнасці, экспрэсіўнасці, ацэначнасці. У аповесцях выкарыстаны эмацыйныя формы імён маленькіх герояў. Такія вырыянты онімаў выражаюць ласку і пяшчоту да дзяцей і падлеткаў: "***Петрык*** *цярэбіць бабулю за рукаў, зазірае ў вочы*" [2, с. 3]; "***Санік*** *шчэрыць белыя як снег за запэцканым сажаю твары зубы*" [2, с. 170]; "*Чаго ты,* ***Ніначка****? Што здарылася?"– спытаў ласкава тата*" [1, с. 39]; "*Ну,* ***Аленка****, ты ўжо даўно руку трымаеш, хадзі раскажы ты, а мы паслухаем*" [1, с. 13]; "***Ліпачка****, я хачу быць з табой,* ***Ліпачка****, родненькая, я хачу быць разам*" [1, с. 30]; "*Стары ведаў, што* ***Толік*** *будзе на пашы аж да шарай гадзіны*" [1, с. 15]; "*Пераводзіць жабрака праз кладку. Мне і* ***Вікця*** *казала, і* ***Анютка****, і* ***Ірка***" [1, с. 17]. Заўважым, што і сталыя героі, прайшоўшы жыццёвыя выпрабаванні, цёпла, спачувальна адносяцца да людзей, што праяўляецца ў ласкальных формах звароту: "*Э-э-эх! Скінуць бы мне,* ***Насцечка****, саракоўку*" [2, с. 82]; "*Што ў мяне,* ***Адамка****, браць. А мае маляванкі злодзею не патрэбны*" [2, с.53]; "*Глянь, глянь,* ***Настуся****, якое цялятка латанае*" [2, с.57]. Паводле даўніх традыцый, памяць пра памерлых застаецца жывой, калі дзяцей называюць іх імёнамі. Так, галоўны герой аповесці К. Каліны ***Петрык*** атрымаў імя ў гонар загінуўшага сына дзеда Фацея і бабы Веры: "***Пятрусь*** *загінуў… Быў партызан, сувязны… Вось цябе і назвалі* ***Петрыкам****… Гэта каб была памяць па нашаму, па майму*" [2, с. 163].

Рэпрэзентантамі канатацыі нацыянальна-культурнай спецыфікі з'яўляюцца ўласцівыя вяскоўцам формы наймення старэйшых паважаных людзей '*дзед, баба, цётка, дзядзька+імя'*: «"*Драсты", – адказаў* ***дзед Антось****, не адрываючы вачэй ад кошыка*» [1, с. 16]; "*Тым не менш,* ***дзед Павал*** *спаважна ўсеўся на калодку*" [1, с. 17]; "*Зімовымі вечарамі яна не раз бачыла, як маці двума пруткамі з дзюбкамі вяжа з шарсцяных нітак то панчошкі – ёй і Ліпе, то рукавіцы, то шкарпэткі* ***дзядзьку Міцю****, то шалік*" [1, с. 10].

Яркім ацэначна-характарыстычным сродкам у дзіцячай літаратуры з'яўляюцца ***мянушкі*** герояў. На старонках аповесці ўжыты ***генесіяніміч-ныя мянушкі*** – празванні, утвораныя ад імён і мянушак бацькі або мужа (андронімаў і патронімаў): "*Ён ужо да* ***Яўхімавай*** *Нюркі ў сваты прыходзіў, а ты яго за пашавэлка маеш*!" [1, с. 44]; "*А вось шмэльц павінен быць у* ***Якубіхі****, яна трымае гусей. Схаджу да* ***Якубавых****, папрашу, калі яшчэ спаць не ўкладуцца*" [1, с. 47]; "*У Максімках стаіць пафарбаваная ў ядавіты зялёны колер хата старой* ***Лычыхі***" [2, с. 13]; "*Мая бабуля* ***Гнаціха****, бо майго дзеда звалі* ***Ігнатам***" [2, с. 17]. У дзіцячым асяроддзі шырока выкарыстоўваюцца ***мянушкі-дражнілкі:*** "*А ты* ***Лыч-сыч***!" – "*А ты* ***Петручок – чорны, як жучок***" [1, с. 73]. Паводле матываў называння персанажаў можна вылучыць наступныя тэматычныя групы індывідуальных мянушак. Так, асновай празвання часта з'яўляюцца рысы знешнасці вяскоўца: "*Бабулю Насцю называюць* ***Цыганкай****, пэўна, за тыя круглыя цыганскія завушніцы, што гойдаюцца ў бабуліных вушах. А можа, за тое, што бабуля, нібы цыганка, як летам, так і зімою смуглявая*" [2, с. 28]. Гаваркія антрапонімы могуць ацэньваць людскія характары: "*Лычыху празвалі ў Максімках* ***Клямкай*** *за тое, што яна заўсёды зачыняе весніцы на зашчапку – клямку, каб на падворак ніхто з суседзяў не заходзіў і не бачыў, што ў яе там робіцца*" [2, с. 4]; *«Баба Хрысціна – кабеціна негаваркая, норавам – строгая, любіць парадак, каб усё было дагледжана, прыбрана, вымыта, у яе нават мянушка не якая-небудзь крыўдная, а ганаровая – "****Чысцюля"****»* [1, с. 35]. Асновай мянушкі могуць быць найбольш паўтаральныя ў маўленні чалавека словы. Празванне-дэлакутыў ***Пацерка*** акрэслівае не толькі манеру гаварыць, але і характар добрай, спагадлівай жанчыны: *«Петрыкаву бабулю ў Максімках завуць ласкавым прозвішчам –* ***Пацерка****. Чаму? Таму што яна сама гэтак ласкава называе ўсіх жанчын: "А мая ж ты* ***пацерка***!"*»* [2, с.14]. Да мянушак-характарыстык маўлення персанажаў належаць празванні герояў аповесці Н. Гілевіча "Разумная дзевачка": "***Цала*** *– гэта была мянушка, бо як быў малы – замест «сала» казаў «цала»"* [1, с. 20]; "***Гамзук*** *– гэта, вядома, мянушка, якую вясковыя дзеці доўга не шукалі: хлапчук гаворыць трохі ў-нос,* ***гамзае****, – адсюль і* ***Гамзук***" [1, с. 37]; *«Перадапошняя хата – старога Антося* ***Цалавека****. Сапраўднае прозвішча – Грабнёў, але за вочы яго ніхто ў вёсцы па прозвішчы не называў, усё жыццё Антось пражыў* ***Цалавекам****. Родам ён быў з-пад Невеля,*

*дзе беларусы "цокаюць", і замест "чалавек" гаварыў "**цалавек**", – так і прыляпілася назаўсёды мянушка»* [1, с. 76].

Лакалізатарамі прасторы мастацкага твора з'яўляюцца **тапонімы**: гаваркія найменні вёсак, дзе жывуць маленькія героі **(*Хвойнікі, Клёнікі, Мурожніца, Замчышча, Гаравец***), назвы рэк (***Зуйка, Калпеніца***), возера (***Качынае возера***). Трэба адначыць, што побач з найменнямі рэальных геаграфічных аб'ектаў на старонках твора К. Каліны ўжываецца назва прыдуманай бабуляй гары – ***Сіняя гара***, – на якой нібыта начуе сонейка.

Перыферыйныя анамастычныя адзінкі, якія ствараюць апавядальны фон твораў і з'яўляюцца своеасаблівымі знакамі часу, адлюстоўваюць інтарэсы і светаўспрыманне дзяцей і дарослых. Жыццё вяскоўцаў, герояў аповесцяў, падпарадкавана даўнім трыдыцыям. Жыхары вёскі добра ведаюць традыцыйныя святы і прыкметы, звязаныя з імі. Таму ў аповесцях ужыты найменні хрысціянскіх свят: "***Ілля*** *грозіцца дождж наслаць. Хутка ўвалье. Без гэтага на* ***Іллю*** *не бывае*" [2, с. 80]. ***Міфонімы*** – найменні аб'ектаў, створаныя фантазіяй чалавека і ўжытыя ў казках, легендах, міфах, паданнях. Маленькія героі бачаць свет жывым, адухоўленым. Вандруючы па лесе, яны ўяўляюць сабе яго гаспадара, ***Лесуна***: "*Краіна* ***Лесуна! Лясун*** *– лясны ўладар, барадаты, вусаты, у зялёнай або белай кашулі ходзіць па лесе і правярае, ці ўсё так зроблена, як трэба.* ***Лесуны*** *добрыя… У казках…*" [2, с. 157]. Найменні савецкіх свят з'яўляюцца арыенцірамі ў часе разгортвання дзеяння твора Н. Гілевіча: ***Чырвоны Кастрычнік, Першамай, Дзень Савецкай Арміі***. **Агіёнімы** і **тэонімы** – імёны святых і ***Бога*** – з'яўляюцца сродкам адлюстравання светапогляду людзей старэйшага пакалення, якія і ў савецкія часы заставаліся шчырымі вернікамі: "*Я ўжо надта шмат жыву, дзіцятка, дык таму і шмат бачу, і шмат разумею... Буду маліцца перад абразом* ***Прасвятой Багародзіцы*** *і за цябе. Каб заступалася, каб спрыяла і памагала табе*" [1, с. 99]; "*Ой, цяжка! Адзін* ***Бог*** *ведае, якая цябе чакае доля*" [1, с. 100]; "*Хоць і заступалася (напэўна ж, заступалася!)* ***Прасвятая Багародзіца***, *але засцерагчы Ніну ад цяжкай, несправядлівай долі не змагла. Колькі яна за жыццё сярод людзей адпакутавала, колькі перажыла крыўдаў, колькі прыніжэнняў, знявагі і абразы перацярпела, колькі подлай хлусні і ашуканства зазнала, – гэта ведае толькі яна сама ды хіба тая, з Юстынінага абраза,* ***Багародзіца***, *позірк якой з таго часу стаў яшчэ больш сумным і балючым*" [1, с. 101].

Важнае месца ў мастацкім свеце твораў для дзяцей і юнацтва займаюць вобразы жывёл і птушак, таму складнікам анамастыкону аповесцей з'яўляюцца **заонімы**. Найменні жывёл у многіх выпадках з'яўляюцца матываванымі, гаваркімі, уяўляючы малюнак знешнасці і характару сяброў маленькіх персанажаў: "*Каза* ***Рагуля*** *наравістая, упартая і бадлівая, на ўсіх ідзе, апусціўшы свой крывы рог*" [2, с. 45]; "*Карову* ***Латанай*** *звалі, бо яна і сапраўды была нібы палатаная: то белая, то чорная латка, нейкая шэраватая, чыста світка ў жабрака. Я такой пярэстай каровы, колькі*

жыву, не бачыла” [2, с. 56]; “*Вось-вось прыйдзе з поля кароўка* ***Рабоня*** *і прынясе свежае малачко*” [1, с. 5]; “*Агульны быў не толькі дом, але і хлеўпуня, дзе стаялі побач яе карова* ***Зорка*** *і цялушка Кавалёвых* ***Мілка***” [1, с. 16]. Героі казкі “Дзе начуе сонейка”, што расказала бабуля Насця (аповесць К. Каліны), таксама носяць гаваркія імёны. Часта гэтыя ***заонімы*** маюць гукапераймальны характар: жабка ***Квака***, вожык ***Фук***, суслік ***Сыс***, сінічка ***Піня***. Некаторыя празванні акрэсліваюць знешняе аблічча герояў казкі. “*Бялюткае казляня з чорненькімі капыткамі*” [2, с. 146] носіць імя ***Чорнакапытка.*** Асобныя заонімы ўтвораны ад найменняў жывых істот: арол ***Орр***, чарапаха ***Чара***.

Формы іменавання персанажаў твораў К. Каліны і Н. Гілевіча адлюстроўваюць гісторыю і сучаснасць беларускага антрапанімікону. У аповесцях шырока ўжываюцца эмацыйна-экспрэсіўныя формы імёнаў, якія здольныя выразіць характар людскіх узаемаадносінаў, прычым пераважаюць формы са станоўчай ацэнкай. Варта адзначыць адпаведнасць сэнсавай нагрузкі і формы найменняў герояў словаўтваральным тыпам і мадэлям беларускага іменаслову XX стагоддзя. Анамастычная прастора аповесцей ўтрымлівае інфармацыю пра менталітэт беларусаў, іх культурна-гістарычныя карані, пра іх погляд на чалавека, яго ўчынкі, паводзіны, маральнае аблічча.

Літаратура

1. Гілевіч, Н. Разумная дзевачка : маленькая аповесць пра адно дзяцінства / Н. Гілевіч. – Мінск : “Про Хрысто”, 2005. – 103 с.

2. Каліна, К. Бабуля Насця, дзед Адам, Петрык і каза Рагуля : аповесць / К. Каліна. – Мінск : Маст. літ., 1985. – 175 с.

Я.Д. Мухина
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: yanamukhina.78@gmail.com
Научный руководитель: М.Ф. Кунтыш,
кандидат филологических наук, доцент

УДК 392.91:821.161.3

СИМВОЛИКА ИМЁН ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ В ПОВЕСТИ В.В. БЫКОВА «ОБЕЛИСК»

Ключевые слова: *оним, антропоним, имена собственные, ономастическое пространство, художественный текст, литературная ономастика.*

В статье рассматриваются имена собственные учителей, употребленные в повести В.В. Быкова «Обелиск». Их имена показаны как

семантически и функционально взаимодействующие языковые единицы, информативно значимые для лучшего понимания смысла текста. Антропонимы исследуются также с точки зрения приращения смысла в конкретном контексте, роли в формировании идеи художественного произведения.

Y.D. Mukhina
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

SYMBOLISM OF THE NAMES OF THE MAIN CHARACTERS IN THE STORY BY V.V. BYKOV "OBELISK"

Key words*: onym, anthroponym, proper names, onomastic space, artistic text, literary onomastics.*

The article examines the proper names of teachers used in V.V. Bykov's story "Obelisk". Their names are shown as semantically and functionally interacting language units, informatively significant for a better understanding of the meaning of the text. Anthroponyms are also studied from the point of view of the increase in meaning in a specific context, the role in the formation of the idea of a work of art.

Каждый день мы сталкиваемся с сотнями имен собственных – называем друзей, прокладываем маршрут через названия улиц, обсуждаем персонажей любимых книг и сериалов. Но имена – это не просто ярлыки, а сложные культурные коды, способные раскрыть характер человека, а в художественных произведениях они становятся ключом к характеру, судьбе или даже скрытому смыслу текста.

При создании произведения автор всегда уделяет особое внимание именам персонажей: каждое что-то символизирует, так или иначе отражает суть персонажа, его значение в романе. А.М. Мезенко пишет: *«Литературоведы уделяют значительное внимание собственным именам в творчестве отдельных писателей. Имя в литературном произведении играет очень важную роль – ориентира во времени и пространстве»* [2, 68].

Изучение имен собственных в составе художественного текста, представляется нам актуальным, так как извлечение художественной информации из самого текста, из его лексического состава способствует более глубокому пониманию произведения, также материалы исследования могут быть использованы учителями литературы на уроках в школе.

Повесть «Обелиск» – одно из бессмертных произведений Василя Быкова [1], оно, так же, как и другие труды автора, рассказывает о сложных ситуациях и моральных дилеммах во время войны.

Цель данного исследования – представить особенности функционирования имен собственных в повести В. В. Быкова «Обелиск».

Главным героем повести является сельский учитель Алесь Иванович Мороз. Для него используют следующие антропонимы: **Мороз** (98 раз), **Алесь Иванович** (14 раз), **Мороз Алесь Иванович** (1 раз).

В белорусском языке Алесь – распространённое мужское имя, которое возникло как уменьшительно-ласкательная форма имени Александр. Имя Александр имеет греческое происхождение и обозначает "защитник людей". Быков в своём произведении показывает героя как реального защитника, который не позволял обижать своих учеников и всегда был на их стороне, и как защитника духовного, который взращивает духовные качества у своих подопечных и старается их сохранить.

Иванович – распространённое русское отчество, что в сочетании с именем делает из Мороза обобщенный образ умного, духовно развитого человека, которым может стать каждый.

Вежливое обращение к герою по имени и отчеству связано с его профессией: он учитель. Это обращение учеников к нему социально обусловлено, а взрослые называют его по имени и отчеству из уважения к нему.

Фамилия героя тоже имплицитно указывает на его качества. Это стойкий человек, готовый сражаться за свои нравственные идеалы до конца, его убеждения крепки так же, как суровый зимний мороз. Но если посмотреть на происхождение этого антропонима, то можно обнаружить, что оно родственно слову «*мерзкий*». И действительно, героев произведения можно разделить на тех, кто считает Мороза героем, то есть «поддерживает» положительное значение фамилии, и на тех, кто считает его предателем, а значит, «поддерживает» вторую версию. Такое двоякое восприятие семантики фамилии оставляет возможность читателю самому определить, кем именно для него является учитель.

Фамилия героя употребляется чаще, чем его имя и отчество, это связано с тем, что историю рассказывает Ткачук, который старше Мороза, а также был его начальником, поэтому такое обращение вполне естественно.

Важны для понимания произведения и нарицательные имена существительные, которыми автор называет центрального персонажа. Самое первое из них – **учитель** (36 раз). Оно указывает не только на профессию героя, но и на предполагаемые качества, которыми он должен обладать. Также для усиления значимости Мороза для детей со словом «учитель» в критических ситуациях используются местоимения **их** (3 раза) и **свой** (2 раза).

Следующая номинация связана с отношениями Алеся Ивановича и жителей сельца, после определённых событий они считали его **заступником**: *«…после этого не только школьники в Сельце, но и крестьяне со всей округи стали смотреть на Мороза как на какого-то своего заступника. Что у кого было трудного или хлопотного, со всем шли к нему в школу…»*.

Но самой главной характеристикой учителя по отношению к детям стало слово **покровитель.** Эти две номинации являются синонимами слова защитник, которое отсылает нас к имени персонажа Алесь (Александр).

Часто герои упоминают о физическом недостатке Мороза – хромоте. Из-за этого к нему относятся предвзято или оскорбляют: *«Да и какой из него, хромого, партизан!», «..довольно подло оскорбил его за хромоту, словно тот был в этом повинен», «хромой идиот».* Некоторые из-за его неидеального здоровья не могут разглядеть в нём хорошего человека, на которого стоит равняться.

В произведении, кроме Мороза, есть ещё два педагога. Разберём антропонимы, которые используются для их обозначения. Для Тимофея Титовича Ткачука, учителя, который до войны работал заврайоно, а после – служил в партизанском отряде, это **Ткачук** (61 раз), **Тимофей Титович** (2 раза) и **Тимох Титович** (2 раза).

Имя героя имеет греческое происхождение и означает «почитающий Бога». Скорее всего в качестве «Бога» выступает Мороз, ведь Ткачук очень его уважает как человека с четкими моральными принципами, для которого верность им дороже собственной жизни.

Фамилия Ткачук восходит к названию профессии: ткачом называли мастера, который занимался изготовлением тканей. В древности специальный человек «тыкал» палкой с поперечной нитью в разные стороны. Отсюда возникло сперва название «тыкач» – тот, кто тыкает, затем буква *ы* утратилась и образовалось слово «ткач».

В произведении эту фамилию можно интерпретировать как метафору, потому что герой на протяжении всей повести как бы указывает, «тычет» на правду и старается рассказать всем о подвиге своего товарища: *«Убил немца или не убил?.. Он сделал больше, чем если бы убил сто. Он жизнь положил на плаху. Сам. Добровольно. Вы понимаете, какой это аргумент? И в чью пользу...», «Мороза нет. Не стало и Миклашевича – он понимал прекрасно. Но я-то еще есть! Так что же вы думаете, я смолчу? Черта с два. Пока живой, я не перестану доказывать, что такое Мороз!»*

Использование разговорной формы «Тимох Титович» при обращении к герою делает диалоги более живыми и помогает передать попытку построить непринуждённую беседу с бывшим учителем, смягчить его.

Использование фамилии преобладает, поскольку часто используется в словах автора, сам журналист-повествователь не обращается к Ткачуку ни по фамилии, ни по имени и отчеству.

Воспитанником Мороза является Павел Иванович Миклашевич, который, как и его покровитель, тоже выбрал профессию учителя. В тексте для него используются антропонимы **Миклашевич** (50 раз), **Павлик** (20 раз) и **Павел** (5 раз).

Есть несколько версий происхождения фамилии героя. Согласно одному из вариантов, она связана с древним славянским именем Миколай и имеет значение «сын Николая». По другой версии – фамилия иноязычная, связана с немецким именем Nikolaus, которое имеет значение – «победа народа» или «тот, кто принесет победу народу». Как уже было сказано, Павел Миклашевич продолжил дело Мороза, продолжил учить детей и делать из них *«прежде всего людей»,* а не *«отличников учёбы и послушных зубрил».* Таким образом, старания и жертва Мороза не были напрасны, он спас преемника, который продолжал делать всё для «нравственной победы».

Имя Павел в переводе с латинского языка означает «маленький», «небольшой», также может трактоваться как «младший». Опираясь на это значение, можно предположить, что автор так показывает преемственность поколений и сохранение ценностей.

В повести при обращении к Миклашевичу люди старшего поколения используют уменьшительно-ласкательную форму Павлик, что говорит о их добром, любящем отношении к нему.

Когда Ткачук упоминает взрослого Миклашевича, то чаще всего использует его фамилию, а когда рассказывает о военных годах, то использует ласковое Павлик, что отражает изменение характера отношений с «учитель – ученик» на «товарищ – товарищ».

Итак, имена собственные учителей в повести В.В. Быкова «Обелиск» способствуют раскрытию образов персонажей, дополняя их новыми семантическими элементами. Именно через антропоним писатель более полно доносит до читателя личностные качества и духовный мир своих героев, их мотивации и их роль в произведении.

Таким образом, имена собственные являются одним из языковых средств характеристики героев, несут в себе особую смысловую нагрузку и помогают создать наиболее насыщенный образ героя в художественном произведении.

Литература

1. Быков, В. Третья ракета. Альпийская баллада. Обелиск. Дожить до рассвета / Пер. с белорус. Л. Лазарева. Худ. Е. Капустин. – М., «Худож. Лит.», 1975. – 448 с.

2. Ономастика [Электронный ресурс]: учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-21 05 02 Русская филология / [авт.-сост.: А.М. Мезенко, В.М. Генкин, А.Н. Деревяго]; Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Филол. фак., Каф. общего и русского языкознания. – Электрон. текстовые дан. (1 файл: 208 Кб). – Витебск., 2013. – Режим доступа: https://rep.vsu.by/handle/123456789/3109. – Дата доступа: 09.04.2025.

О.В. Никифорова
Арзамасский филиал ННГУ
e-mail: snegaovnik@rambler.ru

УДК 81.373.2

АНТРОПОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ А.П. ГАЙДАРА КАК ДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Ключевые слова: *онимы, ономастика, антропоним, А.П. Гайдар, лингвокультурологическая компетенция.*

В статье рассмотрены имена собственные, функционирующие в художественной прозе А.П. Гайдара, как средство формирования у иностраннных студентов антропонимической компетенции и антропонимических навыков. Отмечено, что антропоним, которым наделяет писатель персонажа, влияет на его поведение. Доказано, что знакомство с антропонимами имеет практическую ценность, поскольку имя человека является своеобразным маркером, который характеризует самого человека и время, в которое он живёт. Обосновывается целесообразность при обучении иностраннных студентов русскому языку введения в лексический материал онимов, в частности антропонимов, позволяющих передать лингвокультуроведческую информацию о языковом своеобразии художественного текста А.П. Гайдара, связанного с городом Арзамасом Нижегородской области. Подчёркивается, что преподавание русского языка иностранным студентам-филологам ставит целью не только развитие языковых и речевых навыков, но и формирование лингвокультурологической компетенции. Предлагаются языковые упражнения при работе над антропонимами на занятиях по русскому языку как иностранному, способствующие более полному и глубокому пониманию личных имён, правильному использованию их в устной и в письменной речи.

O.V. Nikiforova
Arzamas branch of UNN

EMPORONYMS IN THE ONOMASTIC SPACE OF THE CITY OF ARZAMAS AS DIDACTIC MATERIAL

Key words: *onyms, onomastics, anthroponym, A.P. Gaidar, linguacultural competence.*

The article examines proper names functioning in the fiction of A.P. Gaidar as a means of developing anthroponymic competence and anthroponymic skills in foreign students. It is noted that the anthroponym that the writer endows the character with influences his behavior. It has been proven

that familiarity with anthroponyms has practical value, since a person's name is a kind of marker that characterizes the person himself and the time in which he lives. The article substantiates the advisability of introducing onyms into the lexical material when teaching Russian to foreign students, in particular anthroponyms, which allow conveying linguacultural information about the linguistic originality of the artistic text of A.P. Gaidar, associated with the city of Arzamas in the Nizhny Novgorod region. It is emphasized that teaching Russian to foreign students majoring in philology aims not only to develop language and speech skills, but also to form linguistic and cultural competence. Language exercises are offered for working on anthroponyms in classes on Russian as a foreign language, promoting a more complete and deep understanding of personal names, their correct use in oral and written speech.

Антропонимы – это уникальная составляющая лексического фонда национального языка, которая несёт в себе информацию о культуре народа, пользующегося ею. По мнению лингвистов, антропонимы – одна из форм «знакомства человека с окружающим миром» [6, с. 51]. Именно поэтому антропонимические исследования могут служить материалом для изучения вопросов, касающихся менталитета конкретного народа, его языковой картины мира. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, рассматривая антропонимы с точки зрения лингвострановедения, отмечают, что антропонимы, несмотря на то что лишены конкретного лексического значения, при этом они обладают «обширным» и «качественно сложным» лексическим фоном, передают и групповую, и индивидуальную информацию, формируют представления о возрасте антропонима, его происхождении, употребительности и пр. [1, с. 71–74].

Известно, что имена собственные являются языковой универсалией и во всех языках им присущи одинаковые признаки, однако антропонимы разных языков нельзя однозначно охарактеризовать из-за несовпадения антропонимических систем разных народов. Связано это с тем, что все языки развивались в разных культурных условиях, которые сказались и на истории формирования национальных антропонимических систем. Именно это и создаёт трудности в восприятии антропонимов носителями других языков, потому в методическом аспекте, то есть с точки зрения обучения иностранных студентов антропонимической системе русского языка, антропонимы могут быть предметом отдельного исследования. Кроме того, что антропонимы являются наиболее частотной и употребляемой лексикой, они используются в разных ситуациях общения, представляют собой неотъемлемую часть коммуникации (бытовой, деловой, учебной и др.), то есть обладают большой коммуникативной нагрузкой. Это позволяет говорить о том, что обучение иностранных студентов правилам пользования русской антропонимической системой способствует формированию у них как коммуникативной, так и лингвокультурологической компетенции.

Лингвисты подчёркивают, что «богатейшим лингвокультурологическим потенциалом обладает безэквивалентная лексика, к которой относятся и имена собственные – языковые единицы, в максимальной степени воплощающие культурно-исторический опыт нации» [5, с. 21]. А.В. Суперанская отмечает, что образ, положенный в основу имени собственного, весьма индивидуален у каждого народа, и имя, созданное в ту или иную эпоху, может быть однозначно соотнесено с его культурой и культурной традицией [7, с. 40]. Отсюда особая ценность антропонимов как средства формирования лингвокультурологической компетенции иностранцев, изучающих русский язык.

В учебных пособиях для иностранных студентов, изучающих РКИ, редко встречаются задания по изучению антропонимов, поэтому разработка системы языковых упражнений на материале имён собственных является актуальной. У иностранных студентов необходимо формировать антропонимическую компетенцию, что возможно только с использованием конкретных приёмов, направленных на понимание разницы между фамилией, именем и отчеством, определение ударения и употребление имени в устной и письменной речи.

Обучение русским антропонимам предлагается проводить на материале онимического пространства художественной картины мира А.П. Гайдара, тесно связанного с Арзамасом. Город, в котором на историко-филологическом факультете Арзамасского филиала ННГУ обучаются туркменские студенты, не случайно называют городом Гайдара. Здесь Аркадий Голиков вступил в большую и бурную жизнь, здесь он приобщился к работе большевиков, был принят в члены партии, отсюда ушёл на фронт. Арзамас Гайдар не раз посещал и позднее, этот город вошёл в его творчество.

В произведениях А.П. Гайдара объёмным является антропонимический сектор онимического пространства, представленный личными именами (персонимами) – в полном виде и трансформированном *(Тимур, Ольга, Сергей, Николай, Эмма, Женя, Маруська, Володька, Степка, Акимка, Кирюшка и др.),* фамилиями, персонимами и фамилиями *(Васька Жеребцов, Фомичев, Сорокин, Матрин, Горинов, Сорокин, Федорчук, Васька Быков и др.),* сочетанием личных имен, отчеств, фамилий или имён и отчеств *(Мария Сергеевна Агорская, Вячеслав Борисович и др.),* прозвищами *(Галка, Топ, Дергач, Хрящ и др.).*

В обучении русскому языку как иностранному необходима постепенная подача материала, чтобы последовательно изучить все компоненты русской антропонимической системы. Безусловно, нужно сформировать новую систему именования, которая совсем не похожа на систему именования в туркменском языке. Для этого следует отработать модель «имя+отчество». Иностранные студенты должны знать, в русском языке, в речевом этикете есть национальная специфика, с которой они сталкиваются при изучении русского языка. В частности, туркменские студенты испытывают большие затруднения в том случае, когда в речи возникает

необходимость употребления таких контактоустанавливающих средств, как обращение, выраженное именем собственным. По причине различия в употреблении речевого этикета часто встречаются у туркмен ошибки [4, с. 66]. Обучающиеся должны усвоить, что в русском языке модель «имя+отчество» является официальной и единственно правильной формой обращения к преподавателю. Затем в учебный процесс следует вводить русские фамилии и модели типа «имя+фамилия», «имя+отчество+фамилия», «фамилия+имя+отчество». Для отработки данных моделей могут быть предложены следующие виды упражнений с использованием языкового материала из художественного текста А.П. Гайдара.

Задание 1. Определите модель: «имя+фамилия», «имя+отчество», «имя+отчество+фамилия», «фамилия+имя+отчество».

Серёжка Кучников, Серёжка Смирнов («На графских развалинах»); Евграф Тимофеевич, Тимка Штукин, Федька Башмаков, Николай Егорович Дубряков («Школа»); Василий Иванович, Егор Михайлов, Серафим, Данила Егорович («Дальние страны») и др.

Задание 2. Распределите слова на три группы: фамилия, имя, отчество.

Борис Гориков, Малиновский, Синюгин («Школа»); Егор, Данила Егорович, Иван Михайлович, Иван Иванович, Серёжка («Дальние страны»); Нина Карнаухова («Совесть»); Светлана, Маруся, Санька Карякин («Голубая чашка») и др.

Кроме того, необходимы задания фонетического, орфоэпического и графического характера, направленные на распознавание антропонимов, отработку их произношения, на понимание и освоение графической формы личных имен. У иностранных студентов важно формировать способность правильно, в соответствии с произносительными нормами русского языка, воспринимать антропонимы и адекватно их воспроизводить. Задания на слуховое восприятие имени и его чтение помогут студентам преодолеть трудности, связанные с освоением звуковой формы и употреблением антропонима. Например, туркменские студенты часто делают ошибки при постановке ударения в словах и при произнесении мягких согласных звуков, поэтому преподаватель даёт на занятиях примеры с именами, которые интересны с точки зрения ударения и содержат мягкие согласные звуки.

Задание 3. Прослушайте и повторите личные имена; прослушайте и повторите предложения с именами.

Тимур, Ольга, Георгий («Тимур и его команда»); Валька Спагин, Митька Тупиков («Школа»); Петька, Васька («Дальние страны»); Борька, Варвара («Школа»); Валентина («Судьба барабанщика»); Фёдор («Голубая чашка») и др.

Задание 4. Перепишите имена, поставьте ударение. Запомните написание имен: *Георгий, Геннадий, Зинаида, Валентина, Серафим, Светлана, Яков, Борис, Фёдор и др.*

Моторная фиксация антропонима помогает закрепить слуховые и зрительные связи слов.

Задание 5. Найдите в тексте личные имена и выпишите их.

«Свидетель Яков Бабушкин, ответьте мне на вопрос» («На графских развалинах»); *«Вот, брат Кирилл! Доктор сказал, чтобы в поле…где покой. А сдается мне, что не туда мы с тобой заехали»* («Синие звезды») и др.

Когда иностранные студенты из набора слов научатся вычленять имена, фамилии и отчества, можно продолжить знакомство с русской антропонимической системой. Студенты сами должны образовать отчества от мужских имен. Отработав схемы «мужское имя+ович (евич)» и «мужское имя+овна (евна)», иностранные обучающиеся выполняют следующее упражнение:

Задание 6. Образуйте отчества от следующих имён:

Сергей, Яков, Борис, Фёдор, Василий, Данила, Егор, Иван, Павел, Алексей и др.

Иностранным студентам трудно понять особенности русского словообразования, роль русских аффиксов, поэтому при образовании личных имен обучающиеся допускают большое количество ошибок. Овладение русскими суффиксами представляет сложную задачу для туркменских студентов, поскольку использование суффиксальных форм – характерная особенность русского языка. С разнообразием русских суффиксов студенты встречаются не только в разговорной речи, но и в официальных ситуациях, а также при чтении художественных произведений. Внимание иностранных студентов следует обратить на то, что одно и то же имя может иметь довольно большое число разных производных форм, из которых говорящий выбирает наиболее подходящую. Этот выбор зависит от разных факторов, например, от настроения говорящего, от особого отношения, которое он хочет выразить именно в этот момент, от ситуации общения и др. При выборе антропонимической формы учитывают следующие социолингвистические факторы: 1) возраст; 2) социальный статус; 3) официальность / неофициальность обстановки общения; 4) степень знакомства; 5) характер взаимоотношений общающихся. Сила и значимость русского словообразования состоит в том, что оно отличается исключительной семантической и стилистической гибкостью. Путем присоединения префиксов или суффиксов создаются новые слова, которые получают определённую семантическую и функционально-стилистическую закрепленность.

Преподавателю следует научить студентов понимать: а) как образуется форма личного имени; б) какое значение имеют единицы, входящие в его состав, а также усвоить, что производное имя становится более сложным по структуре и семантике. Преподаватель анализирует суффиксы, участвующие в образовании имен, объясняет студентам значения суффиксальных антропонимов, комментирует особенности функционирования суффиксов субъективной оценки в личных именах и их семантические различия. Среди русских экспрессивных суффиксов суффикс -к- самый противоречивый: может передавать неуважение, дружескую простоту, ласкательность. Уменьшительно-ласкательные формы используются

преимущественно в неофициальных ситуациях, адресуются знакомым людям одного с говорящим возраста или моложе. Грубовато-фамильярные формы обращения используются школьниками при общении друг с другом в неофициальных ситуациях, а также при упоминании друг о друге в разговоре с третьим лицом. Поэтому многочисленны и колоритны в этом плане антропонимы из произведений А.П. Гайдара с суффиксом -к-: *Яшка, Нюрка, Стёпка и др.*: *«– Чего вы лезете? Мы к вам не лезем, – плаксиво сказала Нюрка, Яшкина сестра». «Валька… Валька… да заползай же ты, идол, справа. – Заползал бы сам, Яшка»* («На графских развалинах»). *«Яшка! Ты паршивец этакий, должно быть, извел свечи?», «Анка! Ты поросюку не выливала?»* («На графских развалинах»). См. также: *Симка Пастухов, Тимка Штукин, Митька, Семка Старостин, Хрестька Торопыгин, Борька, Нюрка и др.* Такие слова следует расценивать как фамильярные. Такого же характера имена с суффиксами -ушк-, -ашк-: *Кирюшка, Павлушка, Степашка и др.*» *«– Дай ему за меня, Степашка»* («Синие звезды»).

Показательны прагматическая, характерологическая функции антропонимов как средства отражения взаимоотношений персонажей, отношение А.П. Гайдара к героям, прежде всего к детям. Писатель наделяет именами персонажей с определёнными художественными целями, для него важно создать в произведениях мир детства со своими играми, тайнами, приключениями и взаимоотношениями. Например, автор использует как уничижительно-насмешливые и огрубляющие суффиксы: *Яшка, Валька, Яшка, Нюрка, Симка, Стёпка,* так и уменьшительно-ласкательные: *Димушка, Танюша.*

Для иностранных студентов предлагаются и творческие задания, связанные с антропонимами.

Задание 7. Проанализируйте фамилии героев из автобиографической повести А. П. Гайдара «Школа»: *Гориков, Дубилов, Спагин, Башмаков, Тупиков, Сырцов и др.* Можно ли назвать их «говорящими»? Если да, почему? Приведите примеры говорящих фамилий из произведений русской художественной литературы.

В процессе обучения студентов-иностранцев русскому языку главной целью считаем расширение знаний о культуре страны изучаемого языка. Поэтому в работе используем инновационные формы преподавания, в частности составление лингвокультурологического проекта на тему «Тимуровец», предполагает знакомство с антропонимом Тимур, от которого образована лексема *тимуровец*, репрезентирующая базовое понятие советской действительности, составлявшее фундамент советского идеологического кода [3, с. 302].

Таким образом, изучение антропонимов русского языка обогатит иностранных студентов, изучающих русский язык, сведениями о русской системе именования человека, знаниями о русской культуре в её прошлом и настоящем, поможет увидеть полноценную многогранную картину русского мира. Разнообразная антропонимическая лексика содержит богатый материал как для изучения языковых особенностей русского языка, так и для

выявления культурных смыслов, лежащих в основе наименования. Включение ономастического компонента в процесс обучения в максимальной степени позволяет учитывать реальные социокультурные условия общения, реализуется связь учебного процесса с жизнью, повышает мотивацию в обучении русскому языку. Использование информации об антропонимах в учебном процессе способствует воздействию языковой среды на иностранных студентов. Приобретенные на занятиях знания и умения закрепляются и активизируются в реальных ситуациях, возникающих при соприкосновении студентов с окружающей их языковой средой общения, следовательно, способствуют формированию коммуникативной компетенции иностранных студентов и успешности их лингвокультурной адаптации.

Литература

1. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1990. – 247 с.

2. Гайдар, А.П. Избранное. / А.П. Гайдар. – М.: Просвещение, 1983. – 400 с.

3. Никифорова, О.В. Портрет слова тимуровец в русском языке // Язык-текст-дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля). Сборник статей по материалам Международной научной конференции. / О.В. Никифорова. – Нижний Новгород: ННГУ, 2023. – С. 301–308.

4. Никифорова, О.В. Обучение иностранных студентов культуре речевого общения //Актуальные проблемы культуры речи Материалы Всероссийской научно-практической конференции. / О.В. Никифорова. – Москва: ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (Москва), 2023. – С. 64–68.

5. Ражина, В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук. / В.А. Ражина. – Краснодар, 2007. – 24 с

6. Рождественский, Ю.В. Общая филология. / Ю.В. Рождественский. – М.: Академия, 1996. – 326 с

7. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. / А.В. Суперанская. – М.: ЛИБРИКОМ, 2009. – 366 с.

Е.А. Пагуляй
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: lizapagulaj@gmail.com

УДК 821.111-31”19”:81’373.2

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОВЕСТИ ДЖ. Б. ПРИСТЛИ «31 ИЮНЯ»

Ключевые слова: *повесть, Мелисента, Перадор, Нинет, король Атур, Камелот, Дэн, лютня.*

В статье осуществляется исследование ономастического пространства повести Джон Бойнтона Пристли «31 июня». Определяются имена и названия, рассмотрена их семантика. Выявляется происхождение этих имён и названий, их роль в художественном тексте произведения.

E.A. Pagulay
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE ONOMASTIC SPACE OF J.B. PRIESTLEY'S NOVELLA «THE THIRTY-FIRST OF JUNE»

Key words: *novel, Melicent, Perador, Ninette, king Arthur, Camelot, Dan,* lute.

The article is devoted to the research of the name onomastic space of J.B. Priestley's novella «The thirty-first of June». The names of characters and objects are defined. The origin of these names and their meanings from other words are identified.

Повесть Джона Бойтона Пристли на русском языке называется «31 июня». В оригинале название произведения звучит так: «The Thirty-first of June: A Tale of True Love, Enterprise and Progress in the Arthurian and AD-Atomic Ages». Заметно, что оригинальное название гораздо длиннее, оно почти раскрывает весь сюжет повести, и дословно переводится так: «31 июня: Сказка о настоящей любви, предприимчивости и прогрессе во времена короля Артура и в атомно-рекламном веке».

В произведении встречаются различные своеобразные имена и названия, которые сейчас не часто встретишь, либо же они уже не используются.

Цель исследования – изучить ономастическое пространство повести Дж. Б. Пристли «31 июня» и проанализировать его с точки зрения семантики и стилистической роли в тексте. Актуальность исследования определяется отсутствием в отечественном литературоведении исследований ономастического пространства произведений Дж.Б. Пристли, в частности, его повести «31 июня» с точки зрения семантики и стилистической роли в произведении.

Изучение имён собственных в художественном тексте представляет собой «*одно из наиболее актуальных и перспективных направлений ономастических исследований*» [3, с. 39]. В современной лингвистике вопросы индивидуально-авторского имянаречения изучаются всё шире, однако ономастическое творчество писателей исследовано недостаточно основательно. Теоретическую базу исследования составили труды лингвистов В. Виноградова, А. Суперанской, В. Супруна [2; 4; 5]. Аспекты языковой личности раскрываются при учёте антропоцентрического подхода к исследованию такой единицы текста, как оним. Как утверждает Ю. Барковская, «*писатель использует не только реальные исторические, географические, астрономические и другие имена собственные, обозначающие*

личностные, временные и пространственные вехи, но и создаёт, пополняя художественное пространство так называемыми «литературными именами» – вымышленными единицами, тем не менее принадлежащими его ономастикону» [1, с. 7].

Главную героиню повести зовут Мелисента. Это имя принцессы королевства Перадора, единственной дочери и наследницы короля Мелиота.

Её имя имеет несколько версий происхождения. Так, имя *Мелисента* имеет итальянские корни и происходит от древнего тосканского слова «*melus*» или «*melos*», что переводится как «медовый». Таким образом, имя можно интерпретировать как «*слаще меда*» или «*что-то медовое*». По другой версии имя имеет связь с греческим словом «*Melissa*», что означает «пчела». Пчела часто ассоциируется с трудолюбием, усердием и работоспособностью, поэтому имя Мелисента может быть расшифровано как символ энергии и усердия. Имя Мелисента также можно связать с французским словом «mélange», что означает «смесь».

На наш взгляд, происхождение имени *Мелисента* можно также отнести к средневековой легенде о Роланде и его возлюбленной Мелисанде (в некоторых версиях Мелисенте). Она была вместе с Роландом в битве при Ронсевале и после смерти Роланда скончалась от горя. В честь Мелисанды были созданы легенды, романы и лирические произведения. Это имя стало популярным в Европе в эпоху романтизма и еще более распространилось в последующие десятилетия.

Также в средневековых легендах и рыцарских романах Мелисента часто выступала в роли прекрасной дамы, которую защищал идеализированный рыцарь. Также есть упоминания о Мелисенте как о магическом существе или просто нежной красавице.

Суммируя всё выше сказанное, можно выделить такие главные черты человека, носящего это имя, как нежность, красота и усердие. Мелисенте в повести Дж. Б. Пристли эти характеристики подходят, имя героини отражает её характер.

Перадор – это название королевства, в котором живёт Мелисента, и в котором происходит большинство событий произведения.

Сэм – имя художника из современного мира, а также имя возлюбленного Мелисенты.

Само по себе имя Сэм еврейского происхождения и часто используется как сокращённый вариант имени *Самуил* (в английском варианте Сэмюэл). Значение имени – «сказано Богом», «Бог слышит» и «служитель Бога». В Ветхом Завете Самуил фигурирует как пророк и судья израильтян. Имя достаточно распространено в современном английском имянаречении, имя типично для героя из XX века.

Нинет – злая фрейлина принцессы Мелисенты. Данное имя имеет ряд вариаций в разных языках. Так, в английском языке имя *Ниннет*

(*Ninette*) означает «грация» или «женственность». Оно является французским вариантом имени Нинетт. Это имя также может быть связано с греческим словом «ninizo», что означает «зависть». Любопытно, что имя Нинетт во французском является уменьшительно-ласкательной формой имени Анна.

На наш взгляд, интересно смысловое значение имени Ниннет, распространённое у семитских народов. По этой версии имя происходит от армейского «Нинва» и означает «сплетница» или «женщина, много разговаривающая». В Библии рассказывается история о Ниневии, городе-государстве Месопотамии, и его жителях, которые не обращались к Богу. Бог послал пророка Иону в Ниневию, чтобы предупредить жителей об их грехах. Таким образом, имя Ниннет может быть связано с этой историей и указывать на распространение слухов и сплетен. В некоторых культурах Африки имя Ниннет имеет значение «прекрасное дитя», «благословение» или «потомок». Это имя может быть связано с народными верованиями и предрассудками, объясняющими благословение или особую судьбу, которая ожидает человека с таким именем.

Исходя из различных трактовок имени Нинет, наиболее подходящими именно для героини повести «31 июня» является версия арамейского значения имени как «сплетница» и «зависть». Ниннет плетёт интриги и завидует Милисенте, действует против неё.

В произведении Дж. Б. Пристли также упоминается *король Артур*. Это легендарный персонаж мифов и сказаний древних бриттов, прославленный в многочисленных произведениях рыцарского цикла XII–XIV веков, величайший рыцарь и король Британии. Так и в самом произведении король Артур является сильнейшим королём в мире.

Происхождение валлийского имени «Артур» до сих пор остается предметом споров. Самые распространённые версии появления имени *Артур* следующие: Имя легендарного короля Артура появляется в ранних текстах, как Артур, или Arturus, но никогда не употребляется, как латинское Artōrius. Очевидно, источником стал британский патроним «Arto-rīg-ios», в котором корень «arto-rīg» – «медведь-король» от старого ирландского личного имени «Art-ri». Менее вероятным является предлагаемое происхождение от валлийского «Арт» – медведь + (g)WR – человек; с этой теорией связаны некоторые фонологические трудности – главным образом, то, что британское двухсложное имя Арто-уирос должно образовывать старое валлийское artgu, а в современном валлийском Arthwr.

Некоторые учёные признают происхождение имени от звезды *Арктур* (Arcturus), самой яркой в созвездии Волопаса (находится возле Большой Медведицы (Ursa Major)). Благодаря яркости и постоянному положению в небе Большую Медведицу называли «медведь-страж», «вождь»

среди остальных звезд Волопаса. Многие лингвисты считают, что эта связь имени Артур со звездой Арктур искусственна и нереальна на самом деле.

Говоря о короле Артуре, нельзя не вспомнить и о замке *Камелот,* который также упомянут в повести Дж.Б. Пристли. Камелот – это легендарный замок и дворец, связанный с королём Артуром. Впервые появивляется в французских романах XII века. Самая распространённая теория о происхождении названия замка гласит, что оно произошло от названия древней столицы Британии еще при Римской империи – Камулодун. А в Римской империи так назывался военный лагерь – Camulodunum (латинизированная форма слов «крепость бога Камула»). Большинство ученых склоняются к тому, что слово «Камелот» было целиком вымышленным. Впервые Камелот упоминается в романе «Ланселот», написанном Кретьеном де Труа в XII веке.

Дэн – один из героев, попавших в королевство Перадор, а также ставший одной из жертв магии Мальгрима. Это мужское имя, которое имеет несколько вариантов происхождения. Имя имеет древнегерманский корень, который означает «Бог – мой судья». По другой версии у имени латинское происхождение со значением «данный Богом». Возможно, имя берет свое начало от греческого имени *Дионисий*. Оно связано с богом Дионисом, покровителем вина, веселья и театра.

Персонажем, олицетворяющим силы магии, является магистр и волшебник Мальгрим. Корень *маль-* (*mal-*) имеет значение «плохой», «негативный», часто отрицательные герои средневековых текстов имели имена с таким корнем, например, Мальприм, Малькюд, Малькиан в «Песне о Роланде»).

В повести наблюдается сочетание как известных, традиционных английских имён (Элисон, Сэм), так и стилистически соотносимых с эпохой Средневековья (Мелиот, Перадор, Бергамор, Марралор, Парлот, Лангсинтон, Нижние Мхи, Три Моста и др.).

Ономастическое пространство включает не только имена героев и обозначение места действия, оно также описывает бытовую сферу, позволяет автору повести создать уникальное сочетание, скрещивание времён – настоящего (XX век) и средневекового. Так, в произведении упоминается *лютня*. На ней играет Лэмисон – придворный музыкант королевства Перадор. Слово «*лютня*» происходит от латинского слова «lutnia», что переводится как «*что-то, что играется пальцами*». Это связано с основным способом исполнения инструмента – игрой пальцами по струнам. Возможно также происхождение слова от арабского «al-oud», что означает «*деревянный инструмент*». В средневековом замке звучат трубы, в реалиях XX века живую музыку средневековья заменяет магнитофон.

Таким образом, анализ ономастического пространства повести английского драматурга, прозаика, эссеиста Дж. Б. Пристли «31 июня»

позволяет прийти к следующим выводам: во-первых, ономастическое пространство повести сочетает в себе имена собственные, представленные в культуре, истории и мифологии Англии, а также имена, характерные для современности (в реалиях повести – XX век). Во-вторых, писатель порой прибегает к стилизации имён героев либо географических мест под средневековую традицию (Перадор, Бергамор, Марралор, Парлот и т.д.).

В-третьих, ономастическое поле произведения представлено не только именами собственными, но также характеризуется использованием лексических пластов разных эпох, сочетание таких лексических единиц создаёт уникальный стилистический эффект книги Дж.Б. Пристли.

Литература

1. Барковская, Ю.В. Мифологические и христианские имена собственные в поздних текстах Н.С. Лескова: Дисс. канд. филол. наук. М., 2005. –195 с.

2. Виноградов, В. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

3. Деревяго, А.Н. Имя собственное в художественном тексте: учебно-методическое пособие / А.Н. Деревяго. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2008. – 239 с.

4. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Издательство «Наука». – 1973. – 367 с.

5. Супрун, В.И. Передача экспрессивно окрашенных имен собственных в художественном переводе / В.И. Супрун // Славянская филология: сб. ст. – Вып. 7. – С-Пб.: Изд-во С-Пб. ун-та, 1993. – 240 с. – С. 117–125.

О.Б. Переход
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
e-mail: rexo61@mail.ru

УДК 811.161.1’373.2:811.161.3’373.2

ИДЕОНИМИЯ БЕЛАРУСИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОДОВ КУЛЬТУРЫ

Ключевыя слова: *периферийный ономастикон, идеонимия, гемеронимы, геортонимы, артионимы, культурный код, фоновая информация*

Статья посвящена репрезентации культурных кодов в идеонимии Беларуси. Рассматривается семиотизация окружающего мира в именах собственных идеонимной подсистемы периферийного ономастикона. Идеонимы маркируют целый ряд сфер социокультурного взаимодействия, транслируют смыслы, свойственные ментальности белорусов, и сами становятся фактами национальной культуры.

O.B. Perekhod
Brest State University named after A.S. Pushkin

IDEONYMY OF BELARUS THROUGH THE PRISM OF CULTURAL CODES

Key words: *peripheral onomasticon, ideonymy, hemeronyms, georthonyms, artiononyms, cultural code, background information*

The article is devoted to the representation of cultural codes in the ideonymy of Belarus. The semiotization of the surrounding world in proper names of the ideonym subsystem of the peripheral onomasticon is considered. Ideonyms mark a number of spheres of socio-cultural interaction, transmit meanings inherent in the mentality of Belarusians, and themselves become facts of national culture.

Идеонимная составляющая периферийного ономастикона Беларуси (имена собственные объектов интеллектуальной, идеологической, деловой, коммерческой, художественной сфер деятельности человека) находится под существенным влиянием интра- и экстралингвистических факторов. Номинативная практика в области идеонимии зависит от ряда причин, среди которых следует выделить:

1) собственно лингвистические, обусловленные законами строения и функционирования белорусского и русского языков;

2) социолингвистические, определяемые стратификацией белорусского социума по различным социальным параметрам, дифференциацией сфер социального взаимодействия, социальными запросами общества, языковой ситуацией в стране;

3) культурологические, обусловленные функциональной нагрузкой имен собственных, которые определенным образом отражают информацию о разноплановой культуре Беларуси: национальной, региональной, бытовой, экологической, политической, художественной, экономической, правовой, речевой, нравственной;

4) субъективно-личностные, поскольку номинативная практика является преференцией номинаторов: авторов художественных объектов, органов печати и СМИ, интернет-изданий, организаторов специализированных мероприятий и др. – и находится в нормативно-правовых рамках лингвомаркетинга;

5) глобализационные, обусловленные тенденциями, существующими в мировой номинативной практике, такими как установка на использование англоязычных номинаций, на языковую игру, поликодовость, применение параграфических средств.

В настоящей статье внимание будет сосредоточено на лингвокультурологических индикаторах значительного сегмента идеонимной подсистемы – гемеронимах, артионимах и геортонимах Беларуси.

Источниками для сбора онимического материала (около 380 единиц) послужили официальные сайты Министерства образования, Министерства спорта и туризма Республики Беларусь, сайты облисполкомов и райисполкомов, сайты учреждений образования Республики Беларусь, белорусских молодежных общественных объединений, сайты областных и районных СМИ, иные интернет-ресурсы, календари праздничных дат и событий. Данные типы номинаций принадлежат к социо- и лингвокультурной сфере, относится к числу языковых единиц, демонстрирующих неразрывную связь языка, культуры и социума.

В идеонимной картине мира современных белорусов лингво- и социокультурная составляющая репрезентированы по-разному: через фоновую информацию, которую содержат используемые в проприальной части идеонимов другие разряды онимов; через номинации, представляющие вербализованное знание различных событий (исторических, политических, экономических и т.д.); посредством прецедентных феноменов – имен, высказываний, текстов, ситуаций; с помощью устойчивых сочетаний слов, в том числе клишированных единиц, пословиц и поговорок.

Отдельного рассмотрения заслуживает комплекс культурных кодов, вербализованных в гемеронимах, геортонимах и артионимах Беларуси. В идеонимии закодирована культурно значимая информация о картине мира белорусского социума. Обозначая предметы окружающей действительности и вербально маркируя практически все сферы социальной и культурной интеракции, ономастические единицы транслируют культурные смыслы, присущие белорусской ментальности.

Под культурным кодом, вслед за В. Н. Телия, мы понимаем «совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерениях» [2, с. 20–21].

Наиболее ярко в исследуемом сегменте иденимной подсистемы представлены следующие коды культуры: антропоморфный (персонажный), темпоральный (временной), топоморфный, пространственный, духовный, субстантивный (предметный), биоморфный, акциональный, эмоционально-характерологический, соматический, гастрономический.

В свете антропоцентрической научной парадигмы познание языка немыслимо без человека. Идеонимная подсистема в полной мере демонстрирует это положение, поскольку доминирующие позиции в именах собственных принадлежат человеку. ***Антропоморфный код культуры***

репрезентируют семиотизированные номинации людей в биологическом статусе, в семейных, родственных отношениях, в социальных ролях, разных видах деятельности и т.д.

Маркерами антропоморфного кода выступают:

а) апеллятивная лексика:

– имена существительные, именующие человека по его статусным и социальным ролям, национальности, роду занятий: газеты *«**Беларус**»*, *«**Дачник**»*, *телепрограмма «**Гаспадар**»*, радиопрограмма *«**Герои** нашего времени»*, «***Человек** дела*» (Гомель ТВ»), телемарафон «*Дзякуй, **доктар**!*» (ТРК «Брест»), журнал «***Целитель***» (Гродно); картины «*Портрет **дочери***» (А.А. Алонцев), «***Солдаты***» (В. Громыко), скульптура «*Грустный **клоун***» (В. Пантелеев);

– собирательные и отвлеченные существительные, называющие группы людей: пресс-тур ко Дню Победы *«Военное **поколение** – мирному **поколению**»*; конкурс грации и таланта *«Королева **студенчества**»*;

– имена прилагательные с семантикой лица: газеты *«**Рабочая** эстафета»*, *«**Настаўніцкая** газета»*, *телепрограмма «**Детский** мир»* и др.

б) онимическая лексика:

– антропонимы и их производные: журнал *«**Алеся**»*, картина «*Первопечатник **Франциск Скорина***» (И. Давидович), скульптура *«Памятник художнику **М. Шагалу**»* (А. Гвоздиков), бюст *«**Махатма Ганди**»* (В. Астапов); бал «*Встреча с **Немцевичами***», шляхетский фест «*Жамчужная зорка – палац **Умястоўскіх***», праздник «*Маёнтак **Дамбавецкага** запрашае*», праздник «*Любчанскі шпацыр **Радзівілаў***», анимационные фильмы *«**Моцарт** и…»*, *«**Аленкин** цыпленок»* и др. Продуктивны подобные номинации в кругу названий-посвящений произведений монументального искусства: памятник *«**Марату Казею**»*, скульптуры *«**Язэп Драздовіч**»*, *«**Владимир Мулявин**»*, бюст *«**С.И. Грицевец**»* и др.;

– эргонимы и их производные: *газета* «***Кімавец***» (ОАО «КИМ»); *вечер-чествование «Трудовые **династии БЕЛАЗа** – гордость, верность, опора»* и др.;

в) местоимения: *журнал «**Я** – специалист по охране труда»*; *радиопередачи «Для **тых, хто** не спіць»*, скульптура *«**Тебе**, спасатель»* и др.

В рамках антропоморфного выделяется ***персонажный код***, который включает в себя наименования богов, святых, мифологизированных персонажей, героев песен и легенд: газета *«**Адам и Ева**»*, журнал *«**Меркурый**»*; скульптурная группа *«**Маленький принц**»*, гобелен «***Иван-царевич на сером волке***» (Н. Моисеенко), картина «***Аполлон и Марсий***» (В. Рубцов). Языковые репрезентанты персонажного культурного кода – библейские имена, поэтонимы, мифонимы.

Одним из ведущих в идеонимии является ***топоморфный культурный код***. Топонимические единицы составляют существенную часть человече-

ской культуры и знания, кодируют, шифруют картину мира социума во всех ее составляющих, чем создают единый текст культуры носителей языка, служат хранителем и экспликатором историко-культурной информации, создают условия для комплексного изучения сознания, культуры и языка.

В кругу гемеронимов широко распространены номинации с топонимическим компонентом, закрепляющие локацию адресанта: региональный портал *«**Гародня**»*, газеты *«**Брестский** вестник», «Голас **Веткаўшчыны**»*, «*Голас **Касцюкоўшчыны***», *«**Гомельская** праўда», «На стройках **Минска**», «**Минский** камвольщик»*, «***Горецкий** вестник*», ТРК «***Бобруйск** 360*», «***ШкловТВ***» и др. В периодических печатных изданиях, сетевых и электронных СМИ, передачах радио и телевидения «настойчиво подчеркивается их региональность и привязанность к своей территории» [3, с. 43]. Это объясняется тем, что «для регионального медиаполя важно зафиксировать свой регион», уточнить локацию, тем самым определить и сохранить основной контингент потребителей данной информационной продукции [1, с. 15].

Авторы произведений разных видов искусства, прежде всего живописи, также активно маркируют место: картины «*Моя **Беларусь***» (В. Кочан), «*Женщины **Полесья***» (В. Андросов), «*Рассвет на **Мозырщине***» (В. Андросов), «***Браславские** просторы*» (В. Андросов), «*Весна в **Староселье***» (Ф. Киселёв), акварельные серии «*Маё **Палессе***» (М. Кебец), графика «***Витебский** пейзаж*» (Г. Кликушин) и др.

Одной из маркетинговых стратегий является брендирование территории. Данная стратегия получила активную реализацию в номинациях специально организованных массовых мероприятий, например, в названиях фестивалей и праздников: *«**Лунінецкія** клубніцы», «**Смаргонскія** абаранкі»*, «***Браслаўскія** зарніцы*», «*Днепровские голоса в **Дубровно***», «***Дрибинские** торжки*», «***Глушанскі** хутарок*», *«**Іўеўскі** памідор»* и др.

Топоморфный культурный код вербализован в идеонимах посредством локативной лексики – топонимов и оттопонимных дериватов, хоронимов – номинаний территорий, имеющих определенные границы.

Пространственный культурный код связан с членением окультуренного мира: газета *«Наш **край**»*, мемориал *«Брилевское **поле**»*; ивенты *«Музычны **фальварак**»*, *«**Центр Европы**»*, анимационные фильмы *«На заре **во дворе**», «Чего на **свете** не бывает»* и др. В пространственном культурном коде семиотизируются космический и сакральный миры, их элементы: журнал *«**Планета**»*, документальный фильм *«**Райский сад**»*. Языковыми репрезентантами культурного кода выступает апеллятивная лексика с локативным значением: *край, свет (мир), двор, сад, поле* и др.

Темпоральный культурный код демонстрирует временну́ю сущность явлений, специфическую взаимосвязь моментов времени и временны́х характеристик, динамику изменения явлений и процессов, обусловленных социокультурной спецификой человеческого существования, значимостью их в отражении бытия. Данный код фиксирует членение

временной оси, движение по ней человека, кодирует бытие в материальном и нематериальном мире: газеты *«Беларускі* ***час»***, ***«Вечерний*** *Минск»*, телепрограммы *«Белорусское* ***времечко»***, *«Добрай* ***раніцы****, Беларусь»*, *«Брэст.* ***Тысячагадовы*** *рубеж»*, радиопередача *«Эхо* ***недели»***, концертные программы ***«Прошлое*** *– в наших сердцах!* ***Будущее*** *– в наших руках»*, благотворительная акция *«Улыбка к* ***Рождеству»***, анимационные фильмы *«Было* ***лето****...»*, ***«Вясна увосень»***, *«Чудеса* ***в день рождения»***; *горельеф* ***«9 Мая 1945 года»*** и др.

Темпоральная культурная информация вербализуется в искусственных номинациях с помощью широкого круга лексики со значением времени – имен существительных, прилагательных, числительных: газета «***Вечерний*** *Витебск*», телепередачи *«Главное* ***за неделю»***, ***«Утренний*** *экспресс»* (ТРК «Брест»), *«****Сезон*** *удачи»* (ТРК «Гродно»), ***«Вековой*** *рубеж»*, ***«Хроника*** *Победы»* (ТРК “Гомель”); концертная программа *«Шаги* ***времени»*** (театр танца, Гродно); картины «*Могилёв* ***XVII века***» (В. Комаров), «***Осень*** *в Мстиславле*» (Ф. Киселёв), «*Теплый* ***сентябрь***» (Т.В. Потворова), ***«Год 1945»*** (А. Толкач), гобелен «*Жаркое* ***лето-99***» (Т. Лисица), мозаика ***«Старажытнае*** *Бярэсце»* (В.С. Базан) и др.

Культурологическая составляющая гемеронимов, артионимов и геортонимов семиотизировна в ***духовном коде культуры***. Этот код пронизывает наше бытие, обусловливает поведение и любую деятельность, предоставляет оценки, даваемые себе и окружающему миру: благотворительная акция ***«Забота»***, фестиваль *«Молодёжь за* ***мир и созидание»***, фестиваль *«Венок* ***дружбы»*** и др.; названия произведений искусства: «***Память***» (Е. Ясвин), плакат «***За экологию***» (Л. Гомонов) и др.; названия телепрограмм: «*Наша* ***Победа***», «*Код* ***памяти***», «***Экология*** *и мы*» и др. Языковые репрезентанты культурного кода – лексика с абстрактным значением, словосочетания разных моделей. В идеонимах актуализированы важные для общества ценности, нравственные принципы, жизненные установки (патриотизм, любовь, вера, верность, единение, долг, память и др.): телепрограммы *«Свет* ***веры»***, ***«Честь*** *и* ***доблесть»*** (ТРК «Брест»), *газеты* ***«Перамога»***, ***«Праца»***; скульптурные композиции ***«Возрождение*** *слуцкого пояса»*, ***«Верность»*** (В. Пантелеев), ***«Адзінства»*** (А. Воробьев), картины ***«Памяти*** *моего отца»* (М. К. Коньков), ***«Родны край»*** (А. Толкач) и др.

Все коды культуры фактически «работают» на ***духовный код*** в религиозном и в светском аспектах его понимания, оценивая именуемые объекты на аксиологической оси с позиций «добро – зло», «хорошо – плохо», «плюс – минус», «верх – низ»: газеты ***«Труд»***, ***«Навука»*** (НАН), ***«Воскресение»*** (христ.), ***«Экологический*** *вестник»*, *«Мір* ***здоровья»***, ***«Талака»***, журнал ***«Мастацтва»***; телепередача «*Беларусь* ***самобытная»***, *гражданско-патриотический проект «Поезд* ***Памяти»***, *День* ***независимости Республики Беларусь***; анимационные фильмы *«Притча о* ***Рождестве***», *«Гісторыі ад* ***кірыліцы»***.

В идеонимии Беларуси представлены наименования флоры и фауны, в которых отражены представления лингвокультурного сообщества о мире растений и животных. В рамках ***биоморфного кода*** выделяется ***фитоморфный*** (растительный) и ***зооморфный*** (животный). Номинации по денотативному признаку соотносятся с разными объектами флористического мира (цветы, фрукты, с/х растения, флористические образы): картины «*Вдовий двор.* ***Тыквенная*** *осень*» (Е. С. Шатохин), «*Натюрморт* ***с яблоками***» (М. С. Толмачев), *«****Цветы*** *Родины»* (А. А. Алонцев), *«Анёлак і* ***кветкі****»* (А. Сильванович), гобелен «***Маковое*** *поле*»; районный праздник льна «***Льняная*** *карусель*» (Кормянский р-н), кулинарная программа «*Смак* ***папараці***» (телекомпания «Интекс»), праздник «***Яблочный*** аромат» (аг. Геранёны). Представления белорусов о животном мире отражены в номинациях: документальный фильм *«Насця і* ***ваўкі****», анимационные фильмы «Про* ***вола****», «Легенды и сказания Беларуси.* ***Аист****»*; декоративно-прикладное искусство ***«Буслы»*** (В. Чорненькая), «***Вавёрка з арэхамі***» (В. Чорненькая), гобелен «*Вселенная* ***бабочки***» (С. Баранковская), картины «*Спящие* ***птицы***» (В. Вольнов), «***Чайки***» (Е. Ясвин) и др. Пограничный мир бестиариев семиотизирован в номинациях: ***«Краснолюдки», «Крыжатик»*** (в белорусских преданиях *краснолюдки* – карлики, защищающие человеческое жилища; *крыжатик* – дух, охраняющий кладбище). Языковые репрезентанты культурного кода – зоонимы и флористическая лексика.

В идеонимии исследуемых регионов Беларуси получил выражение ***предметный*** (субстантивный, вещный) ***культурный код***. Под предметным кодом культуры понимается совокупность имен и их сочетаний, которые обозначают объекты и предметы, в том числе повседневного обихода, и приписываемые им свойства; кодируют обретающие в нашей культуре особую символику артефакты: *газета «****Дом****»*, гобелен «*…У меня был* ***дом***…» (С. Баранковская), *международный фестиваль народной музыки «Звіняць* ***цымбалы*** *і* ***гармонік»****,* анимационные фильмы *«Паданне пра* ***гуслі****», «****Хлеб****», скульптура «****Монета****»*, графика «*Парадная* ***башня***» (А. Евсеев), акция *«****Книга*** *– рядом»,* и др. В идеонимах, основанных на предметных мотивемах, акцентируются смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры: *«Родительский* ***дом****»* (Ф. Гумен, живопись), картина *«****Свеча****»* (А. А. Григорьев), праздник «*Берестейские* ***сани***», международный велофестиваль «*Янаўскі* ***ровар***» и др. На пересечении с духовным культурным кодом находятся предметные номинации, отражающие обрядовую культуру белорусов: региональный обряд «***Колик***» (Ветковский район), обрядовый праздник «Ваджэнне і пахаванне ***стралы***» (Ветковский район), обряд «***Стрилка***» (аг. Беждеж).

Акциональный культурный код характеризует действия, состояния, поведение человека, его отношения к окружающему миру: *газеты «****Отдых*** *и* ***развлечения****», «Сельскае* ***жыццё****»*; телепрограммы *«Актуальное*

интервью», *«**Диалог** в прямом эфире»*; фестиваль-ярмарка тружеников села *«**Дажынкі»**, областной праздник «Народная **прыпеўка»**, праздник «**Служу** Республике Беларусь»* (МВД); *пьеса «**Преступление** и **наказание** на берегах Свислочи»*, художественный фильм *«Человек **не сдается»***, анимационный фильм *«**Не убий**. Шестая заповедь Моисея»*; скульптура «***Обретение** иконы Божьей Матери»*, картина «*Мой горад **жыве, працуе, вычуцца***» (А. Дольский). Репрезентанты культурного кода – глаголы и отглагольные имена существительные.

Эмоционально-характерологический (атрибутивный) ***код*** эксплицирован в идеонимии посредством коннотативно маркированной лексики. Суггестивно-прагматические компоненты семантической структуры идеонимов выступают существенным фактором формирования их как единиц культуры: газеты *«**Полезная** газета»*, *«**Живая** вода»*, журнал *«**Отличник**»*; телепрограммы *«**Понятная** политика»*, *«Белорусская **SUPER**женщина»*; документальный фильм *«**Шчодры** стол беларуса»*, анимационные фильмы «***Глупая** пани и **“разумный”** пан»*, *«**Вясёлыя** літары»*, книги *«Мы этой памяти **верны»**, «**Ветлівыя** словы»*; *мемориальный комплекс «Курган **Славы»**.* Экспликаторами данного компонента значения в искусственных номинациях выступают коннотативно окрашенные качественные прилагательные и абстрактные существительные

Пища, продукты питания – важнейшая составляющая часть человеческой жизни и культуры. Это источник энергии и удовольствия. В гастрономии, в пищевых привычках проявляется национальный характер и национальная психология. Пищевые предпочтения белорусов семиотизированы в ***гастрономическом*** (пищевом) ***коде***, получившем объективацию в идеонимии в событийном маркетинге: фестиваль «*Гаспадарчы **сыр***», праздники «*День **варенья***», «*День **огурца***», «***Вишнёвый** фестиваль*»; в названиях произведений искусства: графика «***Хлеб, мёд***» (Ф. Киселёв), натюрморт «***Виноград и фрукты***» (И. Хруцкий), картины «*Жанчына з **бульбай***» (А. Марочкин), «***Яблоки** урожая 1941 года*» (В. Громыко). Языковые репрезентанты культурного кода – гастрономическая лексика (вещественные и конкретные имена существительные, относительные прилагательные).

В реализации ***соматического*** (телесного) ***кода*** особое место занимают символьные функции различных частей тела человека или животного (птицы). Например, названия мероприятий: благотворительная акция *«Новогодняя игрушка своими **руками»***, концерт *«Теплом **сердец** согреемся, друзья*», вечер в честь Великого Дня Победы *«Праздник со слезами на **глазах»***; названия произведений искусства: картина «***Лица** и маски*» (Л. Антимонов), гобелен «*Земля под белыми **крыльями***» (С. Баранскovская) и др. Языковой репрезентант культурного кода – соматическая лексика.

Объективация культурных кодов, как видно из представленного иллюстративного материала, осуществляется разными способами номинации

с использованием разноуровневых языковых средств, прежде всего, апеллятивной лексики, подвергающейся онимизации, разных разрядов онимов, включенных в процесс трансонимизации, словосочетаний и предикативных единиц, приобретающих статус имен собственных в результате искусственной номинации. Называние осуществляется как метонимически (по смежности именуемого объекта с человеком – субъектом или объектом, местом, временем, предметом и т.д.), так и метафорически, символически. В отдельных группах, например, в именах собственных медиа развлекательного характера, в номинациях, ориентированных на молодежную аудиторию, обращает на себя внимание установка на языковую игру – графическую, семантическую, словообразовательную, в том числе с прецедентными феноменами: газета *«Пенсионерская зорька», «Беспредел»* (математический фак-т ГГУ), *«Homo Economicus»* (экономический фак-т БГУ); телепередача *«Дыя@блог»*, радиопередача *«This is мова».* Как знаки культуры идеонимы апеллируют к фоновым знаниям адресантов и адресатов, выводят их из собственно языка в общество, в сложный мир человеческих поступков, эмоций, поисков ответов на вечные и актуальные вопросы.

Идеонимы вербализуют культурные коды, которые выстраиваются в определенную систему, находятся в отношениях взаимодействия. В кодах и их составляющих присутствуют элементы не только индивидуализирующие белорусскую национальную культуру, но и выходящие за ее пределы, совпадающие с иными культурами мира.

Таким образом, идеонимия как часть периферийного ономастикона Беларуси характеризуется значительным социо- и лингвокультурным потенциалом, получившим вербализацию в кодах культуры, демонстрирует неразрывную связь языка и материальной и духовной культуры. Исследуемые идеонимы разнообразно аккумулируют информацию о политической, экономической, правовой, экологической, художественной, нравственной культуре Беларуси, о ее настоящем и прошлом. При этом сами имена собственные активно входят в коммуникативное пространство Беларуси и становятся фактами национальной культуры.

Литература

1. Переход, О. Б. Гемеронимия в ономастическом пространстве Беларуси: номинативная специфика / О. Б. Переход // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – № 1. 2022. – С. 13–20.

2. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.

3. Шмелева, Т. В. Ономастикон новгородского медиаполя / Т. В. Шмелева // Вестн. Новгород. гос. ун-та. – 2013. – Т.1, № 73.– С. 42–52.

С.А. Перцева, М.В. Шурупова
ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»
e-mail: mar4878@yandex.ru

УДК 81’373.21

ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМИКИ ГОРОДА РОСТОВА-НА-ДОНУ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *топонимика, этническое разнообразие, социальная динамика, историческое влияние, наследие региона.*

В статье рассматривается специфика топонимики региональной столицы юга России – города Ростова-на-Дону. Авторы также анализируют топонимику Ростовской области для комплексного представления особенностей географических наименований региона. В качестве основных причин разнообразия наименований авторы называют исторические, культурные и языковые.

S.A. Pertseva, M.V. Shurupova
State University of Humanities and Technology

ROSTOV-ON-DON AND ROSTOV REGION TOPONYMY

Key words: *toponymy, ethnic diversity, social dynamics, historical influence, regional heritage.*

The article studies the toponymic specificity of the regional capital of southern Russia – the city of Rostov-on-Don. The authors also analyze the toponymy of Rostov region for a profound description of the region’s geographical names key features. The authors cite historical, cultural and linguistic reasons as the main for the diversity of geographical names.

Ростов-на-Дону – крупнейший город на юго-западе России и административный центр Южного федерального округа и Ростовской области. Этот город воинской славы является крупнейшим административным, экономическим, культурным, научно-образовательным и промышленным центром, а также важным транспортным узлом Юга России. Неофициально Ростов называют «воротами Кавказа», «столицей Юга России» (вместе с Краснодаром) и «Донской столицей». 21 февраля 2019 года Ростов-на-Дону был признан региональной столицей на законодательном уровне.

Ростов-на-Дону – город, имеющий богатую историю и уникальную культуру, что находит отражение в его ономастике. Особенности имен

и названий, используемых в этом регионе, формировались под влиянием различных исторических, культурных и этнических факторов. Слово и имя здесь не просто обозначение – это целый мир, рассказывающий о прошлом и настоящем, о людях и их судьбах. Стратегическое положение города на юге страны позволило ему стать важным центром как экономической, так и культурной жизни.

Одной из особенностей Ростова является многонациональный состав населения, который создает уникальную атмосферу, насыщенную разнообразием языков, традиций и обычаев. Каждый район Ростова-на-Дону имеет свои отличительные черты, отражающие историю и культуру. Например, исторический центр города, с его архитектурой и памятниками, оживляет прошлое, в то время как новые районы демонстрируют стремительное развитие и современные тенденции. Области, такие как Старый Ростов, с его узкими улочками и историческими зданиями, контрастируют с новыми жилыми комплексами, что создает удивительное сочетание старины и современности. Уникальность города также заключается в том, что он стал свидетелем множества исторических событий, повлиявших на его формирование. Разнообразие этнических групп, таких как русские, армяне, греки и казаки, внесло свой вклад в культурное наследие региона, что находит отражение в местной ономастике.

Изучение ономастики Ростова-на-Дону позволяет глубже понять местное население, его традиции и образ жизни. Отличительные черты антропонимов и топонимов региона служат свидетелями исторических событий, межкультурных обменов и социальной динамики.

В представленной статье мы рассмотрим ключевые аспекты раздела ономастики Ростова-на-Дону – топонимики, включая влияние этнического разнообразия, исторические трансформации и современные тенденции, что позволит осветить многогранность и богатство языкового наследия этого уникального города.

В лингвистике существует отдельная область исследований, которая получила название «ономастика». Она изучает имена, названия и наименования. Вопросы о том, как возникли названия городов и рек, какое происхождение имеют человеческие имена и фамилии, а также почему звезды и планеты носят необычные и порой загадочные названия, являются предметом изучения ономастики [4]. Эта наука также рассматривает биографию и значение имен в литературе, включая романы, повести, поэмы и народное творчество. Основой термина «ономастика» является греческое слово, которое в древности переводилось как «искусство давать имена».

Ономастика имеет ряд разделов, которые традиционно выделяются в соответствии с категориями собственных имен и характером называемых объектов:

1. собственные имена географических объектов изучает **топонимика**;

2. собственные имена людей исследует **антропонимика**;

3. наименования зон космического пространства – созвездий, галактик – как принятые в науке, так и народные анализирует **космонимика**;

4. названия отдельных небесных тел изучает **астронимика**;

5. собственными именами животных, их кличками занимается **зоонимика**;

6. собственные имена предметов материальной культуры стали объектом изучения **хрематонимики**.

Топонимика – это раздел ономастики, который занимается изучением географических названий, известных как топонимы [3]. Она исследует их происхождение, смысл, развитие, текущее состояние, а также написание и произношение. Топонимика представляет собой комплексную научную дисциплину, находящуюся на пересечении различных областей, таких как лингвистика, география, история и многие другие.

Русский филолог Я. К. Грот отмечал, что топографическое имя всегда имеет значение и не является случайным. В нем зачастую отражается признак местности, характерная черта, происхождение предмета или интересное обстоятельство. Влияние, оказанное тесным общением донских казаков с тюркскими народами, стало заметно как в разговорном языке, так и в топонимии. Казаки переняли названия рек, озер и других географических объектов от тюркоязычных народов. Это взаимодействие привело к обогащению и разнообразию топонимического лексикона региона.

С XVIII века станицы на Дону создавались официальным путем – через грамоты, указы и распоряжения властей. Новые станицы именовались в честь членов царской семьи, министров, князей, а также донских атаманов и героев Дона [1]. Некоторые вновь учрежденные станицы получили названия в зависимости от их географического расположения на реках, например, Маныч, Верхний Чир, Нижний Чир, Усть-Хопра, Усть-Медведица, Кагальник. Это подчеркивало связь станиц с их природной средой и особенностями местности. В честь членов семьи Романовых названы станицы: Александровская, Великокняжеская, Владимирская, Екатерининская, Константиновская. Фамилиями донских наказных атаманов названы станицы: Граббевская, Таубевская, Хомутовская, Чертковская. Станицы Милютинская и Чернышевская названы в честь военных министров России. Станицы, названные в честь героев Дона, получили названия: Баклановская (в честь Бакланова), Ермаковская (в честь Ермака), Краснощековская (ныне хутор Бокачевка, Обливский район, в честь Краснощекова), Платовская (ныне станица Буденновская, Пролетарский район, в честь Платова).

С 1779 года на нижнем Дону к западу от крепости Дмитрия Ростовского поселились армяне, переселенные из Крыма. С их приходом в топонимии Приазовья появился армянский элемент. Рассмотрим основные факты [2]:

1. Город Нахичеван был основан переселенцами из пяти крымских городов. Назван в честь древнего армянского города на Араксе. С населением Нахичевана рядом возникли сельские поселения.

2. Переселенцы из крымского села Орталанг основали село Чалтырь.

3. Крестьяне из села Топты (Топлу) основали село Топты, название которого означает «место, удобное для поселения».

4. Жители села Сала и выходцы из мелких сел объединились для основания села Мец Сала, что переводится как «большое село». Крестьяне из Султан Сала перенесли это название на донскую землю, где его также называют Покр Сала (малое село).

5. Казачий хутор Несвитай (по названию речки) стал армянским хутором под названием Несвита.

6. Рядом было основано село Катеринован, где «аван» означает «поселок».

Далее обратимся к этимологии названий крупных городов Ростовской области [5]:

1. Ростов-на-Дону. Основан в 1761 году как крепость Дмитрия Ростовского. Название дано по церкви во имя Святого Дмитрия (1651–1709), который в последние семь лет своей жизни был Митрополитом в городе Ростов (Ярославской губернии), а в 1757 году причислен к лику святых.

2. Новочеркасск. Основан в 1805 году как столица Войска Донского города Новый Черкасск. Название связано с тем, что первые жители нового города были переселены из станицы Черкасская. Предшествовавший казачий Черкасский городок возник в XVI веке, когда Дон начал заселяться украинцами, которых на Дону в то время называли черкасами.

3. Таганрог. Основан в 1698 году в урочище Таганрог как город Святая Троица, названный по церкви, освященной во имя Святой Троицы. Название урочища состоит из тюркского «таган» («подставка для котла, треножник») и русского «рог» («мыс», «коса»). Предполагают, что на этом мысе в прошлом зажигали сигнальный огонь, используя для этого таган как подставку, что и определило возникновение названия.

4. Семикаракорск. Исследователи высказали мнение, что название города – производное от трех слов тюркского корня: «семиз» – крепкий, «кара» – черный и «кала» – крепость. То есть «сильная черная крепость».

5. Батайск. Название состоит из тюркских слов «ба» – вода и «тай» – низина, которым древние обозначали здешнюю местность.

Представим некоторые улицы Ростова-на-Дону и их происхождение:

1. Банный переулок. Это название связано с городской баней, которая была расположена рядом с родниками.

2. Темерницкая улица. Улица получила свое имя из-за того, что ведет к реке Темерник, где находился мост – переправа на противоположный берег и путь к одноименному поселению.

3. Почтовая улица. Это название связано с почтовой станцией, расположенной на пересечении улицы и проспекта Соколова, которая всегда была переполнена пассажирами.

4. Рождественская улица. Улица названа в честь старого базара, где находился главный ростовский собор, посвященный Рождеству Богородицы.

5. Воронцовская улица названа в память о графе Михаиле Семеновиче Воронцове (1782–1856), который с 1823 года был генерал-губернатором Новороссии.

6. Канкринская улица. Название улицы связано с именем писателя и выдающегося государственного деятеля Егора Францевича Канкрина, который занимал пост четвертого министра финансов Российской империи.

7. Улица Максима Горького. Сначала с 1885 по 1895 год она называлась Тургеневской, затем до 1917 года – Романовской, а после революции была названа Сенной, а в 1936 году ее переименовали в улицу Горького.

8. Названия улицам в городе часто придумывали поэты и писатели. В Ростове есть улицы с названиями: Благородная, Воздушная, Гармоничная, Добрая, Необычная, Особенная, Славная, Удачная, Долгожданная, Озаренная, Творческая, Поэтичная, Рассветная, Закатная, Чудная, Счастливая, Благодатная, Аккуратная, также имеются переулки Дивный, Ласковый, Нежный, Приятный, Загадочный, Удобный и Отважный.

9. Улица Города Ле-Ман. Ростов – единственный российский город-побратим этого французского города.

Топонимика Ростовской области представляет собой богатую палитру исторических, культурных и языковых влияний, отражающих многогранное наследие региона. Названия населенных пунктов, рек и природных объектов не только рассказывают о географических особенностях, но и свидетельствуют о многообразии этнической принадлежности и исторических событий, формировавших область.

Изучение топонимики Ростовской области позволяет глубже понять, как взаимодействие различных народов, их язык и культура отразились в наименованиях, ставших частью повседневного обихода. Область является истинным живым архивом, где каждое название, будь то древнее или современное, обладает своей уникальной историей и значением.

Таким образом, анализ топонимических особенностей Ростовской области и города Ростова-на-Дону не только обогащает знания о крае, но и способствует сохранению культурной идентичности, позволяя будущим поколениям осознавать и ценить свое историческое и культурное наследие.

Литература

1. Астапенко, М. П. История Донского края / М. П. Астапенко, Е. М. Астапенко. – Ростов-н/Д: ООО «Мини Тайп», 2005. – 684 с.

2. Беленький, Г. Л. Ростов-на-Дону. Город у Тихого Дона [Текст]: краеведческие очерки. – Ростов-н/Д: МЕНАДА: СИГМА, 2005. – 286 с.

3. Голомидова, М. В. Топонимическая политика // Социолингвистика. – 2022. – № 3. – С. 172–177.

4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – 198 с.

5. Сидоров, В. С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на Дону [Текст]: [В 6 т.]. – Ростов-н/Д: Донская публичная б-ка, 1994. – 293 с.

И.М. Петрачкова
Гомельский государственный медицинский университет
e-mail: innamihail@mail.ru

УДК 82-2'373.231

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ФИКЦИОНАЛЬНЫХ АНТРОПОЭТОНИМОВ В ДРАМЕ ВИКТОРА СЕРГЕЕВИЧА РОЗОВА «ДО́МА (ВОЗВРАЩЕНИЕ)»

Ключевые слова: *ономапоэтическое пространство, драма, фикциональный антропоэтоним, интерпретация, семантическая мотивированность.*

Статья посвящена исследованию фикциональных имен собственных в контексте драматургического произведения В.С. Розова «До́ма (Возвращение)». Здесь рассматривается категория семантической мотивированности антропоэтонимов, которая, интегративно сочетаясь с полионимичностью, интертекстуальностью, компонентностью, авторской репрезентативностью и полисемичностью, позволяет многогранно интерпретировать имена собственные, раскрывая их денотативные, эмоционально-экспрессивные и концептуальные смыслы.

I.M. Petrachkova
Gomel State Medical University

SEMANTIC MOTIVATION OF FICTIONAL ANTHROPOETHONYMS IN THE DRAMA BY VIKTOR SERGEEVICH ROZOV “AT HOME (RETURN)”

Key words: *onomapoetic space, drama, fictional anthropoethonym, interpretation, semantic motivation.*

The article is devoted to the study of fictional proper names in the context of the dramatic work of V. S. Rozov "At home (Return)". The category of semantic motivation of anthropoethonyms is considered here, which is integratively combined with polyonymy, intertextuality, componentism, author's representativeness and polysemy, allows a multifaceted interpretation of proper names, revealing their denotative, emotional-expressive and conceptual meanings.

Имя собственное (далее ИС) является одним из средств, создающих художественный образ. Оно может обладать ярко выраженной экспрессией, скрытыми ассоциациями, воздействовать на адресата своим особым обликом, отражать социальный статус персонажа, передавать национальный и исторический колорит. Имя как знак и как символ имеет высокий

прагматический потенциал. Объектом изучения настоящей статьи стали индивидуально-авторские, или фикциональные, антропоэтонимы (личные имена, отчества, фамилии, прозвища), отобранные путем сплошной выборки из драмы В. С. Розова «Дóма (Возвращение)», написанной им в 1989 г. [3, с. 178–209]. Творчество В. С. Розова отличает целый ряд ономапоэтических закономерностей, обусловленных жанровым единством текстов, написанных для театра, и сходством идейно-тематического содержания художественных образов, созданных драматургом в лучших традициях реалистического метода.

Предмет исследования в работе – категория семантической мотивированности ономапоэтических средств, проявлениие ее интегративности в драматургическом дискурсе. Для выявления семантических особенностей антропоэтонимов пьесы В. С Розова в статье использованы общепринятые в лингвистике и ономастике методы исследования, в том числе метод комплексного анализа текста, структурно-семантический, дескриптивный метод, этимологический и лингвокультурологический анализ.

Семантическая мотивированность – значимый критерий осмысления поэтонимии литературного произведения, детально разработанный и представленный нами в монографии «Ономапоэтическое пространство русской драматургии второй половины XX века» [2, с. 97–117], в которой установлена методика современного анализа имени собственного, базирующаяся на когнитивном подходе.

Номинация персонажа является неотъемлемым элементом произведения, одним из средств, создающих художественный образ. Поэтонимия пьесы насчитывает свыше 40 фикциональных антропоэтонимов. Под ***фикциональными*** именами понимаются те проприальные единицы, которые функционируют в виртуальной художественной действительности, т. е. созданы автором или же взяты им из реального ономастикона и погружены в ХТ. По способу художественной номинации все поэтонимы подразделяются на две категории: фикциональные и прецедентные. Объектом нашего исследования стали именно антропоэтонимы первой группы. **Семантическая мотивированность** позволяет дифференцировать все номинации на ***автологически*** и ***металогически*** мотивированные имена. Заметим, что В. С. Розов как писатель, работающий в рамках реалистического метода, сознательно избегает ***автологически*** значимых ИС с прямой характеристикой лица. Чаще художник слова широко использует возможности разных групп ***металогически*** мотивированных поэтонимов. Термин «металогия» зафиксирован А. П. Квятковским и означает «употребление в поэтическом произведении слов и выражений в их переносном значении, образном или фигуральном» [1, с. 154]. К категории ***металогически*** мотивированных ИС, на наш взгляд, в данном художественном тексте (ХТ) принадлежат **косвенноговорящие** (семантика этих ИС отождествляется с современными значениями образующих их апеллятивов либо лингвокультурными смыслами таких ассоциаций), **скрытоговорящие** (их значимость

латентна, поскольку этимология номинаций имеет *устаревшую, диалектную* либо *иноязычную* основу) и **прецедентные** имена. Данные группы поэтонимов полисемичны, поэтому граница между ними условна. Бывает, что одновременно одно ИС может относиться к каждой из групп, с разных сторон характеризуя художественный образ. Так, два друга, вернувшиеся со службы из Афганистана, являются носителями армейских прозвищ *Филин* и *Бизон*. Данные номинации, безусловно, неслучайны. Драматург бинарно противопоставляет поэтонимы. *Филин* (ср. ***филин*** – ‘*ночная птица отряда сов*’ [5, с. 564] – олицетворяет мудрость, интеллект, в то время как *Бизон* (от апеллятива ***бизон*** – ‘*дикий североамериканский бык с длинной мягкой шерстью*’ [4, с. 89] является символом грубой физической силы. Прозвище *Филин* в сознании интерпретатора имеет еще и дополнительные лингвокультурные смыслы, связанные с отражением духовной мудрости, ясности, спокойствия, проницательности, интуиции. В славянской мифологии, как правило, упоминается образ мудрого филина, который живет тысячу лет и является носителем тайных знаний, недоступных обычным смертным. Носитель прозвища – Сергей Романов, 22-летний главный герой пьесы, ветеран войны в Афганистане. Вернувшись домой, он стремится продолжить учебу, поэтому сразу же восстанавливается в институте. Реалии во многом изменились. Ведь переломные 1990-е годы стали временем кардинальных перемен в системе общественных ценностей и ориентиров. Возвращение Сергея к мирной жизни осложняется внутренними конфликтами, столкновением с несправедливостью и попытками адаптироваться к изменившейся действительности. Но преодолевать все трудности и бороться за справедливость *Филин* намерен исключительно законными разумными методами и средствами. И, напротив, его друг Николай Покровский по прозвищу *Бизон*, тоже ветеран войны, разочарованный в обществе, столкнувшись с проблемами, ищет справедливости вне закона. Герой вступает в определенное маргинальное сообщество, которое применяет насилие для так называемого восстановления законности. Прозвище *Бизон* отражает физическую силу, упрямство и агрессию персонажа драмы, поскольку он становится приверженцем радикальных методов борьбы с пороками общества и несправедливостью. Тем не менее Покровский ценит и уважает Сергея, восхищается им, говоря: «*Ты,* ***Филин, мудрец****…*» или «*Осилишь. Ты* ***головастый***» [3, с. 184], что и подтверждает обозначенный выше лингвокультурный смыл лексемы ***филин***. Следовательно, прозвища двух друзей-сослуживцев контрастируют между собой («сила и самосуд» – «разум и закон»), подчеркивая противоположность их подходов в борьбе с цинизмом и бюрократией, в отстаивании правды. Драматург В. С. Розов мастерски использует металогически мотивированные косвенноговорящие прозвища как инструмент для представления персонажей, раскрытия их психологической характеристики.

К категории **скрытоговорящих** антропоэтонимов принадлежит личное имя главного героя *Сергея Трофимовича Романова*. Иноязычная

этимология имени *Сергей* (от римского родового имени *Sergius* – ‘*высокочтимый’* [6, с. 280]) указывает на определенное почтительное, уважительное отношение к герою пьесы, ветерану афганской войны. Из ХТ узнаем, что вернувшегося в институт *Романова* сразу же избирают комсоргом как наиболее ответственного и достойного среди прочих студентов. То, что *Сергей* заслуживает признания и доверия, уверены окружающие, которые готовы поделиться с ним самым сокровенным. Именно к комсоргу *Романову* приходит со своей бедой студентка *Екатерина Горелова* и делится историей изнасилования. «*Я из Баранова … село. <…> Конкин ваш … на дачу пригласил … с дружками … Я, дура, поехала. Сволочи… (Заплакала) <…> Мать «смотри» наказывала. Я чистая была. Отец прибьет теперь. Они верующие… Я хорошо учусь отличница (Ревет)*» [3, с. 185]. Первокурсница Катя обращается за помощью и поддержкой к Сергею Тимофеевичу, веря в его честность, порядочность и благородство. Латентное личное имя *Екатерина* (ср. ‘из греч. *Haikaterine,* лат. *Catharina* возможно из греч. *katharon – чистота, благопристойность)*’ [6, с. 284] значимо в ХТ драмы и скрыто противопоставлено произошедшему с героиней. Чистая наивная девушка, которая отлично учится, является солисткой хора, став жертвой насилия, в одночасье опозорена. Благопристойная, скромная деревенская *Катя* не может пережить такое унижение. Ей стыдно признаться в произошедшем родителям, и от безысходности первокурсница даже хочет покончить с собой («*Она под автобус хотела броситься*» [3, с. 189]), но в итоге сходит с ума. Ее **косвенноговорящая** фамилия (*Горелова*) отражает трагедию (***горе***), произошедшую с девушкой (ср. значения лексемы ***горе*** – ‘*душевное страдание, глубокая печаль, скорбь*’; ‘*событие, обстоятельство, вызывающее душевные страдания, скорбь; беда, несчастье*’, ‘*разг. плохо, нехорошо; беда*’, а также идиомы «*Неутешное горе. Убитый горем*», «*Хлебнуть (или хватить) горя – испытать*» [4, с. 333] и проч. Одна из сем прилагательного ***горелый*** – ‘*быть охваченным каким-л. сильным чувством, со страстью отдаваться чему-л. (какому-л. чувству, делу). Гореть ненавистью. Голова горит; душа (или сердце) горит – о состоянии сильного возбуждения, волнения*’ [4, с. 333–334]). Данный семантический ряд как нельзя лучше объясняет состояние *Екатерины Гореловой*, которая думает только о произошедшем с ней горе. Она взволнована, ошеломлена, горит ненавистью, думает о мести, но одновременно осознает свое бессилие и невозможность уже что-либо изменить или исправить.

Некоторые имена могут иметь символическое значение или отсылки к реальным историческим или культурным контекстам. Такова, например, **прецедентная** фамилия главного действующего лица драмы – *Романов*. Номинация интертекстуальна и полисемична. Фамилия *Романов* может ассоциироваться с царской династией, правившей Россией до 1917 года, что, с одной стороны, подчеркивает благородство, честь и трагизм судьбы *Сергея Романова* (в конце пьесы персонаж погибает). Действительно, фамилия

ассоциируется с аристократизмом, что контрастирует с окружением Сергея. Его попытки бороться за справедливость («*Надо же! Ты же Романов!*» [3, с. 192]) подчеркивают его моральное превосходство над иными персонажами вроде Конкина, Покровского, Пенкина и проч. Значимость интертекстуального ИС – отразить трагедию личности в тоталитарном обществе. С помощью избранной прецедентной фамилии драматург В. С. Розов стремится «эзоповым языком» донести мысль о том, что даже в эпоху «равенства» (советская риторика) сохраняется иерархия, при которой одни (*Романовы*) обречены на гибель, а другие (*Конкины*) процветают. С другой стороны, прониальная единица *Романов* в ХТ ассоциируется с крахом идеалов самого героя, что символизирует исторический факт падения царской династии *Романовых*. «*Мы-то с тобой думали: живы останемся, назад в рай влетим*» [3, с. 187], – эта фраза Николая Покровского, отчетливо иллюстрирует разочарования вернувшихся из Афганистана молодых людей в послевоенной реальности. Историческая аллюзия на династию *Романовых* может восприниматься реципиентом как символ утраченного величия. Это создает контраст между прошлым (имперской эпохой) и настоящим (советской реальностью), где герои ощущают себя «обломками» утраченной эпохи. Как и исторические *Романовы*, герой *Сергей Романов* становится жертвой обстоятельств, что подчеркивает тему несправедливости и жертвенности. Он выступает за то, чтобы осудить Конкина по закону, привлечь его к суду, в то время как его друг Покровский вместе с лидером иной идеологии, писателем Егором Пенкиным, решили учинить над насильником Владимиром Конкиным самосуд, поскольку уверены, что тому удастся избежать справедливого наказания. Они упрекают Сергея за идеализм и попытку им помешать. Интегративная связь мотивированности фамилии еще с таким критерием осмысления поэтонима как авторская репрезентативность посредством реплик персонажей привлекает внимание адресата к ИС. Так, писатель Егор Федотович Пенкин пытается вразумить героя: «*Фамилия у тебя царская, а мысли – как у раба. Научись бояться*!» [3, с. 194]. Он, словно предупреждает о трагедии, к которой может привести конфликт между идеализмом Сергея и суровой реальностью. Более того в контексте пьесы, написанной в советскую эпоху, фамилия *Романов* звучит несколько архаично, что усиливает одиночество героя, отчуждение его от действительности, когда идеалы *Романова* сталкиваются с цинизмом системы. В эпилоге портрет Сергея с траурной лентой символизирует гибель не только персонажа, но и идеалов, которые он олицетворял. Как нам представляется, автор использует фамилию *Романов* в качестве многослойного символа: 1) исторической ностальгии по утраченным идеалам: нравственному величию, морали, чести, справедливости; 2) конфликта между благородством и цинизмом; 3) отчуждения и одиночества человека в тоталитарном обществе.

Таким образом, антропоэтонимы в драме «Дóма (Возвращение)» В С. Розова не просто идентифицируют персонажей, но и служат мощным

инструментом художественной выразительности. Они передают авторскую критику социальных пороков, усиливают конфликты и углубляют психологическую характеристику героев. **Семантическая мотивированность** – значимый критерий осмысления фикциональных антропоэтонимов в пьесе. Автор реалистического метода использует ***металогически*** мотивированные поэтонимы: **косвенно-** (*Филин*, *Бизон*, *Горелова*, *Ознобкин* и др.), **скрытоговорящие** (*Екатерина*, *Конкин*, *Гавриил Герасимович*, *Николай* и проч.) и **прецедентные** (например, фамилия *Романов*) номинации. Семантическая мотивированность ономапоэтических средств раскрывается благодаря ее тесному взаимодействию с такими ономапоэтическими категориями как полисемичность, интертекстуальность, полионимичность, конструктивность и авторская репрезентативность.

Литература

1. Квятковский, А. П. Поэтический словарь : ок. 670 терминов / А. П. Квятковский. – М. : Совет. энцикл., 1966. – 376 с.

2. Петрачкова, И. М. Ономапоэтическое пространство русской драматургии второй половины XX века / И. М. Петрачкова. – Гомель : Гомел. гос. мед. ун-т, 2025. – 387 с.

3. Розов, В. С. Избранное / В. С. Розов. – М. : Искусство, 1983. – 712 с.

4. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. язык, 1981–1984. – Т. 1 / ред.: А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова. – 1981. – 698 с.

5. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. А. П. Евгеньева. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. язык, 1985–1988. – Т. 4. – 1988. – 795 с.

6. Суперанская, А. В. Современный словарь личных имен: сравнение, происхождение, написание / А. В. Суперанская. – М. : Айрис-Пресс, 2005. – 384 с.

В.А. Петрова
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
e-mail: lera.valera2005.petrova@yandex.ru

УДК 81'373.21

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В УРБАНОНИМАХ ВЫШНЕГО ВОЛОЧКА

Ключевые слова: *топонимика, тематические группы топонимов, урбанонимы, профессионально-деятельностные топонимы, гидронимы, антропонимы, историко-культурное отражение, городская система.*

Статья посвящена анализу урбанонимов Вышнего Волочка, провинциального города России, и их значению в культурном и историческом контексте. Исследуется, как топонимика города отражает его развитие и инфраструктурные изменения на протяжении веков. Рассматриваются современные изменения в топонимике, свидетельствующие о сохранении

народной памяти и идеологических преобразованиях. Статья выделяет ключевые тематические группы топонимов и подчеркивает значимость водных ресурсов для развития Вышнего Волочка.

V.A. Petrova
Tver State University

REFLECTION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE IN THE URBANONYMS OF VYSHNY VOLOCHOK

Key words: *toponymy, thematic groups of toponyms, urbanonyms, professional and activity toponyms, hydronyms, anthroponyms, historical and cultural reflection, urban system.*

The article is devoted to the analysis of urbanonyms of Vyshny Volochok, a provincial city of Russia, and their significance in the cultural and historical context. The article explores how the toponymy of a city reflects its development and infrastructural changes over the centuries. Modern changes in toponymy are considered, indicating the preservation of national memory and ideological transformations. The article highlights the key thematic groups of toponyms and highlights the importance of water resources for the development of Vyshny Volochok.

Урбанонимы, т.е. названия внутригородских объектов, являются важной составляющей культурного и исторического ландшафта любого города. Вышний Волочёк, как провинциальный город, демонстрирует яркий пример того, как развитие города и его инфраструктуры на протяжении веков отражается в топонимике. В названиях его улиц, площадей, каналов, а также других городских объектов, зафиксированы не только географические особенности, но и важнейшие исторические, культурные и социальные изменения.

Город был основан в конце XV века как важный транспортный узел, соединяющий реки Цна и Тверца и первоначально выполнял исключительно функциональную роль, как пункт для перегрузки товаров, что нашло отражение в названиях улиц и объектов, связанных с водным транспортом.

Преобразования петровской эпохи, повлиявшие на весь облик России, отразились и на Вышнем Волочке. Например, такие гидронимические топонимы, как ***Канальная улица***, ***Шлюзовая набережная***, ***Голландский переулок, Бейшлотская набережная, улица Сердюкова***, отсылают к строительству Вышневолоцкой водной системы в начале XVIII века.

1. Постройка Вышневолоцкой водной системы под надзором инженера Виллима Монса в начале XVIII столетия обусловила появление урбанонимов,

в которых прослеживаются заимствованные элементы. Термины «канал», «шлюз», адаптированные к русской фонетике, свидетельствуют о контактах с западноевропейской инженерной школой [1. Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990, 544–545 с.] Также такие названия, как «***Монсов яр***» и «***Инженерный спуск***», ***«Флотский переулок»,*** возникли благодаря этой модернизации.

Помимо осуществления проекта Вышневолоцкой водной системы, топонимы отражают другие исторические факты XVIII века. Так, ***Екатерининская улица*** напоминает о присвоении статуса города императрицей, а также ее частые визиты в Императорском дворце.

2. Со временем Вышний Волочёк стал важным промышленным центром, особенно с развитием текстильной промышленности в XIX веке. Это отразилось в появлении множества улиц и переулков, связанных с ремеслами, таких как ***Ткацкий проезд***, ***Прядильная улица***, ***Крашеная слобода, Переулок труда, улица Дом Фабрики «Парижская коммуна», улица Дом ХБ комбинат, Рабочая улица***. Экономическое развитие, обусловленное промышленной специализацией города, стало причиной преобладания профессионально-деятельностных топонимов. Важно отметить, что, несмотря на широкое распространение этих названий, народная память сохраняла старые, дореволюционные имена, такие как «***Рябушинская слобода***», которые продолжали использоваться в разговорной речи [3. Барашков В.Ф. Русские говоры Ульяновской области. Ульяновск: УлГПУ, 1994, 215 с.]

Революционные события также отпечатались в антропонимах Вышнего Волочка. ***Улица Демьяна Бедного, улица Степана Халтурина, улица Софьи Перовской*** – яркий образец памяти активных участников, стремящихся свергнуть монархию.

С приходом советской власти в начале XX века произошло радикальное переименование улиц и площадей, связанное с идеологическими преобразованиями. Многие названия были заменены на имена деятелей революционного движения, что хорошо отражает идеологическую направленность советской эпохи [2. Акаемов Н.Ф. Исторические материалы о городе Курмыше. Нижний Новгород, 1895, 32 с.]

Так, улица ***Рябушинская*** была переименована в ***улицу Текстильщиков***, ***Соборная площадь –*** в ***площадь Революции***, Казанский проспект – в ***Проспект Ленина***, а ***улица Сиверсова*** – в ***улицу Володарского***. Также появились такие наименования, как ***Большевистский переулок, Красноармейская улица, улица Красных Печатников, Пролетарская улица, улица 9 января, Пионерский переулок***. Несмотря на это, старые наименования продолжали жить в народной памяти.

Годы Великой Отечественной войны были трудными для Вышнего Волочка. В нем располагались госпитали, куда привозили раненых. ***Улица Марины Расковой***.

В последние десятилетия Вышний Волочёк стал свидетелем возвращения некоторых дореволюционных наименований улиц. Так***, проспект***

Ленина был переименован в ***Казанский проспект***, а ***улице Володарского*** было возвращено первоначальное название ***улица Сиверсова***.

В целом же анализ урбанонимов Вышнего Волочка позволяет выявить несколько ключевых тематических групп, таких как гидронимические, профессионально-деятельностные и антропонимические названия. Гидронимическая топонимия, включающая названия, связанные с водными путями, продолжает занимать значительное место в городской системе. Названия улиц, такие как ***Набережная Цны*** и ***Канальный мост***, сохраняют свою актуальность, подчеркивая важность водных ресурсов для развития города [4. Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М.: Наука, 1985, 144 с.]

Кроме того, следует отметить, что значительную часть городской топонимии в Вышнем Волочке составляют антропонимические названия, которые отражают уважение к историческим личностям и значимым событиям. [5. Борисенко И.В. Времен минувших отраженье. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990, 175 с].

Так, ***улица Венецианова и улица Репина*** увековечивают память о художниках, чьи усадьба и дача находились недалеко от города, ***Екатерининская улица*** напоминает о присвоении императрицей Вышнему Волочку статуса города, ***улица Муслима Магомаева*** подчеркивает факт его биографии, связанный с городом (певец обучался в местной Детской школе искусств), ***набережная Олега Матвеева*** увековечивает подвиг соотечественника, повторившего в годы Великой Отечественной войны подвиг Гастелло, ***улица Гагарина***, напоминающая визит космонавта в Вышний Волочек, ***улица Валентины Гагановой***, организовавшей Гагановское движение рабочих по всему СССР.

Таким образом, Вышний Волочёк представляет собой уникальный пример города, урбанонимия которого тесно связана с его историей и культурным ландшафтом. От старинных гидронимических наименований до советских переименований и современной коммерциализации, которая особенно отразилась на системе эргонимов, которые пока мы оставим в стороне – все эти изменения находят отражение в топонимии города. Анализ урбанонимов Вышнего Волочка помогает не только понять особенности его исторического развития, но и глубже осознать роль языка и наименований в сохранении культурной идентичности.

Литература

1. Аверинцев, С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 544–545 с.

2. Акаемов, Н.Ф. Исторические материалы о городе Курмыше. Нижний Новгород, 1895. 32 с.

3. Барашков, В.Ф. Русские говоры Ульяновской области. Ульяновск: УлГПУ, 1994. 215 с.

4. Агеева, Р.А. Происхождение имен рек и озер. М.: Наука, 1985. 144 с.

5. Борисенко, И.В. Времен минувших отраженье. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 175 с.

С.А. Попов
Воронежский государственный университет
e-mail: spo@bk.ru

УДК 81'373.21

О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАТАЛОГА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ключевые слова: *ономастика, Государственный каталог географических названий, топонимика, ойконимия, лингвистическое краеведение, регионалистика.*

Топонимика играет важную роль в исследовании исторического и культурного наследия стран и регионов. Современные технологии способствуют развитию этой науки, делая её более доступной и эффективной. Важнейшую роль в стандартизации и поддержании единства географических названий в России играет Государственный каталог географических названий (ГКГН), содержащий официальные данные обо всех объектах страны. Каталог предоставляет ученым стандартизированные и актуальные сведения, необходимые для проведения региональных топонимических исследований. Однако для полного раскрытия потенциала ГКГН требуются дальнейшие усовершенствования, включая расширение информационного содержания, внедрение цифровых технологий и учет региональных особенностей.

S.A. Popov
Voronezh State University

ON THE ROLE OF THE STATE CATALOG OF GEOGRAPHICAL NAMES IN REGIONAL TOPONYMIC RESEARCH

Key words: *onomastics, State Catalog of Geographical Names, toponymy, oikonymy, linguistic local history, regionalism.*

Toponymy plays a crucial role in the study of historical and cultural heritage of countries and regions. Modern technologies contribute to the development of this science, making it more accessible and effective. The State Catalogue of Geographical Names (SCGN) plays a key role in standardizing and maintaining the unity of geographical names in Russia, containing official data on all objects in the country. The catalog provides researchers with standardized and up-to-date information necessary for conducting regional toponymic studies. However, further improvements are required to fully unlock its potential, including expanding informational content, implementing digital technologies, and taking into account regional specificities.

Топонимика как наука о происхождении и эволюции географических названий играет ключевую роль в изучении исторического и культурного наследия стран и регионов. Она помогает раскрыть тайны прошлого, определить взаимосвязи между языком, культурой и природой, а также выявить процессы миграции населения и изменения границ.

Современная топонимика активно развивается благодаря новым технологиям, таким как геоинформационные системы (ГИС) и цифровые карты. Они позволяют визуализировать и анализировать данные, превращая топонимическое исследование в более доступное и эффективное.

Процесс каталогизации географических названий имеет долгую историю. Первые попытки систематизировать названия появились ещё в античные времена, когда составлялись списки городов и поселений. Современная каталогизация включает разработку стандартов и требований к оформлению данных, обеспечение их доступности и поддержание актуальности.

Международные стандарты определяют принципы построения каталогов географических названий. Они обеспечивают совместимость и возможность обмена данными между странами и организациями.

Важнейшим инструментом для поддержания единства и стандартизации географических названий в Российской Федерации является Государственный каталог географических названий (ГКГН), в котором размещены Реестры наименований географических объектов по каждому субъекту Российской Федерации в алфавитной последовательности наименований всех географических объектов по форме «201», в формате pdf, Реестры наименований населенных пунктов по каждому субъекту Российской Федерации по административным районам субъектов Российской Федерации по форме «202нп», а также Реестр зарегистрированных наименований географических объектов континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации, географических объектов, открытых или выделенных российскими исследователями в пределах Открытого моря и Антарктики, в формате pdf. Реестры содержат информацию о регистрационном номере, наименовании географического объекта, типе объекта, административно-территориальной привязке, географических координатах (широта и долгота), привязки к другим географическим объектам и номенклатуру листа карты масштаба 1:100 000, на котором располагается объект.

Все присвоенные в установленном порядке наименования географических объектов вносятся в ГКГН. Он обеспечивает единообразное употребление наименований географических объектов и предоставляет официальную информацию о названиях. Эта информация общедоступна и размещена на официальном сайте ППК «Роскадастр» [1], который является оператором каталога. Этот ресурс служит базой для картографии, государственных органов и научных исследований, обеспечивая доступ к точной и актуальной информации о географических объектах России.

В перечисленных выше Реестрах содержится информация о существующих в настоящее время топонимах, однако при помощи сайта

«Роскадастра» также можно получить алфавитные списки названий ранее существовавших населённых пунктов Российской Федерации. В свободном доступе они не находятся, однако предоставляются физическим и юридическим лицам только на основании письменных запросов на бумажном носителе. Например, как мы писали ранее, «на наш запрос ППК «Роскадастр» в виде отдельных файлов формата pdf были предоставлены алфавитные списки географических названий ранее существовавших объектов заданного рода в виде электронных приложений к следующим письмам:

- исх. № 45-0010/23 от 13.02.2023: починок (228 записей на 22 стр.), будка (5 записей на 1 стр.), казарма (8 записей на 1 стр.), кордон (13 записей на 2 стр.), город (20 записей на 3 стр.);
- исх. № 45-0011/23 от 14.02.2023: местечко (36 записей на 4 стр.), разъезд (28 записей на 4 стр.), железнодорожная станция (28 записей на 3 стр.), поселок при станции (6 записей на 1 стр.), выселок (101 запись на 10 стр.);
- исх. № 45-0012/23 от 15.02.2023: хутор (2 361 запись на 223 стр.), курортный поселок (5 записей на 1 стр.), кишлак (отсутствуют на дату подготовки письма), дачный поселок (30 записей на 4 стр.), улус (245 записей на 26 стр.);
- исх. № 45-0015/23 от 21.02.2023: участок (34 записи на 4 стр.), слобода (43 записи на 5 стр.), поселок городского типа (263 записи на 27 стр.), рабочий поселок (41 запись на 5 стр.), поселок (9 784 записи на 961 стр.);
- исх. № 45-0016/23 от 27.02.2023: село (2 629 записей на 263 стр.), деревня (28 336 записей на 2 687 стр.), аул (101 запись на 11 стр.), станция (14 записей на 2 стр.), станица (15 записей на 2 стр.);
- исх. № 21-0345/24 от 26.08.2024: сельский поселок (26 записей на 3 стр.);
- исх. № 21-0346/24 от 26.08.2024: арбан (отсутствуют на дату подготовки письма);
- исх. № 21-0348/24 от 26.08.2024: наслег (отсутствуют на дату подготовки письма);
- исх. № 21-0347/24 от 26.08.2024: перечень зарегистрированных в ГКГН географических названий объектов Российской Федерации, изменившихся в период с 29.12.1851 по 23.08.2024 (в алфавитной последовательности предыдущих названий – 8 553 записи на 524 стр.; в алфавитной последовательности новых названий – 8 553 записи на 524 стр.)» [2, 4424].

ГКГН обеспечивает ряд значительных преимуществ для исследователей, среди которых хотелось бы отметить стандартизацию названий (все объекты имеют единое официальное наименование, что облегчает работу с большими массивами данных), доступ к актуальной информации (регулярное обновление каталога гарантирует, что учёные работают с последними

версиями данных), возможность межрегиональных сравнений (единообразие данных позволяет проводить сравнительные исследования между разными регионами).

Однако несмотря на многочисленные достоинства, ГКГН имеет некоторые ограничения, среди которых недостаточная детализация исторических сведений (иногда отсутствует информация о происхождении и изменении названий, что затрудняет глубокие историко-лингвистические исследования), необходимость дополнительного сбора данных (некоторые регионы требуют дополнительной полевой работы для уточнения деталей), отсутствие полной унификации терминологии (в некоторых случаях наблюдаются расхождения в терминологии между разными источниками).

Для повышения эффективности ГКГН предлагаем расширить информационное наполнение каталога (например, включить дополнительные данные о культурно-историческом контексте объектов), добавить интерактивные возможности поиска и анализа данных (разработка инструментов для автоматического анализа связей между объектами), шире внедрять цифровые технологии (использование ГИС и машинного обучения для улучшения качества данных). В идеале для улучшения научного поиска хотелось бы видеть единую базу данных топонимов по всей стране, а не только по отдельным регионам.

На наш взгляд, координация усилий учёных из разных областей знания позволит создавать комплексные проекты, учитывающие как лингвистические, так и географические аспекты топонимики. Участие в международных инициативах по стандартизации географических названий будет способствовать обмену опытом и технологиями, что повысит качество ГКГН.

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что Государственный каталог географических названий играет значительную роль в региональных топонимических исследованиях, предоставляя исследователям стандартизированные и актуальные данные, однако для полного раскрытия его потенциала необходимы дальнейшее расширение его функциональности и интеграция новых технологий. Поэтому коллегам-топонимистам мы рекомендуем использовать ГКГН в сочетании с дополнительными методами сбора данных, такими как полевые исследования и архивная работа, а также важно учитывать региональные особенности и специфику каждого конкретного случая.

Литература

1. Государственный каталог географических названий [электронный ресурс]. URL: https://kadastr.ru/services/gosudarstvennyy-katalog-geograficheskikh-nazvaniy/ (дата обращения: 09.04.2025).

2. Попов, С. А. Государственный каталог наименований географических объектов как источник для исследования исчезнувших ойконимов Российской Федерации / С. А. Попов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Том 17. – Выпуск 12. – С. 4423-4428. https://doi.org/10.30853/phil20240626

М.М. Прищепа
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: maksimpr2002@gmail.com

УДК 81'373.211(476.5)

ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ВНУТРИГОРОДСКИХ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ ВИТЕБСКА И ПОЛОЦКА

Ключевые слова: *урбаноним, годоним, номинативный тип, структурный тип, Витебск, Полоцк.*

В статье проанализированы годонимиконы Витебска и Полоцка и установлено, что основным структурным типом названий улиц являются двухсловные конструкции с именами прилагательными. Мотивационной базой названий линейных объектов городов по культурно-языковым признакам являются наиболее многочисленные антропогодонимы, топогодонимы, характеризующие годонимы и годонимы, связанные с практической деятельностью человека. Далее по степени убывания количества единиц идут фитогодонимы и наименования, описывающие ландшафт местности.

M.M. Pryshchepa
Vitebsk State P.M. Masherov University

THE SPECIFICS OF NAMING INNER-CITY LINEAR ITEMS IN VITEBSK AND POLOTSK

Key words: *urbanonym, godonym, nominative type, structural type, Vitebsk, Polotsk.*

The article analyzes the godonymicons of Vitebsk and Polotsk and establishes that the main structural type of street names are two-word constructions with adjectives. The motivational base of names of linear objects of cities according to cultural and linguistic characteristics are the most numerous anthropogodonyms, topogodonyms, characterizing godonyms and godonyms related to practical human activity. Then, in descending order of the number of units, there are phytogodonyms and names describing the landscape of the area.

Городские топонимы неоднократно становились предметом исследования ученых-ономастов. К изучению внутригородских названий в разные годы обращались такие ученые, как А. В. Суперанская [9], Н. В. Подольская [7], Э. М. Мурзаев [6], М. В. Горбаневский [1], И. А. Королёва [3], А. М. Мезенко [4; 5], М. Л. Дорофеенко [2] и др. Этот

языковой пласт, чувствительный к любым изменениям, происходящим в обществе, несет в себе лингвистическую, этнографическую, историческую, социальную и культурную информацию. Ономастика – зеркало, отражающее историю и языка, и страны. В настоящее время, когда перед мировым сообществом стоят проблемы глобализации, важно понимать, что именно язык способен помочь сохранить национальные ценности. На конкретном историческом этапе в ономастиконе обнаруживаются особые закономерности, изучение которых способно дать широкий спектр различных сведений, касающихся практически всех областей человеческой жизнедеятельности. Внутригородские имена собственные, появившиеся в разные периоды истории развития города, являются важной составляющей общенационального языкового и культурно-исторического пространства. Исходя из этого, можно утверждать, что сохранение и изучение годонимов представляются особенно актуальными на современном этапе.

Цель нашей статьи – установить структурные и номинативные типы внутригородских линейных объектов Витебска и Полоцка.

Источником материала исследования послужили списки названий улиц двух городов Витебской области (всего 1719 годонимов) – Витебска и Полоцка. Данные списки получены методом сплошной выборки из топографических карт и интернет-ресурсов. Последние представлены в открытом доступе на официальных сайтах Витебского городского исполнительного комитета [10] и Полоцкого районного исполнительного комитета [11].

Методологический инструментарий настоящего исследования включает инвентаризацию и систематизацию онимного материала, качественно-количественный анализ лексических единиц, структурный анализ, семантическое описание и сравнение.

По итогам анализа структуры годонимов Витебска и Полоцка выявлено восемь номенклатурных терминов: улица (1075 единиц, 62,5%), переулок (440 единиц, 25,7%), проезд (181 единица, 10,5%), тупик (9 единиц, 0,5%), проспект (7 единиц, 0,4%), набережная (3 единицы, 0,2%), тракт (2 единицы, 0,1%), шоссе (2 единицы, 0,1%). В Витебске зафиксированы все восемь типов линейных объектов, в Полоцке только пять. Из установленных номенклатурных терминов наиболее частотными являются улица и переулок, которые составляют 88,2% (1515 единиц) от годонимикона двух городов. В Витебске преобладают улицы (64,6%), в Полоцке велико количество переулков (42,7%). При анализе структурных типов годонимии выделены двухсловные и многословные наименования внутригородских линейных объектов. В Витебске насчитывается 532 двухсловных наименования (38,8%), в Полоцке – 210 (60,5%). Двухсловные наименования в Витебске и Полоцке включают в себя доминирующие имена прилагательные – 483 единицы (65,1%), а также имена существительные – 259 единиц (34,9%). Такое соотношение сохраняется и в некоторых других белорусских городах, например, Брестской области [8]. В Витебске и Полоцке названия сформированы на базе преимущественно собственных имен

существительных от 80% до 90% наименований. Двухсловные наименования с собственным именем существительным представлены двумя группами: наименованиями, образованными от фамильных антропонимов (более многочисленные), и от географических названий. Среди личных двухсловных названий нами выделено три номинационных группы: по фамилиям участников войн и революций (*улица Гастелло, улица Софьи Панковой, проспект Черняховского*), деятелей науки, культуры и искусства (*улица Академика Павлова, улица Пушкина, улица Репина*) и государственных деятелей (*улица Кирова, переулок Крупской, улица Ленина*). Двухсловные годонимы с именем существительным нарицательным немногочисленны: 25 единиц (1,7%) в Витебске и 3 (0,9%) в Полоцке и могут быть отнесены к трём группам номинаций: наименованиям улиц по профессиям жителей, историческим событиям и географическим объектам.

Многословные годонимы включают в свой состав географический термин и различные словосочетания из имен существительных (собственных и нарицательных), имен прилагательных и имен числительных.

Числовые наименования представлены 785 единицами (57,2%) в Витебске и 119 единицами (34,3%) в Полоцке. Числительные преимущественно входят в состав многословных наименований (имя прилагательное + имя числительное) улиц в Витебске (483 единицы, 61,5%) и переулков в Полоцке (116 единиц, 97,5%).

В нашей работе в качестве номинационной классификации мы использовали схему по выявлению культурно-языковых мотиваций, зафиксированных в годонимической системе белорусских городов. В зависимости от их мотивационной характеристики годонимы можно подразделить на следующие типы: антропогодонимы, топогодонимы, зоогодонимы, фитогодонимы, ландшафтые годонимы, характеризующие годонимы, номинации, связанные с практической деятельностью человека (таблица 1).

Таблица 1 – Количественное и процентное соотношение типов наименований улиц в годонимиконе Витебской области.

Город / Годонимы	Витебск	Полоцк	Всего единиц
Антропогодонимы	244 (17,8 %)	189 (54,5%)	433 (25,2%)
Топогодонимы	388 (28,3%)	57 (16,4%)	445 (25,9%)
Зоогодонимы	1 (0,1%)	–	1 (0,1%)
Фитогодонимы	66 (4,8%)	19 (5,8%)	85 (4,9%)
Ландшафтные	47 (3,4%)	6 (1,7%)	53 (3,1%)
Характеризующие	375 (27,3%)	20 (5,8%)	395 (22,9%)
Трудовая деятельность	251 (18,3%)	56 (16,1%)	307 (17,9%)
Всего единиц	1372	347	1719

Наиболее многочисленной группой внутригородских линейных объектов в Витебске являются топогодонимы – 388 единиц (28,3%) (*Бешенковичская улица, Псковская улица, Смоленская улица*) и характеризующие

годонимы – 375 единиц (27,3%) (*Верхний тупик*, *Зеленая улица*, *Ясный переулок*), а в Полоцке – антропогодонимы (189 единиц, 54,5%; *улица Будённого*, *улица Гагарина*, *улица Дзержинского*).

Наименования, мотивированные антропонимами, в двух городах региона представлены 433 единицами (25,2% от всех годонимов) и образованы от имен известных личностей. К данной группе относятся годонимы, сформированные на базе фамилий участников войн и революций, деятелей искусства и культуры, политиков, государственных деятелей и других известных личностей, преимущественно Республики Беларусь и Российской Федерации (таблица 2).

Таблица 2 – Количественное и процентное соотношение представленности антропогодонимов в годонимии Витебской области.

Город / Годонимы	Витебск	Полоцк	Всего единиц
Участники войн и революций	83 (34,0%)	91 (48,2%)	174 (40,2%)
Деятели науки, культуры, искусства	82 (33,6%)	46 (24,3%)	128 (29,6%)
Государственные деятели	76 (31,2%)	51 (27,0%)	127 (29,3%)
Спортсмены	3 (1,2%)	–	3 (0,7%)
Религиозные деятели	–	1 (0,5%)	1 (0,2%)
Всего антропогодонимов	244	189	433

Самыми многочисленными номинациями антропонимов являются следующие: участники войн и революций – 174 единицы, 40,2% (*улица Зинаиды Портновой, улица Князева, улица Мясоедова*); деятели науки, культуры и искусства – 128 единиц, 29,6% (*улица Некрасова, улица Толстого, улица Чайковского*). Далее следует группа номинаций в честь государственных деятелей – 127 единиц, 29,3% (*улица Кирова, улица Крупской, улица Урицкого)*. Малочисленными среди антропонимов стали номинации по именам спортсменов – 3 единицы, 0,7% (*улица Абрама Брина, улица Тамары Лазакович*, *улица Юрия Балабанова*), религиозных деятелей и святых – 1 единица, 0,2% (*улица Ефросиньи Полоцкой*).

Вторую позицию среди номинаций в области занимают топогодонимы – 443 единицы, 25,8% от всех годонимов. Эту многочисленную группу можно подразделить на 1) годонимы, образованные от названий городов и деревень, к которым они ведут, − 293 единицы, 66,1% (*улица Витебская, улица Ленинградская*, *улица Невельская*); 2) годонимы, образованные от объектов городского пространства – 148 единиц, 33,4% (*переулок Заводской*, *улица Стадионная*, *улица Фабричная*); 3) годонимы, связанные с физико-географическими объектами (представлены двумя единицами), 0,5% (*улица Двинская* зафиксирована в Витебске и Полоцке).

Далее следует еще одна многочисленная группа названий – годонимы, ассоциирующиеся с трудовой деятельностью человека, – 307, 17,9% (*Депутатский переулок, Студенческий переулок, Учительский переулок*). За ними следуют фитогодонимы, составляющие 85 единиц, 4,9% от общего

количества наименований, (*Цветочная улица, Черемуховая улица*, *Яблоневая улица)* и ландшафтные годонимы – 53 единицы, 3,1% (*Горный переулок, Озёрный переулок, Торфяная улица,)*. Встречаются названия, не формирующие номинативных групп в силу своей немногочисленности (например, фауногодоним *Журавлиная улица* в Витебске).

Таким образом, основным структурным типом проанализированных названий улиц являются двухсловные конструкции с именами прилагательными. Среди двухсловных наименований с именем существительным собственным преобладают номинационные группы по фамилиям участников войн и революций, деятелей науки, культуры и искусства и государственных деятелей. При выявлении культурно-языковых мотиваций, зафиксированных в годонимической системе белорусских городов, установлено, что наиболее частотными являются группы антропогодонимов, топогодонимов, характеризующих годонимов и наименований, связанных с трудовой деятельностью человека. Небольшим количеством единиц представлены фито-, фауно- и ландшафтные годонимы. Имеют место отличия по количественным показателям номинационных групп на топонимической карте, что обусловлено особенностями лингвистического и культурного ландшафтов населенных пунктов.

Литература

1. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / М. В. Горбаневский. – М. : О-во любителей рус. словесности, 1996. – 304 с.

2. Дорофеенко, М. Л. Городское ономастическое пространство: основные компоненты (на материале внутригородских названий белорусского и французского городов) / М. Л. Дорофеенко // Ученые записки. – 2020. – Т. 31. – С. 148–151.

3. Королёва, И. А. Имена на Смоленщине: история и современность / И. А. Королёва, И. В. Данилова, А. Н. Соловьёв. – Смоленск : СПГУ, 2005. – 284 с.

4. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. / Г. М. Мезенко – Віцебск : УА “ВДУ імя П. М. Машэрава”, 2008. – Ч. 1. – 363 с. – Ч. 2. – 254 с.

5. Мезенка, Г. М. Сучасны стан беларускай тапанімікі / Г. М. Мезенка // Ученые записки. – 2015. – Т. 20. – С. 147–158.

6. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география / Э. М. Мурзаев. – Москва : Наука, 1995. – 302 с.

7. Подольская, Н. В. Урбанонимия центральных областей РСФСР / Н. В. Подольская // Топонимия Центральной России. Вопросы географии. – 1974. – Сб. 94. – С. 123–129.

8. Прищепа, М. М. Структурно-семантические типы внутригородских линейных объектов Брестской области / М. М. Прищепа // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 77-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 28 февраля 2025 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: Е. Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2025. – 524 с. – URL: https://rep.vsu.by/– С. 226 – 229.

9. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 368 с.

10. Витебский городской исполнительный комитет – URL: https://vitebsk.gov.by/ru/ (дата обращения: 07.09.2024).
11. Полоцкий районный исполнительный комитет – URL: https://polotsk.vitebsk-region.gov.by/ru/ (дата обращения: 12.03.2025).

В.Ю. Радзюль
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: letoshneva33@mail.ru

УДК 81’373.21(476.5):330.11

МІКРАТАПОНІМЫ БЕЛАРУСКАГА ПААЗЕР’Я, АБУМОЎЛЕНЫЯ ГАСПАДАРЧАЙ ДЗЕЙНАСЦЮ ЧАЛАВЕКА

Ключавыя словы: *Беларускае Паазер’е, гаспадарчая дзейнасць, земляробства, мікратапонімы, рамяство*.

У артыкуле разглядаюцца мікратапонімы Беларускага Паазер’я, якія адлюстроўваюць гаспадарчую дзейнасць чалавека. Вызначаюцца і характарызуюцца матывавальныя асновы, якія выкарыстоўваюцца для ўтварэння такіх найменняў.

V.Yu. Radziul
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

MICROTOPONYMS OF THE BELARUSIAN POOZERIE, CAUSED BY HUMAN ECONOMIC ACTIVITY

Key words: *Belarusian Poozerie, economic activity, agriculture, microtoponyms, handicraft.*

The article examines microtoponyms of the Belarusian Poozerie, reflecting human economic activity. The motivating bases used to form such names are identified and characterized.

Мікратапонімы з’яўляюцца неад’емнай часткай гісторыка-культурнай спадчыны краіны: яны захоўваюць каштоўную інфармацыю пра рэльеф пэўнай тэрыторыі, асаблівасці раслiннага і жывёльнага свету, характар засялення, заняткі насельніцтва, асаблівасці эканамічнага развіцця пэўнага рэгіёна. Мікратапанімія Беларускага Паазер’я таксама змяшчае каштоўныя звесткі аб традыцыйным быце і культуры насельніцтва рэгіёна, у тым ліку аб гаспадарчай дзейнасці. Утваральнымі асновамі мікратапонімаў Беларускага Паазер’я паслужылі галоўным чынам пяць катэгорый лексікі, у якой адлюстроўваецца гаспадарчая дзейнасць мясцовых жыхароў: 1) назвы зямельных участкаў; 2) назвы хатняй

жывёлы; 3) назвы гаспадарчых пабудоў; 4) назвы рамёстваў і промыслаў; 5) назвы вытворчых пабудоў і прадпрыемстваў.

На тэрыторыі Беларускага Паазер'я асноўным заняткам мясцовага насельніцтва, здаўна з'яўлялася земляробства, якое мела сваю спецыфіку, абумоўленую перавагай дзярнова-падзолістых, часта завалуненых глеб, наяўнасцю вялікай колькасці марэнных узвышшаў і азёр. Усё гэта абмяжоўвала памеры ворыўных зямель, звужала магчымасці земляробства. Розныя элементы сістэмы землекарыстання, этапы апрацоўкі глебы, зямельныя адносіны знайшлі адлюстраванне ў геаграфічных назвах, якія фарміруюць мікратапанімію даследаванага рэгіёна.

Сярод мікратапонімаў, матываваных назвамі зямельных участкаў і іншай земляробчай лексікай, самую вялікую групу складаюць мікратапонімы, суадносныя з назвамі спосабу распрацоўкі зямельнага ўчастка. Вялікая колькасць мікратапонімаў, у асновах якіх адлюстраваны спосабы распрацоўкі зямлі, утворана на базе старажытнага земляробчага тэрміна *ляда* 'расчышчанае месца ў лесе пад пасеў або пад сенажаць' [4, с. 25]: *Апа́тава Ля́да* ч. л. (Валосава Тал.), *До́ўгія Ля́ды* п. (Сяляўшчына Рас.), *Капіту́льскія Ля́дцы* л. (Караліна Докш.), *Каро́ўе Ля́да* п. (Бягомль Докш.), *Ля́да* ўр. (Паўлючонкі В.-Дзв., Рамальдава Арш., Лазукі Чаш.), *Ля́ды* ўр. (Ісаі Брасл., Задуброўе Віц.), *Пад Ля́дам* ур. (Казяны Брасл.), *Папо́ва Ля́да* л. (Беразіно Докш.), *Чо́ртава Ля́да* ўр. (Лядзінкі Віц.).

На спосаб распрацоўкі зямельнага ўчастка ўказваюць таксама апелятывы *асцяроб, пасека, плянтоўка, расцяроб, церабеж*, а таксама словы з каранямі *-дзер- / -дзёр-, -гар / -гар-*: *Асцяро́бы* п. (Богіна Брасл.) *Бу́тава Па́сека* ч. в. (Чысці Вардамскія Докш.), *Вы́гар* ур. (Задроўе Арш), *Вы́гаркі* ўр. (Залессе Глыб.), *Вы́гары* ўр. (Нарушова В.-Дзв.), *Вы́дзерыца* луг (Забабуры Гарад.), *Вы́драць* п. сярод лесу (інфарм.) (Крынкі Лёзн.), *Куцувы́гар* ур. (Лазукі Чаш.), *Пад Асцяро́бы* ўр. (Ісаі Брасл.), *Па́сека* п. (Атрубак Докш., Валынцы В.-Дзв.), *Па́секі* ўр. (Барсукі Докш.), *Патру́баўская Па́сека* сж. (Вілейка Докш.), *Плянто́ўка* ўр. (Хвасты Брасл.), *Раздзёры* п. (Саланевічы Уш.), *Расцяро́б* п. (Мішневічы Шум., Аляксейкі Дубр.), *Расцяро́бы* ўр. (Бабінавічы Лёзн. Віц., Клешчына Беш.), *Церабе́ж* п. (Вераб'і Пол.), *Церабяжы́* п. (Пяцюлёва Пол.).

Да гэтай групы таксама адносяцца мікратапонімы, суадносныя з назвамі спосабу набыцця зямельнага ўчастка. Яны ўтвараюцца пераважна ад дзеясловаў *дзяліць, драбіць, купіць*: *Дзіля́нка* л. (Атрубак Докш.), *Драбня́* ўр. (Пруднікі Докш.), *Калга́сная Дзяля́нка* л. (Трасцянка Тал.), *Куплёнка* ўр. (Ноў Лёзн.).

Мікратапонімы *Кле́тка* луг (Гарадзішча Докш.), *Кле́ткі* ўр. (Калюціна Рас., Алексенічы Сен.), *Нада́ткі* ўр. (П'яны Лес Докш.), *Наддда́ткі* п. (Караліна Докш.), *Прырэ́з* п. (Смалоўка Гарад.) суадносяцца з назвамі дадатковых участкаў, якія прыворваюцца да асноўнага масіву.

Некаторыя мікратапонімы дадзенай падгрупы ўтвараюцца ад лексем, што абазначаюць прызначэнне зямельнага ўчастка: *агарод* (*гарод*),

мурожніца ‘сухадольная сенажаць з сакавітай густой травой’ [4, с. 116], *пожня* ‘мокрая забалочаная сенажаць’ [3, к. №244], ‘сенакосныя ўгоддзі’ [3, к. №245]: *Вялі́кая По́жня* сж. (Мярэцкія Глыб.), *Гаро́д* ч. л. (Парэчча Докш.), *Гу́даля Гаро́д* п. (Вайнюнцы Брасл.), *До́ўгая По́жня* ўр. (Буй Сен.), *Замхо́выя По́жні* сж. (Рыгораўшчына Шарк.), *Мокрая Пожня* ўр. (Рамальдава Арш.), *Муро́жніца* ўр. (Лабуноўшчына Уш.), *Падгаро́дныя* ўр. (Ізгоі Тал.), *По́жня* ўр. (Баранаўшчына Брасл.), *Рыго́ркаў Агаро́д* ч. в. (Лапатнікі Сен.), *Шашко́вы По́жынькі* сж. (Беразіно Докш.), *Шыро́кая По́жня* ўр. (Якушонкі Гарад.). З назвамі месца для выпасу жывёлы ў полі або ў лесе летам суадносяцца наступныя мікратапонімы: *Вы́ган* ур. (Павяцце Мёр.), *Ка́шчаўскі Вы́ган* ур. (Кошчава Беш.), *Па́сбішча* ўр. (Гарадзец Уш.), *Па́свелішча* (Гаўрылаўцы Брасл.), *Пастаўні́к* (Богіна Брасл.).

Вялікая група мікратапонімаў, суадносных з назвамі зямельных участкаў, утворана ад назваў ворнай зямлі. Так, ад назваў зямельных участкаў з агульным значэннем ‘поле’ утвораны наступныя мікратапонімы: *Вялі́кая По́ля* п. (Дамуці Паст.), *Га́літава По́ля* п. (Баркова Гарад.), *Гарба́тыя Ні́вы* п. (Вераб’і Пол.), *До́ўгае Ніўё* ўр. (Залессе Пол.), *До́ўгае По́ле* п. (Сарокі Глыб.), *Зубо́вае По́ле* п. (в. Таўкіні Шарк.), *Ігна́цава По́ле* п. (Савуткі Шарк.), *Зно́ркава Ні́ва* (Свядзіца Леп.), *Краснапо́лле* ўр. (Белянкі Віц.), *Кру́глая Ні́ва* п. (Саламір’е Пол.), *Ліхо́е По́ле* п. (Старыя крукі Мёр.), *Ляпёшына Па́хата* ўр. (Пушкі Лёзн.), *Ма́лае По́льца* п. (Леснікі Глыб.), *Ні́ўкі* ўр. (Залессе Глыб.), *Па́хата* ўр. (Паметнікі Пол.), *Па́шня* п. (Ворань Леп.), *Праклята́е По́ле* ўр. (Лукомль Чаш.), *Шыро́кае По́ле* п. (Гаўрылаўцы Брасл.). Назва поля *Пад Ро́спашшу* (Свядзіца Леп.) матывавана ўстарэлым словам *роспаш* ‘ралля, ворная зямля’ [1, Т. 30, с. 386]. Як можна заўважыць, лексемы *агарод, ніва, поле, пожня* ў складзе мікратапонімаў часта выступаюць ў спалучэнні з прыметнікамі, якія ўказваюць на прыналежнасць аб’екта пэўнай асобе або на знешнія прыкметы аб’екта.

У сувязі са зніжэннем урадлівасці зямель ад частых яго пасеваў значныя плошчы пакідаліся на некалькі гадоў без апрацоўкі. Для абазначэння пустуючага, даўно не аранага поля, выкарыстоўваюцца лексемы *залеж, дзірван, паметы, пустыр, старына, ялы* ‘не араны некалькі гадоў запар’[4, с. 15]: *За́леж* п. (Мураж Брасл.), *Дзірва́н* п. (Мураж Брасл.), *Паме́ты* сж. (Сяляўшчына Рас.), *Старі́на́* ўр. (Шэкі Дубр.), *Старі́нка* ўр. (Бялянкі Віц.), *Старына́* лес (Запруддзе Глыб.), *Стары́нкі* лес (Якушы Віц.), *Я́лая Зямля́* п. (Гэндзікі Пол.). Мікратапонім *Пусты́р* п. (Прудзінкі В.-Дзв.) утвораны ад дыялектнага слова *пустыр*, якое зафіксавана толькі на тэрыторыі Верхнядзвінскага, Віцебскага, Полацкага і Расонскага раёнаў [4, с. 16]. Для абазначэння поля, узаранага першы раз выкарыстоўваюцца лексемы *навіна́, но́віна*: *Навіна́* п. (Казлы Мёр.), *Наві́нка* п. (Вараб’і Пол.), *Навіны* ўр. (Пушкі Лёзн.), *Навішча* ўр. (Пустаселле Докш.), *Но́віна* ўр. (Станіслаўцы Глыб.), *Пад Навінкай* ўр. (Гарачэвічы Леп.).

Зафіксаваны на даследаванай тэрыторыі і мікратапонімы, утвораныя ад назваў былых мер зямлі: *морг* ‘мера плошчы зямельных надзелаў

у 2/3 дзесяціны ці 0,71 гектара’ [4, с. 179], *шнур: Бальшы́я Маргі́* сж. (Беразіно Докш.), *Імша́рныя Шнуры́* п. (Караліна Докш.), *Маргі́* п. (Караліна Докш.), *У Маргу́* ўр. (Ісаі Брасл.). Назвамі межавых аб’ектаў матываваныя мікратапонімы *Зарубе́жнік* лес (Сяляўшчына Рас.), *Лі́нія* ч. л. (Лагаўцы Рас.), *Рубе́жнік* руч. (Мішневічы Шум.).

На даследаванай тэрыторыі даволі пашыраны мікратапонімы, суадносныя з найменнямі, абумоўленымі формай і месцаразмяшчэннем участкаў. Асноўныя тэрміны, што паслужылі базай для ўтварэння мікратапонімаў гэтай падгрупы, – *вугал, зад, засценак* ‘частка поля, варнай зямлі асобна ад асноўнага масіву; звычайна аддзяляецца «сценкай» – дарожкай, граніцай’ [4, с. 184] *карыта, качарга, клін, крук, кут, рог, штаны*: *Ба́таў Рог* ур. (Лялеўшчына Гарад.), *Зады́* п. (Лагаўцы Рас.), *Засце́нак* ур. (Гарачэвічы Леп.), *Засце́нкі* ч. в. (Сакольнікі Віц.), *Карыта* ўр. (Забулдычына Рас.), *Карыціна* ўр. (Мярэцкія Глыб.), *Карыцішча* ўр. (Лазукі Чаш.), *Качарга́* лес (Беразіно Докш.), *Клін* ур. (Якубова Рас.), *Клінава́тае* п. (Рыгораўшчына Шарк.), *Кут* ур. (Мяжно Пол.), *Кліна́вічы* ўр. (Гарадзец Уш.), *Кліні́кі* ўр. (Шчарбіцкія Глыб.), *Крук* ур. (Рудая Глыб.), *Круко́ўка* лес (Беразіно Докш.), *Куты́* ўр. (Шчаперня Пол.), *Рог* луг (Бярозава Уш.), *Рог Трыбо́ртніка* лес (Беразіно Докш.), *Сцяпа́наў Кут* (Цярэшкі Леп.), *Углы́* п. (Старыя Валосавічы Леп.), *Угó́л* ур. (Неклюдава Тал.), *Шалаха́навы Штаны́* п. (Лукомль Чаш.), *Штанкі́* ўр. (Забулдычына Рас.), *Штаны́* п. (Шчарбацкія Глыб., Галубоўшчына Брасл.), *Што́нікі* ўр. (Пустаселле Докш.).

Другую групу ўтвараюць мікратапонімы, матываваныя назвамі гаспадарчых пабудоў. З назвамі бытавых гаспадарчых будынкаў суадносяцца мікратапонімы, утвораныя ад назваў пабудоў гуменнага комплексу. Ад апелятываў *гумно, пуня, ток*, якія маюць значэнне ‘вялікая халодная будыніна для складвання і абмалоту зжатага збожжа, а таксама пляцоўка перад гэтай будынінай’ утвораны наступныя мікратапонімы: *Загуме́ння* ўр. (Мяжно Пол.), *Загу́мня* п. і сж., дзе гумны стаялі (інфарм.) (Мярэцкія Глыб.), *Зо́раў Ток* ур. (Навасёлкі Паст.), *Маркаянава Пу́ня* ч. л. (Канстантова Сен.), *Прыгу́мення* ўр. (Оцкавічы Паст.), *Пу́ня* п., дзе некалі знаходзілася пуня (інфарм.) (Бабічы Глыб.). Сярод даследаванага матэрыялу выяўлены мікратапанімічныя адзінкі, у якіх знайшлі адлюстраванне назвы пабудоў для захоўвання дроў, бульбы: *Драўні́к* л. (Марцюхова Тал.), *Пагрaбо́к* ч. л. (Антонава В.-Дзв.), *Пагрaбы́* ўр., дзе капалі пагрaбы на бульбу (інфарм.) (Шчарбіцкія Глыб.). Назвамі збудаванняў для жывёлы матываваны наступныя мікратапонімы: *Аўча́рнікі* п. (Барыскава Рас.) ад слова *аўча́рнік* ‘будынак для авечак’ [2, к. № 231], *Зы́гарадзь* ур. (Казлы Мёр., Матырына Леп.) ад слова *за́гарада* ‘агароджанае месца для жывёлы на двары’ [4, с. 233], *Фе́рма* п. (Чэміса Пол.).

Адным з важнейшых гаспадарчых заняткаў беларусаў была жывёлагадоўля. На тэрыторыі Беларускага Паазер’я здаўна разводзілі буйную

рагатую жывёлу, коней, свіней, авечак, хатнюю птушку. Назвамі хатняй жывёлы матываваны мікратапонімы: *Бы́каўка* ч. л. (Цярэшкі Леп.), *Быко́ўнік* б. (Беразіно Докш.) *Каро́ўе* п. (Шатрова В.-Дзв.), *Каро́ўе По́ле* п. (Канавалава Гарад.) *Свінары́* ўр. (Зазыбы Віц.), *Свінны́ Пасёлак* ч. в. (Свяча Беш.).

Апрача сельскай гаспадаркі, насельніцтва Беларускага Паазер'я займалася промысламі. Самымі распаўсюджанымі з іх былі рыбалоўства і паляўніцтва, што таксама знайшло адлюстраванне ў мікратапаніміі рэгіёна: *Звары́нец* ур. (Рудая Глыб., Залессе Шум., Буняны Арш., Алексенічы Сен.) ад апелятыва *звярынец* 'абгароджаная частка лясной пушчы, дзе ўтрымліваліся звяры для палявання' [5, с. 79], *Рыбакі́* п., размешчанае на тэрыторыі былой вёскі, у якой жыло шмат людзей, асноўным заняткам якіх было рыбалоўства (інфарм.) (Рачнёва Мёр.), *Рыбало́ўскае* воз. (Мікуліна Тал.).

У XIV–XV стст. у гаспадарчым жыцці беларусаў узрастае значэнне рамяства. Развіццё рамеснай вытворчасці вяло да павелічэння колькасці рамеснікаў і рамесных прафесій. У выніку ў асновах мікратапонімаў знайшлі адлюстраванне назвы прафесій, звязаных з рамяством: *Бо́ндараўка* сж. (Беразіно Докш.), *Ганчаро́ва* ўр. (Замошша Леп.), *Дзехцяро́ўка* ч. в., дзе некалі жыў дзягцяр – чалавек, які гнаў або прадаваў дзёгаць (інфарм.) (Пашкі Шарк.), *Кавалёўка* ўр. (Латышова Рас.), *Кавалькі́* ўр. (Белянкі Віц.), *Кава́льская Гара́* ўзв. (Варганы Докш.), *Катляроўка* ч. в., дзе жыў катляр – чалавек, які выраблял катлы ці іншыя металічныя прылады (інфарм.) (Пашкі Шарк.).

Невялікую падгрупу складаюць найменні, утвораныя ад назваў вытворчых пабудоў і прадпрыемстваў: *Ку́зня* ўр (Дуброва Гарад.), *Масцярскі́я* ўр. (Хутар Дзедзіна Мёр.), *Млын* ур. (Папшычы Глыб.), *Ме́льніца* п. (Беразіно Докш.), *Півавары́шча* п., дзе быў вінакурны завод (інфарм.) (Ворань Леп.), *Піларáма* – ч. л. (Гута Паст.). Назва ўрочышча *Майда́н* (Гута Паст.), дзе, па інфармацыі мясцовых жыхароў, раней знаходзілася смалакурня, утворана ад слова *майдан* 'месца, дзе знаходзіліся прамысловыя збудаванні лясных або рыбных промыслаў, дзе выганялі дзёгаць і выпальвалі кавальскі вугаль' [5, с. 111]. Апелятыў *цагéльня* ў складзе даследаваных мікратапонімаў выкарыстоўваецца ў двух значэннях: 'завод па вырабе цэглы', 'участак лесу, дзе здабываюць гліну' [5, с. 200], што падцвярджаецца каментарыямі інфармантаў: *Цагéльня* п., на якім у пач. XX ст. у гэтым месцы бралі гліну для вырабу цэглы для касцёла (інфарм.) (Парэчча Докш.), *Цагéльня* п., на якім выраблялі цэглу (інфарм.) (Вяркуды Уш.), *Цыгéльня* п. каля перасохлай ракі, адкуль раней людзі бралі гліну (інфарм.) (Красыні Лёзн.). Назва сенажаці *Бу́дзішча* (Застадолле Сен.) фіксуе ў сваёй аснове слова *буда* ў значэнні 'лясное прадпрыемства для перапрацоўкі драўніны, смалакурня' [1, Т. 2, с. 231].

Такім чынам, значная частка мікратапонімаў Беларускага Паазер'я звязана з гаспадарчым укладам жыцця насельніцтва. У мікратапаніміі рэгіёна адлюстроўваюцца асноўныя заняткі мясцовых жыхароў – земляробства,

жывёлагадоўля, промыслы і рамёствы. Большасць тэрмінаў, якія паслужылі асновай для ўтварэння даследаваных мікратапонімаў, выйшлі з актыўнага ўжывання. Таму яны з'яўляюцца каштоўным моўным і гістарычным матэрыялам.

Спіс скарачэнняў

Раёны: **Арш.** – Аршанскі, **Беш.** – Бешанковіцкі, **Брасл.** – Браслаўскі, **В.-Дзв.** – Верхнядзвінскі, **Віц.** – Віцебскі, **Гарад.** – Гарадоцкі, **Глыб.** – Глыбоцкі, **Докш.** – Докшыцкі, **Дубр.** – Дубровенскі, **Леп.** – Лепельскі, **Лёзн.** – Лёзненскі, **Мёр.** – Мёрскі, **Паст.** – Пастаўскі, **Пол.** – Полацкі, **Рас.** – Расонскі, **Сен.** – Сенненскі, **Тал.** – Талачынскі, **Уш.** – Ушацкі, **Чаш.** – Чашніцкі, **Шарк.** – Шаркаўшчынскі, **Шум.** – Шумілінскі; аб'екты: **б.** – балота, **в.** – вёска, **воз.** – возера, **кр.** – крыніца, **л.** – лес, **п.** – поле, **р.** – рака, **руч.** – ручай, **саж.** – сажалка, **сж.** – сенажаць, **узв.** – узвышша, **узг.** – узгорак, **ур.** – урочышча, **ч.** – частка; іншае: **к.** – карта.

Літаратура

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 36 вып. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэдкал.: А. І. Жураўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка : Беларус. навука, 1982–2016.

2. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы : у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. Р. І. Аванесава [і інш.]. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1963. – Ч. 1 : Карты. – 350 с.

3. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак : у 5 т. / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. М. В. Бірылы і Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск, 1993–1998. – Т. 2. : Сельская гаспадарка. – 1994. – 499 с.

4. Сельская гаспадарка: тэматычны слоўнік / склад. В. Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, В. М. Курцова. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 527 с.

5. Яшкін, І. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія / І. Я. Яшкін. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – 808 с.

Р.В. Разумов
Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского
e-mail: rvrazumov@mail.ru

УДК 811.161.1'373.211.5

НАЗВАНИЯ МОСТОВ В ГОРОДСКОМ ОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: *имя собственное, городское онимическое пространство, урбононимическая номинация, топоним, урбаноним, названия мостов.*

Статья посвящена рассмотрению гефиронимов – подразряда урбанонимов, собственных имен мостов и путепроводов. Материалом для исследования послужили данные о наименовании мостов в различных

городах Российской Федерации. Автор выделяет основные принципы создания гефиронимов, приводит примеры их изменения. В статье приводятся случаи появления повторяющихся названий, зафиксированные в различных городах страны. Материалы исследования могут помочь в понимании специфики гефиронимов как подразряда урбанонимов.

R.V. Razumov
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

NAMES OF BRIDGES IN THE CITY ONYMIC SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: *proper name, city onimic space, urbanonymic nomination, toponym, urbanonym, names of the bridges.*

The article is devoted to the examination of gephyronyms – a subcategory of urbanonyms, proper names of bridges and overbridges(overpasses). The material for research was data about names of bridges in the different cities of Russian Federation. The author marks out the main principals of creating of gephyronyms, gives examples of their changes. The article shows cases of appearance of seriated names, which are stated in the various cities. The article is of great help to understanding specificity of gephyronyms as a subcategory of urbanonyms.

Начало XXI века было ознаменовано активным интересом ученых к изучению городского онимического пространства. По данным Научной электронной библиотеки [6], наиболее представительного ресурса, содержащего данные об изданиях российских авторов, с 2000 по 2025 год вышло более тысячи различных публикаций, посвященных изучению городской топонимии. При этом основной интерес ученых по-прежнему сосредоточен на изучении классических разновидностей урбанонимов – названий линейных объектов (годонимов) и площадей (агоронимов), в то время как периферийные разряды онимов, как правило, остаются за пределами внимания ономатологов: количество подобных исследований остается крайне низким.

Цель настоящей статьи – описание особенностей названий мостов провинциальных городов Российской Федерации. Для обозначения данного разряда имен собственных В. И. Супрун и Г. Б. Мадиева предложили термин *гефироним* (от греч. γέφυρα ‘плотина, мост’ + оним ‘имя’) [5, 117]. Названия мостов практически не привлекали внимание лингвистов, хотя подобные онимы представляют не только теоретический, но и практический интерес, поскольку регулярно возникает потребность в номинации подобного типа объектов. По данным Национальной электронной библиотеки [6], в настоящее время существует всего 6 статей,

посвященных рассмотрению гефиронимов Астрахани [15], Воронежа [4], Омска [8], Санкт-Петербурга [11; 12; 13]. Названия мостов, зафиксированные в Великом Новгороде, проанализированы в одном из разделов монографии Т. В. Шмелевой [14, 131–133], а история московских гефиронимов – в работе А. А. Боброва [1].

Материал для анализа был собран с помощью Интернета, извлечен из публикаций коллег, материалов топонимических справочников и путеводителей. Следует отметить, что иногда сложно однозначно определить статус названий мостов: являются ли они официальными или неофициальными наименованиями объекта. Проверить эту информацию не всегда возможно, поскольку подобные онимы не включаются в адресные базы данных и официальные реестры названий. В Интернете же, в том числе на официальных сайтах, может одновременно употребляться несколько параллельных наименований. Так, в Рыбинске единственный в городе мост через реку Волгу не имеет официального названия, а в различных источниках его обозначают как *мост через р. Волгу* [3] *Рыбинский мост* [9] или *Волжский мост* [2; 10]. По этой причине в своем анализе мы пытались учитывать все встречающиеся гефиронимы, исключив лишь развернутые описательные дескрипции типа *мост через реку…* и им подобные, а также онимы, имеющие однозначное указание на их неофициальный характер. Всего нами было рассмотрено 220 названий, созданных в 62 городах Российской Федерации: Армавире, Архангельске, Астрахани, Бийске, Брянске, Великом Новгороде, Владивостоке, Владикавказе, Волгограде, Вологде, Воронеже, Грозном, Ельце, Иванове, Ижевске, Иркутске, Йошкар-Оле, Казани, Калининграде, Калуге, Кемерове, Керчи, Кинешме, Киржаче, Кирове, Краснодаре, Красноярске, Кургане, Липецке, Магнитогорске, Мурманске, Набережных Челнах, Нижнем Новгороде, Новокузнецке, Новосибирске, Омске, Орле, Пензе, Перми, Пскове, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Рязани, Салехарде, Самаре, Саратове, Серпухове, Старом Осколе, Сызрани, Твери, Томске, Тюмени, Улан-Удэ, Ульяновске, Уфе, Хабаровске, Чебоксарах, Череповце, Шуе, Элисте, Энгельсе и Ярославле.

В статьях В. И. Супруна [11; 13] предложена развернутая классификация гефиронимов, созданная на материале онимов Санкт-Петербурга. Мы намерены предложить собственный вариант возможной типологии названий мостов, в основу которой положена наша разработка принципов урбанонимической номинации, выполненная на материале годонимов и агоронимов [7, 192–223]. Мы считаем, что она является универсальной, поэтому на ее основе могут быть проанализированы любые разновидности урбанонимов.

В отличие от классических урбанонимов, большая часть гефиронимов (166 названий, 75,4%) построена по **дескриптивному принципу номинации**, т.е. отражает какие-либо особенности называемого объекта. Мосты являются удобным ориентиром в городском пространстве, они

связывают разные территории населенного пункта, поэтому гефиронимы часто мотивируются именами собственными одной из частей, которые они соединяют. Название может быть образовано:

1) от урбанонима – названия линейного внутригородского объекта, продолжением которого является мост: *Ворошиловский мост* ← Ворошиловский проспект (Ростов-на-Дону), *Гоголевский мост* ← улица Гоголя (Йошкар-Ола), *Гостинодворский мост* ← Гостинодворская улица (Казань), *Кировский мост* ← улица Кирова (Владикавказ), *Петропавловский мост* ← Петропавловская улица (Томск), *Толбухинский мост* ← проспект Толбухина (Ярославль) и др.;

2) от ныне существующего или утраченного ойконима: *Вараксинский мост* ← деревня Вараксино (Йошкар-Ола), *Глазковский мост* ← деревня Глазково (Иркутск), *Гниловской мост* ← станица Гниловская (Ростов-на-Дону), *Каратаевский мост* ← посёлок Каратаево (Ростов-на-Дону), *Коркинский мост* ← деревня Коркино (Красноярск) и др.;

3) от городского хоронима, к которому ведет мост: *Академический мост* ← микрорайон Академгородок (Иркутск), *Жилкинский мост* ← район Жилкино (Иркутск), *Колмовский мост* ← микрорайон Колмово (Великий Новгород), *Мигаловский мост* ← микрорайон Мигалово (Тверь), *Октябрьский мост* ← Октябрьский район (Новосибирск), *Савёловский мост* ← микрорайон Савёлово (Кимры);

4) от экклезионима – храма, собора или церкви, расположенного рядом с мостом: *Богоявленский мост* ← храм Богоявления Господня (Ярославль), *Воздвиженский мост* ← храм Воздвижения Честного Креста Господня (Астрахань), *Вознесенский мост* ← собор Вознесения Господня (Йошкар-Ола) и др.;

5) от эргонима – названия организации, расположенной рядом с мостом: *Вогрэсовский мост* ← Воронежская ГРЭС (Воронеж), *Компрессорный мост* ← Казанский завод компрессорного машиностроения (Казань), *Оловозаводской мост* ← Новосибирский оловянный комбинат (Новосибирск), *Театральный мост* ← Академический русский театр драмы имени Г. Константинова (Йошкар-Ола) и др.;

6) от названий природных объектов: *Берёзовый мост* (Вологда, рядом располагалась берёзовая роща), *Воздвиженский мост* ← Воздвиженский овраг (Ярославль); *Николаевский мост* ← Николаевская сопка (Красноярск), *Парковый мост* ← Парк культуры и отдыха им. 400-летия Йошкар-Олы (Йошкар-Ола), *Семёновский мост* ← Семёновский овраг (Ярославль) и др.

7) от инсулонима: *Краснофлотский мост* ← остров Краснофлотский (Архангельск), *Русский мост* ← остров Русский (Владивосток).

Гефироним может быть образован от гидронима – названия водоема, через который он проходит: *Басандайский мост* ← река Басандайка (Томск), *Булачный мост* ← канал Булак (Казань), *Волжский Новый*

мост ← Волга (Тверь), *Иркутный мост* ← река Иркут (Иркутск), *Золотой мост* ← залив Золотой Рог (Владивосток), *Северодвинский мост* ← река Северная Двина (Архангельск), *Чусовской мост* ← река Чусовая (Пермь) и др.

Среди собранных названий нам встретились и примеры гефиронимов, образованных от наименования города, в котором находится объект: *Волгоградский мост* ← Волгоград, *Рыбинский мост* ← Рыбинск, *Симбирский мост* ← Симбирск (старое название Ульяновска), *Хабаровский мост* ← Хабаровск и др.

Нередкими являются случаи создания гефиронимов по их расположению в городе относительно сторон света: *Восточный мост* (Тверь), *Западный мост* (Ростов-на-Дону), *Северный мост* (Воронеж), *Центральный мост* (Йошкар-Ола), *Южный мост* (Самара).

Гефиронимы могут отражать качества и свойства самого объекта. Данная группа онимов очень немногочисленная, поскольку для названий мостов более важен ориентирующий фактор. В собранном материале нам удалось выявить несколько разновидностей подобных гефиронимов, они могут указывать:

1) на возраст объекта: *Новый мост* (Иркутск), *Старый мост* (Ульяновск),

2) на материал, из которого сделан объект: *Каменный мост* (Вологда, Томск), *Чугунный мост* (Владикавказ);

3) тип конструкции объекта: *Американский мост* (Ярославль, был построен по американской системе), *Вантовый мост* (Красноярск), *Подвесной мост* (Пенза);

4) функциональное назначение моста: *Железнодорожный мост* (Ярославль), *Пешеходный мост* (Вологда) и др.;

5) внешний вид: *Горбатый мост* (Казань, Рязань).

Вторым по распространенности является **меморативный принцип** номинации, с его помощью был образован 31 гефироним (14,1%). Впервые подобные названия появились в дореволюционный период истории страны, когда мосту присваивалось имя представителя царской династии Романовых, которому посвящался мост. Нами отмечены следующие подобные онимы: *Алексеевский мост / мост наследника цесаревича Алексея Николаевича* (Хабаровск), *Императорский Его величества Николая II мост / Императорский мост* (Ульяновск), *Мариинский мост* (Орел), *Николаевский мост* (Иркутск), *Ольгинский мост* (Владикавказ) и др. Уже в XXI веке традиция была продолжена в Ульяновске, где мост, расположенный рядом с Императорским мостом, получил наименование *Президентский мост*. Мосты могли получить название в знак уважения к людям, способствовавших его строительству: *Виноградовский мост* (в честь С. Н. Виноградова – руководителя Мостоотряда №7, возводившего мост), *Винтеровский мост* (в честь И. И. Винтера – проектировщика моста), *Лебедевский мост* (в честь А. А. Лебедева – городского головы, выделившего

на постройку моста колоссальную по тем временам сумму). В советскую эпоху возникла традиция увековечивать в названии мостов различные исторические события или их юбилеи. В российских городах появились следующие подобные гефиронимы: *мост 50-летия Октября* (Псков), *мост 60-летия ВЛКСМ* (Омск, Орёл), *мост 60-летия Победы* (Омск), *мост 800-летия Вологды* (Вологда), *мост Миллениум* (Казань; в честь тысячелетнего юбилея города), *Октябрьский мост* (Новосибирск, Череповец, Ярославль), *мост Победы* (Астрахань, в честь победы Революции 1917 года), *Юбилейный мост* (Омск, в честь 50-летнего юбилея советской власти), *Юбилейный мост* (Ярославль; в честь тысячелетнего юбилея города). В собранном нами материале встретились названия, увековечивающие общественную организацию (*Комсомольский мост,* Омск), город-побратим (*Брюссеирский мост,* Рязань), влюбленных (*мост Влюблённых,* Астрахань, Тюмень).

Среди названий мостов практически не встречается **символический принцип** номинации, всего нам удалось найти 4 подобных гефиронима: *мост Дружбы* (Астрахань, Орёл, Пенза) и *Красный мост* (Орёл).

Проведенное исследование позволило выявить основные типологические особенности принципов номинации мостов провинциальных городов. Оно показало необходимость дальнейшего обращения к анализу не только ядерных, но и периферийных разрядов урбанонимов, имеющих свою специфику. Дальнейший анализ гефиронимов позволит более полно представить особенности развития систем урбанонимов российских городов.

Литература

1. Бобров, А.А. Все реки, набережные и мосты Москвы / А. А. Бобров. – М. : Алгоритм, 2013. – 398 с.

2. Волжский мост // ВРыбинск.ру: сайт. – URL : http://2rybinsk.ru/bridge/ (дата обращения: 05.06.2022)

3. Знаменитые гражданские постройки Рыбинска // Рыбинск: официальный сайт Администрации городского округа. – URL: http://rybinsk.ru/tourist/culture/attractions/grazhdanskie-postrojki (дата обращения: 05.06.2022).

4. Крючкова, Т. М. Гефиронимы Воронежа и Воронежской области / Т. М. Крючкова // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве : Материалы IV Междунар. науч. конф., Воронеж, 19–21 апреля 2023 года / отв. редактор С. А. Скуридина. – Воронеж : Воронежский государственный технический университет, 2023. – С. 231–233.

5. Мадиева, Г. Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Вопросы ономастики. –2017. – Т. 14. – № 2. – С. 115–125.

6. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU: сайт. – URL : http://elibrary.ru (дата обращения: 12.03.2025).

7. Разумов, Р.В. Русская урбанонимия: Полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования / Р. В. Разумов. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. – 387 с.

8. Ромашина, Я. С. Наименования мостов в городе Омске / Я. С. Ромашина // Современные проблемы науки, общества и культуры : Сборник статей VII Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 28–29 апреля 2022 года. – Омск : Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), 2022. – С. 120–125.

9. Рыбинский мост // Ярославика – краеведение в Ярославской области : сайт. – URL: http://demetra.yar.ru/index.php/g-rybinsk/pamyatniki-istorii-i-arkhitektury/1916-rybinskij-most (дата обращения: 10.06.2022).

10. Сибрина, А. Волжский мост – символ Рыбинска /А. Сибрина // Материалы XIX [Рыбинской] городской открытой научной конференции школьников, посвященной памяти академика А. А. Ухтомского. – Рыбинск : РГАТУ, 2012. – С. 109–111

11. Супрун, В. И. Гефиронимы в русском онимическом пространстве / В. И. Супрун // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. – 2018. – Т. 25. – С. 204–210.

12. Супрун, В. И. Колоронимы в названиях мостов: Синий мост в художественном тексте / В. И. Супрун, А. В. Данилов // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей, Витебск, 15–16 марта 2018 года. – Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2018. – С. 271–281.

13. Супрун, В. И. Названия мостов в истории культуры и в русском онимическом пространстве / В. И. Супрун // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы : Сборник материалов XI Междунар. науч. конф., посвященной памяти Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой, Майкоп, 20–23 декабря 2017 года. – Майкоп : Изд-во «Магарин О. Г.», 2017. – С. 471–483.

14. Шмелева Т. В. Великий Новгород: ономастический портрет / Т. В. Шмелева. – Великий Новгород : ТПК «Печатный Двор», 2020. – 288 с.

15. Шуваев, Н. С. Формирование местной топонимики в названии астраханских мостов / Н. С. Шуваев, О. С. Донец, А. В. Вязникова // Современные проблемы обеспечения экологической безопасности : Сборник материалов Всерос. очно-заочной науч.-практ. конф. с междунар. участием, Орел, 16 мая 2017 года. – Орел : Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2017. – С. 359–361.

В.Е. Рыбаков
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: slavarybakov46@gmail.com

УДК 81’373.215:908(476.5)

НАЗВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА ЛОСВИДО

Ключевые слова: *краеведенье, региональная ономастика, названия объектов, топонимика, гидронимика, озеро Лосвидо.*

В данной работе рассматриваются названия (имена собственные) различных объектов, расположенных на побережье озера Лосвидо, находящегося на пограничье Витебского и Городокского районов. Проведён анализ причин возникновения некоторых названий, а также их классификация. В работе также присутствует актуализация роли ономастики

в краеведческих исследованиях. Во многом через анализ имён собственных того или иного края возможно выявить новые данные исторического, этнографического, культурологического, географического и даже археологического характера. Данное исследование пособствует развитию историко-культурного потенциала изучаемого региона.

V.E. Rybakov
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

NAMES OF OBJECTS ON THE SHORES OF LAKE LOSVIDO

Key words: *localhistory, regional onomastics, names of object, toponymy, hydronymics, lake Losvido.*

This paper examines the names (proper names) of various objects located on the shores of Lake Losvido, located on the border of Vitebsk and Gorodok districts. The analysis of the causes of some names, as well as their classification, is carried out. The work also highlights the role of onomastics in local history research. In many ways, through the analysis of the proper names of a region, it is possible to identify new historical, ethnographic, cultural, geographical and even archaeological data. This research contributes to the development of the historical and cultural potential of the studied region.

Известно, что во многом человек мыслит понятиями, давая наблюдаемым эмпирически объектам, явлениямназвания, тем самым закладывая в них определённый смысл, передающий их сущность. Особенно с развитием человечества и используемых им языков возрастает смысловая нагрузка имён собственных, которыми могут наделяться самые разнообразные объекты, будь то населённый пункт, водоём, организация, животное, улица, сам человек и многие другие. Некоторые названия давались вполне просто и примитивно, по принципу как видишь, так и называешь, а где-то присутствует вполне глубокий символизм. Таким образом через одно название об объекте можно узнать больше информации, чем кажется на первый взгляд, и данным фактом помимо филологов активно пользуются и историки, ведь имена собственные способныдополнить общую историческую картину не конкретной местности, но и страны в целом. Ярким примером являются версии и легенды по возникновению названий городов, рек, озёр, деревень и каких-либо иных природных или историко-культурных объектов.

Целью же данной работы является рассмотрение названий объектов лосвидского побережья и края в целом, который обладает высоким историко-культурным и туристическим потенциалом.

Лосвидский край представляет собой прибережную территорию озера Лосвидо, что располагается примерно в тридцати километрах от г. Витебска

на пограничье Городокского и Витебского районов. В данной местности можно найти немало объектов, имеющих свои названия (имена собственные), начиная от привычных нам названий деревень и водоёмов (ойконимы и гидронимы) до названий отдельных территорий, участков береговой линий, мысов, возвышенностей (оронимы) и прочих объектов. Все они заслуживают отдельного внимания во время краеведческих исследований, так как омонимы также являются своеобразным носителем исторической памяти.

Исходя из огромного многообразия имён собственных на данной территории, их можно разделить на группы: названия населённых пунктов (Мариамполь, Батали, Малое и Большое Лосвидо), названия водоёмов («Лосвидо», «Глисно», «Черница»), названия участков береговой линии озера Лосвидо («Рожок», «Дубовый рог», «Лука», «Качаны», «Борок»), названия территорий и отдельных объектов («Волат», «Старый двор», «Сад», «Гостилово»). Также мы можем разделить названия по их происхождению: это имена собственные легендарные (о происхождении которых среди местного населения существует ряд легенд), природные (названия даны из-за географических особенностей местности или иных природных объектов), исторические (возникшие в результате исторических событий или какой-либо деятельности человека, или связанные с этим), а также существуют названия, происхождение которых установить на данный момент не удаётся. Данные классификации позволят более структурно рассматривать названия, разделяя научные и легендарные данные, которые при правильном подходе также имеют объективную значимость.

Первыми из выделенных групп стоит рассмотреть названия водоёмов, так как именно водоём, озеро Лосвидо, объединяет вокруг себя все прочие объекты. Исходя из данных книги «Память», название «Лосвидо» балтского происхождения, как и многие другие гидронимы Городокского района [1]. Установить более точное значение слова довольно сложно, однако среди местного населения можно услышать несколько версий легендарного характера. Первая версия повествует, будто название «Лосвидо» возникло от названия рыбы «лосось», которая якобы раньше водилась в водоёме в большом количестве. Лосось естественно на сегодняшний день в озере не обитает, и вопрос был ли он остаётся открытым, однако в качестве легенды данная версия вполне может быть элементом местной духовной культуры. Аналогичная ситуация и с другой версией происхождения названия озера. Она повествует, как однажды, в давние времена группа путешествующих людей вышла на берег озера и один из них увидел на берегу лося, на эмоциях выкрикнув: «Лося вижу!». В дальнейшем данная фраза стала основой для названия водоёма. Части «Лось» (обозначающая животное) и «видо» (обозначающая глагол видеть) образовали название «Лосвидо». Вопрос о действительности событий конечно же остаётся открытым, однако в качестве легенд обе версии вполне являются неотъемлемой частью белорусской культуры. Также существует версия, будто озеро очертанием своей береговой линией похоже на лося, и действительно, если

посмотреть на карту с востока на запад, то можно заметить очертания головы рогатого животного.

Следующим гидронимом, заслуживающим внимания, является название реки Черница, известной также как Чернушка, впадающей в Лосвидо на северо-западном берегу озера. Среди местных жителей и письменных источников не удаётся найти объяснения происхождения названия данного водоёма, однако можно предположить, что оно связано со словом «чёрный», которым раньше люди обозначали что-то тёмное, мрачное, мистическое.

Ещё одним довольно интересным гидронимом, расположение объекта которого рядом с озером Лосвидо, а точнее недалеко от северного побережья, является название озера Глисно, происхождение которого также остаётся необъяснимо, однако оно есть. Данный гидроним требует более профессионального изучения лингвистами, что возможно позволит дополнить данные о самом называемом объекте. О самом озере удалось узнать, что оно по площади небольшое, однако, со слов местных жителей, довольно глубокое, окружённое болотом, что даёт ему второе название «Бездонное озеро».

Далее следует рассмотреть названия населённых пунктов, расположенных на лосвидском побережье. Это деревни Большое Лосвидо, Малое Лосвидо, Мариамполь и Ботали. Самым простым является объяснение происхождения названийдеревень Большого Лосвида и Малого Лосвида, что естественно образовалось от названия озера. Приставленные слова «Большое» и «Малое» встречаются довольно часто среди названий населённых пунктов и обозначают либо старшинство деревень, либо их соотношение в размере или населении, либо по иным причинам. Специфика же данной местности заключается в том, что аналогичные названия носят две части озера Лосвидо, разделённые бродом «Наполеоновская тропа», о которой также будет сказано в дальнейшем. Стоит упомянуть ещё одно название деревни Малое Лосвидо, встречающееся среди местныхжителей, а именно Сталино. Данный вариант произошёл от находившегося здесь когда-то колхоза имени И.В. Сталина.

Происхождение названия деревни Мариамполь, ещё известной как Марьямполь, Марьянполь, расположенной на северном побережье, также имеет легендарный характер. Сложилось оно из двух производных слов: женского имени «Мария» и имени существительного «поле». Легенда местных жителей повествует, будто бы такое название сложилось из-за жены дворянина, владевшим деревней, которую звали Мария и рельефа местности на момент возникновения деревни, а это пахотное поле.

Название деревни Ботали, также упоминаемой в источниках как Батули, Вороново, произошло скорее всего от слова «баталия», обозначающее битву, сражение, что может указывать на возможные боевые действия, связанные с этой местностью, в частности времён Отечественной войны 1812.

Особо большое количество названий можно встретить, рассматривая отдельные территории и объекты, что также можно классифицировать. Среди них можно выделить названия территорий, произошедшие от былых хуторов

или деревень, названия участков береговых линий, произошедшие из-за природно-рельефных особенностей, а также названия территорий, произошедших от иных располагающихся или располагавшихся на них объектов.

Среди территорий былых населённых пунктов стоит упомянуть берег «Кочаны», перенявший своё название от одноименного хутора; участок поля среди кустарника под названием «Старый двор», также перенявший название от былого хутора, где жила семья рыбаков; возвышенность «Корнеева гора», название которой произошло от имени владельца бывшего на ней хутора; территория восточного побережья озера Глисно, называемая «Гостилово», перенявшая название былой здесь одноименной деревни, иногда «Гостиловом» местные жители называют расположенный недалеко новообразованный дачный посёлок «Тюльпан-2». Территория, располагающаяся между деревнями Мариамполь и Малое Лосвидо местные жители называют «Сад», из-за располагающегося когда-то здесь колхозного яблочного сада. Хоть сада как такового там больше нет, его былая территория визуально всё же выделяется, можно также встретить множество одичавших (не привитых) яблонь.

Особого внимания заслуживают названия участков береговых линий. На озере неоднократно встречаются мысы, что носят свои названия. Чаще всего их называют «рожками» из-за своеобразной формы. Самым крупным среди них является ярко выделенный мыс «Дубовый рог», «рог», потому что береговая линия мыса имеет свойственную рогу форму, а «дубовый» от произрастающих на его территории дубов. Ещё одним участком является длинный залив, называемый «Лукой». Слово «лука» обычно обозначает дугообразный изгиб, колено, поворот на реке, в данном случае на озере. Наличие такого поворота в заливе и дало название этому участку озера.

Самым же ярким и известным объектом, имеющим своё название, является брод под названием «Тропа Наполеона», именуется также «Межа» (граница) из-за того, что будто разделяет озеро на две части. О «Наполеоновской тропе» ходит множество легенд и их вариаций, самой известной и яркой является та, что будто во время войны 1812 года сам Наполеон приказал насыпать этот брод, чтобы перебраться на другой берег, и его солдаты в шапках носили землю и сыпали её в воду. Однако это всего лишь легенда. Известно, что Наполеона здесь не было, даже в тот период, когда тот был в Витебске. Однако откуда тогда легенда и само название. Конечно, не исключено, что какой-либо отряд французских солдат во время отступления мог воспользоваться этим бродом, однако его происхождение всё же природное. Существует ещё одна легенда, связанная с данным объектом, будто брод насыпали родители двух влюблённых, живших на разных берегах, чтобы те могли посещать друг друга. Конечно же, это тоже легенда и никто не мог насыпать этот брод, однако не исключено, что какие-либо влюблённые могли использовать его, ведь перебраться с берега на берег на данном участке вполне возможно, и здесь даже проводятся экскурсии. Также стоит упомянуть дуб «Волат», расположенный

на территории рядом с ТОК «Лосвидо», название которого произошло от его размера и возраста [2].

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что при изучении имён собственных различных объектов той или иной местности раскрывается её историко-культурный потенциал, что может способствовать развитию туризма. Также краеведческая ономастика позволяет рассматривать языковые и этнологические особенности исследуемой местности. Лосвидский край является ярким примером местности, насыщенной омонимами, гидронимами и онконимами, по которым раскрываются его особенности и культура. Большинство из рассматриваемых названий всё же имеют легендарный характер происхождения, что позволяет усомниться во многих версиях. Однако все вышеупомянутые легенды свидетельствуют о наличии значимого материала для дальнейшего литературно-культурологического исследования.

Литература

1. Памяць : Гарадоц. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў / уклад. С.Садоўская. Мінск, 2004.

2. Рыбаков, В.Е. Историко-культурный потенциал усадебных комплексов озера Лосвидо / Рыбаков В.Е.; науч. рук Плытник Е. Г. // XVIII Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Витебск, 25 октября 2024 г.: в 2 т. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – Т. 1– С. 163–165. URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/44743

О.В. Сачек
Государственное учреждение образования «Гимназия г. Хойники»
e-mail: sachek_o@mail.ru

УДК 81’373.23’06(09)(476.2)”17”

АНТРОПОНИМЫ РЕВИЗСКОЙ СКАЗКИ МЕСТЕЧКА ХОЙНИКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ФАМИЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КОНЦА XVIII СТ.

Ключевые слова: *ревизская сказка, антропонимы, историко-лингвистический источник, происхождение, значение, лексический состав, исследование.*

В статье исследуется происхождение, состав и особенности функционирования имён собственных жителей местечка Хойники в конце 18 столетия на основе анализа ревизской сказки за 1795 год. Изученный архивный материал позволяет сделать вывод, что в конце 18 века существовали языковые, культурные и исторические особенности, определявшие специфику существования имени собственного в языковой системе и его функционирование в речи, в том числе и письменной.

O.V. Sachek
State Educational Institution «Khoiniki Gymnasium»

ANTHROPONYMS OF KHOINIKI REVISION LISTS AS A SOURCE FOR STUDYING THE FEATURES OF THE FAMILY SYSTEM AT THE END OF THE 18th CENTURY

Key words: *revision lists, anthroponyms, historical and linguistic source, origin, meaning, lexical composition, research.*

The article examines the origin, composition and features of the proper names functioning of Khoiniki residents at the end of the 18th century, based on the analysis of the 1795 revision lists. The studied archival material allows us to conclude that at the end of the 18th century there were linguistic, cultural and historical features that determined the specifics of the existence of a proper name in the language system and its functioning, including written speech.

Особое место имён собственных в языке и культуре достигается прежде всего через их значение, реализация которого возможна на ономастическом, фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях и зависит от восприятия, слышащего либо использующего данное имя индивида. А.В. Суперанская отмечает, что имена собственные живут в языке особой жизнью, легко вбирая в себя слова, актуальные для отдельных эпох, однако и развиваются они по законам языка [1, с. 121]. А. М. Мезенко подчёркивает, что белорусская антропонимия является национальным именником и неотъемлемой частью лексической системы белорусского языка [2, с. 16]. Как отмечает Г.Ф. Ковалев, в современной науке особое место должна занять региональная ономастика [3], которую В.И. Супрун именует – «краеведческой ономастикой» [4, с. 142].

Каждому гражданину Республики Беларусь необходимо знать через систему образования и воспитания, как возникли его имя и фамилия, откуда берет начало название его родного города или деревни.

В исследовании антропонимов немаловажное значение представляет такой исторический документ как ревизские сказки, целью которых являлась подушная перепись населения, проводившаяся регулярно, начиная с правления Петра I. Ревизские сказки подвергались исследованию в XVIII веке географом и статистом И.К. Кирилловым. Данный вид документа является важным историко-лингвистическим источником, в котором содержится богатый лексический материал и интересные данные по исторической морфологии, словообразованию и фонетике.

Изучение ревизской сказки местечка Хойники 1795 года дает нам возможность рассмотреть вопросы о составе и особенностях функционирования антропонимов Хойникщины в конце XVIII века, а также позволяет реконструировать употреблявшуюся лексику, что является актуальным для

проведения исследований состава антропонимических единиц и осмысления процессов формирования и развития ономастического словаря имён собственных в указанный период.

Строй языка, примером которого является исследуемая ревизская сказка, представляет значительную веху в истории краеведения Хойникщины, конец XVIII столетия – эпоха радикального преобразования языковой ситуации, охватившего все уровни и сферы функционирования языка.

В ревизской сказке местечка Хойники за 1795 год, хранящейся в Национальном историческом архиве Беларуси содержится следующий объем сведений: № двора, фамилия, имя и отчество главы семьи, фамилии, имена и отчества всех проживающих совместно родственников мужского и женского пола, их возраст, изредка, профессия (например, житель местечка Савва Смольский указан кузнецом).

При анализе жанра деловой письменности в данном документе, просматриваются приёмы, свидетельствующие о наличии стилистических норм, которые имели широкое распространение в сфере делопроизводства 18 века. «Чистота» стиля не всегда строго выдерживается, количество специфических «высоких» или разговорных элементов, варьируется в жанре, в зависимости от языкового стиля автора. Однако же, делопроизводство того периода требовало точности, ясности изложения и быстроты написания текста.

Приведем в пример несколько записей из ревизской сказки по местечку Хойники:

29 двор: *удова* Феодосия Ермолаева дочь, Усова – 70 лет.

У нее сын Иван Кириллов – 30 лет. У него жена Ульяна, Павлова дочь – 25 лет. У них дети: сын Василь – 3 года, дочь Пелагия – 5 лет [5].

34 двор: *удова* Христина Федорова дочь, Гордейчиха. У нее дети: сын Данило Никифоров, 30-ти лет. У него жена Матрона, Васильева дочь, 23-х лет. У них дочь Настасья, 6-ти лет. Дочь Христины, Ульяна, 25 лет [6].

Используя сведения ревизской сказки местечка Хойники за 1795 год, проанализировав состав фамилий, мы распределили их на следующие категории:

1) фамилии, образованные от производных форм канонических имен;

2) фамилии, образованные от названий профессий, обозначающих род занятия;

3)фамилии, основы которых отражают физические и психологические характеристики человека;

4) фамилии, образованные от названий животных и рыб, частей тела человека.

С принятием христианства в 988 году стали распространяться, предусмотренные церковными канонами и календарём, христианские имена, которые записывались в церковные книги – месяцесловы, или святцы, где на каждый день месяца указывались имена святых, которых в этот день

чтит церковь. Все христианские имена принято называть каноническими, либо церковными. Священник перед обрядом крещения предлагал родителям несколько имён, значившихся в святцах и приходившихся на день рождения младенца.

Каноническое имя – это имя, закреплённое как «истинное», «настоящее». В православной традиции это христианское имя в определённой его форме и с определённым ударением. Нередко человека могли называть исключительно полным крестильным именем, однако, чаще всего, одной из его производных форм, относящихся к типу имён, которые можно назвать простонародными или обиходными вариантами, данные имена дополнительно отражали в своей форме влияние языковой и социальной среды и диалекта, в котором функционировало имя.

Следует различать разговорные или оценочные и уменьшительно-ласкательные формы крестильных имён. Уменьшительная форма канонического имени образовывалась от народной формы и в редких случаях, от официальной христианской формы. Многие фамилии были образованы от различных сокращённых форм имён, а также от имён с суффиксами, придающими субъективную оценку. В некоторых случаях по ласкательной или усечённой форме трудно определить, от какого полного имени образовалась фамилия или имя.

Количество фамилий, зафиксированных в ревизской сказке по местечку Хойники за 1795 год, образованных от канонических имён, наибольшее количество (21).

В нашем исследовании встречаются следующие фамилии данной категории: Агафоненко и Гапоненко (образованы от имени древнегреческого происхождения «Agathon» *(Агафон)*, в ревизской сказке нам также встетитилсь варианты: Гасенко, Гапоник. Отметим также варианты: Ахраменчуков – производная форма от имени древнееврейского происхождения Варфоломей, сформированные при помощи суффиксов -чук и -ов фамилии, Симкович от имени Симеон, Махтейчик (уменьшительно-ласкательная форма) от древнееврейского имени Матфей путем замены корневой согласной с -[ф] на -[т] и перестановкой букв в имени, фамилии Гордейчиха и Перпетуиха (от древнегреческого и латинского имён Перпетуй и Гордей на базе апеллятивной модели на -иха со значением «жена такого-то», фамилия Самочик (уменьшительная форма от имени Самон), фамилии Купрейчик и Стасенко от имен Киприан и Станислав; Устимчик, Гришенко и Гришаенок от имен Устин и Григорий; Ерошок и Гаврильчик от мужских греческих имен Иерофей и Гавриил; Тарасенок от имени Тарасий.

Исследование имён и фамилий крестьян на материалах ревизских сказок, позволяет нам также отметить такую черту, как то, что наличие фамилий, характерно для домовладельцев и хозяев дворов. М.О. Корнилович на основе исследования ревизских сказок конца XVIII века высказал мысль, что для хозяев подворий были характерны родовые фамилии.

Совершенно иное положение могло быть у «дворовых людей», которые не имели устоявшихся родовых традиций, что было равносильно положению «незаконнорождённого» ребёнка, их фамилии возникали на основе той деятельности, которую они выполняли, также, как и особенностей внешности, поведения, привычек.

Особое место в числе фамилий ревизской сказки занимают те, которые происходят от названий различных профессий и родов деятельности, всего 14: в этой группе можно выделить следующие фамилии: Токарский, образована от глагола «точить». Токарями называли мастеров, которые на специальных станках, затачивали металлические режущие предметы – ножи, косы, серпы. Фамилия – Кухаренко, кухарем называли человека, который занимался приготовлением пищи на панской кухне. Также несколько раз в ревизской сказке встречается фамилия Рымарь, рымарем называли мастера, изготавливавшего ременную упряжь для лошадей. Мельничок – человек, работавший на мельнице, либо владевший мельницей, Кравченко – одна из самых распространенных фамилий в ревизской сказке, обозначает занятие человека, который изготавливал одежду. Кушнир (и еще встречается вариант Кушнер), человек, занимавшийся ремонтом и изготовлением изделий из меха и кожи. Кавецкий – тот, кто занимался кузнечным делом, Матузинский – человек, изготавливавший веревки и бечёвки, а также фамилии: Чекан, Смольский, Синожацкий, Пелюх, Шкуратов, Пушка, Шкуратиха, Печурка.

Среди фамилий, основы которых отражают физические и психологические характеристики человека, представлены в ревизской сказке не столь многочисленно, однако же отметим следующие: Верчик, так называли непоседливого и непослушного ребенка, Немко (от прилагательного «немой»), Худенчик от прилагательного «худой», Горбатый от слова «горб», Божок от слова тюркского происхождения «баш» – голова, Курожко от слов «пылить, курить», Усов – человек обладавший пышными усами, Шахрай – фамилия, обозначавшая плута или мошенника, Лобан – человека с большим лбом, Розуменко, обозначавшая умного человека и другие.

Близко с предыдущей группой соприкасаются фамилии с основами, обозначающими названия частей тела человека и иногда животного, птиц и рыб: в ревизской сказке нам встретились следующие фамилии: Кролик, Лобан, Карась, Башко, Гусак, Жовняк, Сокольчик, Козик.

Исследованные на материалах ревизской сказки фамилии, имеющие двухзначные суффиксы на -чик, -ук/юк, -онок/ёнок, -ок/ёк, -ко, а также суффикс -ик, имеют уменьшительное и патронимическое значение. Например, Тарасёнок, Мельничок, Верчик, Немко, Козик, Устимчик, Шевченок, Гузок.

Фамилии с суффиксами -ский/-цкий, -овский/-авский, -евский, -инский представляют трудность для реконструкции образующих основ. Связано это с тем, что одни из них возникли на базе топонимов, а другие на базе антропонимов.

На основе анализа ревизской сказки местечка Хойники за 1795 год имена собственные мужчин и женщин фиксировались как в полной, так и в уменьшительной форме. Полная форма имени: (Андрей, Иван, Степан) имела, как правило, нейтральное значение, служила лишь средством отличия одного человека от другого, не указывая на отношение к тому, кто является носителем имени. Найденные в данном документе формы имен: Гаврило, Василь, Кирило(а), Олёха, Самуйло, Данило, Опанас, Михайло являются эмоционально-оценочными: связанные с обозначением конкретного человека, они дополнительно могут нести субъективно-оценочную характеристику. Фонетические особенности могли быть связаны с диалектным окружением, в котором фунционировало имя, также мы столкнулись и с особенностями передачи имен и фамилий на письме, а это является уже орфографическими особенностями.

К фонетическим особенностям можно отнести следующие:

1. употребление гласной [о] соответственно начальному безударному [а]: Алексей – Олексей (данные формы, как отмечает В.И. Даль, типичны для южных и юго-западных говоров);
2. употребление согласных [п], [х] или сочетания [хв] соответственно согласному [ф]. Например, Махтей, Махтейчик, Хома, Еухим;
3. добавление конечного [о, а] к именам, которые оканчиваются на согласный. Например, Кирило(а), Петро, Самуйла, Михайло, Марко, Данило, Гаврило;
4. выпадение конечного слога [-ий] или только конечного [-й] в именах греческого, латинского и древнееврейского происхождения, оканчивающихся на на -ий. Например, Василь, Грыгор;
5. выпадение начального [и] в именах греческого и древнееврейского происхождения. Например, Сидор, Ерёма, Ларыён;
6. замена начального и серединного согласного [ф] на [т] в именах древнегреческого происхождения. Например, Талимон или Халимон.

Отмечается достаточно широкое употребление прозвищных фамилий: Гордейчиха, Махтейчиха, Опанасиха, Кравчиха, Сокольчиха, Перпетуиха, Михальчиха, Шкуратиха. Такие варианты рассматриваются как имена-клички лиц мужского, или женского пола, которые возникли на базе апеллятивной модели на -иха со значением «жена такого-то» (Гордейчиха, Опанасиха) либо в значении «занятия» (Шкуратиха, Кравчиха).

Антропонимы ревизской сказки представляют собой ценный источник для изучения лингвистических и исторических особенностей фамильной системы в определенном регионе, что, в свою очередь, помогает выявить характерные черты местного диалекта, а наличие различных вариантов комбинаций букв, может свидетельствовать о влиянии других языков. Некоторые фамилии имеют происхождение из других языков, что позволяет проследить исторические и культурные особенности, миграционные процессы в изучаемом регионе. Анализ антропонимов ревизских сказок

также помогает определить социальный состав общества, наличие в нем различных профессий и родов деятельности.

Антропонимы ревизских сказок являются не только историческим документом, но и могут быть важным инструментом для изучения языковых, исторических и культурных особенностей региона, что позволяет понять языковую картину прошлого и процессы развития языка и культуры.

Литература

1. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. / А.В. Суперанская. – отв. ред. А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
2. Мезенко, А.М. Теория имени собственного: учебное пособие / А.М. Мезенко, В.М., Генкин, А.Н. Деревяго; под общ. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 202 с.
3. Ковалев, Г.Ф. Задачи лингвокраеведения в средней школе. // Актуальные проблемы русского языка и методики преподавания. Ч. 2. – Липецк, 1998. – С. 141–150.
4. Супрун, В.И. Краеведческая ономастика // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. – Сыктывкар, 1994. – С. 142 – 144.
5. НИАБ в Минске, фонд 333, опись 9, дело 59, стр. 174 об.
6. НИАБ в Минске, фонд 333, опись 9, дело 59, стр.175

Г.К. Семянькова
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: galina.semenkova@mail.ru

УДК 811.161.3’373.21(476.5)

СУЧАСНАЯ МІКРАТАПАНІМІЯ ВІЦЕБШЧЫНЫ: ПАМІЖ ЗАХАДАМ І ЎСХОДАМ

Ключавыя словы: *онім, тапонім, мікратапонім, неафіцыйнае найменне, мікратапанімія.*

У артыкуле даследуюцца сучасныя мікратапанімныя адзінкі, што бытуюць на тэрыторыі заходняй і ўсходняй частак Віцебскай вобласці: вызначаецца склад, семантыка, асаблівасці матывацыі найменняў, даецца параўнальны аналіз назваў на захадзе і ўсходзе рэгіёна.

H.K. Semiankova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

MODERN MICROTOPONYMY OF VITEBSK REGION: BETWEEN WEST AND EAST

Key words*: onym, toponym, microtoponym, unofficial name, microtoponymy.*

The article examines modern microtoponymic units found in the western and eastern parts of the Vitebsk region: the composition, semantics, and motivation of names are determined, and a comparative analysis of names in the west and east of the region is given.

Мікратапонімы (неафіцыйныя назвы дробных геаграфічных аб'ектаў – палёў, балот, лясоў, лугоў, дарог, камянёў, мастоў, частак вёсак і інш.) з'яўляюцца элементам культурнай спадчыны народа. Яны маюць абмежаваную тэрыторыю бытавання, ступень вядомасці, набліжаны да апелятываў, характарызуюцца пэўнымі семантычнымі і структурнымі асаблівасцямі. Іх вывучэнне дае каштоўны матэрыял для этнаграфіі, дыялекталогіі, гісторыі, геаграфіі, археалогіі. Даследаванне неафіцыйных мікратапанімных назваў з'яўляецца надзвычай актуальным: сыходзяць людзі – носьбіты гэтых найменняў, не зафіксаваных у пісьмовых крыніцах.

Лінгвісты адзначаюць, што існуюць прабелы падчас навуковай апрацоўкі сабранага мікратапанімнага матэрыялу: на сёння няма агульнай базы беларускіх назваў дробных геаграфічных аб'ектаў, хоць колькасць апублікаваных падборак такіх найменняў патрабуе пастаноўкі пытання аб іх звядзенні ў адзіны мікратапанімны фонд Беларусі [4, с. 5].

Даследаванне выканана ў рэчышчы навуковай тэмы кафедры беларускай і рускай філалогіі ВДУ імя П.М. Машэрава "Функцыянаванне сучаснай беларускай мовы ў вуснай камунікацыі і пісьмовым тэксце: сацыяльна-дзяржаўны, нацыянальна-культурны і краязнаўча-рэгіянальны параметры" на 2021-2025 гады (№ дзяржрэгістрацыі 20210458 ад 31.03.2021). На працягу апошніх дзесяці гадоў супрацоўнікі кафедры і студэнты факультэта гуманітарных ведаў і камунікацый вядуць працу па вывучэнні неафіцыйных назваў геаграфічных аб'ектаў Віцебскай вобласці. У межах названай тэмы ажыццяўляецца актыўная работа па збіранні і слоўнікавым апісанні сучасных мікратапонімаў, народна-дыялектных фразеалагізмаў Віцебшчыны, вядзецца іх апрацоўка, неабходная для ўкладання лексікаграфічных даведнікаў.

Мэта артыкула – выяўленне і аналіз складу, семантыкі, асаблівасцей матывацыі мікратапанімных адзінак, што бытуюць на тэрыторыі заходняй і ўсходняй частак Віцебскай вобласці. *Актуальнасць* артыкула прадыктавана тым, што ў ім уводзіцца ў навуковы ўжытак нікім раней не даследаваны матэрыял. Фактычным матэрыялам для працы паслужылі мікратапонімы (усяго каля 530 адзінак), сабраныя на працягу 2020–2025 гг. палявым метадам шляхам апытання мясцовых сельскіх жыхароў Віцебскай вобласці.

На захадзе Віцебскай вобласці размешчана сем раёнаў: Браслаўскі, Верхнядзвінскі, Глыбоцкі, Докшыцкі, Міёрскі, Пастаўскі, Шаркаўшчынскі, на тэрыторыі якіх быў сабраны 171 мікратапонім.

Вызначальна, што на тэрыторыі заходняй Віцебшчыны вялікая колькасць найменняў утрымлівае адзінкі, звязаныя з яўрэйскім народам: *Новая*

Юдаўка – новы мікрараён Браслава, які з’явіўся на мяжы XX–XXI стагоддзяў і працягвае будавацца зараз; *Старая Юдаўка* – мікрараён Браслава, які стаў будавацца з 50-60-х гадоў XX стагоддзя. Вядома, што на пачатку XX стагоддзя ў Браславе жыло шмат яўрэяў.

Да 1917 года на тэрыторыі Беларусі праходзіла мяжа яўрэйскай аселасці (яна існавала з 1791 года) – тэрыторыя, за межамі якой яўрэям забаранялася пастаяннае пражыванне . На пачатку XX ст. колькасць яўрэяў у Беларусі дасягала мільёна чалавек. Яўрэйская меншасць у той час магла складаць да 60% гарадскога насельніцтва.

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. мяжа аселасці была адменена, і яўрэі рассяліліся па ўсёй былой Расійскай імперыі. Менавіта з гэтага часу іх колькасць на тэрыторыі Беларусі працягвала зніжацца. Аднак, нягледзячы на ўсе названыя падзеі, неафіцыйныя найменні, звязаныя з прадстаўнікамі яўрэйскага народа, захаваліся і да нашага часу.

На Глыбоччыне выяўлена дзве назвы, звязаныя з падзеямі рускафранцузскай вайны 1812 года: *Французскі брод* – доўгая пясчаная каса, якая перасякае возера Вялікае амаль пасярэдзіне. Легенда расказвае пра тое, што па ёй французскія салдаты арміі Напалеона пераходзілі возера ўброд (горад Глыбокае); *Капітаніха* – назва горкі, што знаходзіцца ў раёне СШ №1. Легенду пра яе запісаў вершаванай мовай глыбачанін Іван Якаўлевіч Зайкоўскі. У ёй расказваецца пра тое, як сцюдзёнай восеньскай ноччу (падзеі адбываліся падчас вайны 1812 года) тут “Расшчапілася зямля і пахавала французскага капітана. І сышлася зноў гара. Капітаніхай завецца месца гэтае ў нас” (горад Глыбокае).

Відавочна, што прыведзеныя мікратапонімы звязаны з гістарычнымі падзеямі. Вядома, што ў 1812 годзе горад Глыбокае знаходзіўся на мяжы Віленскай і Віцебскай губерній. На той час ішоў пяты тыдзень рускафранцузскай вайны. Імператар Напалеон, які правёў амаль два тыдні ў Вільні і зразумеў, што рускія войскі адступаюць углыб Расійскай імперыі, вырашыў перанесці сваю стаўку бліжэй да сваіх наступаючых маршалаў. 16 ліпеня 1812 года Напалеон выехаў з Вільні і праз тры дні прыбыў у Глыбокае. Там яму і прыйшлося сем дзён чакаць цяжкую артылерыю, якая з цяжкасцю пераадольвала лясныя масівы.

На заходняй Віцебшчыне нямала мікратапонімаў звязана з назвамі водных аб’ектаў. І гэта не дзіўна: толькі ў Браслаўскім раёне знаходзіцца каля 300 азёр, якія займаюць прыкладна 10% ад усёй тэрыторыі раёна. Нямала вадаёмаў размешчана і на тэрыторыі іншых раёнаў заходняй часткі Віцебскай вобласці. Прывядзём некаторыя прыклады найменняў, звязаных з вадаёмамі: *Юзючкова возера* – штучны вадаём за вёскай Верхняе (Глыбоцкі раён), які з’явіўся ў 70-80-я гады XX ст. пасля будаўніцтва дарогі. Возера вельмі папулярнае сярод рыбакоў Глыбоччыны: яно багатае на разнастайныя віды рыб. Назву вадаём атрымаў па імені мясцовага жыхара Іосіфа, хата якога стаяла каля самага возера; *Асцюцьева возера* – возера ў басейне ракі Мядзелкі,

афіцыйная назва якога Споры Малыя (горад Паставы); *Бля́да* – возера, афіцыйная назва якога Бледнае (вёска Дунілавічы Пастаўскі раён).

Аналіз семантыкі такіх назваў выяўляе, што некаторыя з іх утвораны ад імя чалавека, які мае пэўнае дачыненне да гэтага вадаёма (*Юзючкова возера, Валодзькава возера*), асобныя найменні звязаны са знешнімі характарыстыкамі вадаёма (*Дуга* – назва ракі звязана з формай рэчышча аб'екта), *Чэрніца* – назва ракі звязана з колерам вады ў ёй), некаторыя ж назвы вадаёмаў (звычайна рэк) утвораны ад наймення таго вадаёма, у які яны ўпадаюць або з якога выцякаюць (*Шчавянка* – неафіцыйная назва ракі Вята, якая бярэ пачатак з возера Шчоўна).

Цікавы матэрыял выяўлены ў горадзе Паставы, у якім пабудавана аж чатыры масты праз раку Мядзелка, якая працякае праз увесь Пастаўскі раён і праз горад Паставы. Тры з чатырох мастоў маюць неафіцыйныя назвы: *Танкавы мост* – мост, недалёка ад якога на беразе стаіць ваенная тэхніка; *Бальнічны мост* – мост праз раку, побач з якім стаіць раённая бальніца; *Млын* – мост на вуліцы Чырвонаармейская, дзе раней знаходзіўся вадзяны млын. Як відаць з прыкладаў, найменні мастоў матываваны назвамі аб'ектаў, размяшчаных побач (*Бальнічны мост, Танкавы мост*), ці аб'ектаў, якія знаходзіліся на гэтым месцы раней (*Млын*).

У заходняй часцы Віцебшчыны выяўлены шэраг аднолькавых па гучанні найменняў. Так, мікратапонім *Лысая гара* бытуе і ў Шаркаўшчынскім, і ў Пастаўскім раёнах. У Шаркаўшчынскім раёне ў навакольлі вёскі Весялова так называюць гару з дробнага пяску сярод балота Беразеліца (на ёй растуць елкі, сосны, ля падножжа гары – брусніцы, журавіны, чарніцы, галубіцы). У Пастаўскім жа раёне такое найменне атрымала гара каля вёскі Падаляны; старажылы сцвярджаюць, што назва звязана з тым, што на гэтай гары нічога не расце; жыхары вёскі спрабавалі апрацоўваць зямлю, сеяць зерне, але ўраджаю ніколі не было.

Зафіксавана яшчэ некалькі аднолькавых найменняў аб'ектаў, размешчаных у розных раёнах заходняй Віцебшчыны. Так, мікратапонімам *Штаны* называюць плошчу Сямнаццатага верасня ў Глыбокім, якая сваёй формай нагадвае штаны, бо размяшчаецца на перакрыжаванні трох вуліц, а таксама перасячэнне вуліц Кляро і Гагарына ў Паставах, бо дзве вуліцы ідуць амаль паралельна, а потым сыходзяцца і ўтвараюць тупік. У аснову абедзвюх назваў пакладзена знешняе падабенства аб'ектаў да прадмета вопроткі.

Аналізуючы мікратапонімы ўсходняй часткі Віцебскай вобласці, мы даследавалі тэрыторыю сямі раёнаў – Аршанскага, Віцебскага, Гарадоцкага, Дубровенскага, Лёзненскага, Сенненскага, Талачынскага, на якой было сабрана 286 найменняў.

На тэрыторыі ўсходняй Віцебшчыны таксама зафіксаваны назвы, звязаныя з прадстаўнікамі тых ці іншых народаў: *Яўрэйскія могілкі* – узвышша, на якім калісьці хавалі сенненцаў-яўрэяў; да нашага часу тут захаваліся надмагільныя помнікі-камяні, валуны з надпісамі на іўрыце (горад

Сянно); *Маскалі* – раён Віцебска за Юр'евай горкай і Полацкім рынкам; названы так з-за масавага пасялення ў гэтых месцах рускіх стараверaў.

На ўсходзе Віцебскай вобласці зафіксаваны наступныя найменні, звязаныя з падзеямі Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гг.: *Пяты полк* – раён былога ваеннага гарадка ў канцы вуліцы Цітова, дзе ў гады Вялікай Айчыннай войны знаходзіўся пяты чыгуначны полк (горад Віцебск); *Танкавая канава* – поле, сярод якога ў час вайны быў пракапаны супрацьтанкавы роў за вёскай Філімонава (Гарадоцкі раён); *Аэрадром* – месца, дзе ў час Вялікай Айчыннай вайны партызаны прымалі самалёты (вёска Дражна Віцебскі раён); *Афіцэрскі пляж* – месца на беразе Лепельскага возера, на месцы якога размяшчалася артылерыйска-мінамётнае вучылішча; курсанты і афіцэры купаліся ў гэтым месцы, таму і ўзнікла такая назва (горад Лепель); *Кацюшанскі мост* – мост праз раку Дняпро ў заходняй частцы горада, побач з мастом знаходзіцца мемарыяльны комплекс "Кацюша" (горад Орша; як вядома, вызваленне Оршы было адным з самых цяжкіх за ўвесь перыяд Вялікай Айчыннай вайны; гэты горад лічыўся адным з самых важных чыгуначных вузлоў, таму тут можна было ажыццяўляць поўны кантроль усіх эшалонаў; у гады вайны пад Оршай пад камандаваннем І.А. Флёрава актыўна была прыменена рэактыўная сістэма залпавага агню "Кацюша").

На ўсходзе Віцебшчыны выўлена шмат найменняў пагоркаў і ўзвышшаў, што непасрэдным чынам звязана з асаблівасцямі рэльефа рэгіёна: *Ліссі горы* – лес з узвышшамі, якія ёсць толькі паміж вёскамі Слабада і Гаразянкі; там жыве шмат ліс (аграгарадок Слабада Лепельскі раён); *Гукава гара* – назва пагорка паміж вёскамі Медзвядзі і Забабуры (вёска Медзвядзі Гарадоцкі раён); *Міласніца* – гара, размешчаная па дарозе са Слабады на Далікі. Па мясцовай легендзе яе назва пайшла ад слова "міласціна". Па легендзе пры мясцовай царкве не было свайго бацюшкі, таму служыць службу прыязджаў бацюшка з іншай вёскі. Дарога праходзіла праз гару. Аднойчы вясной конь, які вёз міласціну – ахвяраванні і прысмакі прыхаджан за службу бацюшкі, не змог падняцца ўгару. Бацюшка вырашыў частку дабра прыхаваць у лесе, а на наступны дзень, калі вярнуўся па міласціну, не знайшоў яе. З тых пор гару называюць Міласніцай (аграгарадок Слабада Лепельскі раён).

Як і на тэрыторыі заходняй Віцебшчыны, на ўсходняй яе частцы бытуе шмат найменняў, звязаных з уяўленнямі пра нячыстую сілу. Так, *Ведзьмінай лапай* называюць сасну ў лесе каля аграгарадка Альгова ў Віцебскім раёне. У 28-метровага дрэва, узрост якога ацэньваецца прыкладна ў 250–300 гадоў, сем ствалоў. Мясцовыя старажылы расказваюць, что *Ведзьмінай лапай* сасну назвалі не толькі таму, што са сваімі сямю стваламі-пальцамі яна падобная да рукі вядзьмаркі. Існуе легенда, што ў гэтай мясцовасці жыла ведзьма, якая магла ператварацца ў жывёл і ў такім выглядзе з'яўляцца перад людзьмі і рабіць ім розныя непрыемнасці. Аднойчы ўвечары юнак з вёскі ўбачыў у сваім старым хлеве дзіўнага зайца і пабег

за ім. Злавіць зайца не змог, але адсек яму лапу. Раніцай людзі ўбачыі, што ў адной жанчыны-ўдавы перавязана рука, а праз анучку праступае кроў. Ведзьму прагналі з вёскі, а ў сасны, пад якой хлопец адсек пярэваратню канечнасць, сталі з'яўляцца новыя ствалы, пакуль яны не сталі нагадваць лапу. Гавораць, што на Купалле пад дрэва вяртаецца тая ведзьма і прыводзіць з сабой натоўп нячысцікаў; ссекчы ж сасну ніхто не адважваецца.

Чортаў мост – так называюць мост у раёне Гразілаўкі праз рэчку Аршыца (горад Орша). Мост небяспечны, бо часта абрываецца.

Неаднаразова на ўсходзе Віцебшчыны сустракаецца найменне *Лысая гара:* гэта і гара каля вёскі Шапкі (Аршанскі раён), на якой ніколі нічога не расце, і гара, што знаходзіцца злева перад заездам у вёску Васількі (Віцебскі раён) (матывацыя аналагічная прыведзенай вышэй), і вельмі даўно выгаралая мясцовасць каля вёскі Трасцянка (Талачынскі раён), зараз на гэтым месцы аднавілася расліннае покрыва, растуць ягады і грыбы, але мясцовыя жыхары па-ранейшаму называюць гару *Лысай*.

Такім чынам, аналіз мікратапонімаў, што бытуюць на тэрыторыі заходняй і ўсходняй частак Віцебскай вобласці, выявіў шэраг агульнага і рознага ў называнні аб'ектаў. Так, агульнасць праяўляецца ў тым, што на захадзе і на ўсходзе фіксуюцца найменні, звязаныя з прадстаўнікамі тых ці іншых народаў (яўрэяў, рускіх), а таксама з гістарычнымі падзеямі мінулага: на захадзе Віцебшчыны ўжываюцца мікратапонімы, што маюць сувязь з руска-французскай вайной 1812 года, якая закранула гэтую тэрыторыю, на ўсходзе – найменні, што адлюстроўваюць падзеі Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гг.

На захадзе і на ўсходзе Віцебшчыны сустракаюцца аднолькавыя па гучанні мікратапонімы (*Лысая гара, Штаны, Гарэлае балота*); як правіла, матывацыйная прымета, пакладзеная ў аснову такіх назваў, у розных частках рэгіёна супадае. Па ўсёй тэрыторыі Віцебшчыны бытуюць онімы, у аснове якіх легенды, паданні, найменні нячыстай сілы.

Адрозненне ў называнні аб'ектаў звязана найперш з асаблівасцю рэльефа: у заходняй частцы зафіксавана шмат неафіцыйных найменняў водных аб'ектаў – азёр, рэк, балот, ва ўсходняй – узгоркаў і ўзвышшаў.

Літаратура

1. Беларуская антрапанімія: вучэбны дапаможнік / Г.М. Мезенка (навук. рэд.) [і інш.]. – Тэкст: электронны // Рэпазіторый ВДУ імя П.М. Машэрава. – URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/2378 (дата звароту: 20.03.2025). – Электр. копія друк. выд.: Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2009. 254 с.

2. Драба, І.А. Семантычная адметнасць мікратапонімаў Віцебшчыны / І.А. Драба, Г.К. Семянькова – Тэкст: электронны // Рэпазіторый ВДУ імя П.М. Машэрава. – URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/43522 (дата звароту: 21.03.2025). – Электр. копія друк. выд.: Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2024. С. 93–99.

3. Семенькова, Г.К. Неофициальные названия болот на территории Витебщины (Республика Беларусь): семантический аспект / Г.К. Семенькова, И.А. Драбо // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы

международной научной конференции, Смоленск, 15 июня 2023 года / отв. ред. И.А. Королева. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2023. – С. 82–85.

4. Шклярык, В.А. Мікратапанімія Усходняга Палесся ў кантэксце развіцця рэгіянальнай лексічнай сістэмы / В.А. Шклярык; навук. рэд. І.Л. Капылоў. – 2-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 2019. – 196 с.

Т.А. Сироткина
Сургутский государственный педагогический университет
e-mail: sirotkina71@mail.ru

УДК 811.161.1

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ М. ШЕМЯКИНА «МОЯ ЖИЗНЬ: ДО ИЗГНАНИЯ»

Ключевые слова: *имена собственные, автобиографический роман, М. Шемякин.*

В статье на материале романа Михаила Шемякина «Моя жизнь: до изгнания» рассматривается роль имен собственных в создании автобиографического текста. Делается вывод о том, что в тексте автобиографического романа Михаила Шемякина имена собственные играют не последнюю роль, являясь теми точками опоры, на которых строится не только описание ключевых событий жизни героя, но и конкретных деталей этой жизни. Антропонимы, топонимы, эргонимы, прагматонимы помогают читателю наглядно увидеть Ленинград того времени, познакомиться с людьми, с которыми общался автор, попытаться понять то, что чувствовал и переживал художник в непростые для него годы.

T.A. Sirotkina
Surgut State Pedagogical University

PROPER NAMES IN THE AUTOBIOGRAPHICAL NOVEL M. SHEMYAKIN “MY LIFE: BEFORE EXILE”

Key words: *proper names, autobiographical novel, M. Shemyakin.*

The article, based on the novel by Mikhail Shemyakin “My Life: Before Exile”, examines the role of proper names in the creation of an autobiographical text. It is concluded that in the text of Mikhail Shemyakin’s autobiographical novel, proper names play an important role, being the points of support on which not only the description of the key events in the hero’s life is built, but also specific details of this life. Anthroponyms, toponyms, ergonyms,

pragmatonyms help the reader to clearly see Leningrad of that time, get to know the people with whom the author communicated, and try to understand what the artist felt and experienced in difficult years for him.

Автобиографический роман Михаила Шемякина «Моя жизнь: до изгнания», только успев появиться на полках магазинов, уже завоевал признание читателей. «Интереснейшая жизнь Михаила Шемякина, – пишет телеграмм-канал «Книжный лис», – не может вписаться ни в одни рамки, тем более в одну книгу. И, конечно же, это не просто книга, это руководство по формированию художественного стиля, характера, если хотите – успеха» [Рубрика…].

Достоверность авторскому повествованию придают не только описываемые им вехи истории страны, детали собственной биографии, но и определенные «точки опоры», примером которых могут служить имена собственные.

Важное место в повествовании занимают, безусловно, антропонимы. Читая текст, мы знакомимся со множеством известных людей, с которыми общался автор на протяжении жизни. К данной группе лексем относятся имена известных личностей XX века:

– военачальников: «За всю свою жизнь он [отец – Т.С.] не скопил ничего, умер в небольшой квартирке в Краснодаре, оставив мне в наследство лишь саблю, подаренную ему *Буденным*…» [2, с. 28]; «На короткий срок банды под командованием батьки *Махно* соединяются с Красной Армией и мой отец становится адъютантом знаменитого анархиста» [2, с. 16];

– писателей: «Вызволял их [беспризорников – Т.С.] из беды добрый дядя Гиляй – тот самый *Гиляровский*, так прекрасно описавший Москву того времени» [2, с. 16];

– цирковых артистов: «Буквально на второй день после приезда тети в Ригу приехал на гастроли московский цирк во главе с магом и чародеем – великим *Кио*, со своими необъяснимыми чудесами, с десятками, если не сотнями лилипутов и лилипуточек»[2, с. 118];

– певцов: «Из русских песен он [отец – Т.С.] слушал *Лидию Русланову*, *Клавдию Шульженко* и цыганские песни *Ляли Черной*, с которой у него был роман» [2, с. 21].

Образ времени состоит из описания не только событий личной жизни, но и, вместе с этим, событий жизни страны. Важную роль в создании этого образа играют, например, милитарионимы: «Многие из них [офицеров], как и мой отец, были участниками *Гражданской войны*, прошли всю *Великую Отечественную*» [2, с. 15].

С помощью различных топонимов автор создает живой образ Ленинграда описываемого времени, многоликий и многоплановый. Помогают ему в этом описании:

– урбанонимы: «Или вспоминается ленинградская коммуналка на *Загородном проспекте*, где пьяный сосед-шофер угрожает упрятать меня

за решетку и бьет неожиданно кулаком в лицо» [2, с. 110]; «А сейчас я вернусь к описанию начальных лет моего пребывания в квартире под номером семнадцать, расположенной на шестом этаже семиэтажного дома на углу *Подольской улицы* и Загородного проспекта, обозначенного номером шестьдесят четыре» [2, с. 180]; «Второе воспоминание, навеянное запахом яблок, – это моя работа почтальоном *Фрунзенского района* в Ленинграде» [2, с. 112];

– экклезионимы: «Отец моей матери Николай Алексеевич Предтеченский – дворянин, гардемарин, венчается в 1915 году в *Николаевской церкви* Морского инженерного училища Императора Николая I в Кронштадте с Марией Панфиловной Лаптевой, дочерью регента Кронштадского Андреевского собора» [2, с. 39]. Тема религии, веры очень важна для автора, с «выбиванием» из него православного и попыток сделать его атеистом связаны многие эпизоды жизни героя.

В число эргонимов, функционирующих в тексте романа, входят:

– многочисленные названия учебных заведений: «Но кроме парадных, где можно было отогреться, существовало на Загородном проспекте одно не совсем обычное место – Военно-медицинский музей при *Военно-медицинской академии*…» [2, с. 153]; «Как ни странно, моя мать, принадлежащая к аристократическому сословию, обучавшаяся в детстве игре на виолончели, рояле, окончившая *Ленинградский театральный институт*, игравшая в Театре комедии у Николая Акамова, снимавшаяся в кино с Черкасовым и Бабочкиным, не оказала на меня и мое творчество такого влияния, как отец – профессиональный вояка» [2, с. 31]; «Училась она [бабушка – Т.С.] в *Смольном институте благородных девиц*, и я, когда стал постарше, узнал от нее интересные подробности из жизни «кисейных барышень», как называли воспитанниц Смольного» [2, с. 43];

– названия музеев, с которыми тесно связана жизнь художника: «В кладовой памяти моего носа хранятся священные для меня запахи залов *Эрмитажа*, где я несколько лет работал такелажником» [2, с. 109].

Наконец, передача конкретных деталей была советских людей середины XX века невозможна была бы без опоры на прагматонимы: «Запах отцовского мундира, пропитанного табачным дымом *«Беломорканала»…»* [2, с. 109]; «…чудный запах маминых роскошных волос, смешанный с ароматом *«Красной Москвы»* от концертного платья…» [2, с. 109].

Таким образом, в тексте автобиографического романа Михаила Шемякина имена собственные играют не последнюю роль, являясь теми точками опоры, на которых строится не только описание ключевых событий жизни героя, но и конкретных деталей этой жизни. Антропонимы, топонимы, эргонимы, прагматонимы помогают читателю наглядно увидеть Ленинград того времени, познакомиться с людьми, с которыми общался автор, попытаться понять то, что чувствовал и переживал художник в непростые для него годы.

Литература

1. Рубрика «Отзыв о книге дня». – Режим доступа: https://vk.com/wall-45701667_28314.
2. Шемякин М.М. Моя жизнь: до изгнания / Михаил Шемякин. – Москва: Изд-во АСТ: Ред-я Елены Шубиной, 2024. – 714 с.

С.А. Скуридина
Воронежский государственный технический университет
e-mail: saskuridina@yandex.ru

УДК 801.313.1

ЗООМОРФНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ДЯДЮШКИН СОН»

Ключевые слова: *зооморфизм, оним, апеллятивно-онимное взаимодействие, «Дядюшкин сон», Ф.М. Достоевский.*

Статья посвящена исследованию зооморфизма как одного из принципов ономастического кода Ф.М. Достоевского. В работе рассматривается, каким образом зооморфная символика, затрагивающая апеллятивно-онимное единство, используется Ф.М. Достоевским в повести «Дядюшкин сон» для раскрытия внутреннего мира персонажей, выражения их душевных состояний и объяснения их поступков. Введение зооморфной семантики позволяет писателю создавать яркие, зачастую карикатурные образы, одновременно подчеркивая сложность человеческой природы.

S.A. Skuridina
Voronezh State Technical University

ZOOMORPHISM IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "UNCLE'S DREAM"

Key words: *ornithomorphism, onym, appellative-onym interaction, "Uncle's Dream", F.M. Dostoevsky.*

The article is devoted to the study of zooomorphism as one of the principles of F.M. Dostoevsky's onomastic code. The paper examines how the zoomorphic symbolism, affecting the appellative-onym unity, is used by F.M. Dostoevsky in the story "Uncle's Dream" to reveal the inner world of the characters, express their mental states and explain their actions. Using zoomorphic semantics, the writer creates vivid, often caricatured images, while simultaneously emphasizing the complexity of human nature.

Зооморфная символика сопровождает человека на протяжении всего развития культуры. Уже в древности зооморфный образ становится способом воплощения представлений людей о мире, которые жили бок о бок с животными и наблюдали за их поведением, соотнося его с человеческим, что нашло отражение в языковой картине мира разных народов. Гура говорит об особом зоологическом коде языка культуры, поскольку «образы животных служат одним из средств выражения представлений о мире в различных его проявлениях» [3, с. 22]

Использование зооморфных наименований является одним из принципов ономастического кода Ф.М. Достоевского, что нами неоднократно отмечалось [7]. Безусловно, это связано с распространенностью фамилий, включающих зоолексемы, которую не мог не заметить настоящий художник слова, а также с переосмыслением в русской лингвокультуре, когда для обозначения каких-либо особенностей человеческого характера или поведения используется определенная зоолексема: заяц – трусость, лиса – хитрость, баран – глупость, волк – свирепость и т.д. Однако в текстах писателя зооморфные мотивы, проявляющиеся в апеллятивно-онимном единстве, способствуют выявлению заложенных в произведение смыслов. У Ф.М. Достоевского была мысль о том, что работа на земле может сделать из звере людей: «Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей поделать людей, то наделите их землею – и достигнете цели», поэтому в романе «Братья Карамазовы» Дмитрий хочет начать «тотчас пахать , работать» [5, т.15, с.186]

Как верно замечает В.П. Владимирцев, «зоосемичные шифры именослова – наихарактерная особенность поэтического языка Достоевского» [2, с. 315], а «начальный предел художественных зооморфных кодов Достоевского – роман “Бедные люди” [2, с. 312]. Уже в первом романе для обозначения отрицательного персонажа Ф.М. Достоевский вводит зооморфную фамилию *Быков*. В повести «Белые ночи» возникает антропоним *Баранников,* такая фамилия дана владельцу дома, в котором проживает герой и который советует скорее бросить Настенька и переехать к ним [II, 138]. Фамилия *Баранников*, восходя к апеллятиву *баранник* ‘бараний пастух‘, тем не менее, воспринимается как зооморфная, так как соотносится с названием животного *баран*, которое писатель воспринимал в контексте известной русской пословицы *Смотреть как баран на новые ворота*, используемой Ф.М. Достоевским при описании мужа Москалевой в повести «Дядюшкин сон»: «Во-первых, это весьма представительный человек по наружности и даже очень порядочных правил; но в критических случаях он как-то теряется и смотрит как баран, который увидал новые ворота» [5, т. 2, с. 298], а также в характеристике слуги князя К.: «Глуп фе-но-менально! смотрит как баран на воду!» [5, т. 2, с. 313]. В повести «Село Степанчиково и его обитатели» в рассказах Ростанева ожидаемый им господин Коровкин предстает как всемогущий вершитель судеб, способный избавить всех

от Фомы Фомича, но внимательный читатель должен обратить внимание не только на диминутивный суффикс фамилии -к-, но и на лексему корова (самка быка), ставшую производящей основой для фамилии предполагаемого избавителя, которые в совокупности используются Ф.М.Достоевским для снижения образа, окончательно произошедшего в сцене первого появления Коровкина в пьяном виде. Целостность образа Коровкина завершает авторская ремарка об истасканном фраке, который был в «пуху и сене» [5, т. 3, с. 156].

В повести «Дядюшкин сон» с помощью зооморфных фразеосочетаний передаются особенности поведения персонажей. Мордасовское мужское общество представляет собой сборище ослов: «Здешние ослы удивляются, что тебе двадцать три года и ты не замужем, и сочиняют об этом истории» [5, т. 2, с. 320], «Да я бы, если б была мужчиной, я бы тебе полцарства достала, если б ты захотела! Ослы они все!» [5, т. 2, с. 333], «Вот почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встречая в провинции вместо психологов и сердцеведов чрезвычайно много ослов» [5, т. 2, с. 336], а женское общество эксплицируется в образе сорок-сплетниц: «Полковница, Софья Петровна Фарпухина, только нравственно походила на сороку» [5, т. 2, с. 328]; «вот и сейчас эта сорока натрещала мне всякой всячины…» [5, т. 2, с. 332].

О князе К. сообщается, что он «сидит, как мокрый кот» и смотрит «в лорнетку» на пигалиц [5, т. 2, с. 329] – молодых девушек, танцующих перед ним не по возрасту в коротких платьях. Данный эпизод вписан Ф.М. Достоевским в свадебную символику. Пигалица – «птица Vanellus, с голубя, чубатая, с зеленым отливом, белобрюхая» [3, т. 3, с. 109]. Птичья символика напрямую связана со свадебным обрядом, где иногда невеста называется сорокой (народноэтимологическое осмысление лексем сорока и сорочка) [3, с. 566], а указание на красную шапочку соотносится с надеванием сороки – головного убора, который разрешалось носить после замужества. Пигалица, или пигалка – в костромских диалектах «ласковое прозванье молодой, новобрачной» [4, т. 3, с. 109], вероятно, возникшее в результате переосмысления наименования пищалка, используемого для наименования быстроглазой девушки [4, т. 3, с. 109]. Таким образом, князь К., представший в образе жениха – кота, готового схватить птичку. Впоследствии в романе «Бесы» свадебная символика выстраивается писателем также при использовании образов птиц, восприятие которых закрепилось в народном сознании в течение многих веков [8]; [9].

Муж Марьи Александровны Москалевой охарактеризован зооморфными лексемами как человек с ослиной головой, смотрящий вокруг «как баран на новые ворота» («Сколько раз я вбивала в твою ослиную голову, что я тебе вовсе не матушка?» [5, т. 2, с. 358]; «Как смеешь ты давать такое название благородной даме, которой место в высшем обществе, а не подле такого осла, как ты!» [5, т. 2, с. 358]), сама же она – «важная птица» [5, т. 2,

с. 374], причем, полагаем, птица хищная, так как в ее отношении используется адъектив *плотоядный* («спросила Марья Александровна, плотоядным взглядом окидывая поле предстоящей битвы» [5, т. 2, с. 340]), и отмечается рассказчиком, что «старика надо спасти от кровожадных когтей» [5, т. 2, с. 337]. Мозгляков, сам себя именующий ослом («Я осел, Марья Александровна» [5, т. 2, с. 355]; «Я – осел, Зинаида Афанасьевна!» [5, т. 2, с. 387]; «Я несравненно хуже осла!» [5, т. 2, с. 387]), вместо слов издает мычание: «промычал Мозгляков насмешливым голосом» [5, т. 2, с. 351], но Москалева его хочет раздавить как таракана [5, т. 2, с. 378] – так, помимо зоо- и орнитонаименований, в повести используются энтомосемизмы (термин Г.Ф. Ковалева: [6]), а сам он краснеет как рак 5, т. 2, с. 383].

У Натальи Дмитриевны «кошачьи глаза» [5, т. 2, с. 378], которыми она смотрит на Зину. С помощью симбиоза орнитоморфных и зооморфных характеристик создается образ слуги князя К.: «Вот у меня Те-рен-тий есть. <...> Глуп фе-но-менально! смотрит как баран на воду! Но какая сано-витость, какая торжественность! Кадык такой, светло-розовый! <...> такой важный вид! – одним словом, настоящий немецкий философ Кант или, еще вернее, откормленный жирный индюк» [5, т. 2, с. 313].

Интересен образ сороки-полковницы, являющийся собирательным образом всего женского общества города Мордасова. Дисгармоничность Фарпухиной эксплицируется разными художественными средствами. Начинается описание данного женского персонажа с противопоставления, основанного на птичьей символике: «Полковница, Софья Петровна Фарпухина, только нравственно походила на сороку. Физически она скорее походила на воробья» [5, т. 2, с. 328]. «Птичья» семантика образа обнаруживается во всем: тело ее держалось на «крепких воробьиных ножках», «она очень часто дралась и царапала ему лицо», «защебетала она» [5, т. 2, с. 328-329]. О многом говорит основное – сорочье – предназначение Фарпухиной – приносить плохие вести («стрекочущая возле дома сорока может быть предвестьем не каких-либо, а именно плохих вестей» [3, с. 562]). Портретное описание Фарпухиной включает веснушки, которые в славянской мифологии связаны с символикой сороки [3, с. 567].

Определенный вес имеет и мужчина с «птичьей» фамилией *Курочкин: «*Я у графини Залихватской обедала; за меня оберкомиссар Курочкин сватался!» [5, т. 2, с. 374]. Куриное сердце вместо человеческого отмечается у князя К. [5, т. 2, с. 375]: «Вся тревога, которую четверть часа назад Мозгляков заронил в его куриное сердце, исчезла при виде дам» [5, т. 2, с. 374]. В произведениях Ф.М. Достоевского «куриная» символика используется обычно для снижения образа, например, в последнем романе Смердяков – это «курица в падучей болезни».

Позитивная семантика птичьего образа в повести «Дядюшкин сон» связана с образом Зинаиды, которую госпожа Москалева называет

голубчиком и сравнивает с голубем: «Она чиста как голубь: она не рассчитывает; она только умеет любить, – милое дитя мое!» [5, т. 2, с. 352]. По верному наблюдению В.П. Владимирцева, вокатив *голубчик* – это «формула национального речевого этикета», которая «прилагается к персонажам как своеобразная мерка христианской подлинности или определенности человека» [2, с. 315]. Голубь в христианской традиции – символ мира, любви и спасения. Неслучайно Ф.М. Достоевский, перечитав свою повесть спустя много лет с момента ее создания, скажет, употребив адъектив «голубиный» в сочетании с существительным «незлобие»: «А потому невольно написал вещичку голубиного незлобия и замечательной невинности» [5, т. 2, с. 515].

Как видим, повесть Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» является сложным и многослойным произведением, которое раскрывается через призму зоорфизма, способствующего выявлению глубинных смыслов. С помощью зоономинаций, на основе которых мастерски выстраивается апеллятивно-онимное текстовое единство, писатель создает яркие, зачастую карикатурные образы, одновременно подчеркивая сложность человеческой природы. В дальнейшем в своих произведениях писатель углубляется в размышления о проявлении в человеке животного начала, а в романе «Братья Карамазовы» идея единства человеческого и звериного начала воплощается в образе города с зооморфным названием *Скотопригоньевск*, ставшего символом вселенского скотоподобия.

Литература

1. Альтман, М.С. По вехам имен / М.С. Альтман. – Саратов, 1975. – 280 с.

2. Владимирцев, В.П. Животные в поэтологии Достоевского: народно-христианское бестиарное предание / В.П. Владимирцев // Проблемы исторической поэтики. – 1998. – №5. – С. 311–320.

3. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции / А.В. Гура. – М.: Издательство «Индрик», 1997. – С. 530.

4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. / В.И. Даль. – М.: Терра, 1995.

5. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1988.

6. Ковалев, Г.Ф., Заки С.Г. Энтомосемизмы (названия насекомых) в художественных текстах русской литературы / Г.Ф. Ковалев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 7. – С. 234–237.

7. Скуридина, С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского / С.А. Скуридина. – Воронеж, 2022. – 341 с.

8. Скуридина, С.А. Отражение свадебной обрядности в некоторых антропонимах Ф.М.Достоевского / С.А. Скуридина // Болгарская русистика. – 2016. – № 2. – С. 61–70.

9. Скуридина, С.А. «Ты что за птица?»: о специфике некоторых фамилий «великого пятикнижия» Ф.М.Достоевского / С.А. Скуридина // Научный вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2015. – № 1. – С. 149–162.

А.Н. Соловьёв
ФГБОУ ВО «Смоленская государственная
сельскохозяйственная академия»
e-mail: sancongoalexnat@mail.ru

УДК 81.373.21

НАЗВАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ОСТАНОВОК СМОЛЕНСКОЙ И ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Ключевые слова: *железнодорожный топоним, названия остановок, ономастика, ойконим, номинативные названия, атрибутивные названия, нумеративные онимы*

В статье впервые на смоленском и витебском материале анализируются названия железнодорожных остановок, предлагаются варианты терминов для данного пласта лексики. В обеих областях преобладают номинативные названия, совпадающие с определенным ойконимом, однако в Витебской области доля подобных названий выше. В целом, названия остановок в Витебской области выглядят более традиционными, но в регионе используются и более редкие структуры, например, атрибутивные и уникальные для исследуемой территории мемориальные генитивы. Железнодорожная топонимия в Смоленской области более разнообразна структурно, в регионе отмечен высокий процент атрибутивных и нумеративных онимов. В качестве основ для номинации используются не только ойконимы, но и микротопонимы. Более часты, чем в Витебской области суггестивные названия.

A.N. Solovyev
Smolensk State Agricultural Academy

NAMES OF RAILWAY STOPS OF THE SMOLENSK AND VITEBSK REGIONS

Key words: *railway toponym, stop names, onomastica, oikonym, nominative names, atributive names, numerative onyms.*

The article for the first time on Smolensk and Vitebsk material analyzes the names of railway stops. We offer some terms for this type of vocabulary. In both areas, nominative names prevail that coincide with a certain oikonim, however, in the Vitebsk region, the share of such names is higher. In general, the names of stops in the Vitebsk region look more traditional, but the region also uses more rare structures, for example, attributive and unique memorial genitives for the studied territory. Railway toponymy in the Smolensk region is more diverse

structurally, in the region a high percentage of attributive and numerative names is noted in the region. As the reason for the nomination, not only oikonims, but also microtoponyms are used. Suggestive names are more frequent than in the Vitebsk region.

Наша статья посвящена исследованию названий железнодорожных остановок, расположенных в Витебской и Смоленской областях. Данный пласт ономастической лексики, по всей видимости, еще не привлекал внимание ученых в России и Беларуси. Между тем названия железнодорожных станций весьма важны, их используют пассажиры и работники транспорта, местные жители и гости регионов. Железнодорожные онимы официальны, присутствуют на картах. Их главная функция – локализующая. В идеальной ситуации оним должен помочь понять пассажиру, где именно расположена та или иная станция, платформа. Все другие функции являются второстепенными, например, идеологическая, эстетическая. Таким образом, название остановки должно четко соотноситься с определенным населенным пунктом, иногда с его частью или с точкой на железнодорожном пути. В ряде случаев сам населенный пункт возникает при строительстве железной дороги, и железнодорожный оним является первичным.

Вместе с тем, названия остановок это ведомственная система, обладающая некой автономностью. Например, переименование города не влечет автоматически переименование его станции. Так город Дзержинск в Минской области долгое время обслуживался только станцией **Койдановo** (по старому ойкониму), платформа **Дзержинск** появилась относительно недавно. В Беларуси инициатор изменений это Белорусская железная дорога, а само изменение фиксируется в ежегодном бюллетене Белгеодезии [3]. В России переименования в железнодорожной сфере совершает Росжелдор, а сами изменения, спустя какое-то время, заносятся в Государственный каталог географических названий Росреестра. Интересно, что в файл по Смоленской области за март 2025 года все еще не вошли многочисленные переименования нумеративных железнодорожных онимов, совершенные в конце 2024 года [4].

Отметим, что в словаре Н.В. Подольской обозначение данного пласта лексики отсутствует. Есть лишь дромонимы – названия путей и дорог [2]. Однако остановочные пункты не являются линейными объектами. Мы будем использовать сочетание железнодорожный топоним, хотя, потенциально возможно введение в ономастическую науку таких терминов как «стафмоним» (от греч. «станция») или «сидеродромоним» (от греч. «железная дорога»). Вариант «сидеродромостафомоним» этимологически наиболее отражает данный пласт лексики, однако данный термин явно неудобен для использования.

Источниками наших наблюдений послужили схемы железных дорог, а также сервис Яндекс Карты [7; 8; 9]. К сожалению, на официальных сайтах РЖД и БелЖД картографический материал отсутствует, а в списках

станций есть лишь грузовые. При получении выборки названий мы пользовались географическими, а не ведомственными границами. Они не всегда совпадают. Например, станция **Орша-Центральная** относится к Минскому отделению БелЖД, а не к Витебскому.

Всего мы зафиксировали 173 железнодорожных топонима в Витебской области и 198 в Смоленской. Среди смоленских названий 27 относятся к ныне не действующим остановочным пунктам. Участки **Дурово – Владимирский Тупик, Валутино – Сошно** законсервированы. Линия **Рославль – Кричев** используется только для грузового движения. Приграничный **462 км** перестал принимать пассажиров после отмены поездов из-за ковидных ограничений. В Витебской области все остановки действующие за исключением **Киреёва** и **Шуховцов**, расположенных вблизи границы с Россией. Здесь и далее для Витебской области мы будем использовать существующие официальные русскоязычные формы онимов, хотя на вокзалах и железнодорожных будках региона и всей страны вывески традиционно пишутся на белорусском языке, на нем же звучат объявления в пригородных поездах.

С точки зрения структуры подавляющее число железнодорожных топонимов относится к номинативному типу, хотя есть и атрибутивные, и нумеративные конструкции. Мы используем стуктурно-грамматическую классификацию, предложенную А.М. Мезенко [1, 24–26]. В качестве конкретизаторов используются термины «станция», «остановочный пункт», «платформа», «пост» и «разъезд». Однако конкретизаторы лишь уточняют тип объекта, но не служат для различения онимов. Этим данный пласт лексики отличается от топонимов или урбанонимов (село Гусино и деревня Гусино, Пригородный переулок и Пригородный тупик).

Теперь рассмотрим типичные ситуации, в которых появляется тот или иной структурный тип. Больше всего железнодорожных топонимов относятся к номинативному типу, в нем проприальная часть выражена существительным в именительном падеже. В Витебской области номинативы доминируют (155 онимов, около 90%), в Смоленской области они также преобладают, но их доля заметно меньше (104 названия, 53%). Сюда же можно отнести несколько названий, восходящих к субстантивированным существительным (**Боровое, Глубокое, Красное**) и ряд сложных конструкций с номинативом в основе (**Константинов Двор, Старая Деревня, Соколья Гора**). В подавляющем большинстве случаев номинативные онимы используются для наиболее логичной ситуации, когда название станции полностью совпадает с названием населенного пункта, в котором она находится. В Смоленской области таких онимов 103 (**Батюшково, Воронино, Помельница, Баскаковка, Криволес, Коробец**), в Витебской – 101 (**Румино, Друя, Витебск, Подсвилье, Хлюстино, Поставы, Шумилино**). Как правило, такая станция для населенного пункта единственная, но бывают и исключения (**Ярцево, Полоцк, Вязьма**).

Вторая ситуация. Источник номинации находится относительно недалеко (2–7 км), однако станция расположена вне деревни или города, давшего ей название. В Витебской области таких онимов 14 (**Ярево, Полота, Секеровщина, Нарцизово, Новолукомль, Шибеки**). Станция **Бурбин** названа по ныне исчезнувшей деревне. В Смоленской области в данное время проходит волна переименований, как минимум, один остановочный пункт (**Горки**) можно отнести к данной ситуации.

В 16 случаях станция расположена в населенном пункте, но для номинатива выбран другой ойконим. Например, остановочный пункт **Адровка** находится у деревни Селец, а название получил по садоводческому товариществу. **Зябы** расположены в деревне Язба, агрогородок Париж получил свое первоначальное название, но станция **Новодруцк** переименована не была.

К четвертой ситуации мы отнесли использование железнодорожного топонима, представляющего собой слегка измененный ойконим (12 онимов в Витебской области). Это может быть сокращение названия населенного пункта (**о.п. Веравойша** – д. Нижняя Веравойша, **о.п. Хороброво** – д. Старое Хороброво, **ст. Лётцы** – д. Малые Лётцы), хотя в последнем случае станция могла получить имя по санаторию, который она обслуживает. Сюда мы можем отнести использование орфографических, фонетических и морфологических вариантов первоначального названия (**Мёры – Миоры, Крулевщизна – Крулевщина, Баравуха – Боровуха, Вальки – Волки Парафьяново – Парафьянов**). Название станции **Загатье** связано с деревней Гатовщина, а оним **Селянка** – это переведенный на белорусский ойконим Крестьянка).

Помимо ойкономического происхождения номинативы могут быть связаны с расположенными поблизости гидронимами (озеро **Лосвида**, реки **Витьба, Лучёса** в Витебской области, реки **Вазуза, Салик, Песочня** в Смоленской). Ряд номинативных конструкций восходит к урбанонимам. Это характерно для крупных городов, где помимо главного вокзала есть остановки на окраинах. В Полоцке станции **Ксты** и **Сосница** получили имена по названию местности, **Громы** – в честь одного из полоцких парков. Станции **Гнездово и Колодня** сейчас находятся в черте Смоленска, хотя до конца 1970-х годов они были отдельными рабочими поселками. На волне переименований нумеративных конструкций в Смоленской появились названия остановок, не связанные с топонимами, а отражающие характер местности или особенности расположения станции (**Лес, Залесье, Полесье, Сады)**. Это далеко не единственные остановочные пункты, расположенные в лесистой местности или возле садов, так что они выполняют скорее не локализующую, а эстетическую функцию. Чиновникам больше нравятся названия **Полесье и Сады,** а не **22 и 399-й км**. Остановочный пункт **Тракт** (бывший **218-й км**) получил название по расположенной рядом Старой Смоленской дороге, проблема использования дромонима для номинации заключается в недостаточной локализации железнодорожного объекта. То же самое можно сказать и о переименовании **567 км** в **Казармы**.

На карте Смоленской области до сих пор присутствует множество железнодорожных будок и казарм, так что территориальная привязка онима выглядит крайне неопределенной. В второй половине XIX века во время активного строительства железных дорог многие станции часто возникали с нуля, но и они, и поселения при них получали более удачные названия (**Вышегор**). При этом иногда использовалась не обычная для железнодорожной топонимии мемориальная функция. Станция **Василисино** получила название в память о партизанке 1812 года Василисе Кожиной. Инициатор постройки ветки на **Владимирский Тупик** граф Уваров назвал остановки в честь своих детей (**Вадино, Никитинка, Игоревская, Яковская** и уже упоминавшаяся конечная станция) [5].

К атрибутивному типу относится 13 названий остановок (8%) в Витебской области и 30 (15%) в Смоленской. Прориальная часть данного типа выражена именем прилагательным. В сложных структурах могут добавляться существительные и прилагательные. Семантически 11 онимов это названия станций, построенных на той или иной железной дороге, название перешло на населенный пункт, возникший при строительстве пути сообщения (станции **Присельская, Духовская, Ропнянская, Лелеквинская, Плоская**). Два железнодорожных топонима являются мемориативами. Станция **Серго-Ивановская** названа в честь инженера XIX Сергея Иванова, а **Энгельгардтовская –** в честь публициста и агрохимика Александра Энгельгардта. В 9 случаях название остановки это измененный ойконим (**Богушевская – Богушевск, Слободской – Слобода, Новодугинская – Новодугино, Перевалочный – Переволочня, Городнянский – Городня**). Три железнодорожных топонима восходят к гидронимам (станции **Придвинская, Приднепровская и Ракитная**). По два смоленских онима – к эргонимам и урбанонимам (**Азотная** – от завода удобрений в Верхнеднепровском, **Алексеевская и Пронинская** – от улиц в Вязьме и Смоленске). В обеих областях присутствует ряд суггестивных атрибутивов. Остановочный пункт **Солнечный** находится в деревне Погост, **Зорный или Звездный** в поселке Болбасово Витебской области. Для Смоленской области характерны отсылки к лесу (остановочные пункты **Лесистый, Дебрянский** – дебри, **Завальный** – лесной завал). Сложные атрибутивные типы используются в крупных городах, являющихся железнодорожными узлами, и восходят к элементам транспортной структуры, веткам, вокзалам. Помимо **Орши-Центральной** в Орше существуют еще три остановки: **Орша-Восточная, Орша-Западная и Орша-Северная**. В Смоленске кроме центральной станции есть **Смоленск-Сортировочный**, а также **Орловская-Сортировочная**, в Вязьме – **Вязьма-Новоторжская** (на ветке в Торжок).

Только в Витебской области отмечены генитивные железнодорожные топонимы (в основе существительное в родительном падеже). Данные конструкции обычны в урбанонимии или эргонимии, но в исследуемом пласте лексики мы зафиксировали только три онима. Остановочный пункт **Бениславского** (и вероятно, **Лычковского**) выполняет меморативную

функцию, сохраняет память о помещике, финансировавшем строительство железной дороги. Остановочный пункт **Мариненко** назван по улице Полоцка в честь погибшей партизанки Татьяны Мариненко.

К особенностям смоленских железнодорожных названий и российских в целом можно отнести весьма значительное количество нумеративных конструкций. В Витебской области такой оним лишь один – о.п. **11 км**, тогда как в Смоленской области их 24 на март 2025 года (от **6 км** до **541 км**). При этом в 2024 году существовало еще 35 нумеративов [6]. Их доля достигала почти 30%, однако снизилась до 12%, так как в последние годы в РЖД идет борьба с якобы неудобными «километровыми» названиями. Чиновники заменяют их на близлежащие ойконимы, гидронимы, а иногда просто дают волю своей фантазии. Часть из этих онимов действительно нуждались в переименовании. Например, в области до 2024 года существовало два 22 км, находившихся на разных ветках. Мы планируем написать отдельную статью о данном явлении в масштабах всей России. Возможно, что в ближайшем времени количество нумеративов еще сократится. Пока остались нумеративы вторых остановок в населенных пунктах, например, **443 км** расположен в **Катыни**, а **353 км** – в **Ярцеве.** Рядом с некоторыми нумеративами находятся деревни с неблагозвучными названиями (**481 км** – Зюзьки), хотя это не помешало переименовать **471 км** в **Бодуны**. Часть остановок расположена вдали от населенных пунктов, а часть находится в ведомственных казармах и железнодорожных будках.

Итак, мы попытались проанализировать на материале двух соседних областей, Смоленской и Витебской, новый для ономастической науки пласт имен – названия железнодорожных остановок. В статье используется «рабочий» термин железнодорожный топоним, однако мы предложили и другие варианты для обозначения данной лексической категории. И с точки зрения структуры, и мотивов номинации названия остановок в Витебской области выглядят более традиционными: преобладают номинативы, подавляющее количество совпадает с ойконимами. Однако в Витебской железнодорожной топонимии используются и другие структуры, например, атрибутивные и уникальные для исследуемой территории мемориальные генитивы.

Названия остановок в Смоленской области более разнообразны структурно, в регионе отмечен высокий процент атрибутивных и нумеративных онимов. В качестве основ для номинации используются не только ойконимы, но и микротопонимы. Более часты, чем в Витебской области суггестивные названия. Сама система наименований претерпевает изменения, так как в России ведется активная борьба с так называемыми «километровыми» названиями и другими нумеративами в сфере железнодорожной номинации, с другой стороны, многие ветки закрываются, переводятся лишь на грузовое движение, таким образом количество действующих остановок сокращается.

Железнодорожные топонимы представляют собой пример ведомственной номинации «сверху» и отражают ономастические взгляды

и вкусы чиновников разных эпох. Однако данные названия вышли за рамки узкого профессионального использования, служат ориентирами и активно употребляются в речи жителей и гостей исследуемых регионов, таким образом их изучение важно для развития ономастической науки.

Литература

1. Мезенко, А.М. Имя внутригородского объекта в истории / А.М. Мезенко. – Минск, 2003. – 301 с.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М., 1978. – 192 с.

Источники

3. Бюллетени Белгеодезии / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://geo.by/services/goskartgeofond/informatsionnyi-biulleten-izmeneniia-naimenovanii-geograficheski – Дата доступа: 9.04.2025.
4. Государственный каталог Роскадастра. Смоленская область [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kadastr.ru/Смоленская область_201.pdf – Дата доступа: 29.03.2025
5. История Холм-Жирковского района / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://holm.admin-smolensk.ru/o-rajone/istoriya/ – Дата доступа: 13.04.2025.
6. Новые названия вместо километров / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tr.ru/news/5734-novye-imena-poluchili-eshchyo-282-zheleznodorozhnyh-ostanovochnyh-punktov-v-25-regionah – Дата доступа: 21.03.2025.
7. Схема БелЖД / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://blizko.by/ckeditor_assets/attachments/136023/bel_zhd_bolshaya_shema.jpg – Дата доступа: 3.04.2025.
8. Схема Смоленского региона Московской железной дороги / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://unla.webservis.ru/sprav/atlas/20/d/17/13/201713.html – Дата доступа: 9.04.2025.
9. Яндекс-сервис Карты / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/maps/ – Дата доступа: 5.04.2025.

С.Р. Фомина
ОГБПОУ «Смоленский педагогический колледж»
e-mail: lana.vzyatchenkova@mail.ru

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

ХАРАКТЕРИСТИКА ТОПОНИМОВ РОМАНА ОЛЕГА ЕРМАКОВА «РАДУГА И ВЕРЕСК»

Ключевые слова: *имя собственное, топоним, типология, Ермаков, «Радуга и Вереск».*

В статье впервые рассматриваются топонимы романа Олега Ермакова «Радуга и Вереск», предпринимается попытка типологического анализа топонимических групп. Определяется значимость анализа

топонимической лексики в художественном произведении. Предполагается, что автор использует топонимы для создания многослойного художественного пространства романа.

S.R. Fomina
Smolensk Pedagogical College

CHARACTERISTICS OF TOPONYMS IN OLEG ERMAKOV'S NOVEL "RAINBOW AND HEATHER"

Key words: *proper name, toponym, typology, Ermakov, "Rainbow and Heather".*

The article presents the first consideration of toponyms in Oleg Ermakov's novel "Rainbow and Heather", attempting a typological analysis of toponymic groups. The significance of analyzing toponymic vocabulary in a work of fiction is determined. It is suggested that the author uses toponyms to create a multilayered artistic space of the novel.

Рассмотрение топонимической лексики художественного произведения – важная составлявшая его анализа. Зачастую место действия – не просто фон для событий, которые разворачиваются в тексте. Это один из главных компонентов, который позволяет автору раскрыть во всей полноте характеры героев, дать им наиболее подробную характеристику, создать целостный и законченный образ. Изменение топоса произведения, которое можно прослеживать по функционированию топонимов, может отражать изменения героев, развитие сюжета. Поэтому можно говорить о том, что выделение топонимической лексики произведения и её анализ помогает актуализировать важные особенности художественного мира текста, понять его глубинный смысл.

Топонимическая лексика произведения Олега Ермакова «Радуга и Вереск» очень разнообразна. В первую очередь это связано с тем, что действие романа происходит в двух временных плоскостях: весной 1632 года и в феврале 2015.

Группа топонимов – вторая по количеству онимов, выделенных в романе (чаще встречаются только антропонимы), что и говорит о важности рассмотрения топонимической лексики текста и анализа места действия данного произведения.

Дадим общую характеристику системы топонимов романа «Радуга и Вереск». Всего в тексте было выделено 335 топонимов, которые можно разделить на следующие группы (примеры и количество онимов представлены в таблице 1.):

1) ойконимы (названия населенных пунктов), среди которых выделены:
   - астионимы (названия городов),
   - комонимы (названия сельских поселений);
   - названия имений и приказов;
2) хоронимы:
   - административные: названия государств;
   - административные: названия областей и регионов;
   - природные (ограниченные природные местности);
3) урбанонимы (названия внутригородских объектов):
   - городские хоронимы: названия крепостей и башен;
   - городские хоронимы: названия районов;
   - агоронимы (названия площадей и рынков);
   - ойкодомонимы (названия отдельных зданий);
   - гефиронимы (названия мостов);
   - экклеззионимы (названия религиозных сооружений);
   - момументонимы (названия памятников и мемориалов);
4) оронимы (название какого-либо рельефа земной поверхности);
5) дримонимы (названия лесных массивов);
6) инсулонимы (названия островов);
7) гидронимы (названия водных объектов):
   - потамонимы (названия рек)
   - океанонимы (названия морей и океанов)
   - пелагонимы (названия заливов и бухт);
8) дромонимы (название дорог и путей сообщения);
9) неофициальные топонимы.

Таблица. 1 – Топонимическая лексика романа «Радуга и Вереск»

Ономастические единицы романа (топонимы)		
Типы топонимов	Примеры онимов	Количество онимов
Ойконимы	Смоленск, Толедо, Орша, Птахово, Дикое Поле, Полуэктово	96
Урбанонимы	Кловка, Шейнова башня, Лучинская, Хиральда, Лужники, Зеленый мост, Верхний торг, Казанская церковь, Медный всадник	71
Хоронимы	Россия, Черногория, Польша, Московия, Белоруссия, Смоленская губерния, Жмудь, Европа, Азия	64
Гидронимы	Рачевка, Днепр, Dnieper, Висла, Березина, Скифское море, Фрижский Гаф	36
Неофициальные топонимы	Питер, Штаты, Москва-черепаха, РэФэ, Ильич, Третий Рим, Корона	27

Оронимы	Казанская гора, Гималаи, Тибет, Соборная гора	21
Дромонимы	«Дорога… из Варяг в… Греки… по Днепру», Сэвил Роу, МКАД, улица Коммунистическая	16
Дримонимы	Ливнинский лес, Катынский лес, парк Дубки	3
Инсулонимы	Родос	1

Так как действие романа происходит в двух временных плоскостях и место действия основных событий – Смоленск, место, где «сходятся «Восток и Запад» [1, 4], – топонимическая лексика романа очень разнообразна. В тексте встречаются и смоленские, и русские, и белорусские, и польские топонимы, которые автор пишет и кириллицей, и латиницей, а также использует именования, записанные на польском и белорусском языке. Выделяются также топонимы, не связанные с топосом произведения, но и важные для раскрытия характеров героев, характеристики их интересов, описания их истории.

Все топонимы также можно разделить согласно топосу произведения, наример, к описанию событий XXVII века относятся топонимы: Dnieprovscie (врата), Smolenscium, Толедо, Барысфен, Несвиж, Долгомостье, башня Veselyha и др. «Это был смоленский дворянин, оставшийся на службе у Короны после падения города в одиннадцатом году, ну, точнее, не покидать город предпочел его батюшка, бывавший в Речи Посполитой и знавший о вольностях того времени, когда его прадеды жили в городе под литвой: сто лет Smolenscium принадлежал Великому Княжеству Литовскому» [1, 117].

К описанию событий современности, например, относятся онимы: Питер, Смоленск, Можайск, башня Веселуха, Ленинград, Ленинградский проспект и др. «С тех пор его и пробила тоска по Фуджи, утоляемая отчасти мяуканьем владивостокца «Мумия Тролля» и походами в фирменные магазины в Питере или Москве. Однажды Косточкин завернул с ним в такой магазин на «Соколе», на Ленинградском проспекте, «Фуджифильм», и это был тот еще фильм!» [1, 296]

Рассмотрим каждую из выделенных групп подробнее, указав количественный состав, некоторые онимы и примеры их употребления в тексте романа.

Самая крупная группа топонимов – «Ойконимы» (96 онимов), куда входят:

– названия городов (астионимы: Рославль, Невель, Гданьск, Дорогобуж и др.) в количестве 67 онимов;

– названия сельских поселений (комонимы: Злотырыя, Спыхов, Птахово и др.) – 26 онимов;

– названия имений и приказов (Долгомостский стан, имение Полуэктово, Долгий Мост) – 3 онима.

«…А в Дорогобуж уже ни по какой дороге и не поедешь» [1, 387].

«Перед деревней Долгий Мост пан Григорий Плескачевский замешкался, не зная, свернуть ли на часок в имение тестя Никиты Чечетова…» [1, 396]

Следующая по количеству единиц, входящих в её состав, группа «Урбанонимы» (включает 71 топоним). Данная группа была дополнительно разделена на подгруппы:

– названия крепостей и башен (башня Avraamova, Лучинская, Орёл, Королевский бастион, Хиральда, Вавель, Смоленская крепость и др.) – 41 оним;

– названия районов (Кловка, Белый город) – 2 онима;

– названия площадей и рынков (агоронимы: Сан-Марко, Верхний торг и др.) – 4 онима;

– названия отдельных зданий (ойкодомонимы: Лужники, «дом купца Кубышкина с его супругою Аграфеной Кузьминичной и дочкой Наденькой», «квартира на Николаева», Кенигсбергская библиотека и др.) – 6 онимов;

– названия мостов (гефиронимы: Зеленый мост, Gruene brueke) – 2 онима;

– названия религиозных сооружений (экклеззионимы: Казанская церковь, храм Успения Девы Марии, «Дом» и др.) – 12 онимов;

– названия памятников и мемориалов (момументонимы: Медный Всадник, Танцующие часы и др.) – 4 онима.

«Ну и все остальное: дом купца Кубышкина с его супругою Аграфеной Кузьминичной и дочкой Наденькой, дом поручика Зарянова, дядюшки Кайсанова, на Козловской горе…» [1, 344]

Третья группа по количеству содержащихся элементов – «Хоронимы». Она включает 64 онима. В ней выделяется три подгруппы:

– названия государств (Россия, Мали, Непал, Индия, Речь Посполитая, Тартария, Белоруссия, Ливония и др.) – 44 онима;

– названия областей и регионов (Подмосковье, Ла-Манча, Кировская область и др.) – 10 онимов;

– природные хоронимы (Алтай, Дикий Запад, Африка и др.) – 11 онимов.

«За ним остальные, подбоченясь, всем своим видом давая понять, что никаким таким черепахам этой то ли Скифии, то ли Татарии, словом Московии, не смутить дух служителей Короны» [1, 390].

Следующая группа – «Гидронимы», она насчитывает 36 топонимов. Сюда включены:

– названия рек (потамонимы: Dnieper, Висла, Березина, Борисфен и др.) – 31 оним;

– названия океанов и морей (океанонимы: Скифское море, Ледовитый океян и др.) – 4 онима;

– названия заливов и бухт (пелагонимы: Фрижский Гаф) – 1 оним.

Следующая по численности группа – «Неофициальные топонимы», она насчитывает 27 единиц (Корона, Московское царство, царство Русское, Третий Рим, Klucz Litwy и др.)

«Или Klucz Litwy», – откликнулся смоленский дворянин Бунаков, останавливая свою пегую лошадь подле Мустафовича» [1, 110].

Группа «Оронимы» насчитывает 21 топоним, куда входят Урал, Соборная гора, Везувий и др.

«…как если бы мы оказались на склонах Везувия в момент извержения» [1, 186].

Группа «Дромонимы» включает 16 топонимов, среди которых: Ленина, Профсоюзная, «путь из моря Варягов в море Скифов» и др.

«Петр поведал историю Шеина и много добрых слов сказал о русском городе на границе, в котором сходятся Восток с Западом и через который протекают издревле пути из моря Варягов в море Скифов» [1, 724].

В группе «Дримонимы» 3 онима: Ливнинский лес, Катынский лес, парк Дубки.

«Савелій, дай мне медавухі. Сёе – выраблена пчоламі Ливнинского лесу, у які сягоння ўварваліся з сякерамі чужыя сяляне, у нашу вотчыну, што на Излуке супраць Полуэктова…» [1, 175]

Группа «Инсулонимы» включает только 1 топоним – Родос.

«Это у вас у всех она едет. Родос, Родос. Ну какой такой Родос» [1, 690].

Из типологического анализа групп топонимов, встречающихся в романе Олега Ермакова «Радуга и Вереск» можно увидеть, что автор включает и тематически, и типологически разные имена собственные в текст своего произведения.

В романе выделяется 9 больших групп топонимов. Такое количество данных онимов в тексте объясняется тем, что данные имена собственные не просто описывают место действия, но и становятся важной составляющей повествования, помогают создавать достоверную картину событий и более точно описывать образы героев.

Литература

1. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М: Наука, 1973. – 366 с.

2. Басик, С. Н. Общая топонимика / С.Н. Басик – Минск: БГУ. – 2006. – 200 с.

3. Разуваева, Е. Г. Классификация топонимов в русском языке / Е. Г. Разуваева, И. А. Пронина. // Юный ученый. –2023. – № 7 (70). – С. 1–3. –URL: https://moluch.ru/young/archive/70/3865/ (дата обращения: 12.04.2025).

Источники

1. Ермаков, О.Н. Радуга и Вереск / О.Н. Ермаков. – М.: Время, 2018. – 736 с.

Е.В. Цветкова
Костромской государственный университет
e-meil: elv15@list.ru

УДК 81'282; 81'373.2

МИКРОГИДРОНИМИЯ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ (НАЗВАНИЯ РЕЧНЫХ ИЗЛУЧИН)

Ключевые слова: *микротопонимия, микрогидронимия, географическая терминология, названия излучин, говоры костромского края, костромская микротопонимия.*

В статье рассматриваются названия речных излучин, апеллятивные и проприальные, имеющиеся в говорах Костромской области. Даётся информация о составе и распространении данной лексики, отличающейся многочисленностью и разнообразием, о некоторых особенностях её семантики, структуры и словообразования, функционирования в народной речи. Обращается внимание на то, что значительная часть названий излучин используется для обозначения разных фрагментов водного пространства, а также и иных объектов, что микрогидронимы содержат важные сведения о ставших основой для их образования географических терминах.

Ye.V. Tsvetkova
Kostroma State University

MICRO-HYDRO-TOPONYMY OF KOSTROMA REGION (NAMES OF RIVER BENDS)

Key words: *micro-toponymy, micro-toponymic hydrology, geographical terminology, names of bends, patois of Kostroma land, Kostroma micro-toponymy.*

Names of river bends, both appellative and propriative, present in Kostroma Region's patois are considered in the article. Information about composition and distribution of such lexis and about some peculiarities of its semantics, structure and word formation, about functioning in folkish speech is given; it is characterised by abundance and diversity. Attention is drawn to the fact that a significant part of names of river bends is used to designate different fragments of water space, as well as other objects; as well as to the fact that micro-hydronyms contain important information about geographic terms that have become the basis for their formation.

Излучины (изгибы, извилины, крутые повороты, закруглённые повороты, резко выраженные извилины и т. д. [7, 41; 8, 182; 1, 139; 2, 382 и др.], изгибы русла реки в плане, вынужденные и свободные – меандрирующие [12, 82] и т. д.), выделяющиеся своими особенностями и имеющие определённое значение в жизни людей, получили в говорах многочисленные и разнообразные названия, отражающие специфику данной части водного пространства и того, что находится в нём и рядом с ним, его восприятие народом, использование, отношение к нему. По происхождению это как славянская, так и заимствованная лексика (о лексике с семантикой ‘излучина реки’ в этимологическом аспекте см. [10]).

Излучины в костромских говорах имеют также несколько различных названий, представляющих эту особенность ландшафта, демонстрирующих народное видение данной реалии. Кроме повсеместно распространённых и наиболее часто используемых в речи слов ***излу́чина*** (географический термин образован от означающего изгиб, поворот корня *-лук-*/*-луч-*; об этимологии и семантической эволюции слова ***лука***, имеющего широкое распространение среди восточных славян, см. [11, 114–116], ареально-семасиологические очерки – [3, 177–190]), ***изги́б***, ***изви́лина***, ***поворо́т***, это целый ряд характеризующих излучины названий (как имеющихся в русском литературном языке, так и чаще диалектных; гидрографических терминов, представляющих плановый рисунок русла и др. [9, 134]): ***лука́***, ***излу́к***, ***излу́ка***, ***излу́чинка***, ***прилу́к***, ***прилу́ка***, ***оги́б***, ***о́гиб***, ***заги́б***, ***о́гибня***, ***оги́бня***, ***огибня́***, ***о́гибень***, ***оги́бень***, ***за́гибень***, ***заги́бень***, ***зави́лина***, ***поворо́тка***, ***за́вороть***, ***за́вороток***, ***за́воротень***, ***заво́дина***, ***заво́динка***, ***за́водь***, ***скла́дка***, ***со́мник***, ***криву́ль***, ***криу́ль***, ***криву́ля***, ***криу́ля***, ***криву́лина***, ***криу́лина***, ***кривуле́чек***, ***кри́вик***, ***криви́к***, ***кри́вец***, ***кривец́***, ***криву́шина***, ***круть***, ***кру́тцы***, ***крутцы́***, ***иско́с***, ***у́гол***, ***бу́кля***, ***букля́***, ***бу́клина***, ***бара́н***, ***рог***, ***коле́но***, ***нос***, ***ла́па***, ***ло́коть***, ***со́кол***, ***отно́га***, ***и́зголовь***, ***на́волок***, ***плёсо***, ***пле́со*** и т. п.

Это в основном названия, имеющие конкретное значение или получившие новое значение на основе метафорического переноса. Большинство из них отражает признак изогнутой формы называемых объектов (см. об этом [10, 93–95]). Из народной речи: *Где река-то поворачивает – это за́гибень* / *За́гибеней много на Унже у нас* (Шарьин.). *Зави́лина здесь в реке* (Твердислово Солиг.). *У реки там за́вороть, заворачивает* (Георгиевское Межев.). *Это в поворо́те реки Вохмы* (Песочное Вохом.). *Это на поворо́тке. Поворачивает река-то там* (Кадый Кадыйск.). *Тут у реки поворо́тка* (Парфеньево Парфен.). *Лука́ – изги́б, кривизна́, излу́чина реки* (Шарьин.). *Река-то кривится – излу́ка называется* (Калинино Костр.). *Где река-то поворачивает – это прилу́к, лука́* (Подольское Красн.). *Река делает изги́б – вот и криу́ль* (Екатеринкино Кадыйск.). *Крутой поворо́т реки, дороги – кривулина* (Елизарово Мантур.). *Изви́лина-то реки – кри́вик* (Буй Буйск.). *У́гол там река-то делает* (Вожерово Нейск.). *Бу́кля – поворо́т, изви́лина в течении реки* / *У нас вся река в бу́клях* (Курьяново Галич.).

Колéно – крутой изгиб реки, дороги (Нерехта Нерехт.). *Где поворачивает река-то, так это и наволоком зовут* (Вохма Вохом.). *Плёсо, плéсо* – р*ека тут поворачивает* (Подольское Красн.).

Сопоставление выявленной в говорах Костромской области лексики рассматриваемой тематики с материалами лексикографических трудов (СРНГ [6], областных словарей, словарей географической терминологии и др.), исследовательских работ [5; 10 и др.], подтверждает, что практически весь её репертуар известен говорам и других территорий.

Как показывают имеющиеся у нас материалы (картотека Костромского областного словаря, наши личные экспедиционные материалы, в том числе записанные по программе собирания сведений для ЛАРНГ – вопр. Л 458, СМ 432 и др. [4, 37–38]), названия излучин, отличающиеся широтой распространения в Костромской области и активностью функционирования в речи, чаще имеют древний корень *-лук-*/*-луч-* или образованы от содержащих древние праславянские корни глаголов ***гнуть***, ***вилять***, ***вертеть*** и прилагательных ***кривой***, ***крутой***.

Многие из перечисленных выше названий используются для обозначения разных фрагментов водного пространства, а также и иных объектов (и не только поворотов, например, дороги, тропы́), как напрямую связанных с речной излучиной (например: *Прилук – берег речной излучины* – Красное-на-Волге Красн., *Наволок – часть луга в излучине реки* – Вохма Вохом., *Прилук – омут у крутого берега* – Тихон Вохом.; в данном случае можно говорить о внутрисистемных вариантах, возникших в результате процессов лексической производности: название излучины реки становится названием берега речной излучины, а также того, что находится на нём, например, мест покоса, или рядом с ним, например, полей, лугов), так и имеющих какое-либо отношение к ней и в разной степени отличающихся от неё (например: *Плёсо, плесо в реке – это от одного изгиба или переката до другого, плёс* – Галич Галич.; *Тропа там криуль делает* – Калинки Судисл.; *В этом месте лес угол образует* – Калинки Судисл.; *Наволоки косили, луга это* – Солигалич Солиг.); *Шибко не разгоняйся у колéна-то* (крутой изгиб дороги)*, расшибёшься* – Нерехта Нерехт.). Сравним, например, значения слова ***нáволок***: ‘мыс’, ‘островок на реке’, ‘место у реки с наносом песка и/или мусора’, ‘нанос песка или снега’, ‘заливной луг на берегу реки’, ‘место, поросшее кустарником, небольшими деревцами’, ‘возвышенность‘, ‘дорога в лесу’ и др.

Значительная часть выявленных в говорах Костромской области названий излучин представлена в костромской микрогидронимии (и не только в наименованиях излучин). Следует отметить, что некоторые названия поворотов реки были обнаружены нами именно в микрогидронимах. Обычно они образованы в результате микротопонимизации, путём прямого перехода в них апеллятивов, например: ***Поворóт***. *Поворот – место на реке Мера. На Повороте любит отдыхать молодёжь. Здесь река*

делает крутой поворот / *Завтра все пойдут на Поворот отдыхать. Вот весело-то будет!* (Гуляевка Остров.). ***Поворо́тка***. *Поворотка – место, где река Нея резко поворачивает вправо* / *У Поворотки встретимся* (Парфен.). ***Прилу́к***. *Прилук – изгиб реки* / *Коровы пасутся сегодня за Прилуком* (Вохом.). ***О́ги́бня***. *Огибня –* м*есто, где река Вохтома делает изгиб* (Маслово Парф.). ***Кри́вик*** / ***Криви́к***. *Кривик – крутой и кривой поворот на реке. Так Кривик и зовут. На Кривике-то течение большое* (Починок-Чапков Костр.). ***У́гол***. *Угол – место, где река Шача резко меняет направление, образуя угол. Там отдыхают деревенские жители* / *Мы все у Угла собрались в тот вечер* (Меденикове Костр.). ***Крутцы́***. *Крутцы – извилина реки Чёлсма*. *До Крутцов и ходили* (Галич Галич.). ***Скла́дка***. *Складка – место на реке Ветлуга. Это около деревни Заречье (Лямино), где река делает очень крутой поворот* (Боговарово Октябр.). ***Со́мник***. *Со́мник – место на реке. Изгиб реки здесь более чем на девяносто градусов.* (Заречье (Лямино) Октябр.). ***Бара́н***. *Баран – крутой поворот на реке. На Баране-то опасное течение* / *На Баране что ли были?* (Починок-Чапков Костр.). ***Со́кол***. *Сокол – место на реке Нёмда. Это место изгиба Нёмды. Река тут делает поворот под углом девяносто градусов* (Текун Кадыйск.). ***Нос***. *Нос – поворот на реке, похожий на нос* (Котельниково Антроп.). *Нос – резкий изгиб реки. Так и зовут Нос* (Григорово Сусан.). ***Ла́па***. *Лапа – извилина на реке Виге. Находится у Новосёлова* (Судай Чухлом.). При характеристике объекта жители, как видим, в некоторых случаях обращают внимание на особенности излучин, передаваемые географическими терминами: ***кри́вик*** – крутой и кривой поворот, ***бара́н*** – крутой поворот, ***нос*** – резкий изгиб и т. д.

Вторая часть составных (обычно двухсловных) наименований содержит разнообразную характеристику объектов (по основным типам номинации: по отношению к человеку, по отношению к другим объектам, по каким-либо качествам), например: ***Пья́ный Криу́ль***. *Пьяный Криуль – один из крутых поворотов реки Вотгать* / *Поедем на зелёную на Пьяный Криуль* / *Пьяный Криуль – место для купания людей, это улица Гагарина* (Кадый Кадыйск.). *Пьяный Криуль – место отдыха людей на реке Вотгать* / *Пойдёмте на Пьяный Криуль, там посидим* (Жуково Кадыйск.). ***Оча́ков На́волок***. *Очаков Наволок – извилина реки Вохмы. Расположена в полтора километрах от Лапишино* / *В Очаковом Наволоке лещи водятся* (Лапшино Вохом.). ***Льнозаводски́е Поворо́ты***. *Льнозаводские Повороты – место купания на реке Ирдом* / *Льнозаводские Повороты – место купания людей у льнозавода, где река делает крутые повороты* (Боговарово Октябр.). ***Тре́тья Излу́чина***. *Третья Излучина – поворот на реке Якшанге* / *Мишина Яма – на Третьей Излучине реки Якшанги, метрах в четыреста от моста по дороге на Кожирово* (Заветлужье Вохом.). ***Первый Нос***, ***Второй Нос***, ***Третий Нос***. *Носа́ – повороты в реке: Первый Нос, Второй Нос, Третий Нос…* (Котельниково Антроп.). ***Чёрный Прилу́к***. *Чёрный Прилук – отрезок реки. Это место находится на реке Вочь, которая*

протекает здесь, делая большую извилину. На повороте находится глубокая яма. Из-за глубины вода в этом месте реки кажется чёрной / *А я на Чёрный Прилук люблю ходить купаться* (Маручата Вохом.). ***Большой Криу́ль***. *Большой Криуль – место на реке Нёмда, где река делает большой поворот* / *Большой Криуль есть на реке, там река поворачивает* (Екатеринкино Кадыйск.). ***Лебя́жья Изви́лина***. *Лебяжья Извилина – речная извилина. Находится на реке Вига у Новосёлова* / *Лебяжья Извилина совсем обмельчала* (Судай Чухл.). ***Кри́вая За́водь***. *Кривая Заводь – крутой поворот реки Медоза с глубоким омутом* (Заборье Остров.). Сравним (***пле́со***, ***плёсо*** – ‘участок реки между изгибами’, ‘прямой участок реки’): ***Прямо́е Пле́со***. *Это место, где река течёт прямо. Кто же на Прямом Плёсе рыбу ловит?* (Носково Октябр.). ***Разбо́йницкое Плёсо***. *Разбойницкое Плёсо- место на реке Вохма. Название от деревни Разбойница. В этом месте река прямая, без поворотов* (Песочное Вохом.).

Переходит название изгиба реки и на находящиеся в нём и рядом с ним места: ***Прилу́к***. *Прилук – глубокое место, омут на реке Вохма под Кириной горой* / *Только на Прилуке не переплывай – утонешь* (Тихон Вохом.). ***Иско́с***. *Иско́с – место в извилине реки* / *До Искоса так и дошли* (Андреевское Сусан.). ***Пле́со***, ***Плёсо***. *Место это в изгибе реки так все раньше Плесо, Плёсо и называли* (Подольское Красн.). ***Криву́ль*** / ***Криу́ль*** – покос. *Покос Кривуль – это в изгибе Микифоры* (река Никифора) *был у нас* (Екатеринкино Кадыйск.). *На Со́коле дорога грязная, только на тракторе проедешь* (Текун Кадыйск.). ***Крутцы́***. *Крутцы – крутое место у реки, которой уже не существует. Там река поворачивает* / *Вчера ходил в Крутцы на зелёную* (Вахнецы Галич.). ***Прилу́к***. *Прилу́к – озеро, которое находится недалеко от излучины реки / Сети на рыбу в Прилук поставил* (Троица Вохом.). ***Прилу́ка***. *Прилу́ка – луг по реке Покше* (Калинки Судисл.) / *На Прилу́ке была вышка барина* (Следово Судисл.). ***Криу́ль***, ***Криву́ль***. *Покос у самой реки, где она поворачивает, вот и назвали Криу́ль, Криву́ль* / *Криу́льто ещё не скосили* (Екатеринкино Кадыйск.). ***Лучи́нка***. *Лучи́нка – поле в излучине реки* / *Как хорошо всё в Лучи́нке растёт!* (Иголкино Нерехт.). В излучинах часто находятся места рыбной ловли, которые обычно получают те же названия, что и излучины, например: *Нос – рыболовное место. Тут резкий изгиб реки. На Носу хорошо клевал окунь* (Григорово Сусан.). *В Лапе хорошо ловится рыба* (Судай Чухлом.). *На Сомнике-то мы и встретились с рыбаками села Боговарова* (Заречье (Лямино) Октябр.). *На Соколе рыбу ловят* (Текун Кадыйск.). *На Искосе сети хорошо ставить* (Андреевское Сусан.). *Рыбачил я вчера на Складке на Ветлуге* (Боговарово Октябр.). *В Лапе рыбу ловят* (Судай Чухлом.). Подобного рода названия имеют также и объекты не водного пространства, характеризующиеся поворотами, например: *Криули́ – название поля, имеющее неправильную форму со множеством изгибов. Кривое всё это поле. Но не Кривули́, а именно Криули́* (Хомутово Остров.).

Наиболее продуктивными, по имеющимся у нас микротопонимическим материалам, в образовании наименований излучин и связанных с ними объектов, являются географические термины с корнем *-лук-/-луч-* и с корнями глаголов ***гнуть***, ***вертеть*** и прилагательных ***кривой***, ***крутой*** (то есть почти полностью в соответствии с составом апеллятивных названий излучин, которые чаще встречаются в костромских говорах).

В названиях того, что расположено в речных излучинах, находят отражение особенности изгибов, например: ***Кругли́ца / Округли́ца***. *Округлица – островок на реке Мера. Находится в центре посёлка. Это небольшой островок. Назван так по своеобразному изгибу реки, которая отделяет остров в виде круга от самого посёлка* (Островское Остров.). ***Змéево***. *Змеево – озеро на реке Вохме, образованное в её старом русле. Очень извилистое место, похожее на змею. Расположено около нашего посёлка* (Песочное Вохом.).

Жители связывают с излучинами названия деревень, рек, например: *Крутая Гора – бывшая деревня. Место, где раньше была деревня с таким названием. Там крутой поворот реки Ветлуга. Мы отдыхали с детьми в Крутой Горе, там было много рыбаков* (Шайменский Павин.). При этом рассказы о возникновении названия могут отличаться, например: *Локтёвка – приток Корбы. Мала у нас речка-то, мала, шириной-то всего с локоток / Локтёвка – с левой стороны от зверосовхоза. Сейчас это узкий ручей из-за стоков зверосовхоза. Локтёвка-то уж как лужа. Где моют машины, к Залужью-то. Очень тоненькая речка, узкая, в локоть шириной / Лохтёвка-то река, что у села Баран текла под горой, делала изгиб, типа локтя и впадала в реку Корбу около Судиславля. Это продолжение реки под названием Бочаги, Камешки, Ключи* (Судиславль Судисл.).

Микрогидронимы, являющиеся названиями излучин, в основном соответствуют тому, что характерно для апеллятивной лексики, на основе которой они образованы, сохраняют её, отражают её особенности, становясь ценным источником информации как об этой (географической, в том числе, что значимо, местной, терминологии), так и об иного вида (и апеллятивной, и онимической) лексике.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка. – Т. 7. – М.: Наука, 2007. – 729 с.

2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

3. Васильев, В. Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки) / В. Л. Васильев. – Великий Новгород, 2001. – 255 с.

4. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. – В 2 ч. – Ч. 1. – СПб.: изд. ИЛИ РАН, 1994. – 208 с.

5. Русская топонимия Алтая / под ред. И. А. Воробьёвой. – Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1983. – 256 с.

6. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. – Т. 1–52. – М., Л./СПб., 1965–2021.

7. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 9 – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – 271 с.

8. Словарь современного русского литературного языка. – В 17 т. – Т. 5. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. – 1919 с.

9. Соколова, А. А. Географическое пространство в народной терминологии и топонимии Русского Устья / А. А. Соколова. – Вестник СВФУ, № 6 (62). – 2017. – С. 130–141 с.

10. Теуш, О. А. Лексика с семантикой ‘‘излучина реки’’ в диалектах Европейского севера России / О. А. Теуш // RHEMA, Московский педагогический государственный университет. – 2016 г. – № 1 – С. 92–101.

11. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / отв. ред. С. Б. Бернштейн / Н. И. Толстой. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. – 360 с.

12. Чеботарев, А. И. Гидрологический словарь / А. И Чеботарев. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Л.: Гидрометеоиздат, 1978. – 308 с.

Сокращения названий районов Костромской области

Антроп. – Антроповский, Буйск. – Буйский, Вохом. – Вохомский, Галич. – Галичский, Кадыйск. – Кадыйский, Костр. – Костромской, Красн. – Красносельский, Мантур. – Мантуровский, Межев. – Межевской, Нейск. – Нейский, Нерехт. – Нерехтский, Октябр. – Октябрьский, Остров. – Островский, Павин. – Павинский, Парфен. – Парфеньевский, Солиг. – Солигаличский, Судисл. – Судиславский, Сусан. – Сусанинский, Чухлом. – Чухломский, Шарьин. – Шарьинский.

Д.С. Ширякова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: darya.shiryakova@gmail.com
Научный руководитель: В.М. Генкин,
кандидат филологических наук, доцент

УДК 821.161.3-1:811.161.1’373.2

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СБОРНИКА СТИХОТВОРЕНИЙ Д. СИМАНОВИЧА «РАДОСТЬ МОЛНИИ»

Ключевые слова: *оним, имя собственное, Давид Симанович, лирика, антропоним, топоним, теоним.*

Статья посвящена анализу ономастического пространства сборника стихотворений Д. Симановича «Радость молнии». Цель исследования – выявить функции и семантику имен собственных в сборнике, рассмотреть их как ключевой элемент поэтики автора. Актуальность данного исследования обусловлена следующими факторами: во-первых,

Давид Симанович – современный автор, чье творчество пока недостаточно исследовано; во-вторых, анализ ономастического пространства поэзии автора позволяет глубже понять его стиль, тематические приоритеты и культурные отсылки; в-третьих, собственные имена в лирике часто служат символами, связывающими личный опыт с историческим или культурным контекстом, а их анализ помогает выявить авторскую картину мира; в-четвертых, исследование может стать основой для дальнейших работ по изучению ономастики в современной поэзии.

Материалом исследования выступают имена собственные, использованные в сборнике стихотворений Давида Симановича «Радость молнии». Материал был собран методом сплошной выборки и включает в себя 733 онимических единицы, представленных четырьмя группами: антропонимами, топонимами, теонимами и именами, которые автор семантически сближает с онимами.

D.S. Shiryakova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

ONOMASTIC SPACE OF D. SIMANOVICH'S COLLECTION OF POEMS “THE JOY OF LIGHTNING”

Key words: *onym, proper name, David Simanovich, lyric, anthroponym, toponym, theonym.*

The article is devoted to the analysis of the onomastic space of D. Simanovich's collection of poems “The Joy of Lightning”. The aim of the study is to identify the functions and semantics of proper names in the collection, to consider them as a key element of the author's poetics. The relevance of this study is conditioned by the following factors: firstly, David Simanovich is a contemporary author whose work has not been sufficiently researched yet; secondly, analyzing the onomastic space of the author’s poetry allows us to gain a deeper understanding of his style, thematic priorities and cultural references; thirdly, proper names in lyrics often serve as symbols linking personal experience with historical or cultural context, and their analysis helps to reveal the author's picture of the world; fourthly, the author's poetry is based on the author's poetic and cultural background.

The material of the study is proper names used in the collection of poems by David Simanovich “The Joy of Lightning”. The material was collected by the method of continuous sampling and includes 733 onymic units represented by four categories: anthroponyms and toponyms, theonyms and names that the author semantically approximates to onyms.

«Радость молнии» – ярчайший сборник стихотворений, в котором Давид Симанович собрал, на наш взгляд, свои лучшие произведения. Это один из самых объемных и насыщенных количеством имен собственных сборник автора, который относится к позднему творчеству автора (был опубликован в 2007 году).

Всего в сборнике «Радость молнии» автор использовал 733 онима, которые можно разделить на четыре большие группы имен собственных: топонимы, антропонимы, теонимы и названия, которые поэт семантически сближает с онимами.

Рассмотрим первую группу имен собственных. Здесь автор упоминает названия городов (*Витебск, Минск, Бобруйск, Хайфа, Иерусалим, Ашкелон, Гренобль, Нетания, Москва, Париж, Марбург, Герцлия, Орша, Киев, Токио, Петербург, Бузулук, Сталинград, Тбилиси, Наровля, Саласпилс, Сухуми, Батуми, Новополоцк, Ташкент, Ленинград, Рязань, Калуга, Иваново, Кармиель, Калинковичи*), стран (*Беларусь, Израиль, Германия, Россия, Украина, Япония, Китай*), рек (*Двина, Припять, Витьба, Днепр, Сена, Волга, Арагви, Наровлянка, Даугава, Буг, Сож, Черная речка*), морей (*Средиземное море, Аральское море*), деревень (*Лятохи, Карповичи, Тешков, Хатынь, Гридни, Вербовичи, Алёновичи*), улиц (*Покровская, Большая Покровская, Замковая, Садовая*), континентов (*Европа*), гор (*Мтацминда, Машук*) и станций (*Крынки*).

Наиболее частотным по количеству использований автором онимом в этой группе является ойконим *Витебск* (33 раза): *«Библейской ночью мне мой **Витебск** снится, что сбылось и не сбылось в судьбе: Музей Шагала, молодые лица моих друзей на грозовой тропе»* («Библейской ночью мне мой Витебск снится»); *«Своею краскою особой он пишет **Витебск**, Минск, Гренобль – и мир встает неповторим, лишенный зависти и злобы»* («Художник Капелян Иосиф»); *«В древнем **Витебске** время настало: средь беды – торжество красоты»* («Судьбе было угодно распорядиться так»); *«И был рад я, что судьба связала **Витебск** с Хайфой именем Шагала»* (Как паломник, я вошел устало); *«Счастлив я, что незримыми токами в **Витебск** мир потянуло опять, и не только японцы из Токио дом Шагала хотят увидать»* («Посреди беспредела жестокого»). На наш взгляд, автор таким частым упоминанием Витебска в сборнике стихотворений показал свое признание и любовь к этому городу, где он прожил много лет, который стал ему родным.

Вторым по частоте использования в сборнике является потамоним *Двина* (25 раз): *«По Витебску осеннему брожу, **Двину** перехожу, как бы межу, что на две части город разделяла»* («По Витебску осеннему брожу»); *«И хоть дорога ее не легка, знает один Господь седой, что вернётся только через века она в свой дом над милой **Двиной**»* («Евфросиния идет в Иерусалим»); *«В городе над **Двиной** поднялись памятники сыновьям трех*

народов» («Судьбе было угодно распорядиться так»); *«Ты ее написал над **Двиной** предосенней порой у причала – и сияет она чистотой, васильковым цветеньем Шагала»* («Через тридевять рек и земель»); *«И вот-вот разольется – и во мне отзовется **Двина**»* («Уходя оглянусь»). Западная Двина – это река, протекающая в дорогом для сердца автора городе Витебск.

Третью позицию по частоте использования занимает еще один потамоним *Припять* (13 раз): *«Влюбленные спят на морском берегу, как спят в Беларуси в осеннем стогу над **Припятью** и над Двиною»* («Влюбленные спят на морском берегу»); *«Как будто в мире не прошли века – над **Припятью** торжественно светает, и в зарослях густого лозняка корова с колокольчиком блуждает»* («Есть час такой»); *«Эй, паромщик, ключи подари, чтоб не быть у теченья в полоне и уплыть далеко на пароме через **Припять** в сиянье зари»* («Молодик»); *«А где-то в городке далеком над **Припятью** в вечерний час летит, как спутник летних окон, с пластинки тенор или бас»* («Минута у старого патефона»); *«За **Припятью**, где черная ожина да зноя опьяняющего хмель, меня заворожила, закружила невиданного счастья карусель»* («За Припятью, где черная ожина»). Припять – река, на берегах которой располагается родина Давида Симановича, город Наровля. Припять для автора – это не просто река, это место, в котором время течет по-другому, где пространство пропитано красками и счастьем.

Чуть менее часто использован хороним Иерусалим (13 раз). Остальные же топонимы, представленные в сборнике «Радость молнии», использованы автором менее 10 раз.

Рассмотрим группу антропонимов. Исследуемый сборник наполнен множеством антропонимов, которые представляют собой имена известных писателей (*Пушкин, Василь Быков, Владимир Короткевич, Лев Николаич, Бродский, Тютчев, Фет, Анна Ахматова, Симонов, Окуджава, Пастернак, Генрих Гейне, Золя, Шекспир, Лев Квитко, Перец Маркиш, Мандельштам, Райнис, Руставели, Некрасов, Пимен, Гомер, Чехов, Маяковский*), художников (*Шагал, Капелян Иосиф, Модильяни, Дюрер, Кранах, Писсаро, Пэн, Малевич, Репин, Надя Рушева, Чюрлёнис, Серов, Боттичелли, Врубель*), композиторов (*Моцарт, Шопен, Брамс, Бетховен, Бах, Глинка*), царей *(Давид, Саул, Соломон*), философов (*Кант, Спиноза*), политических деятелей (*Рабин, Бен-Гурион, Сталин, Гитлер*), скрипачей (*Ойстрах, Паганини*). Среди антропонимов можно выделить и другие имена людей, которые связаны с судьбой Давида Симановича, а также имена, использованные для создания, на наш взгляд, особой атмосферы стихотворений: *Эви, Атос, Давид, Яшка, Маша, Илья, Алёна, Олеся, Тамара, Маша, Лена, Оля, Нина, Прошка, Марья, Зима, Дунечка, Дуня*.

Наиболее часто (48 раз) в сборнике встречается фамилия известного художника, судьба которого, как и судьба Давида Симановича, тесно связана с Витебском – Марка Шагала: *«И на грешной земле я уже*

никогда не встречу ту женщину средь весеннего бала, с которой была нам беда не беда в городе древнем Пушкина и ***Шагала****»* («Меня никогда уже не задержит военный патруль»); *«Зло побеждала любовью великой скрипка* ***Шагала*** *– бессмертная скрипка»* («Нежно звучала»); *«И* ***Шагал*** *с улыбкою летучей принял у друзей волшебный ключик от своей прародины любимой с витражами в Иерусалиме»* («Как паломник, я вошел устало»); *«Память Пэна, память* ***Шагала****, память всех, кого скрыла ночь, и кого судьба не сломала, и кого смогла превозмочь»* («Сам во мрак забвения канешь»).

Пушкин – оним, который располагается на втором месте по частоте использования антропонимов в сборнике (12 раз): *«И* ***Пушкину*** *народы машут с крыльца высокого вослед»* («За годом год – и век на марше»); *«Я возвращаюсь от Бродского к Тютчеву, к* ***Пушкину*** *я возвращаюсь и к Фету»* («Евфросиния идет в Иерусалим»); *«А когда грозил девятый вал, помогали выжить в лихолетье* ***Пушкин****, Короткевич и Шагал»* («Каждый день негромко провожая»); *«На семидесятом году – а это не так уже мало – вся жизнь моя на виду: от* ***Пушкина*** *до Шагала»* («На семидесятом году»); *«И опять на меня с высоты смотрит* ***Пушкин*** *светло и устало»* («Судьбе было угодно распорядиться так»).

Антропонимы в сборнике стихотворений Давида Симановича достаточно разнообразны, поэтому приведем пример использования менее часто встречающихся единиц: *«Там первые цари –* ***Саул****,* ***Давид*** *и сын* ***Давида*** *– мудрый* ***Соломон****»* («О чем моя прапамять говорит»); *«****Эви*** *рисует девочку, словно автопортрет: как ветки подходят деревцу – кудрей золотистый цвет»* («Стихи для Эви»); *«Художник* ***Капелян Иосиф*** *в свои картины переносит мир, что ликует и грустит»* («Художник Капелян Иосиф»); *«Приснился сон цветной в сиянии и славе, что ночью мы с тобой звонили* ***Окуджаве****»* («Приснился сон цветной»); *«Звали козленка* ***Яшка****, и был он чуть-чуть нахал, но ласковей и бесстрашней в детстве я не встречал»* («Звали козленка Яшка»); *«А истории зримой черты* ***Короткевича*** *муза связала, чтобы предков не стерлись следы, чтобы память потомкам сияла»* («Судьбе было угодно распорядиться так»); *«Выплывают из мрака и гама просто так, будто из ничего, молодые глаза* ***Мандельштама****, лихорадочное чело»* («Выплывают из мрака и гама»).

Третья группа имен собственных сборника представлена теонимами, среди которых наиболее часто встречается оним *Бог* (75 раз): *«Когда* ***Бог*** *смыкал усталые веки, плакали евреи на реках вавилонских – оттого кровью набухали реки»* («Из псалмов Давида»); *«Рассказывал отец, что самый стойкий и тот под пыткой выдержать не мог, когда вонзались острые иголки под ногти… и еще… помилуй,* ***Бог****»* («Рассказывал отец, что самый стойкий»); *«Не коплю я про запас ничего: под осень, может,*

*вспомнит **Бог** про нас – что-нибудь подбросит»* («Тетка Лена»); *«Однажды в сентябре, когда в мои пенаты вернулся я, и **Бог** благословил меня, почувствовал я вдруг, что снова стал крылатым»* («Однажды в сентябре»). Отметим, что этот теоним занимает первую позицию по частоте использования в сборнике «Радость молнии» в целом.

Менее часто упоминается теоним Господь (8 раз): *«Как посланье Божье и как музу, возле двери увидал мезузу, к косяку прибитую в надежде, что **Господь** входящего поддержит и спасет от муки и от жажды»* («Как паломник, я вошел устало»); *«Но и меня благословил **Господь**»* («Как мамонта, что жил в палеолите»); *«Я устал от сомнений своих и, опять встречая зарю, только **Господа** каждый миг я безмолвно благодарю»* («Из Псалмов Давида»); *«И хоть дорога ее не легка, знает один **Господь** седой, что вернётся только через века она в свой дом над милой Двиной»* («Евфросиния идет в Иерусалим»); *«Отзовись, Всевышний – и всем скажи, прошу тебя, **Господь**»* («Голос Дрейфуса из 1894 года»).

Теоним *Всевышний* в большом по объему сборнике представлен всего 5 раз: *«Видно, так и задумал **Всевышний**»* («Радость жизни обманчивым словом»); *«Только бы вспомнил **Всевышний**, что уже был он казним»* («Он добежал до канавы»); *«И знают об этом только **Всевышний** да ангел твой, продолжая полет, что из лесу жизни еще ты не вышла, и поле любви за холмом тебя ждет»* («И знают об этом только Всевышний»); *«И песню его услышал **Всевышний** – и благословил его древний плач»* («Библейского неба пламень рыжий»).

Четвертая группа имен собственных представляет собой лексемы, семантически сближающиеся с именами собственными, включая слова, написание которых с прописной или строчной буквы определяется автором или зависит от контекста: *Любовь, Дружество, Добро, Мужество, Слушатель, Читатель, Старость, Катастрофа, История, Правда, Честь, Созвездие счастья, Созвездие бед, Он, Поэт, Поэзия, Стена смеха, Стена счастья, Стена горя, Ты, Она, Родина, Поезд счастья*. Приведем пример использования таких имен собственных: *«И я слыхал, и я видал, как небо рушится – не изменял, не предавал **Любовь** и **Дружество**»* («Когда гремел девятый вал»); *«Пока я ещё живой и на тропе стиховой, спасибо, **Слушатель** мой – главный **Читатель** мой»* («Среди пальбы и борьбы»); *«И, до края сердце наполняя, мне светили **Правда**, **Честь**, **Любовь**»* («Каждый день негромко провожая»); *«Мы жили с тобой семь лет вблизи от **Созвездья счастья**, вдали от **Созвездья бед**»* («Семь дней – и пора расстаться»); *«Во все времена в звёздной купели страсти кипели – **Он** и **Она**»* («Во все времена»); *«Я хочу стихи писать в мирной тишине о труде, о **Родине**, о ее сынах, о дорогах пройденных, о счастливых днях»* («Я хочу поэтом стать»); *«Я опаздывал на **Поезд счастья** и спешил по городу ночному»* («Я опаздывал на Поезд счастья»).

Таким образом, большой по объему сборник стихотворений Д. Симановича содержит 733 онимических единицы, которые делятся на четыре группы: топонимы, антропонимы, теонимы и имена, сближающиеся с онимами. Проведенный анализ ономастического пространства сборника Давида Симановича «Радость молнии» позволяет утверждать, что собственные имена выступают не просто как фон, а как активные элементы текста, они формируют особое восприятие текста читателем. Через имена и географические названия автор создает пространство для размышлений о человеческом бытии, судьбе и связи человека с окружающим миром. Как и в предыдущих сборниках, поэт вновь акцентирует свою связь с родиной. Независимо от места создания произведений и вдохновлявших его образов, Давид Симанович неизменно обращается к названиям родных мест как к философско-художественному ориентиру [1, 89].

Литература

1. Маслова, В. А. Лингвокультурный аспект языковой личности поэта Витебщины / В. А. Маслова // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – 2013. – Т. 16. – С. 89–95.

Источники

1. Симанович, Д.Г. Радость молнии : избр. лирика шестидесятилетия, 1946 – 2006 / Давид Симанович. – Минск : Медисонт, 2007. – 320 с.

О.В. Шкиндер
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Olgashkinder@gmail.com
Научный руководитель: Т.П. Слесарева,
кандидат филологических наук, доцент

УДК 821.161.3.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВАСИЛЯ БЫКОВА «ЗНАК БЕДЫ»

Ключевые слова: *оним, имена собственные, ономастическое пространство, художественный текст, литературная ономастика.*

В статье рассматриваются имена собственные, составляющие ономастическое пространство романа Василия Быкова «Знак беды», с точки зрения их семантики и функционирования.

O.V. Shkinder
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

ONOMASTIC SPACE OF VASIL BYKOV'S WORK "THE SIGN OF TROUBLE"

Key words*: onym, proper names, onomastic space, artistic text, literary onomastics.*

The article examines the proper names that make up the onomastic space of Vasily Bykov's novel "The Sign of Trouble" from the point of view of their semantics and functioning.

«Знак беды» – это одно из наиболее известных произведений белорусского писателя Василя Быкова, написанное в 1982 году. Повесть затрагивает вечные темы войны, человеческого достоинства и морального выбора в сложных обстоятельствах.

Одной из важнейших тем «Знака беды» является предательство и верность. Говоря о человеческих судьбах на фоне исторических катаклизмов, Василь Быков заставляет читателя задуматься о том, как редко в условиях бурного времени можно встретить настоящую дружбу и поддержку. Каждый персонаж проходит через непростые испытания, и их выборы ставят под сомнение привычные представления о добре и зле.

Книга пронизана атмосферой трагизма и ужаса войны, но вместе с тем она полна надежды на возможность сохранения человечности даже в самых тяжелых условиях. Стиль Василя Быкова отличается пронзительной простотой и глубиной, что позволяет читателю не только следить за развитием сюжета, но и сопереживать героям, ощущая всю тяжесть их внутренней борьбы. А сила духа и моральная стойкость является трагическим апофеозом данной повести, главные герои принимают смерть с достоинством, не предавая свои идеалы.

«Знак беды» остается актуальным и сегодня, напоминая о том, как важно сохранять человеческое в себе, несмотря на внешние обстоятельства. Это произведение вызывает глубокие размышления о смысле жизни, вере и надежде, заставляя задуматься о важности выбора в судьбоносные моменты.

В данной статье мы рассматриваем ономастическое пространство как совокупность имен собственных, связанных между собой значением в романе.

Изучение ономастического пространства важно для понимания и анализа имен собственных, таких как имена людей, географические названия, названия организаций и т.д. При помощи его можно изучать культурное

значение, что помогает лучше понять общество и его ценности. При этом оно имеет лингвистический анализ: ономастика помогает исследовать языковые структуры и изменения в языке. Изучение ономастического пространства открывает новые горизонты для междисциплинарных исследований и практического применения в различных сферах.

Термин «ономастическое пространство» впервые был употреблен в 1969 году В.Н. Топоровым. Позже В.И. Супрун предложил использовать терминологическое сочетание «ономастическое поле», акцентируя внимание на том, что пространство как таковое лишено внутренней упорядоченности и иерархичности, свойственных полю.

Термин ономастика (от др.-греч. ὀνομαστική – 'искусство давать имена') имеет два значения. Во-первых, им обозначается раздел языкознания, изучающий собственные имена, историю их возникновения и трансформации в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием из других языков; во-вторых, – сама совокупность имен собственных. Во втором значении употребляется также термин онимия, или проприальная лексика, в свою очередь восходящий к латинскому proprius 'собственный'.

Имя в литературном произведении играет очень важную роль – ориентирует во времени и пространстве. Любое реалистическое произведение содержит имена, типовые для данной социальной группы в данную эпоху. Юмористическое произведение намеренно сгущает краски, привлекает «говорящие» имена и фамилии, не делая, однако, серьезных отступлений от норм, традиционно закрепленных за определенным сословием. В сатирических произведениях имена шаржируются. Романтические произведения используют имена, принципиально не похожие на имена окружающих, чем «заявляют» о некоторой пространственно-временной отдаленности действия от современности. По этому признаку можно определить, что у каждого произведения есть собственное ономастическое пространство, которое подходит именно ему.

Наши наблюдения, как было указано выше, построены на анализе романа В.Быкова «Знак беды», из текста которого путем сплошной выборки мы выписали 100 имен собственных, среди которых встретились антропонимы, топонимы, библионимы, хоронимы, хрематонимы и эргонимы.

Ядро ономастического пространства любого произведения традиционно занимают **антропонимы,** среди которых параллельно функционируют не только имена людей, существующих реально в изображаемом временном отрезке в том или ином социуме, но и имена вымышленных персонажей.

Из анализируемого текста нами было выписано 50 онимов указанной группы. Они выступают именами главных и второстепенных героев. Например, главные герои *Степанида* и *Петрок Богатька*, которые живут на хуторе Яхимовщина, в трёх километрах от местечка Выселки, имеют

сына *Федю,* служившего в танковых войсках, и дочь *Феню,* та учится «на докторшу» в Минске. Героев настигает Великая Отечественная война, которая быстро прокатывается на восток, приходят немцы. Наступает страшная в непредсказуемости новых бед жизнь.

Также были упомянуты и полицаи *Гуж* и *Колонденок*, которым главные герои не подчинялись, они отстаивали свою мирную жизнь. Колонденок когда-то, в пору коллективизации, был при сельсовете мальчиком на побегушках. Хотя Гуж приходится Петроку дальним родственником, он грубо унижает хозяев, требуя беспрекословного подчинения.

Мы встретили в тексте и имя пастушка *Янка*, который помог Степаниде спрятать уцелевшего поросенка, что являлось безрассудством, ведь их могли за это расстрелять: «*Будто поняв что-то, **Янка** выскочил на дорогу, окинул взглядом свое небольшое стадо*». Однако его потом застрелят на хуторе Яхимовщина.

В тексте встречается и трагическая история любви: *Вася Гончарик* после того, когда раскулачил семью своей возлюбленной девушки, застрелился: «*А ты, **Гончарик**? – вдруг уставился он в **Василя**, и Степанида сообразила, что парень не голосовал ни в первый, ни во второй раз*».

В повести были упомянуты и такие известные личности, как *Адольф Гитлер*, *Наполеон* и *Сталин*: «*Мало, что зашли далеко, но ведь **Наполеон** зашел далеко, да подавился. Не так просто проглотить такой кусище России даже с такой пастью, как у этого **Гитлера***».

В тексте мы нашли и упоминание **хоронимов,** которые являются названиями стран, например, *Белоруссия, Россия*, и **ойконимов,** обозначающих поселения, – *Выселки, Яхимовщина, Заболотье, Бараний Лог, Загрязь, Деревянка, Берестовка*: «*Испугавшись, Степанида накинула веревку на рога коровы и кустарниками подалась в **Бараний Лог***».

Одним из видов топонимов являются **астионимы** – названия городов, например, *Минск, Москва, Лепель, Полоцк, Варшава:* «*Не лежать, не ждать, не мириться – завтра же надо бежать в Выселки, в местечко, в округ, в **Полоцк**, дойти до добрых людей*». Герои искали любой способ, чтобы сбежать из оккупации, они были готовы на побег, но даже это их не спасло бы.

В тексте встречаются имена собственные, которые являются **хрематонимами**, например, «*Купалинка*», «*Казачка*», «*Лявониха*»: «*Однако Петрок не возвращался, зато из хаты певуче заструилась печальная музыка некогда любимой ее **Купалинки***». Данные имена собственные являются названиями песен и танцев, с помощью которых герои пытались поднять в себе дух борьбы с жестокими оккупантами.

В тексте встретились и **библионимы**: «Отче Наш» и Голгофа: «*Эта земелька, этот проклятый богом пригорок по прозванию **Голгофа**…*». «*Петрок невнятной скороговоркой пробубнил «**Отче наш**», чего этой*

осенью он давно уже не делал, и со вздохом перекрестился, надеясь, что, может, еще и обойдётся».

Анализируя произведения, которые написаны на тему Второй Мировой и Великой Отечественной войн, можно сказать, что одной из единственных надежд является религия, – всегда найдется герой в произведении, который до войны не верил в Бога, но во время нее будет обращаться к нему с верой в конец кровопролития.

В тексте можно найти и **эргоним** *Красная Армия* – объединение людей, организация: «*А что сын в **Красной Армии**, так разве это по его доброй воле*?». Из контекста можно понять, что многие люди и не хотели воевать, для них война стала великим крахом их счастливого будущего.

Анализируя ономастическое пространство повести Василя Быкова «Знак беды», можно сказать, что больше всего употреблено антропонимов: автор насыщает свое произведение именами вымышленных героев или известными историческими личностями, которые являются инициаторами войн. Однако произведение не может обойтись и без топонимов: при помощи них можно понять, в какой местности происходят события, главные сцены повести.

Изучение имен собственных в художественном тексте представляет собой одно из наиболее актуальных и перспективных направлений ономастических исследований. В области теоретических и прикладных исследовательских интересов оказывается достаточно сложный и неоднозначный по природе объект – имя собственное. Его внешняя, а особенно внутренняя форма заслуживают более чем пристального внимания. И имена собственные, и тексты окружают нас повсеместно. Активно исследуются вопросы, связанные с семантическим наполнением этих единиц, их видами, возможностью использования в различных языковых и речетекстовых ситуациях, происхождением, этимологией, составляются словари именников; устанавливаются даже связи между элементами внешней структуры имени с их влиянием на судьбу именованного человека и т.д.

Литература

1. Рогалев, А.Ф. Имя и образ: Художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2007. – 224 с.

2. Суперанская, А.В. Структура имени собственного /А.В.Суперанская. – М.: Наука,1969. – 220 с.

3. Ташицкий, В. Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопросы языкознания. – М., 1961. – № 2. – С. 3–11.

4. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. – Л.: Издательство ЛГУ, 1990. – 103 с.

5. Шур, В.В. Онім у мастацкім тэксце: манаграфія / В.В. Шур. – Мн.: Беларускі кнігазбор, 2006. – 216 с.

6. Шур, В. В. Онімы ў творах Якуба Коласа: паказчыкі і актуалізатары дадатковых адценняў значэння / В.В. Шур // Родн. слова. – 2006. – № 6. – С. 23–26.

В.В. Щуцкий
ОГБПОУ «Смоленский педагогический колледж»
e-mail: karusel67@bk.ru
Научный руководитель: Н.С. Соловьёва, преподаватель

УДК 81.373.2

АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ «ПОД НЕБЕСАМИ РОДИНЫ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Ключевые слова: *ономастика, оним, антропоним, топоним, художественный мир, Платонов, рассказы.*

Статья посвящена рассмотрению проблемы функционирования имён собственных в произведениях Андрея Платонова на материале сборника рассказов «Под небесами Родины». Подсчёт ономастических единиц позволяет выделить преобладающее количество онимов и на статистической основе провести анализ с точки зрения этимологии и мифологического наполнения данных единиц.

V.V. Shchutsky
Smolensk pedagogical college

THE ANALYSIS OF THE FUNCTIONS OF PROPER NAMES IN THE STORYBOOK “UNDER THE HEAVEN OF HOMELAND”

Key words: *onomastics, onym, anthroponym, toponym, art world, Platonov, stories.*

The article is devoted to investigating of the problem of functions of proper names in works by Anrey Platonov based on the matter of the storybook «Under the heaven of Homeland». Counting onomastic units allows to mark the predominant amount of onyms and on the state basement to make the analysis from the point of view of etymology and the mythical filling of these units.

Имена собственные – неотъемлемая часть почти любого художественного текста, они выделяют персонажей или объекты, имеющие своё особенное положение в произведении. Тексты русского советского писателя Андрея Платонова наполнены различными онимами, зачастую наделёнными особым смыслообразующим значением [1]. Среди прочих исследований творчества Андрея Платонова особое место занимают ономастические (Н. Б. Бугакова, Г. Ф. Ковалёв, ТФТ Чыонг). Но несмотря

на обилие различных ономастических исследований произведений Платонова, Н. Б. Бугакова в своем обзоре на «Аспекты изучения ономастики А. Платонова» отмечает, что роль имён собственных в произведении автора ещё не изучена до конца, требует системного и комплексного подхода. В данном исследовании мы пользуемся классическим пониманием ономастической науки, которое можем найти у Н. В. Подольской, и рассматриваем ее как «раздел языкознания, изучающий любые имена собственные» [3, 7]

Материалом данного исследования выступают ономастические единицы рассказов Андрея Платонова, написанных в период с 1939 по 1942 год: «Крестьянин Ягафар», «Дед-солдат», «Божье дерево», «Железная старуха», «Рассказ о мёртвом старике», «Вся жизнь», включённых в прижизненный сборник 1942 года «Под небесами Родины».

Цель исследования: выявление функций имён собственных в рассказах, вошедших в сборник «Под небесами Родины» Андрея Платонова.

Методы исследования: формальные методы литературоведения: количественный анализ ономастических единиц, сравнительный анализ текстов, контекстуальный анализ этимологии онимов.

Количественный анализ ономастических единиц показал следующие числовые данные: всего в сборнике использовалось 39 различных онимов на 532 словоупотребления. Единицы разделились на две группы: антропонимы – 25 слов на 511 словоупотреблений, и топонимы – 13 слов на 20 употреблений, вне этих групп стоит, условно названная, «Организации», в которой 1 слово и 1 словоупотребление (Красная армия). Антропонимы включают в себя: имена (17 слов, 383 употребления), отчества (1 слово, 1 употребление), фамилии (4 слова, 123 употребления), прозвища (3 слова, 4 употребления); топонимы включают в себя: ойконимы (6 слов, 12 употреблений; среди них «сёла» – 4 слова, 9 употреблений и «города» – 2 слова, 3 употребления), гидронимы (1 слово, 1 употребление), оронимы (2 слова, 2 употребления), хоронимы (3 слова, 4 употребления; среди них «страны» – 2 слова, 3 употребления и «области» – 1 слово, 1 употребление), урбанонимы (1 слово, 1 употребление).

Самой многочисленной и частотной стала группа антропонимов, а именно имён и фамилий. Интересно, что в каждом произведении сборника количество употреблений имени или фамилии главного персонажа во много раз превышает количество употреблений прочих онимов. Так, например, в рассказе «Вся жизнь», имя главного персонажа Акима употребляется 121 раз и ближайшие по количеству употреблений онимы – Надя (19 раз) и Иванушкина (5), далее Меловатка и Панька (2), Старая Сосна, Акимовый, Дунька, Сенька, Филька, Криндачевка, Конёк-Горбунок (по 1 разу). Подобную ситуацию встречаем в рассказе «Дед-солдат» (главный герой Алёша – 45 употреблений, ближайшее

Ай-Гитлер – 2 употребления), «Божье Дерево» (фамилия главного героя Трофимов – 60, ближайшее Степан, его же имя – 9), «Рассказ о мёртвом старике» (главный герой Тишка – 77, ближайшие Отцовы Отвершки и Петрушка – по 3); в рассказе «Железная старуха» в целом только один оним, имя главного персонажа – Егор (65). Эта тенденция может говорить о закономерном подчёркивании роли главных героев, названных выше произведений, а также о том, что мир вокруг персонажа условен, не требует конкретизации. Отдельным и любопытным случаем можно считать рассказ «Крестьянин Ягафар», так как имя главного героя, вынесенное в заглавие, называется всего 33 раза, что меньше, чем фамилия Петра Фёдоровича Беспалова, появляющегося и пропадающего на протяжении произведения (56). Интересно именно то, что в данном рассказе Ягафара называют именем нарицательным – «бабай»: «Он был самым старым человеком в районе, а может быть, и во всей Башкирии, и его звали всего чаще не по имени – Ягафар, а по старости – бабаем, что означает по-башкирски дедушка, старик» [10]. И употребление слова «бабай» становится более частотным, чем имя Ягафар – 84 употребления. Таким образом, акцент сдвигается с имени персонажа на признак, которым он обладает, на старость. Ягафар из-за своей старости не смог пойти на войну и помогать там, из-за чего чувствовал себя виноватым, и в тексте старость приобретает отчетливое значение немощи, например, когда Ягафар спрашивает у своей жены: «А на войну я гожусь?»; на что она отвечает: «На войну ты не годишься. У тебя кость от старости жёсткая, ты сразу побежишь на врага твоего, споткнёшься и сломаешься. На войну нужны люди хрящеватые – чтоб его тронули, поувечили, а он опять сросся и опять живой. А ты теперь ломкий» [там же]. Встречается также и единичное употребления слова «Бабай» именно с заглавной буквы: «Здравствуй, генерал Бабай!» – говорит Беспалов, когда после долгой разлуки появляется в гостях у Ягафара [там же]. Написание слова «бабай» с большой буквы может быть связано с тем, что Ягафар становится председателем колхоза, что ранее пророчил ему Беспалов, и подобное написание слова «бабай» как бы сопровождает переход статуса героя из немощного старика в управляющего, обладающего властью. Фамилия Беспалова же употребляется часто, так как он является важным персонажем, благодаря которому в сознании Ягафара случается перелом – Беспалов объясняет, что помогать красноармейцам можно и находясь в деревне, выращивая хлеб и следя за скотом.

Отдельное внимание стоит уделить этимологии наиболее употребимых имён. Тенденцию к вплетению происхождения имени в сюжет произведения также отмечают ономасты. Так, например, в повести «Река Потудань» Платонов называет главного героя, солдата, вернувшегося с войны, Никитой: «Никита – из греч. никетас – победитель. Писатель,

конечно, не случайно именует этого героя Никитой. Никита возвращается домой победителем с Гражданской войны, потому что “война прекратилась”» [12, 64]. Схожую ситуацию мы видим в произведении «Дед-солдат», где дедушка и внук Алёша защищают свою деревню от нападения немецкого танка, прорубив плотину, затопив вооружённую машину. Алёша – производная форма от имени Алексей, что от греч. alexō – защищать [5]. Значимым представляется использование в рассказе уменьшительной формы имени, поскольку рядом с внуком действует дед. Вообще же в художественном мире Платонова детей довольно часто зовут полными именами.

В рассказе «Железная старуха» мальчика Егора мать напугала рассказом о том, что по ночам бродит железная старуха: «Ты что там не спишь, бормочешь, шутоломный какой, – сказала она и подоткнула одеяло под ноги Егора. – Спи. А то железная старуха ходит в поле в темноте, она ищет тех, кто не спит, и с собой уводит» [9]. Но Егор уходит из дома на поиски железной старухи: «Пойду, до всего дознаюсь, – решил Егор. – Что там ночью, кто старуха?». Странствуя, он забрёл в овраг, где уснул и где ему приснилась железная старуха, которую он пытался убить, залепив её глаза глиной. Когда же он очнулся, его уже несли «тёплые руки» матери, которой он пообещал победить старуху. Имя Егор, полная форма – Георгий, может быть мифически связано с «Чудом о змии» про Георгия Победоносца: как Георгий победил змия, пожирающего детей, так и Егор противостоял железной старухе, связанной со смертью. Тут мы видим соприкосновение двух образов: Егор – Георгий Победоносец и железная старуха – змий, порождённые этимологическим контекстом онимов.

Этимология ранее упомянутого имени Ягафар восходит к тюркскому имени Джафар и является его татарской версией. Имя означает реку, ручей [4, 115]. Как правило, носителями этого имени являются мусульмане. Его этимология в произведении может быть связана с упоминанием Магомета (пророка Мухаммеда): «В гостях же ему говорили, что его жизнь теперь в том, чтобы собираться на тот свет, поближе к Магомету». В Исламе существует предание о том, что Магомет получил откровение из источника, в котором он набирал воду в кувшин, и кувшин не успел переполниться, а Магомету показалось, что за это время он совершил целое паломничество [2]. В таком виде эта история возникает в классической русской литературе, в частности – в ряде романов Ф. Достоевского. Семантика реки, ручья может раскрываться как нечто подвижное, наполненное жизнью, и, таким образом, имя Ягафар может противопоставляться немощному бабаю, что также выражается в финальных словах персонажа, после того, как он понял «как получить из ветра тепло»: «Ты дурак, бабай, – сказал он в поучение самому себе. –

Солнце гоняет ветер по земле, – значит, в нём сила солнца есть. Из ветра обратно можно тепло брать…» [10].

В «Рассказе о мёртвом старике», главный герой по имени Тишка один единственный остаётся в селе, в которое скоро придут немцы, так как он отказывается уходить и оставлять родимый дом, где он вырос: «И дедушка Тишка, чувствуя скорое окончание жизни, не хотел отдаляться от родных людей: с кем он жил вместе на свете, с теми он желал и в могилке рядом лежать» [11]. Так он один выходит против немцев в рукопашный бой, не веря, что его может настигнуть смерть. Но немец выстреливает в дедушку и тот приникает к земле: «– Совладаю! – решил Тишка, вовсе слабея, и, уже тоскуя от немощи, сонно и равнодушно подумал о смерти: “Зря помираю: мне ещё не время, – будь бы время!”» [там же]. Интересно то, что позже вечером дедушка просыпается, происходит символическое воскрешение персонажа, переход его в иное состояние, что выражается дальше другой фразой, когда оправившийся Тишка подстерегает немца и убивает его: «– Убитых боитесь, а с живыми воевать пришли! – сказал Тишка врагу. – Эка малоумные какие!» [там же]. В конце концов дедушка прослыл в деревне, как «мёртвый старик», которого невозможно одолеть и собирает вокруг себя партизанский отряд. Семантика смерти и оживления в данном случае тесно связана с этимологией имени персонажа: Тишка – производная форма от имени Тихон, от греч. tychōn, что означает «удачный» [5]. Таким образом, создаётся устойчивая связь между избежанием смерти и детерминацией, удачей.

Интересен случай и с многократным употреблением фамилии главного героя – Степана Трофимова из «Божьего дерева». Трофимов тоже уходит на войну, где погибает в бою с немцем и, как в случае с Тишкой, восстаёт, осознав, что ещё рано умирать: «– Зря ты, смерть, пришла, ты обожди – я потом помру», «Он очнулся вскоре. Сердце его слабо шевелилось в груди». Но просыпается он в плену, где отказывается выдавать информацию; после этого его сажают в импровизированную тюрьму – старый колодец, где он принимает решение отдать жизнь во спасение своей матери и земли. Он нападает на первого же, вошедшего к нему немца и вместе с ним погибает. Здесь же семантика имени и фамилии менее очевидна: Степан, от греч. stephanos – венец, а фамилия Трофимов, происходит от имени Трофим, образованного, в свою очередь, от греч. trophimos, то есть кормилец или питомец [там же]. Возможно, данный этимологический контекст онимов создает аллегорию на подвиг Иисуса Христа через семантику венца (терновый венец) и питомца, как агнца, приносимого в жертву: помимо того, что Трофимов воскресает, он отдаёт свою жизнь во имя долга.

Интересно и то, что у многих важных персонажей нет ни имени, ни прозвища, есть иные «сакральные» слова, которыми они нарекаются,

например: дедушка, мама или, в произведении «Железная старуха», сама старуха. Это как раз может быть связано с тем, что наделение персонажа именем собственным сразу добавляет важную для повествования семантику, как видно из примеров выше; а слова «дед», «мама» могут быть необходимы в их прямом значении терминов родства. Но есть и промежуточные случаи, когда в произведениях однократно появляются имена, которые не являются смыслообразующими. Например, братья и сёстры Акима в произведении «Вся жизнь»: «Пускай дома хлеба больше останется, тогда мать с отцом наедятся получше и братья с сёстрами, Паньке и Дуньке, Сеньке и Фильке моя доля прибудет» – думает главный герой [7]. Данное перечисление, возможно, необходимо для того, чтобы показать величину семьи и её однообразность: ко всем именам добавлен пренебрежительный суффикс -к-, в то время, как их брат – Аким выходит из данного ряда, выделяется. Любопытен и случай двукратного упоминания Пушкина в произведении «Божье дерево», в моменте, когда Степан Трофимов попадает в немецкий плен в избе-читальне, где видит портрет Пушкина: «И ты здесь со мной! – прошептал Трофимов Пушкину» [6].

Кроме того, среди антропонимов интересны отдельные, менее частотные употребления. Например, прозвища. Не считая уже упомянутого «Бабая», есть ещё два интересных случая: В рассказе «Дед-матрос», когда Алёша замечает немца, то он говорит деду, что это неприятель, на что тот противится: «Какой он неприятель? Он фашист Ай-Гитлер! Неприятели раньше были, они были в крымскую, в турецкую кампанию… А это просто так себе, одна гадюка…» [8]. В данном случае через оним выражается не просто «сущность» персонажа фашиста, но и определённое к нему отношение, своего рода категоризация, которая должна выделить немца из ряда прочих «неприятелей», как бы обособить его. Происходит обобщение образа, что ни немец, так Гитлер – их правитель и диктатор, но ещё и с выражающей настроение приставкой «Ай». Другой пример появляется в произведении «Вся жизнь», где мальчик Аким уходит из дома и попадает в избу к горбатой старушке: «На Конька-Горбунка похожа! – подумал Аким, вспомнив сказку, которую читала ему сестра Панька» [7]. Дальше мальчик думает о том, что старушка немощная и ничего не может делать, а, значит, зря живёт, но дальнейшие размышления его приводят к обратному – раз родилась, значит, должна жить. В данном случае происходит обыкновенное сравнение по признаку, что роднит этот случай (как и случай с бабаем, который получил такое прозвище «по-старости») с предыдущим: персонажи нарекаются прозвищами для того, чтобы выделить какую-то доминанту в их облике или сущности.

Подводя итог анализа антропонимикона в сборнике рассказов «Под небесами Родины», можно выделить несколько функций имён собственных:

1) наделения имён главных героев определённым символическим смыслом, который прослеживается вместе с этимологией имени, соответственно, если нужно сместить акцент на что-то другое, например, родство, автор персонажей не именует;

2) прозвища используются редко, но появляются, как инструмент для выделения доминанты в образе персонажа.

Топонимы в сборнике имеют менее обширные функции. Они могут использоваться для обозначения географического места действия, например, как Башкирия и город Ямаул в рассказе «Крестьянин Ягафар». Данное обстоятельство помогает нам интерпретировать общий культурологический контекст, так как, в этом же тексте упоминается имя самого Ягафара, татарское слово «бабай» и Магомет, святой пророк для исповедующих ислам татар. Могут топонимы использоваться и для противопоставления: в том же тексте Беспалов спрашивает у Ягафара, почему тот такой нервный, на что он отвечает, что нервный не он, а «Это в Уфе нервные: когда ещё война в Абиссиинии была, в Уфе лук подорожал. Вот там нервные!..» [10]. Или же, в тексте «Вся жизнь», когда Акима спрашивают откуда он, то он отвечает, что нездешний, из Меловатки [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что ономастические единицы в текстах сборника «Под небесами Родины» Андрея Платонова не являются случайными и следуют за определённой тенденцией, позволяющей иначе взглянуть на текст. Можно сказать, что наименования вплетаются в нить повествования и становятся частью общего смысла произведений Андрея Платонова.

Литература

1. Н. Б. Бугакова, Аспекты изучения ономастики А. Платонова : научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Москва, 2012–2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-izucheniya-onomastiki-a-platonova/viewer (дата обращения: 28.04.2025).

2. П. В. Алексеев, Ф.М Достоевский и кувшин Магомета : научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Москва, 2012–2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-i-kuvshin-magometa/viewer (дата обращения: 28.04.2025).

3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: «Наука»., 1978. – 199 с.

4. Сагаутдинов, Ш. Ш. Татарские имена: происхождение, значение, примеры / Ш. Ш. Сагаутдинов. – Алматы., 2011. – 569 с.

5. Словарь русских имён Петровского : Грамота.ру. – Москва, 2000–2025. – URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-russkih-imyon (дата обращения: 28.04.2025).

6. Творчество Андрея Платонова : Божье дерево. – Москва, 2011–2025. – URL: https://platonov-ap.ru/novels/bozhie-derevo/ (дата обращения: 28.04.2025).
7. Творчество Андрея Платонова : Вся жизнь. – Москва, 2011–2025. – URL: https://platonov-ap.ru/novels/vsya-zhizn/ (дата обращения: 28.04.2025).
8. Творчество Андрея Платонова : Дед-солдат. – Москва, 2011–2025. – URL: https://platonov-ap.ru/novels/ded-soldat/ (дата обращения: 28.04.2025).
9. Творчество Андрея Платонова : Железная старуха. – Москва, 2011–2025. – URL: https://platonov-ap.ru/novels/zheleznaya-staruha/ (дата обращения: 28.04.2025).
10. Творчество Андрея Платонова : Крестьянин Ягафар. – Москва, 2011–2025. – URL: https://platonov-ap.ru/novels/krestyanin-yagafar/ (дата обращения: 28.04.2025).
11. Творчество Андрея Платонова : Рассказ о мёртвом старике. – Москва, 2011–2025. – URL: https://platonov-ap.ru/novels/rasskaz-o-mertvom-starike/ (дата обращения: 28.04.2025).
12. Чыонг, ТФТ. Ономастические особенности в рассказе А. Платонова «Река Потудань» / ТФТ. Чыонг // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 63–66.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авдевнина О.Ю.	3	Кунтыш М.Ф.	183
Бароўка В.Ю.	10	Леванцэвіч Л.В.	189
Баушына Ю.У.	16	Лесков А.А.	195
Бояркина М.С.	21	Мезенко А.М.	201
Бугакова Н.Б.	27	Михайлин И.А.	209
Бут-Гусаім С.Ф.	32	Мізерыя К.С.	213
Вардомацкий Л.М.	37	Мухина Я.Д.	218
Василькова М.В.	43	Никифорова О.В.	223
Винокуров Е.О.	50	Пагуляй Е.А.	229
Гапонова Ж.К.	54	Переход О.Б.	234
Гладкова А.А.	65	Перцева С.А.	243
Годуйко Л.А.	71	Петрачкова И.М.	248
Голомидова М.В.	76	Петрова В.А.	253
Горегляд Е.Н.	82	Попов С.А.	257
Грабилова Е.Ю.	87	Прищепа М.М.	261
Денисенко Т.С.	94	Радзюль В.Ю.	266
Дзядова А.С.	100	Разумов Р.В.	271
Дорофеенко М.Л.	106	Рыбаков В.Е.	277
Зайцава К.А.	111	Сачек О.В.	282
Зуева Е.А.	116	Семянькова Г.К.	288
Ивашина Н.В.	125	Сироткина Т.А.	294
Калюта А.М.	130	Скуридина С.А.	297
Катермина В.В.	136	Слесарева Т.П.	65
Кириллова А.В.	87	Соловьёв А.Н.	302
Ковалёва А.Д.	141	Танкевич Ю.А.	71
Ковалёва Е.В.	148	Фомина С.Р.	308
Копач О.И.	153	Цапова А.В.	148
Кормилаева А.А.	158	Цветкова Е.В.	314
Королёва И.А.	163	Ширякова Д.С.	320
Краснова Л.А.	167	Шкиндер О.В.	326
Кришнева П.М.	179	Шурупова М.В.	243
Крученкова Т.Н.	173	Щуцкий В.В.	331
Кулишова П.А.	179	Эржибова Д.А.	3

Научное издание

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных статей

Технический редактор *Г.В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *Л.В. Рудницкая*

Подписано в печать 15.05.2025. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,76. Уч.-изд. л. 21,55. Тираж 28 экз. Заказ 64.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.